

Latvijas Universitātes
Filoloģijas fakultāte

Žanna Bormane

**ANTROPONĪMI LITERĀRĀ TEKSTA TULKOJUMĀ
(A. PUŠKINA DAIĻRADE LATVIEŠU UN VĀCU VALODĀ)**

**Антропони́мы в переводе художественного текста
(творчество А. С. Пушкина на латышском и немецком языках)**

Darba zinātniskais vadītājs
Dr. philol. Igors Koškins

Promocijas darbs
filoloģijas doktora grāda iegūšanai
valodniecības zinātņu nozares
salīdzināmās un sastatāmās valodniecības apakšnozarē

Rīga 2006

Содержание	Стр.
Содержание	2
Введение	5
Лингвистическое изучение поэтического творчества А. С. Пушкина	10
Глава 1. Антропонимы в языке, речи, художественном тексте и переводе	20
1. Антропонимы в языке и речи	20
1.1. Имя собственное (ИС) и его специфика в языке и речи	20
1.2. Антропонимы в русском, немецком и латышском языках	26
1.2.1. Изучение антропонимов русского, латышского и немецкого языков	27
1.2.2. Сопоставление антропонимических систем русского, латышского и немецкого языков	30
1.2.3. Прагматика антропонимов	40
2. Антропонимы в художественном тексте	43
2.1. Специфика художественной речи и ИС	43
2.2. Функции ИС в художественном тексте	49
3. Антропонимы в переводе	54
3.1. Проблемы передачи ИС на другом языке	55
3.2. Специфика передачи антропонимов в переводе	60
3.3. Переводы и переводчики А. С. Пушкина на немецкий и латышский языки	63
3.3.1. Переводы А. С. Пушкина на немецкий язык	63
3.3.2. Переводы А. С. Пушкина на латышский язык	70
Глава 2. Антропонимы в переводах сказок и поэм А. С. Пушкина на немецкий и латышский языки	77
1. Антропонимы в тексте поэмы «Руслан и Людмила» и в текстах переводов	78
1.1. Общая характеристика антропонимикона	78
1.2. Передача антропонимов в переводах	79
1.2.1. Имена главных персонажей	79
1.2.2. Имена второстепенных персонажей	84
1.2.3. Упоминаемые имена	98
1.2.3.1. ИС, связанные с темой античности	98
1.2.3.2. ИС, связанные с фольклором и древнерусской литературой	113
1.2.3.3. ИС группы «Авторы и персонажи»	117
1.2.3.4. ИС, связанные с темой Востока	123
1.2.3.5. ИС, не включенное в группы	126

2. Антропони́мы в сказках А. С. Пушкина и в текстах переводов	129
2.1. Общая характеристика антропонимикона	129
2.2. Передача антропонимов в переводах	129
2.2.1. Имена главных персонажей	130
2.2.2. Другие имена сказок	146
2.2.3. Имя, названное только в переводах	160
3. Антропони́мы в романтических поэмах А. С. Пушкина и в текстах переводов	164
3.1. Общая характеристика антропонимикона	164
3.2. Передача антропонимов в переводах	165
3.2.1. Имена главных и второстепенных персонажей	165
3.2.2. Упоминаемые имена	175
3.2.3. Имена посвящения, эпиграфа и примечаний	183
4. Антропони́мы в поэме «Граф Нулин» и в текстах переводов	191
4.1. Общая характеристика антропонимикона	191
4.2. Передача антропонимов в переводах	191
4.2.1. Имена главных персонажей	191
4.2.2. Имена соседей и слуг	199
4.2.3. Имена, связанные с темой французской моды	207
5. Антропони́мы в поэме «Полтава» и в текстах переводов	219
5.1. Общая характеристика антропонимикона	219
5.2. Передача антропонимов в переводах	219
5.2.1. Имена главных персонажей	220
5.2.2. Имена исторических лиц	228
5.2.3. Библейские имена	241
5.2.4. ИС эпиграфа и примечаний	243
6. Антропони́мы в поэме «Домик в Коломне» и в текстах переводов	251
6.1. Общая характеристика антропонимикона	251
6.2. Передача антропонимов в переводах	251
6.2.1. Имя главной героини	251
6.2.2. Имена близких и домочадцев	253
6.2.3. ИС, связанные с темой античности	257
6.2.4. Имена писателей и художников	260
6.2.5. Имена полководцев	263
7. Антропони́мы в поэме «Медный всадник» и в текстах переводов	266

7.1. Общая характеристика антропонимикона

7.2. Передача антропонимов в переводах

7.2.1. Имена вымышленных персонажей

7.2.2. Имена реальных лиц поэтического текста

7.2.3. Имена предисловия и примечаний

Заключение

Список анализируемых антропонимов

Источники

Литература

Словари, энциклопедии, справочники

Сокращения

Введение

Данная работа посвящена анализу функционирования литературной антропонимии в сказках и поэмах А. С. Пушкина и в переводах этих произведений на немецкий и латышский языки.

К антропонимам мы относим любые собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, прозвища, псевдонимы. Совокупность антропонимов данного языка образует его антропонимию [Подольская 1988: 33]. Под литературным антропонимом мы будем понимать антропоним художественного произведения.

Материалом исследования являются тексты сказок и поэм А. С. Пушкина («Руслан и Людмила», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о царе Салтане...», «Сказка о мертвой царевне...», «Сказка о золотом петушке», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Граф Нулин», «Полтава», «Домик в Коломне», «Медный всадник») и их переводы на немецкий и латышский языки.

Объект исследования – антропонимы в художественном тексте. Роль имени собственного (ИС) в поэтическом и прозаическом текстах имеет существенные различия. Поэтому мы останавливаемся лишь на одной системе художественной речи – поэзии. Стихотворный язык как язык емкий, концентрирующий на минимальном пространстве максимум смыслов, представляется в этом отношении крайне интересным для перевода. Из всего же поэтического наследия А. С. Пушкина мы останавливаемся именно на сказках и поэмах, т.к. они обладают еще и сюжетом и, следовательно, изобилуют антропонимами.

Рассматриваемые нами переводы относятся к различным этапам освоения творчества А. С. Пушкина: переводы, выполненные при жизни А. С. Пушкина; переводы, выполненные в XIX веке; переводы, выполненные в XX веке. Это позволяет проследить, как изменялось отношение переводчиков к проблеме передачи литературных антропонимов в зависимости от времени создания перевода.

В работе используются переводы, включенные в три основных издания А. С. Пушкина на латышском языке: *A. S. Puškina raksti* (Сочинения А. С. Пушкина) под редакцией Х. Дорбе [Puškins 1937], *Izlase* (Избранное) [Puškins 1949] и *Kopotī rakstī piecos sējumos* (Собрание сочинений в пяти томах) под редакцией Ю. Ванагса [Puškins 1968], а также «Кавказский пленник» в переводе К. Айзпурса [Puškins 1950] и «Домик в Коломне» в переводе А. Пленснерса [Puškins 1949a].

Переводы на немецкий язык, используемые в работе, – это переводы, включенные в *Ausgewählte Werke* (Избранные произведения) под редакцией Й. Гюнтера [Puschkin 1949],

Ausgewählte Werke in vier Bänden (Избранные произведения в четырех томах) под редакцией В. Нойштадта [Puschkin 1950], *Ausgewählte Werke* (Избранные произведения) под редакцией Г. Рааба [Puschkin 1999], *Alexander Puschkin's Dichtungen in 2 Bänden* (Поэзия Александра Пушкина в двух томах) в переводе Р. Липперта [Puschkin 1840], *Alexander Puschkin's poetische Werke* (Поэтические произведения Александра Пушкина) в переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854], *Dichtungen von Puschkin und Lermontow* (Поэзия Пушкина и Лермонтова) в переводе А. Ашарина [Puschkin 1877], а также переводы отдельных произведений А. С. Пушкина, выполненные К. Ф. фон дер Боргом [Puschkin 1823], А. Вульффертом [Puschkin 1823a], А. Лупусом [Puschkin 1898], Э. Вальтером [Puschkin 1962] и К. Боровским [Puschkin 2001].

Актуальность темы определяется:

- Актуальностью в современной русистике проблемы «Пушкин и мировая культура», а также проблемы рецепции творчества А. С. Пушкина за пределами России.
- Недостаточной исследованностью специфики культурного пространства Балтии XVIII – XIX веков (первые переводчики А. С. Пушкина на немецкий язык – это балтийские немцы).
- Необходимостью разработки теоретической и практической базы переводоведения как смежной дисциплины, находящейся на стыке литературоведения, лингвистики, культурологии.
- Интересом к литературной антропонимии в современных филологических исследованиях [Калинкин 1999, 1999a], [Debus 2001], [Pieciul 2003] и др., вызванным необходимостью всестороннего исследования этой области ономастики.

Еще В. В. Виноградов писал, что «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных и характеристичных функциях... не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [Виноградов 1963: 38].

Из всего богатства литературной антропонимии наиболее изучены сегодня «говорящие» имена, т.е. имена, семантически прозрачные, созданные автором для характеристики объекта номинации, подчеркивающие и преувеличивающие его качества [Подольская 1988: 109]. Что касается антропонимов в языке и стиле А. С. Пушкина, то существуют многочисленные замечания по поводу отдельных имен, детальный ономастический анализ антропонимов в прозе А. С. Пушкина проведен в диссертации И. В. Мурадян [1988], вопросам лексикографии ИС у Пушкина посвящены работы

О. С. Крюковой [1999] и В. М. Калинкина [1999а], но целостный анализ всей антропонимии пушкинских произведений еще не осуществлен.

Цель работы составляет исследование особенностей передачи литературных антропонимов в сказках и поэмах А. С. Пушкина в переводах на немецкий и латышский языки. Постановка данной цели вызывает необходимость решения следующих задач:

- обозначить языковые особенности антропонимических систем русского, немецкого и латышского языков;
- выявить особенности антропонимов в тексте художественных произведений А. С. Пушкина;
- сравнить антропонимическую номинацию в пушкинских текстах с антропонимической номинацией в переводах на немецкий и латышский языки;
- выявить возможные способы передачи антропонимов в переводе художественного текста;
- проследить, как связана передача антропонимов в переводах с жанровой спецификой текста, с творческой индивидуальностью переводчика, со временем создания перевода.

Цели и задачи работы определили выбор следующих методов исследования: описательного, сопоставительного, метода контекстного анализа, количественного, функционального и метода интерпретации текста. Описательный метод в данном исследовании заключается в описании и анализе антропонимов как единиц художественной речи в формальном и семантическом аспекте. Сопоставительный метод состоит в сравнении антропонимической номинации в оригинале с антропонимической номинацией в переводах на немецкий и латышский языки. Метод контекстного анализа заключается в анализе антропонимов как единиц минимального и широкого контекста. Количественный метод проявляется в учете роли частотности антропонимов в художественном тексте. Функциональный метод в нашем исследовании – это выявление функций антропонима в художественном тексте. Метод интерпретации текста, т.е. проведение лингвостилистического анализа текста и ориентация на извлечение идейно-эстетического смысла, привлекается в нашем исследовании при анализе семантики и функций антропонимов в сказках и поэмах А. С. Пушкина.

Теоретическая значимость работы заключается в проведенном сопоставительном анализе антропонимических систем русского, латышского и немецкого языков, а также в анализе передачи в переводе антропонимов как элементов художественного текста (на примере русского, латышского и немецкого языков).

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования в теоретическом и практическом курсе перевода, в курсе теории

художественной речи, в спецкурсах, посвященных антропонимике, языку и стилю А. С. Пушкина.

Апробация работы.

Основные положения данного исследования были изложены в докладах на международной научной конференции «Взаимодействие языков и культур: русский язык в коммуникативном пространстве новой Европы» (Рига, 2005), на 1-ой, 2-ой и 3-ей международных конференциях «Немецкий язык и литература в Балтии» (Рига, 2002, 2004, 2006), на международном научном семинаре «Традиции славистики в Балтии» (Латвийский университет, Рига, 2003), на 40-ой и 41-ой конференциях памяти А. Озолса в Латвийском университете (2004, 2005), на международной конференции «Я. М. Р. Ленц и немецкая литература в Балтии XVIII – XIX века» (Рига, Тарту, 2001), на международной конференции «Сравнительное литературоведение в Восточной Европе и мире. Теории и интерпретации» (Латвийский университет, 2003), на международных конференциях молодых филологов-славистов в Латвийском университете (2001, 2002, 2003), на международных конференциях молодых филологов в Тартуском университете (Эстония, Тарту, 2003, 2005).

Структура работы.

Работа состоит из введения, обзора *Лингвистическое изучение поэтического творчества А. С. Пушкина*, двух глав и заключения. Во введении обосновывается выбор темы и ее актуальность, формулируются цель, задачи и методы исследования.

В обзорной главе *Лингвистическое изучение поэтического творчества А. С. Пушкина* характеризуются основные работы по лингвистическому изучению творчества А. С. Пушкина, рассматривающие стихотворный язык.

В первой главе *Антропонимы в языке, речи, художественном тексте и переводе* определяется специфика ИС в языке. Как и другие слова языка, ИС могут быть исследованы при помощи лингвистических методов. Но в то же время ИС тесно связаны с социологическим, историческим, этнографическим фоном, что необходимо принимать во внимание, чтобы понять специфику ИС в языковой системе и речи. Антропонимический материал каждого языка системно организован. В данной главе предлагается краткий сопоставительный анализ антропонимических систем трех языков (русского, латышского, немецкого). Антропонимические системы названных языков ранее много исследовались, но не рассматривались в сопоставительном аспекте, а такое сопоставление является, на наш взгляд, необходимой базой для анализа антропонимов в художественных текстах и их переводах. Далее рассматривается специфика ИС в художественной речи, в которой все

подчинено реализации авторского замысла, и анализируются функции, которые может выполнять ИС в художественном тексте, реализуя авторский замысел.

Затем описываются проблемы передачи ИС в переводе, которые связаны с проблемами межъязыкового и межкультурного заимствования, рассматриваются виды соответствий при передаче ИС в переводе, которые выработались в переводческой практике. Отдельное внимание уделено описанию переводов и переводчиков А. С. Пушкина на немецкий и латышский язык.

Во второй главе *Антропонимы в переводах сказок и поэм А. С. Пушкина на немецкий и латышский языки* анализируются антропонимы оригинала и их эквиваленты в переводах. Логикой научного исследования определяется необходимость обратиться к тексту оригинала как к детерминанте, т.е. определяющему фактору [Латышев 2000: 49], деятельности переводчика, поэтому анализ эквивалентов предваряет каждый раз общая характеристика антропонимов рассматриваемого текста. Анализ осуществляется по следующему плану:

- 1) Антропонимы поэмы «Руслан и Людмила»
- 2) Антропонимы сказок
- 3) Антропонимы романтических поэм
- 4) Антропонимы поэмы «Граф Нулин»
- 5) Антропонимы поэмы «Полтава»
- 6) Антропонимы поэмы «Домик в Коломне»
- 7) Антропонимы поэмы «Медный всадник».

В заключении обобщаются основные результаты исследования в свете поставленных научных задач.

Лингвистическое изучение поэтического творчества А. С. Пушкина

Количество исследований, посвященных изучению творчества А. С. Пушкина, на сегодняшний день очень велико. Ниже мы охарактеризуем основные работы по лингвистическому изучению творчества А. С. Пушкина, рассматривающие стихотворный язык, т.к. привлекаемые в дальнейшем для анализа в нашей работе произведения А. С. Пушкина относятся к его поэтическому творчеству. Исключение будет сделано для работ, посвященных ИС в творчестве А. С. Пушкина, где будут кратко охарактеризованы исследования ИС в том числе и в прозе.

Индивидуальная языковая картина мира творящего автора находится в центре современных исследований художественной речи. Но в отношении стиля А. С. Пушкина не потеряли своей актуальности и фундаментальные работы В. В. Виноградова, написанные еще в первой половине прошлого века - *Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка* [1935]; *Стиль «Пиковой дамы»* [1936]; *Стиль Пушкина* [1941].

Центральной мыслью в трудах В. В. Виноградова является мысль о **синтезирующем характере пушкинского творчества**: «Проблема синтеза национальной и европейской стихии привела поэта к разработке «сокровищ живого слова». В национально-бытовом дворянском просторечии, не зараженном «французской болезнью», и в простонародном языке, к которому примыкали и «мутные, но кипящие источники» народной поэзии и памятники древнерусской письменности, Пушкин увидел структурную основу русского национально-литературного языка. Синтез трех основных языковых категорий – церковнославянской, европейской и национально-русской – по мысли Пушкина должен был опираться на представление о языке «хорошего общества»... как об идеальной норме литературного выражения» [Виноградов 1935: 454].

В исследованиях, посвященных А. С. Пушкину и русскому языку, отмечается, что А. С. Пушкин является **создателем русского литературного языка** и родоначальником новой русской литературы [Виноградов 1935; 1941], [Винокур 1991а], [Колесов 1999], [Томашевский 1990а] и др. В. В. Колесов [1999] отмечает выдающуюся роль А. С. Пушкина в становлении норм современного русского литературного языка и подчеркивает, что, благодаря Пушкину и его творчеству, к середине XIX века русский язык существовал уже совершенно в новом качестве: не в форме параллельных в своем развитии «языков» (русского и церковнославянского), а в форме системы из трех измерений - соотношение языка, стиля и нормы, в которые входило каждое слово текста.

В работе Ю. Н. Тынянова [1969] показано, что А. С. Пушкин явился в Эпоху, когда литературный язык еще не был устойчив, когда велись споры (между архаистами и новаторами) по вопросам языка. Как отмечает Г. О. Винокур [1991a], А. С. Пушкин явился создателем тех норм литературного языка, которые легли в основу его современного состояния, не только при помощи своего творчества, но и благодаря своим взглядам на язык, засвидетельствованным его высказываниями и теоретическим заметкам.

Б. М. Гаспаров [1999: 72-75] считает, что предпосылку для возникновения творческой системы, «уникальной по своей поливалентности и способности к сплавлению и переплетению всех компонентов, служивших для нее материалом», какой стала творческая система А. С. Пушкина, составила особая культурная ситуация России пушкинской эпохи, когда происходила «синхронизация русской и общеевропейской культурной жизни». Так, развитие русской литературы в первой четверти XIX века представляло собой «стремительное сближение во времени с европейскими литературными процессами, от которых она к началу данного периода была отделена почти полустолетним временным промежутком». Поэтому «контрастные, отрицающие друг друга фазы литературного процесса, смена которых на европейской сцене занимала десятилетия, чередовались с головокружительной скоростью на протяжении нескольких лет» [Гаспаров 1999: 74].

В работах о языке и стиле А. С. Пушкина акцентируется **постепенное становление индивидуального стиля поэта** [Виноградов 1941], [Винокур 1991a; 1991b], [Ильинская 1970], [Томашевский 1990a] и др. В раннем творчестве - это использование чужого образа как «общего поэтического достояния» [Виноградов 1941: 123], «щеголеватая» фразеология, подчиненная нормам салонно-светского этикета [там же: 139]. В формах романтического стиля А. С. Пушкин открывает «новые средства для художественного выражения мятежной личности» с ее изменчивыми настроениями и впервые, по словам В. В. Виноградова, в истории русского самосознания разрабатывает область субъектно-экспрессивных форм речи. Это наиболее ярко видно в стихотворении «К морю» (1824), где море выступает как «символическое зеркало свободолюбивого и своенравного поэта». Образ моря рисуется в мужском роде (*Но ты выиграл, неодолимый; Ты ждал, ты звал*), а также вбирает в себя образы «властителей дум» Наполеона и Байрона [1941: 51-52].

Слово в стиле А. С. Пушкина постепенно перестает быть символической абстракцией, ему возвращается его «историческая конкретность» и «бытовая подвижность», а с 1822-1823 годов основное вещественное значение слова никогда в пушкинском стиле не погасает до конца, а всегда предполагается как фундамент для дальнейших смысловых изменений. А. С. Пушкин иронизирует по поводу метафорических стилей, где переносное

значение разрушает или нарушает основное предметное значение. Так, по поводу перифразы у Кюхельбекера

*Я всегда в уединении
Пас стада главы моей,
Вас, созданья вдохновенья,
Сны и грезы, и виденья!*

А. С. Пушкин задается в своем письме вопросом: «Пас стада главы моей (вшей)?», разоблачая тем самым двусмысленность перифразы [Виноградов 1941: 17-21].

Развитию многозначности слова способствует прием «изобразительной эллиптичности» [там же: 63]. Например, при изображении самоубийства черкешенки в «Кавказском пленнике» «за занавесом прямых значений угадывается трагический предмет»:

*Вдруг волны глухо зашумели,
И слышен отдаленный стон...
На дикой брег выходит он,
Глядит назад, брега яснили
И, опененные, белели;
Но нет черкешенки молодой
Ни у берегов, ни под горой...
Всё мертво... на берегах уснувших
Лишь ветра слышен легкой звук,
И при луне в водах плеснувших
Струистый исчезает круг.
Всё понял он... [IV: 100]¹.*

Подлинный стиль А. С. Пушкина рождается, по словам Б. В. Томашевского [1990а], в работе над «Евгением Онегиным», где стираются границы между языком поэзии и языком прозы, стих сближается с прозой, что требует отказа от условных украшений и сближает поэзию с просторечием.

Ряд исследований по языку и стилю А. С. Пушкина посвящен **проблеме наследования традиции XVIII века** в творчестве поэта [Винокур 1991b], [Ильинская 1970; 1971]. Традиция русского литературного языка, сложившаяся к середине XVIII века, не была отринута А. С. Пушкиным. Г. О. Винокур [1991b] показал, что существенным традиционным элементом в стихотворном языке ранних произведений А. С. Пушкина

¹ Здесь и далее цитаты из произведений А. С. Пушкина даны по изд.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10тт. Ленинград, 1977-1979.

являются так называемые «поэтические вольности», узаконенные нормами классицизма и характеризующие, преимущественно со стороны мифологии (например, употребление мифологических имен *Амур*, *Феб*, *Цитерея* и др. в функции поэтической условности), русский стихотворный язык XVIII- первой половины XIX века. В зрелом творчестве А. С. Пушкина наблюдается, по Г. О. Винокуру, процесс отмирания «вольностей».

Г. О. Винокур подчеркивает, что А. С. Пушкин не стремился к созданию нового языка, он создал **новое отношение к старым средствам языка**, как к высоким (в основном – славянизмам), так и к сниженным. Эта же мысль развивается в работах А. Д. Григорьевой [1969], Н. Н. Ивановой [1969], И. С. Ильинской [1970; 1971]. И. С. Ильинская показывает, что в раннем творчестве А. С. Пушкина высокие славянизмы (при наличии стилистически нейтрального варианта) используются в основном в качестве удобных версификационных вариантов, что соответствует традиции «поэтических вольностей», а в зрелом творчестве употребление славянизма соответствует определенному художественному замыслу. Например, слово *тиит* (при наличии нейтрального *поэт*) используется в раннем творчестве в рифмах с глаголом в третьем лице (*стит*, *томит*, *воспарит* и т.п.), с соответствующими формами существительных (*тиита* – *Демокрита*, *тиит* – *Аонид*), а слово *поэт* – в рифмах с другими существительными (*поэт* – *кабинет*, *поэту* – *рассвету* и т.п.). В зрелом творчестве А. С. Пушкина употребление слова *тиит* стилистически мотивировано: оно служит одним из средств воссоздания стиля определенного поэтического жанра или речевой манеры определенной эпохи и среды (стихотворение «Памятник», «Борис Годунов»). С другой стороны, слово *тиит* может употребляться шутливо-иронически, например, в «Евгении Онегине»: *Какой-нибудь тиит армейский / Здесь подмахнет стишок злодейский*.

В работах, посвященных поэтической фразеологии А. С. Пушкина [Иванова 1969], [Григорьева 1969], также отмечается, что поздний и ранний Пушкин – это две разных поэтических системы. Пушкин-лицеист использует перифрастические модели в их реализации, типичной для карамзинистов, модифицировавших модели, унаследованные от классицизма (например, нейтральное поэтическое сочетание для обозначения поэта *сын Феба* могло быть представлено у карамзинистов как *чадо Феба*, *дитя Феба*, *пасынок Феба*, где стилистическая окраска сочетания определялась выбором опорного слова). В раннем творчестве есть примеры обращения А. С. Пушкина и к немодифицированным перифрастическим моделям классицизма, что определялось «высокой» темой (ср. «Воспоминание в Царском селе»). В целом отмечается, что удельный вес перифрастических и описательно-метафорических сочетаний в поэзии раннего А. С. Пушкина чрезвычайно высок и что поэт прибегает к наиболее устойчивой форме

выражения принятых фразеологических моделей [Григорьева 1969]. В зрелом творчестве Пушкин привлекает старые трафаретные фразеологизмы и символы, делая установку на их традицией закрепленную экспрессию, на стилистическую окраску, опирающуюся на их контекстную соотнесенность в прошлом. Например, в «Евгении Онегине» поэтическая фразеология, культивируемая карамзинистами, при ее высокой концентрации играет важную роль в формировании языкового образа Ленского [Григорьева 1969: 291].

Новое отношение к старым средствам языка, о котором писали Г. О. Винокур [1991b], А. Д. Григорьева [1969], Н. Н. Иванова [1969], И. С. Ильинская [1970; 1971], соотносится с одной из центральных идей В. В. Виноградова, также связанной с синтезирующим характером пушкинского творчества. Это идея о художественном мышлении А. С. Пушкина как «мышлении литературными стилями» [Виноградов 1941: 480]. Разнообразные стили мировой литературы представляли боевой арсенал освоенных поэтом художественных форм, при посредстве которых он воплощал различные темы и сюжеты. А. С. Пушкин творчески использовал стили русской народной поэзии, стиль летописи, Библии, Корана, стили Тредьяковского, Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хвостова, Жуковского, Батюшкова, Баратынского, Кюхельбекера, Языкова, Давыдова, Гнедича, Байрона, Шенье, Горация, Овидия, Вордсворта, Шекспира, Мюссе, Беранже, Данте, Петрарки, Хафиза и др. [там же: 484]. Причем к активному владению самыми разнообразными стилями А. С. Пушкин приходит через пародию [там же: 485], пройдя путь от условного формализма ранних стилизаций до свободного пользования всем разнообразием литературных стилей и культур.

Б. М. Гаспаров указывает на такую особенность синтеза в пушкинском поэтическом языке всех явлений, накопленных творческой памятью поэта в процессе его личностной и художественной эволюции: «Притягиваясь к какому-либо феномену – будь то эстетическая или политическая идея, художественный образец, или круг человеческих связей, - Пушкин немедленно облакает это свое устремление в форму демонстративного иронического отталкивания ... Художественный мир Пушкина на все откликается – и ни во что не включается полностью; ничто не отвергает и ни с чем полностью не отождествляет себя; ни на чем окончательно не останавливается и ничто окончательно не покидает» [Гаспаров 1999: 80-81].

Одной из примет стиля А. С. Пушкина В. В. Виноградов называет субъективную изменчивость, подвижность слова [1941: 86]. Причем многообразие «субъектных оболочек речи» могло выражаться не только в смене говорящих лиц, но и в одновременном сплетении разных точек зрения, как, например, в стихотворении «Бесы» или в «Евгении Онегине», где постоянно переплетаются точка зрения автора и Онегина

[там же: 93]. **Идея полисубъектной структуры пушкинского текста** развивалась в работах Ю. М. Лотмана [2000], показавшего, что реалистические произведения

А. С. Пушкина строятся по системе диалога или полилога на уровне стиля, лексико-семантических систем, жанровых моделей и интонаций («Евгений Онегин»).

Ю. М. Лотман обратил внимание также на «спонтанный диалогизм» романтических поэм А. С. Пушкина, который создается наличием рядом со стихотворным определенным прозаическим текстом (предисловий, примечаний), посвященного той же теме и дающего другую точку зрения на тот же объект [Лотман 2000а: 230].

Ряд лингвистических исследований творчества А. С. Пушкина посвящен **языковому и стилистическому анализу отдельных произведений** или их групп [Никольский 1949], [Сорокин 1977], [Григорьева 1981] и др. В этих работах показано, что сопоставление основного текста и предварительных набросков позволяет проследить пути формирования окончательного варианта в пушкинском тексте [Сорокин 1977], [Григорьева 1981].

Н. М. Никольский [1949] показал особенности языка сказок Пушкина на разных языковых уровнях – фонетическом, лексико-фразеологическом, морфологическом, синтаксическом.

В работе А. Д. Григорьевой [1981], проанализировавшей лирику А. С. Пушкина 20-30-х годов, основное внимание сосредоточено на языковой структуре и композиции текста, лексическом и фразеологическом его составе, синтаксисе, лексической организации, иногда звукописи. Работа Ю. С. Сорокина [1977] представляет собой стилистический комментарий к стихотворению А. С. Пушкина «Анчар». По словам Ю. С. Сорокина, зачинателем этого жанра среди лингвистов следует признать академика

В. В. Виноградова, предложившего в своих работах о языке и стиле А. С. Пушкина ряд интересных интерпретаций таких стихотворений, как «Телега жизни», «Талисман», «Сожженное письмо» и др.

Для лингвистического изучения творчества А. С. Пушкина особое значение имеет **Словарь языка Пушкина в четырех томах**. Издание словаря заняло пять лет (1956-1961). В его составлении принимали участие многие выдающиеся исследователи:

Г. О. Винокур, В. Н. Сидоров, В. В. Виноградов (ответственный редактор),

С. Г. Бархударов, Д. Д. Благой, Б. В. Томашевский, С. М. Бонди и др. [Плотникова 2000].

Издание словаря стало определенной вехой на пути изучения языка А. С. Пушкина.

Второе издание словаря [2000] включает в себя *Словарь языка Пушкина в четырех томах* [1956–1961], дополненный *Новыми материалами к Словарю Пушкина* [1982],

приведенными в разделе "Дополнения к словарю". Это наиболее полный и теоретически разработанный словарь языка писателя. Как указывается в предисловии ко второму изданию [Плотникова 2000], в словаре описывается более 20000 слов русского языка,

встречающихся в художественных и публицистических произведениях А. С. Пушкина, а также в его письмах и деловых бумагах. Для каждого слова разработана словарная статья, в которой показано число случаев его употребления в текстах А. С. Пушкина, сформулированы его значения, проиллюстрированные цитатами и снабженные полным перечнем словоупотреблений, содержащим указание на грамматические формы и ссылки на все тексты, в которых встречается данное слово; отдельно показано функционирование слова в составе фразеологических сочетаний. Каждый том содержит также приложения, в которых представлен справочный аппарат книги.

Особое значение в рамках нашего исследования приобретают работы, посвященные изучению ИС в творчестве А. С. Пушкина. Большинство работ, рассматривающие ИС или – конкретнее – интересующие нас антропонимы в произведениях А. С. Пушкина, - это статьи или небольшие заметки об отдельных ИС. Из работы М. С. Альтмана [1964] видно, что синтезирующий характер пушкинского творчества как основная черта его индивидуального стиля проявляется и в наборе ИС, которые встречаются в его произведениях. М. С. Альтман называет А. С. Пушкина великим любителем собственных имен [1964: 377]. Когда А. С. Пушкин, например, описывает «круг чтения» Евгения Онегина:

*Стал вновь читать он без разбора,
Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочел скептического Бея,
Прочел творенья Фонтенеля... [V: 157], -*

то понятно, что это перечисление характеризует героя и что оно во вкусе и стиле поэта.

М. С. Альтман приводит примеры того, как А. С. Пушкину удастся использовать ИС для удачной шутки и неожиданной остроты. Это хорошо видно в его письмах и эпиграммах. К П. А. Вяземскому он обращается: «Мой пряник Вяземский», об актере Глухарева он пишет: «...слышу... драммоторжественный рев Глухо-рева», издателей «Северной пчелы» он называет «северными шмелями», Греча и его друзей – «грачами-разбойниками» и др. [Альтман 1964: 378].

М. С. Альтман показывает, что наименование героев занимает важное место в арсенале художественных приемов А. С. Пушкина. Так, в тексте «Евгения Онегина» появляются такие строки:

*Я думал уж о форме плана,
И как героя назову [V: 29].*

Иногда А. С. Пушкин сам поясняет мотивы, которыми он руководствовался при наименовании героя (см., например, в «Евгении Онегине» – об имени *Татьяны*, в «Медном всаднике» – об имени *Евгений*).

В статье В. И. Чернышева [1970] показано, откуда пришли в пушкинские сказки имена таких персонажей, как *Салтан*, *Гвидон*, *Дадон*, *Чернавка*. В статье В. В. Лопатина и Э. А. Григоряна [1985] предметом внимания становится ИС *Черномор*, в статье Е. Р. Уссар [1997] – звукосемантизм ИС в раннем творчестве А. С. Пушкина, в сообщении М. И. Шапира [2001] – имя няни *Татьяны Лариной* («Евгений Онегин»).

О некоторых ИС в прозе А. С. Пушкина написано в уже упомянутой статье М. С. Альтмана [1964]. ИС «Повестей Белкина» рассмотрены в работе Ю. А. Карпенко [1981]. Детальный анализ антропонимов в прозе А. С. Пушкина проведен в диссертации И. В. Мурадян [1988]. И. В. Мурадян исследует выбор Пушкиным антропонимических номинаций и констатирует, что А. С. Пушкин опирается в своем выборе на общенародную антропонимию – дает своим героям имена и отчества из реального именника, наиболее частотные в описываемую эпоху, а вымышленные фамилии строит по реальным антропонимическим моделям (*Миронов* – от календарного имени с суффиксом *-ов*, *Томский* – от топонима с суффиксом *-ск-* и т.д.). В диссертации рассматривается влияние экстралингвистических факторов на выбор имени персонажа и показывается, что антропоним или его определенная форма могут служить средством социальной, возрастной, национальной характеристики. И. В. Мурадян отмечает случаи использования А. С. Пушкиным специфических свойств литературной антропонимии, связанных с актуализацией этимологического (в терминологии И. В. Мурадян, вслед за работами М. В. Карпенко [1970] и В. А. Никонова [1965] – доантропонимического) значения. Однако отмечается, что для А. С. Пушкина не характерен прием «лобовой характеристики» персонажа через ИС, характеристика осуществляется на уровне ассоциаций (например, фамилия *Швабрин* произведена от слова *швабра* и тем самым вызывает ассоциации с чем-то грязным и низменным). В работе рассмотрено использование А. С. Пушкиным имен исторических деятелей, которые тоже относятся к литературной антропонимии. В отдельной главе рассмотрено функционирование антропонимов в прозаических произведениях А. С. Пушкина в таких речевых структурах, как авторская речь и речь персонажей. При этом указывается, что авторской номинации героев художественных произведений свойственна нейтральность в противоположность экспрессивно-окрашенным именованиям героев в речи персонажей.

В рамках нашего исследования представляет интерес и диссертация С. Н. Переволочанской [1997], посвященная мифологическим именам в языке Пушкина.

С. Н. Переволочанская рассматривает вопросы, связанные с традиционным употреблением мифологической символики в творчестве Пушкина, ее функции и эстетическую значимость, раскрывает семантическое своеобразие мифонима (мифологического имени) как средства символического обозначения и описывает смысловой потенциал мифонимов в поэтическом и прозаическом языке А. С. Пушкина. С. Н. Переволочанская заключает, что смысловая энергетика мифологического имени усиливается контекстом употребления. Например, своеобразие сочетаемости мифонима в тексте приводит к семантическому сдвигу при взаимодействии разнородных стилистических стихий (*наездник дряхлого Пегаса*). С. Н. Переволочанская приходит также к выводу о том, что употребление мифонимов имеет не только жанровую, но и ярко выраженную тематическую закреплённость. Семантические поля, представляющие в пушкинском творчестве самый большой срез мифонимов, - это «творчество», «любовь», «красота», «вино-веселье», «судьба».

В отдельную группу можно выделить исследования, посвященные **проблемам лексикографии ИС** произведений Пушкина. Предварительно необходимо отметить, что в *Словаре языка Пушкина в четырех томах* [2000], как об этом сказано в разделе «Содержание и построение словаря», не помещаются ИС реальных лиц и героев художественных произведений (личные имена, отчества и фамилии), а также географические названия, если только они не употреблены Пушкиным в нарицательном или переносном значении. Отступление в этом отношении сделано для ИС античной, библейской и христианской мифологии, играющих обычно в творчестве Пушкина определенную стилистическую роль, а также для условно-поэтических имен (*Лиды, Лилета* и др.).

В год 200-летнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина были изданы две работы, посвященные вопросам лексикографии ИС произведений А. С. Пушкина. Это работа В. М. Калинкина [1999а], на материале творчества А. С. Пушкина рассматривающего проблемы теории и практики лексикографии поэтонимов (т.е. ИС художественного текста), и работа О. С. Крюковой [1999], представляющая собой ономастикон (т.е. словарь ИС) романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Словарная статья ономастикона содержит заголовок, указание на частоту употребления слова в тексте романа, энциклопедическое толкование, ссылку на комментарии к «Евгению Онегину» Н. Л. Бродского, Ю. М. Лотмана, В. В. Набокова и другие справочные источники, перечень употреблений всех ИС в «Евгении Онегине» с указанием главы и строфы [Крюкова 1999: 9-10].

Вопрос о представлении ИС в словарях языка писателей следует признать проблемным и актуальным. Интерес к данному вопросу отчетливо заметен в современных

исследованиях. Полные толково-энциклопедические словари ИС созданы на горьковском материале: приложение к *Словарю автобиографической трилогии М. Горького* [1975], выпуск первый *Словаря повести М. Горького "Фома Гордеев"* [1990], создан словарь, включающий в себя личные имена и их производные, выбранные из произведений десяти выдающихся русских поэтов: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой - *Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имен* [2003]. *Ономастикон романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»* является шагом на пути к созданию словаря ИС произведений А. С. Пушкина, который стал бы логичным дополнением *Словаря языка Пушкина в четырех томах* [2000].

Лингвистическое изучение поэтического творчества Пушкина широко представлено в диссертационных исследованиях последнего десятилетия. Они посвящены особенностям лексики и семантики [Кашковская 1995], [Кулакова 2000], [Медведева 2002], [Садчикова 1993], [Соловьева 1995], [Чернявская 2001], [Чхендзе 1992], [Шмелева 2004], фразеологии [Цэрэндорж 2005], грамматики [Марсакова 2001] в текстах А. С. Пушкина, языковой картине мира А. С. Пушкина в целом [Салимова 2000], взаимодействию русской и французской речевых стихий в языке поэта [Савина 2001], пушкинскому слову в интертекстовой динамике [Сидоренко 1999], лингвистическим проблемам перевода поэтических произведений А. С. Пушкина [Соколов 2004], [Шмелева 2004] и др.

Завершая обзор работ, посвященных лингвистическому изучению поэтического творчества А. С. Пушкина, отметим, что индивидуальная языковая картина мира творящего автора находится в центре современных исследований художественной речи. В работах о языке и стиле Пушкина красной нитью проходит мысль о синтезирующем характере пушкинского творчества. В языке Пушкина образовали органичное единство церковнославянизмы, европеизмы, элементы живой русской национально-бытовой речи, а стили мировой литературы составили арсенал художественных форм, при посредстве которых поэт воплощал различные темы и сюжеты. Синтезирующий характер пушкинского творчества как основная черта его индивидуального стиля проявляется и в выборе и функционировании ИС, которые встречаются в его произведениях. В. В. Виноградов отмечал, что Пушкин широко пользуется ИС как характеристическими символами: «Дней новейших Тредьяковский», «Влюблен, как Буало» и др. [1941: 376]. Какие функции выполняют ИС, а конкретнее – антропонимы в сказках и поэмах А. С. Пушкина, как это связано с авторской картиной мира и как это может быть передано в переводах, мы рассмотрим в главе *Антропонимы в переводах сказок и поэм Пушкина*.

Глава 1. Антропонимы в языке, речи, художественном тексте и переводе

1. Антропонимы в языке и речи

1.1. Имя собственное (ИС) и его специфика в языке и речи

Особое положение имен собственных (ИС) в языке и их отличие от нарицательных отмечалось исследователями с древнейших времен. Попытки теоретически обосновать эти различия столь же стары, но и по сей день нет единого мнения по многим вопросам, связанным с ИС, их значением, функционированием, передачей при переводе.

Термин *имя собственное* - русская калька с лат. *nomen proprium* (ср. нем. *Eigenname*, фр. *nom propre*, англ. *proper name*). В латыни этот термин калькирован с греч. *ὀνομα κέριον*.

Имена предметов подразделяются на собственные и нарицательные в зависимости от характера номинации, т.е. связи между формой и содержанием словесного знака. Про имена нарицательные говорят в лингвистике, что они обладают классифицирующей номинацией (обозначают класс предметов или какой-то отдельный предмет внутри этого класса), а ИС выполняют функцию индивидуализирующей номинации, т.к. служат для особого индивидуального обозначения предмета [Ермолович 2001: 9].

В. М. Калинин пишет, что общим местом практически всех обзоров, касающихся природы и семантики ИС, является вывод о множестве различных, не сводимых воедино точек зрения [1999: 158]. А. В. Суперанская [1973] предлагает обзор точек зрения на статус ИС в языке. Отсутствие единой, общепринятой концепции ИС, по ее мнению, во многом объясняется различием исходных положений и методов их создателей, а также тем, что поиски велись порой в противоположных направлениях. Тем не менее, сравнение различных взглядов позволило А. В. Суперанской выявить попарно противоположные теории, основанные на связи имени с понятием и именуемым объектом [1973: 88]:

- 1) Теории, согласно которым ИС не имеют значения в отличие от нарицательных, означающих предмет и подразумевающих атрибут (Милл);
- 2) Теории, согласно которым ИС имеют большее значение, чем нарицательные (стоики, римский грамматик IV века Диомед, Суит, Есперсен, Бреаль);
- 3) Теории, согласно которым каждое имя исключительно индивидуально (стоики, Дионисий Фракийский, Аполлоний Дискол, римские грамматик Диомед, Донат, Консентий, грамматик Пор-Рояля, Суит);
- 4) Теория, согласно которой все ИС – синонимы (Тоггебю);
- 5) Теория произвольности ИС (Есперсен, Кристоферсен, Гардинер);

6) Теория строгой мотивированности ИС (восходит к греческой теории «по природе»; возрождается в XX в. как противоположная теория произвольности) [Суперанская 1973; Болотов 1972; Калинин 1999].

Специфика значения ИС может быть рассмотрена в рамках общей теории языковых значений, т.к. ИС тоже являются языковыми знаками. О природе знака, о процессе семиозиса – процессе, в котором нечто функционирует как знак – писал Ч. У. Моррис [Моррис 2001]. Согласно Ч. У. Моррису, этот процесс включает три составляющих: то, что выступает как знак; то, на что указывает знак; воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком. Эти три компонента Моррис называет *знаковым средством* (sign vehicle), *десигнатом* (designatum), *интерпретантой* (interpretant), а в качестве четвертого фактора может быть введен *интерпретатор* (interpreter). В процессе семиозиса Ч. У. Моррис выделяет три измерения: семантическое, прагматическое и синтактическое, а изучение этих измерений называет соответственно семантикой, прагматикой и синтактикой. Семантика изучает отношение знаков к их объектам, прагматика – отношение знаков к интерпретаторам, синтактика – отношение знаков друг к другу.

Слово является языковым знаком, поэтому лексическое значение слова соотносится с тремя измерениями семиозиса. В лингвистике получила широкое распространение концепция значения, понимаемого как отношение знака с обозначаемой им сущностью (денотатом), с выражаемым им понятием или представлением (сигнификатом), с теми, кто пользуется знаками, а также с другими знаками, которая восходит к идеям Ч. Пирса [Пирс 2000]. Эти отношения между словом, понятием и предметом обычно схематически изображаются в виде «семантического треугольника». Отношение знака к обозначаемой вещи образует его денотативное значение, отношение знака к выражаемому понятию – сигнификативное значение, отношение между знаком и говорящим – прагматическое значение, отношение знака к другим знакам на парадигматической оси – его дифференциальное значение, или значимость, а его отношение к другим знакам на синтагматической оси – синтагматическое значение, или валентность [Никитин 1988: 34].

Вопрос о денотате и сигнификате в отдельном слове детально рассмотрен в работах [Уфимцева 1974, 1986], [Комлев 1969] и др. Отмечают, что в одних словах (например, в абстрактных существительных) сильнее представлено сигнификативное значение с ориентацией на понятие, а в других (например, конкретных существительных) преобладает денотативный компонент [Митрофанова 1997], [Степанов 1981] и др.

М. В. Никитин [1988] выделяет два основных компонента значения:

1) когнитивный – ориентированный на объективированное знание о мире в его существенных связях и зависимостях;

2) прагматический – ориентированный на структуры сознания, отвечающие за субъективную оценку переживаемого человеком с точки зрения ценностей и интересов.

В когнитивном значении можно выделить два компонента: контенциональный и экстенциональный (контенционал обозначает содержание, а экстенционал – объем понятия), а контенциональное значение имеет две разновидности – сигнификативное значение и денотативное значение. Употребляясь в сигнификативном значении, имя ориентируется на класс, на то общее, что есть у предметов данного класса, и замыкает свое контенциональное значение признаками класса. Употребляясь в денотативном значении, имя ориентируется на вещь, открывает место признакам единичного [Никитин 1988: 31].

Согласно М. В. Никитину, лексическое значение слова может сочетать в своей структуре оба компонента – когнитивный и прагматический, а может ограничиться одним из них [1988: 58]. Примерами слов, лексическое значение которых включает оба компонента, могут служить такие слова, как *чепуха*, *голубчик*, *мерзавец*. Подавляющее большинство слов прагматически нейтральны, но это не мешает им в определенных условиях контекста и ситуации речи получать известную прагматическую окраску. Однако такая их окраска – не собственное их значение, а производное от взаимодействия с контекстом. Тем самым она не элемент содержательной структуры слова, а элемент содержательной структуры контекста. Междометные слова представляют противоположный случай слов с чисто прагматическим значением [Никитин 1988: 59].

Прагматическое значение слова связано с понятием коннотации. В. Н. Телия прямо называет коннотацию прагматической окраской слова [1986: 6]. Она дает следующее определение коннотации: « Коннотация – семантическая сущность, узуально илиokkaзионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия 1986: 6].

Коннотация, как считает В. Н. Телия, является частью лексического значения. Она напоминает «свернутый» подтекст. Фундаментом коннотации является ассоциативно-образное осознание внутренней формы слова, а на вершине находится эмоционально-оценочная модальность. Их взаимодействие и создает ненейтральный стилистический регистр, делая высказывание стилистически маркированным. В дальнейшем при анализе ИС художественного текста нам важно будет описанное выше положение о том, что слова

могут обладать прагматическим значением на уровне языка, а могут получать прагматическую окраску в речи (на уровне контекста).

Сказанное о прагматическом значении в языке и прагматической окраске в речи пересекается с неоднозначным пониманием такого важного микрокомпонента коннотации, как оценка. У оценки, как пишет Е. М. Вольф [1985], обязательны субъект и объект, и семантика оценки включает в себя субъективность и объективность. Когда субъект оценивает что-либо, он опирается на свое отношение (это субъективность оценки) и на стереотипические представления об объекте (объективность оценки). Существует две основные точки зрения на природу оценки. Согласно первой, оценка опирается на субъект и его отношение к предмету. Согласно второй, оценка опирается на свойства предмета [см.: Вольф 1985: 22-29]. На наш взгляд, речь идет об оценке, входящей в структуру лексического значения (оценке на уровне языка), и оценке, возникающей в контексте (на уровне речи).

ИС, как и имена нарицательные, являются языковыми знаками, следовательно, они тоже имеют лексическое значение, структура которого должна быть изоморфна структуре лексического значения имени нарицательного.

Специфика денотативного значения ИС заключается в том, что денотатом ИС является конкретный предмет, а не класс предметов, как у имени нарицательного. Эта специфика возникает из различия между ИС и именами нарицательными, ср.: «Существительные собственные (или имена собственные) – это такие слова, которые называют индивидуальные предметы, входящие в класс однородных, однако сами по себе не несут какого-либо специального указания на этот класс. Существительные нарицательные (или имена нарицательные) – это такие слова, которые называют предмет по его принадлежности к тому или иному классу; соответственно они обозначают предмет как носитель признаков, свойственных предметам данного класса» [Русская грамматика 1980]. Поэтому ИС, называющие, в отличие от имен нарицательных, индивидуальные предметы, имеют более тесную связь с денотатом.

Особенностью сигнификативного значения ИС является наличие менее объемного по сравнению с именами нарицательными экстенционала (ИС выражают единичное понятие), но более дифференцированного контенционала [Супрун 2000: 19]. Контенционал антропонима образуют такие признаки, как:

- 1) указание на то, что носитель имени – человек (*Lewis* в отличие от *London*),
- 2) указание на принадлежность к национально-языковой общности (*Robin* в отличие от *René*),
- 3) указание на пол человека (*John* в отличие от *Elizabeth*) [Ермолович 2001: 38].

В. Б. Дорогая при описании значения ИС предложила использовать термин *понятийная основа*, обозначающий комплекс отвлеченных понятийных признаков: «Понятийная основа антропонима формулируется как индивидуальное (1) обозначение человека (2), определенного пола (3), возраста (4) и национальности (5) в определенной социальной обстановке (6). На основе этих признаков при речевом употреблении антропонима в его значении объединяются наиболее существенные характеристики именуемого лица» [Дорогая 1985: 15].

Прагматическим значением обладают не все ИС, как и не все имена нарицательные. Однако можно говорить о том, что некоторым ИС прагматическая окраска (коннотация) присуща на языковом уровне. Например, русские личные имена обладают большим количеством экспрессивных форм (*Серезенька, Сергуня, Серьга* и др.), прагматическая окраска которых существует на уровне языка (подробнее см. главу 1.2.). Такие формы являются стилистически окрашенными. Но прагматическая окраска может возникать и в речи, на уровне контекста. Многочисленные примеры этого демонстрирует художественный текст, что мы продемонстрируем при практическом анализе антропонимов в сказках и поэмах А. С. Пушкина.

ИС, так же как и имя нарицательное, может приобретать переносное значение. Под переносным значением понимается значение, приобретаемое словом в результате сознательного употребления его в речи для обозначения предмета, не являющегося его обычным, или естественным, референтом [Ахманова 1969: 163]. Например, русское слово *молния* может использоваться в переносном значении - 'застежка'. Примеры использования ИС в переносном значении приводит Д. И. Ермолович [2001]:

Более разумно было бы предоставить новому Эйнштейну возможность самому выбирать путь развития... (Д. Рорвик в переводе Д. И. Ермоловича).

В данном контексте ИС *Эйнштейн* использовано в переносном значении, т.к. относится не к известному ученому *Эйнштейну*, а к персонажу, который ему уподобляется.

А. В. Суперанская [1973] говорит о том, что ИС несет в себе информацию и выделяет три типа информации: речевую, языковую и энциклопедическую. Языковая информация ИС является наиболее постоянной составляющей их семантики. А. В. Суперанская выделяет пять аспектов языковой информации:

- 1) языковую принадлежность имени или слова, от которого оно образовано;
- 2) словообразовательную модель имени;
- 3) этимологический смысл;
- 4) выбор именно данной, а не другой производящей основы;
- 5) локальную обстановку, ситуацию в момент создания имени.

Для нашего дальнейшего анализа ИС нам представляется необходимым несколько модифицировать предложенную модель. Говоря о языковой информации ИС, мы будем выделять следующие аспекты:

- 1) особенности формы ИС (фонетические и грамматические особенности ИС),
- 2) внутренняя форма ИС (сюда входят и этимологическое значение, и языковая принадлежность ИС),
- 3) значение ИС.

Речевая информация осуществляет связь имени с поименованным объектом и выявляет отношение говорящего к объекту. Энциклопедическая информация – это комплекс знаний об объекте, доступный каждому члену языкового коллектива, но эта информация во многом индивидуальна в силу различий в уровне владения языком, уровне эрудированности, а также в силу индивидуальности восприятия [Суперанская 1973: 259].

В нашей работе необходимо отдельно охарактеризовать ИС в речи, т.к. в дальнейшем нам предстоит анализировать ИС в художественном тексте, т.е. в речи. Мы согласны с теми исследователями, которые полагают, что значение ИС в речи шире, чем в языке. Е. Л. Березович говорит о семантическом наполнении имени, под которым подразумевается весь объем информации о данном объекте, которую дает язык [1999: 15]. В. И. Болотов пишет, что «значение имени собственного определяется комплексом наших знаний о его денотате и потому может быть названо энциклопедическим. Оно проявляется в речи» [1972: 333]. Поэтому то, что в модели А. В. Суперанской обозначено как энциклопедическая и речевая информация, становится на уровне текста частью семантики ИС. Рассматривая ИС сказок и поэм А. С. Пушкина в оригинале и переводах, мы будем анализировать 1) особенности формы ИС и 2) особенности семантики, что включает в себя не только языковую семантику, но и энциклопедическую информацию, и информацию, принесенную контекстом.

Кроме того, для ИС художественного текста нам кажется справедливым утверждение Ф. Дебуса, который пишет, что выражение понятия у ИС отходит на задний план, и за счет этого вперед выдвигаются дополнительные смыслы (*Nebensinn*), настроение (*Stimmungsgehalt*), которые объединяются термином *значимость* (*Bedeutsamkeit*) [Debus 2002: 32].

ИС являются языковыми знаками и обладают лексическим значением, изоморфным по своей структуре лексическому значению имени нарицательного. Специфика денотативного значения ИС заключается в том, что денотатом ИС является конкретный предмет, а не класс предметов. Особенностью сигнификативного значения ИС является

наличие менее объемного по сравнению с именами нарицательными экстенционала (ИС выражают единичное понятие), но более дифференцированного контенционала.

Прагматическим значением обладают не все ИС, но прагматическая окраска может возникать на уровне контекста. ИС несет в себе информацию: речевую, языковую и энциклопедическую. Наиболее постоянной составляющей семантики ИС является языковая информация. Значение ИС в речи шире, чем в языке. Энциклопедическая и речевая информация становятся на уровне текста частью семантики ИС.

1.2. Антропонимы в русском, немецком и латышском языках

Прежде чем переходить к рассмотрению антропонимов в текстах А. С. Пушкина и переводах, мы сопоставим антропонимические системы трех языков: русского (языка пушкинских текстов), латышского и немецкого (языков привлекаемых нами переводов А. С. Пушкина). Литературная антропонимия, о специфике которой будет сказано отдельно, не находится в отрыве от антропонимии языковой. Поэтому переводчики (в том числе и художественных текстов) должны учитывать особенности антропонимических систем языка оригинала и перевода. В связи с этим вопрос об антропонимах в русском, латышском и немецком языках становится актуальным и для нашей работы.

К антропонимам мы относим любые собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, прозвища, псевдонимы, не ограничиваясь лишь именами, присваиваемыми людям официально (такое узкое понимание антропонима дано в работе Д. И. Ермоловича [2001: 37]). Хотя, говоря об антропонимической системе какого-либо языка, нам представляется важным выделить антропонимическую формулу – т.е. имя собственное (или набор имен, включающий все возможные варианты), официально присваиваемый отдельному человеку как его опознавательный знак.

Под антропонимической системой данного языка мы понимаем совокупность именованья людей в языковом и национальном своеобразии. Несмотря на то, что антропонимы выполняют функцию индивидуализирующей номинации, каждый человек не может иметь уникальное, только ему присущее имя. Поэтому каждое само по себе взятое имя может иметь множество носителей. Однако существуют имена, которые в языковом сознании коллектива связываются в первую очередь с кем-то одним. Это имена людей широко известных (*Пушкин, Shakespeare, Einstein*). Такие ИС мы будем называть вслед за В. П. Берковым [1973] и Д. И. Ермоловичем [2001] единичными антропонимами. В исследовательской литературе эти ИС называют также прецедентными [Гудков 2003]. Такие ИС, которые в языковом сознании коллектива не связываются предпочтительно с

каким-то одним человеком, мы будем называть множественными антропонимами, ср. [Ермолович 2001].

Именной фонд, т.е. список имен, принятых к употреблению определенным языковым коллективом, меняется от эпохи к эпохе, от народа к народу и представляет собой незамкнутую лексическую систему. Ниже мы сопоставим антропонимические подсистемы трех языков: русского, латышского и немецкого, принимая во внимание лишь официальную антропонимическую формулу, выделим общее и различное в этих системах.

1.2.1. Изучение антропонимов русского, латышского и немецкого языков

Прежде чем переходить к сопоставлению антропонимических систем русского, немецкого и латышского языков, необходимо указать, что антропонимические системы каждого из названных языков по отдельности в большей или меньшей степени описаны (библиографию лингвистической литературы по антропонимике см.: [Бондалетов 1983], [Валеев 1991], [Васченко 1972], [Попов 2006], [Kunze 2003], [Laumane 1998], [Lenk 2002], [Namenforschung 1995-1996]). Остановимся подробнее на тех работах, которые были привлечены в данном исследовании.

Наиболее подробно латышская антропонимия охарактеризована в работах Э. Блесе [Blese 1929] и В. Сталтмане [1981]. Э. Блесе [Blese 1929] рассматривает личные имена и фамилии латышского языка в XIII-XVI веке. В его работе представлена графико-фонетическая, словообразовательная, а также культурно-историческая характеристика фамилий латышского языка указанного периода. В работе В. Сталтмане [1981] описывается история фамилий в латышском языке, анализируются словообразовательные модели фамилий, группируются фамилии по семантике основ, характеризуются заимствованные фамилии. Наличие параллелей между латышской и эстонской антропонимией рассмотрено в работе В. Сталтмане и Т. Кагановой [1985], показавших, что сходство данных антропонимических подсистем обусловлено общим культурно-историческим фоном. Отражение языковых контактов в латышских личных именах охарактеризовал К. Силиньш [Siliņš 1985]. О тенденции в латышском языке называть растения именами людей или мифологических существ и наоборот – давать людям имена по названию растений (особенно цветов) написано И. Эделмане [Edelmane 1974]. Фамилии с семантикой «фауна», являющиеся частотными в латышском языке, рассмотрены П. Балодисом [Balodis 2004]. Принципам формирования древней балтийской и славянской антропонимии посвящена работа Ю. Юркенса [2003].

Динамику современных латышских антропонимов охарактеризовали в своих работах Д. Земзаре [Zemzare 1971], К. Силиньш [Siliņš, 1990a], О. Бушс [Bušs 1985; 1999; 2003a;

2003b], показавшие, какие личные имена были особенно популярны или, наоборот, непопулярны на определенном временном этапе: в 1966-1971 годах [Zemzare 1971], в последующие годы [Bušs 1985; 1999; 2003b]. Д. Земзаре [Zemzare 1971] указала также на популярность личных имен, оканчивающихся одними и теми же компонентами (например, *-ars*, *-ārs*, *-o* для мужских имен, *-ita*, *-eta* для женских имен).

Особый интерес в рамках нашего исследования представляет работа В. Н. Топорова [1990]. В. Н. Топоров [1990] рассмотрел специфику имен латышских мифологических персонажей. Основной чертой многих мифических имен в латышском языке В. Н. Топоров считает «ослабленную ономастичность». К таким именам относятся так называемые «матери» (*Zemes māte*, *Ūdens māte*, *Uguns māte* и т.п.), которые как бы избегают самоопределения в выборе между сферой нарицательных или собственных имен и могут актуализировать то «апеллятивность», т.е. свойство быть именем нарицательным, то «ономастичность», т.е. свойство быть именем собственным [Топоров 1990].

Проблеме передачи личных имен в переводе посвящена работа И. Скулте [Skulte 1999]. В диссертационном исследовании И. Скулте [Skulte 1999] проанализированы принципы передачи библейских имен в латышском языке, выявлены основные грамматические и орфографические правила адаптации личных имен в переводах Библии на латышский язык.

Нормативный аспект латышской антропонимии представлен в указаниях Центра государственного языка [Par vārdu un uzvārdu lietošanu ..., 1999], где описаны правила употребления и написания личных имен и фамилий в латышском языке, склонение антропонимов и принципы передачи иноязычных антропонимов в латышском языке. Правописание и нормативное произношение иноязычных ИС в латышском языке описаны в серии *Norādījumi par citvalodu īpašvārdu pareizrakstību un pareizrunu latviešu literārajā valodā* [1960-1993], состоящей из 15 книг, каждая из которых посвящена передаче ИС одного конкретного языка. Анализируя передачу ИС сказок и поэм А. С. Пушкина в латышских переводах, мы будем опираться на изложенные в данных нормативных указаниях правила передачи иноязычных ИС в латышском языке.

Языковой статус ИС, в том числе и антропонимов, в латышском языке, а также особенности словоизменения антропонимов описаны в *Грамматике современного латышского литературного языка* [MLLVG 1959 I: 376-377].

Одной из центральных работ по русской антропонимии является работа Б. О. Унбегауна [1989], предложившего подробное описание русских фамилий. Его работу характеризует историческая перспектива – в центре внимания находятся проблемы возникновения фамилий. Из работ, посвященных личным именам в русском языке,

следует назвать исследование А. Вежбицкой [1997]. А. Вежбицкая описывает личные имена русского, английского и польского языков. Исследовательница распределяет формы личных имен в соответствии с их статусом по трем группам: это полные формы, краткие формы (сокращение полных форм) и экспрессивные формы (с экспрессивными суффиксами). Эту классификацию мы используем далее и в данной работе. Личному имени в русском языке посвящена работа Л. Сальмон [2002], уделившей особое внимание производным формам русских личных имен в аспекте психолингвистики и прагматики. История русской антропимии, постепенное формирование антропимической системы русского языка с дохристианских времен до современного состояния прослежено в работах В. А. Никонова [1974], В. Д. Бондалетова [1983], А. В. Суперанской и А. В. Сусловой [1981; 1991].

Нормативный аспект русской антропимии представлен в *Русской грамматике* [1980], где охарактеризован статус антропимов в русском языке и показаны особенности словоизменения. Склонение личных имен и фамилий в русском языке всесторонне проанализировано и проиллюстрировано многочисленными примерами также Л. П. Калакуцкой [1984; 1994]. Правила передачи иностранных имен и названий в русском тексте описаны в работе Р. С. Гиляревского и Б. А. Старостина [1985].

Антропимам немецкого языка тоже уделялось много внимания. Работы В. Зайбике [Seibicke 1982] и В. Фляйшера [Fleischer 1968], на результаты которых мы в основном опирались в нашем исследовании, содержат информацию об истории личных имен и фамилий в немецком языке и предлагают классификацию типичных моделей словообразования фамилий. В. Зайбике уделяет внимание также структуре немецкого имени (*Gesamtname*) и функционированию антропимов в речи. Систематическое представление об именах собственных в немецком языке предложено в работе К. Кунце [Kunze 2003]. В работе Г. Бауэра [Bauer 1985] в рамках общего исследования ИС в немецком языке рассмотрены и такие проблемы немецкой антропимии, как история антропимии, связь именного и культурного пространства (*Kulturräume und Namenräume*), социальная градация антропимов. В работе Х. Ленка [Lenk 2002] проведен сопоставительный анализ антропимов в немецком и финском языках на материале отдельных жанров газетных текстов Германии, Австрии, Швейцарии и Финляндии. Многие аспекты немецкой антропимии затронуты в издании *Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik (Исследование имен: международный справочник по ономастике)* [1995-1996]. Нормативный аспект немецкой антропимии представлен в *Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. (Грамматика современного немецкого языка)* [1998]. Вопросы правописания личных имен

и фамилий в немецком языке освещены в *Duden. Rechtschreibung der deutschen Sprache* (Орфография немецкого языка) [1996], в работах К. Кунце [Kunze 2003], Р. и Ф. Кольхайм [Kohlheim 1998].

Особую ценность при исследовании антропонимов каждого языка представляют словари, содержащие систематизированный антропонимический материал. Собрание латышских личных имен представляет К. Силиньш в своем словаре [Siliņš, 1990]. При анализе антропонимов русского языка нами привлекались *Словарь русских фамилий* В. А. Никонова [1993], *Словарь русских личных имен* Н. А. Петровского [1995], *Словарь русских личных имен* А. Н. Тихонова, Л. З. Бояриновой, А. Г. Рыжовой [1995], *Словарь русских личных имен* А. В. Суперанской [2004].

Использовались также словарные данные по немецкой антропонимии, предложенные в лексиконе Х. Балова [Bahlow 1967]. Большое собрание немецких личных имен представляет собой *Duden. Das große Vornamenlexikon* [1998]. Привлекались также данные *Словаря немецких личных имен* Т. С. Александровой, Д. О. Добровольского, Р. А. Салахова [2000].

1.2.2. Сопоставление антропонимических систем русского, латышского и немецкого языков

Сопоставляя антропонимические системы русского, немецкого и латышского языков, мы концентрируемся на ядре каждой системы – антропонимической формуле, ее составных частях (личных именах с их различными дериватами, мужских и женских личных именах, фамилиях) и на функционировании антропонимов в речи.

1. Антропонимическая формула.

Антропонимическая формула представлена в русском, латышском и немецком языках разным числом компонентов. В русском языке она трехчленна: имя + отчество + фамилия (*Иван Петрович Кузнецов*). В немецком языке можно обозначить антропонимическую формулу как дву- или трехчленную с особой оговоркой, т.к. в немецкоязычной культуре человек может иметь несколько личных имен. В обиходе словом *Name* называют фамилию (*Mein Name ist Müller*). В официальных документах, где требуется полное имя (*Gesamtname*), имеется графа *Vorname und Name*, т. е. личное имя и фамилия. При наличии нескольких личных имен подчеркивается основное, то, которым пользуются в общественной и личной жизни (*Rufname*). В. Зайбике выделяет в немецком имени две функциональные части: именную часть и фамилию. Именная часть в свою очередь состоит из первого личного имени (а иногда единственного) и последующих личных имен

[Seibicke 1982: 14]. Таким образом, антропонимическая формула может выглядеть так: имя + (имя 2, имя 3 ...) + фамилия (*Wolfgang Franz Albert Müller*). В латышском языке ситуация идентична тому, что мы наблюдаем в немецком языке: человек может иметь несколько личных имен (*Rolands Jānis Kalniņš*). Сопоставив антропонимические формулы, мы увидели, что они имеют два идентичных компонента: личное имя и фамилию. В русском языке в антропонимическую формулу входит еще и отчество, а в немецком и латышском языках возможным является наличие у одного человека нескольких личных имен.

2. Личные имена.

Рассмотрев состав личных имен в русском, немецком и латышском языках, можно выделить несколько общих пластов. Во всех трех языках есть древние дохристианские двухосновные имена, образованные на базе собственного языка:

Всеволод, Владимир (рус.) - *Tāļivaldis, Viesturs* (лтш.) - *Wolfgang, Bernhart* (нем.).

Общим является также наличие большого количества христианских имен, которые в каждом языке адаптировались фонетически и морфологически: *Петр, Екатерина* (рус.), *Pēteris, Katrīna* (лтш.), *Peter, Katharina* (нем.).

Кроме того, в языках есть общие имена и за счет заимствований как друг у друга (например, *Tanja* в немецкий язык пришло из русского), так и из других языков (*Жан, Žans, Jean* – имя французского происхождения, которое есть сегодня во всех трех интересующих нас языках).

3. Дериваты личных имен.

Под дериватами мы будем понимать различные формы одного личного имени, ведь личные имена обладают не только официальной формой, например: *Jānis / Jānītis* (лтш.), *Frank / Franki* (нем.), *Саша / Сашенька* (рус.). Чтобы сопоставить все возможные формы различных языков между собой, нужно сначала определить статус этих форм в каждом конкретном языке. Логичным представляется подход, который использует А. Вежицкая [1997], выделившая три формы имени: полные, краткие (сокращение полной формы) и экспрессивные (с экспрессивными суффиксами). Полные формы могут быть маркированными (при наличии краткой формы этого имени) или немаркированными (при отсутствии краткой формы). Например, полная форма *Татьяна* маркированная, т.к. есть краткая форма этого имени – *Таня*, а полная форма имени *Зоя* – немаркированная, т.к. у этого имени нет краткой формы. Экспрессивных форм у одного русского личного имени может быть множество: например, исследование русской разговорной речи в городе Пенза

и его окрестностях [Бондалетов, Данилина 1970] показало, что там используется не менее 80 различных экспрессивных суффиксов, каждый из которых имеет свое собственное прагматическое значение. Как указывает А. В. Суперанская [1970а], сокращенные субъективно-оценочные формы, принятые в диалектах, легко проникают в литературный язык. Они хорошо освоены языковым коллективом и могут распространяться за пределами диалектов. Однако, как замечает Л. Сальмон [2002], остаются вопросы, почему некоторые производные формы распространились больше других. Однозначно определить статус экспрессивного деривата личного имени в русском языке (находится ли он в рамках или за пределами литературного языка) не просто. Единственным достоверным критерием может быть частотность употребления деривата в литературном языке. Например, такие экспрессивные дериваты личного имени *Екатерина*, как *Катенька* или *Катюша*, являются более регулярными, чем *Катюнчик*. Но при этом заметим, вслед за Л. Сальмон [2002], что чем более стандартен дериват, тем он менее экспрессивен.

Наличие полных, кратких и экспрессивных форм личных имен можно констатировать не только в русском, но и в латышском и немецком языке. Приведем примеры всех трех форм личных имен:

Полные маркированные	Полные немаркированные	Краткие	Экспрессивные
<i>Иван</i>	<i>Вера</i>	<i>Ваня</i>	<i>Ванюша</i> <i>Верочка</i>
<i>Valdemārs</i>	<i>Jānis</i>	<i>Valdis</i>	<i>Valdītis</i> <i>Jānītis</i>
<i>Maximilian</i>	<i>Peter</i>	<i>Max</i>	<i>Peterlein</i> <i>Maxi</i>

И хотя эти три формы можно выделить у личных имен во всех трех языках, необходимо сделать существенную оговорку: только в русском языке наличие этих трех форм последовательно проявляется. В латышском языке функционируют сегодня как самостоятельные имена такие формы, которые исторически являются краткими, например: *Valdis* от *Valdemārs*, *Inga* от *Ingrīda*, *Marika* от *Marija* и т.д. [Сталтмане 1981: 6]. В. Сталтмане отмечает, что эти формы, которые стали самостоятельными, и сегодня сохраняют определенную бифункциональность: люди, официальными именами которых являются имена *Andrejs*, *Valdemārs*, *Gustavs*, могут называться в семейном кругу *Andris*, *Valdis* и *Gusts*, а для других людей эти имена могут быть официальными [там же]. Важно отметить также, что краткие формы имен в латышском языке как соответствия полных

форм не являются обязательными (например, *Ingrīda* не обязательно будет называться в семейном кругу *Inga*). В русском языке такие соответствия тоже не являются обязательными (например, такие имена, как *Вера*, *Андрей* не имеют краткой формы), но они достаточно регулярны и общепризнанны (*Татьяна* – *Таня*, *Ольга* – *Оля*, *Иван* – *Ваня*). В латышском языке эта ситуация объясняется отчасти тем, что большинство имен является двусложными, т.е. уже достаточно «краткими» и, как отмечает В. Дамбе, очень в языке удобными [Дамбе 1970: 219]. Похожую ситуацию наблюдаем и в немецком языке. Исторически *Kurt* – это краткая форма от *Konrad*, *Gerd* от *Gerhard*, *Max* от *Maximilian* [Seibicke 1982: 96-98], но сегодня они функционируют как самостоятельные имена в лексической норме немецкого литературного языка. Это означает, что названные выше три формы личного имени являются регулярным признаком антропонимической системы только в русском языке. В немецком и латышском языке можно говорить о регулярности только двух форм личного имени: полных форм и экспрессивных дериватов.

4. Женские и мужские имена.

Во всех трех языках существуют формальные показатели женских и мужских имен. В русском и латышском языках такими формальными показателями будут окончания. В русском языке нулевое окончание при основе на согласный маркирует полные формы мужских имен (*Владимир*, *Сергей*), окончания *-а* / *-я* имеют женские имена (*Александра*, *Наталья*). Есть здесь и свои исключения (например, русское женское имя *Любовь* или заимствования типа *Николь*), но в целом это основная модель. К тому же, в русском языке есть целый ряд нарицательных существительных, оканчивающихся на мягкий согласный и относящихся к женскому роду (*дверь*, *кровь*). Особняком стоят краткие и экспрессивные формы личных имен в русском языке, где нет такого четкого разграничения. Регулярными являются краткие формы мужских личных имен на *-а* / *-я*: *Серезжа*, *Петя* и др. Среди экспрессивных форм женских личных имен выделяются формы, оканчивающиеся на согласный (т.е. соответствующие «мужской» модели), например: *Ленок*, *Светик*.

В латышском языке мужские имена имеют окончания *-s* (*Ivars*), *-is* (*Jānis*), *-us* (*Mikus*), а женские имена - окончания *-a* (*Dzintra*), *-e* (*Liene*). Есть также и заимствованные имена, которые не склоняются (*Udo*).

Немецкие мужские и женские личные имена тоже обладают своими формальными показателями, но это не окончания, а так называемые конечные элементы, которые различают женские и мужские имена. В. Зайбике [Seibicke 1982: 108 – 110] называет эти элементы:

1) мужские имена:

оканчиваются на *-bald, -bold, -bert, -bod, -brand, -brecht, -fred, -fried, -hart/-hard, -helm, -(h)old, -(h)er, -gar, -ger, -lieb, -mann, -mar, -mund, -nand, -rad/-rat, -ram, -rand, -rich, -slaw, -wald, -wart/-ward, -(w)olf, -(w)ulf, -win* (*Wilhelm, Wilfried, Ulrich, Sigismund*).

2) женские имена:

оканчиваются на *-borg, -burg, -gard, -gund, -hild, -lind, -run, -tr(a)ud/-traut, -ina/-ine, -ette, -is* при основе на *d*. Окончания *-a, -e* бывают преимущественно у женских имен (*Elke, Hanna, Irmgard*).

В остальных случаях необходимо учитывать ситуацию – к кому это имя применяется. То же можно сказать и о русских и латышских личных именах, особенно, если это заимствованные имена, потому что они могут значительно отличаться по форме от имен принимающего языка.

5. Фамилии.

Фамилии являются более поздними образованиями по сравнению с личными именами. В русском и немецком языках процесс образования фамилий проходил постепенно, фамилии возникали на базе уже имеющихся в языке средств для обозначения лица (из прозвищ и патронимов) [Унбегаун 1989; Kunze 2003]. В латышском языке (на территории Курляндии и Лифляндии) нужно говорить об особой экстралингвистической ситуации, повлиявшей на становление системы фамилий. В. Сталтмане пишет об «офамилировании» крестьян, происходившем в первой половине XIX века, причем первыми фиксаторами фамилий латышей были немцы [Сталтмане 1981: 7-10].

Говоря о моделях образования фамилий, необходимо подчеркнуть, что наиболее распространенной в русском языке является патронимическая модель (*Иванов, Федоров, Андреев*). Патронимом называется дериват от имени или прозвища отца: прозвище, прозвание, фамилия от прозвища отца или предков по отцовской линии [Подольская 1988: 104]. Так, фамилия *Иванов* произошла от патронима *Иванов* (сын), который в свою очередь произведен от личного имени *Иван*. В немецком языке можно назвать похожие примеры, когда форма родительного падежа на *-s* часто использовалась как патроним и позднее как фамилия (*Eggers, Albrechts*), а также формы латинского родительного падежа, ставшие фамилиями, например: *Arnoldi, Petri*. Вообще, основным отличием в образовании русских фамилий по сравнению с фамилиями в немецком и латышском языке будет тот факт, что в русском языке для фамилий характерно наличие обязательного словообразовательного форманта (*Иванов, Вяземский*), тогда как в латышском и немецком языках слово может без особых словообразовательных формантов становиться

фамилией (нем. *Fisch*, лтш. *Liepa*), но есть и фамилии, образованные при помощи особых словообразовательных формантов (лтш. *Kalnietis*, нем. *Baseler*).

Во всех трех языках существуют типичные модели образования фамилий:

1) От личных имен: рус. *Андреев*, нем. *Kaspar*, лтш. *Antons*.

2) Фамилии, образованные от географических названий и места жительства: рус. *Елецкий*, нем. *Münstermann*, лтш. *Liepukalns*.

3) От названий профессий: рус. *Сапожников*, нем. *Fischer*, лтш. *Mucenieks*.

4) Фамилии, образованные от слов, обозначающих какие-либо физические или психические качества человека, особенности его биографии: рус. *Верзилин*, нем. *Bart*, лтш. *Garais*. В литературе, посвященной немецким и русским фамилиям, ср. [Унбегаун 1989], [Kunze 2003], такие фамилии объединяются в группу под названием *Фамилии, образованные от прозвищ*. Но поскольку в латышском языке была особая экстралингвистическая ситуация (см. выше), мы назвали эту группу иначе, т.к. невозможно говорить о наличии прозвищного этапа в становлении фамилий по отношению к фамилиям латышского языка в целом.

Кроме того, во всех трех языках есть фамилии иноязычного происхождения, есть фамилии, пришедшие из одного языка в другой. Например, в латышском языке велико количество фамилий, пришедших из немецкого и русского языков, претерпев при этом фонетическую и грамматическую трансформацию: *Grīnbergs (Grünberg)*, *Ferds (Pferd)*, *Beķeris (Bäcker)*, *Jēgers (Jäger)*, *Krīlavs (Крылов)*, *Ameljānovs (Емельянов)* [Сталтмане 1981: 18]. В русском языке есть фамилии немецкого (*Эйнгорн*) и балтийского происхождения (*Гудонис*, *Граудин*) [Унбегаун 1989]. В немецком языке наибольшее количество заимствованных фамилий составляют фамилии славянского происхождения, например: *Vojtek*, *Janke* и др. [Kunze 2003: 171], существуют в немецком языке и фамилии, пришедшие из балтийских языков, например: *Endruweit*, *Jankuhn* и др. [там же].

Общим при сопоставлении фамилий русского, латышского и немецкого языков оказывается также возможность существования двойных фамилий (рус. *Мусин-Пушкин*, лтш. *Taube-Balodis*, нем. *Allbach-Retty*).

6. Склонение имен и фамилий.

Можно сказать, что склонение антропонимов во всех трех языках не выбивается из общей системы склонения. В зависимости от формального показателя – окончания – антропонимы в латышском языке распределяются по всем шести склонениям:

1) *Antons Vējš*

2) *Atis Rajeckis*

3) *Mikus Ledus*

4) *Ilga Liepa*

5) *Liene Egle*

6) (*Ilze*) *Klints*.

Отдельно следует сказать о группе фамилий в латышском языке, в основе которых лежат прилагательные. Если это прилагательные с неопределенным окончанием (*Balts, Balta*), то фамилии склоняются по 1ому и 4ому склонению, если в основе фамилии прилагательное с определенным окончанием (*Baltais, Baltā*), то фамилии склоняются как соответствующие прилагательные. Есть в латышском языке и несклоняемые имена и фамилии иноязычного происхождения, оканчивающиеся на *-o, -i, -ī, -ē, -ā, -u, -ū* (например, фамилии *Utņo, Možeiko, Jakobi, Barī, Linē, Kocebū*) [Pār vārdu un uzvārdu lietošanu ... 1999: 28].

При склонении личных имен и фамилий в немецком языке собственным грамматическим формантом - окончанием *-s* - обладает только G Sg. (*Peters Bruder*), но отсутствие особых формантов у падежных форм имен и фамилий в немецком языке не является особенностью только ИС, а отражает систему склонения имен существительных: при склонении нарицательных имен меняется не само имя существительное, а артикль. Еще в XIX веке имелись флективные формы и для дательного и винительного падежа (*Goethen, Schillern, Amalien, Greten*) [Seibicke 1982: 66]. Имена, оканчивающиеся на *-[s]*, а на письме – на *(s)s, ß, z, tz, x* создают трудности в произношении форм родительного падежа, поэтому таких форм, как правило, стараются избегать. Вместо родительного падежа возможно использование аналитического образования с *von* (*der Hut von Fritz*) [Seibicke 1982: 68-69].

В русском языке при склонении антропонимов иногда происходят некоторые отклонения от общей системы склонения имен существительных. Это происходит в тех случаях, когда возникают противоречия между морфологическим родом антропонима и реальным полом носителя имени или фамилии, т.к., как замечает Л. П. Калакуцкая [1984], для антропонима связь с полом лица очень важна. Например, мужские и женские фамилии и имена на *o, e, u, y* не склоняются, т.к. это формальные показатели среднего рода, ср.: *драма Гюго, произведение Данте, статья Недоброво, псевдоним Анны Горенко, приезд Индиры Ганди*. Другие примеры подробно проанализированы в работе Л. П. Калакуцкой [1984].

В латышском языке тоже есть такие позиции, где парадигма склонения имен нарицательных и антропонимов отличается, и происходит это по той же причине – чтобы обозначить связь с полом носителя имени. Это следующие позиции:

антропонимы	нарицательные существительные
3-е склонение	
женское имя / мужское имя	
D Sg <i>Aņui / Mikum</i>	<i>ledum</i>
N Pl <i>Aņus / Miki</i>	<i>ledi</i>
D Pl <i>Aņūm / Mikiem</i>	<i>lediem</i>
L Pl <i>Aņūs / Mikos</i>	<i>ledos</i>

4-е склонение

D Sg <i>Ilgai Liepai / (Jānim) Liepam</i>	<i>māsai</i>
---	--------------

5-е склонение

D Sg <i>(Mārai) Eglei / (Kārlim) Eglem</i>	<i>priedei</i>
--	----------------

6-е склонение

D Sg <i>(Ilzei) Klintij / (Jānim) Klintim</i>	<i>zivij</i>
---	--------------

При склонении антропонимов в русском языке наблюдается также ряд особенностей, не связанных с упомянутыми противоречиями между морфологическим родом антропонима и реальным полом носителя имени или фамилии. Эти особенности обусловлены происхождением антропонимов. Назовем некоторые примеры. Так, фамилии на *-ов, -ев, -ин, -ын* (*Иванов, Птицын*), которые являются в современном языке существительными, но по происхождению притяжательными прилагательными [Унбегаун 1989: 24], имеют смешанную парадигму: часть форм изменяется как существительные, часть – как прилагательные. Мужские и женские фамилии, являющиеся по форме полными прилагательными (*Белый, Черная*), изменяются по соответствующей модели адъективного склонения [Русская грамматика 1980].

7. Функционирование антропонимов в речи.

Антропонимическая формула – это набор имен, предназначенный для юридической идентификации лица. Реально в речи функционируют комбинации из различных компонентов, входящих в антропонимическую формулу. Каждая из таких речевых реализаций возможна в одних ситуациях и неуместна в других, что связано с нормами культуры речи и этикетом в каждом языке, а также с прагматической оценкой. Сравним возможные речевые реализации антропонимической формулы в трех языках:

1) Антропонимическая формула – имя, официально присваиваемое отдельному человеку как его опознавательный знак:

Комарова Наталья Ивановна (рус.)

Anna Liepa (лтш.)

Susanna Anna Koch (нем.)

2) Вежливая форма. Обращение, подчеркивающее дистанцию между собеседниками, официальную ситуацию:

Наталья Ивановна (госпожа Комарова)

Liepas kundze

Frau Koch

В русском языке сегодня уже достаточно распространено обращение типа *госпожа Комарова*, нам представляется, что обращение по имени и отчеству по сравнению с ним менее официально, т.к. возможно и по отношению к близким или хорошо знакомым людям.

В немецком языке при обращении в официальной ситуации вежливая форма включает в себя также научное звание: *Frau Doktor Berg* [Lenk 2002: 145].

3) Использование только личного имени (в полной форме):

Наталья

Anna

Susanna

Эта форма менее официальна по сравнению с предыдущим вариантом, но и не слишком “свободна”. Это обращение друг к другу, например, коллег по работе.

4) Использование краткой или экспрессивной формы личного имени:

Наташа

Anniņa

Susi

Мы объединили здесь краткие и экспрессивные формы, т.к. в немецком и латышском языке нет такого явного последовательного присутствия кратких форм, о чем мы говорили выше. В этой группе наблюдается наибольший контраст между русскими именами с одной стороны и латышскими и немецкими с другой. Как отмечали многие исследователи [Бондалетов, Данилина 1970], [Суперанская 1973], [Вежицкая 1997], [Сальмон 2002] и др., русский язык является языком с богатым экспрессивным словообразованием. Это же касается и словообразования в области личных имен. Одно и то же имя может иметь большое число разных экспрессивных форм, из которых говорящий выбирает наиболее подходящую. Причем этот выбор зависит в большей степени от ситуационного настроения

говорящего, от особого отношения, которое он хочет выразить именно в данный момент, чем от постоянных жестких соглашений, как это обычно бывает, например, в английском языке [Вежбицкая 1997: 107].

Личные имена латышского языка в узусе тоже представлены большим количеством экспрессивных форм. К. Силиньш не разделяет в своем словаре краткие и экспрессивные формы латышских личных имен – в словарной статье все эти формы помещаются в рубрике “*deminutīvi*” со следующим комментарием: в разделе “*deminutīvi*” перечисляются нерегулярные деминутивные формы личного имени, или гипокористики, некоторые из которых правильнее было бы назвать прозвищами, которые образованы от личных имен [Siliņš 1990: 25]. Поэтому в словарной статье к личному имени *Jānis* приводятся, например, такие деминутивы, как *Janča, Jančiņš, Jankiņš* и др. [Siliņš 1990: 174]. Такие формы возможны только в узусе.

В отношении кратких и экспрессивных форм немецких личных имен В. Зайбике [Seibicke 1982] отмечает, что четко разграничить краткие формы и гипокористику, т.е. формы личных имен с деминутивными суффиксами (*Rudi, Susi, Gretel, Karlchen*), невозможно. Но упомянутые формы имен являются более регулярными, чем те, которые В. Зайбике объединяет в группу «лепетные имена» (*Lallformen*), т.е. имена в детской речи или используемые в разговоре с детьми. Здесь возможны значительные звуковые преобразования по отношению к полной форме (*Pim* от *Wilhelm*, *Bob* от *Robert*, *Dick* от *Richard*). По функции исследователь сравнивает такие имена с ласкательными.

Таким образом, среди кратких и экспрессивных форм личных имен немецкого, русского и латышского языков можно обнаружить достаточно регулярные формы, не выходящие за рамки литературного языка, а есть такие, которые возможны только в узусе.

Краткие и экспрессивные формы используют люди, находящиеся в близких (родственных, дружеских) отношениях.

В эту же группу можно отнести обращение в русском языке только по отчеству (*Ивановна*), которое распространено среди людей старшего поколения. Эта форма сочетает в себе значения двух форм: имени + отчества (уважительное обращение к человеку) и просто имени (обращение к человеку, которого знаешь хорошо).

5) Использование только фамилии:

Комарова

Liepa

Koch

Использование только фамилии в обращении к человеку во всех трех языках может оцениваться как невежливое или фамильярное. Обращение по фамилии (и при этом на ты)

в русском языке было распространено в советской школе и воспринималось как подчеркивающее дистанцию между учителем и учеником. Сегодня такое обращение постепенно выходит из употребления. Нейтральным во всех трех языках может быть упоминание лица только по фамилии в ситуации, которая достаточно «деперсонифицирована», когда главное не личность, а информативность (подпись в официальном документе, ссылка в научной литературе). В разговорной речи в русском и латышском языке упоминание третьего лица по фамилии тоже является нейтральным, ср.:

Я этого не знаю, надо позвонить Комаровой.

Es par to nezini, jāpiezvana Liepai.

Но в подобных контекстах также важна информативность, а не отношение к упомянутому человеку.

1.2.3. Прагматика антропонимов

Прагматическое значение слова образует отношение между знаком и говорящим [Никитин 1988: 34]. Поэтому прагмалингвистику интересует в частности взаимоотношение между языком и человеческим поведением. Центральным понятием при этом является понятие пресуппозиции как особых условий контекста, благодаря которым высказывание понимается однозначно [Колшанский 1980: 37]. Понимание любого текста опирается на предварительные знания, которые называют фоновыми. Фоновые знания – это вертикальный контекст, т.е. совокупность сведений культурного, исторического, географического и прагматического характера, которые предполагаются у носителя данного языка и без которых невозможно речевое общение [Ахманова 1969: 498]. ИС тоже включаются в различные вертикальные контексты. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [1990: 56–57] называют ряд критериев, по которым антропонимы распадаются на различные группы:

- 1) Возраст имени. Противопоставляются традиционные имена *Петр, Павел, Игорь, Анастасия* и т.д. и новые *Римма, Владлен* и т.д.
- 2) Происхождение имени. Носители языка осознают имя как славянское или прямо как русское (*Владимир, Мстислав, Вера*) или как иностранное (*Альберт, Герман*). Причем многие по происхождению греческие и еврейские имена, попавшие в именник с принятием христианства, в обыденном сознании воспринимаются как чисто русские (*Иван, Екатерина, Татьяна*).
- 3) Социальная окраска имени. Имена *Иван, Сидор, Емельян* и др. ассоциируются с крестьянскими, *Евгений, Вера, Вадим, Марина* и др. – с городскими. Возможно и более

дробное социальное деление, которое было свойственно больше XIX веку: *Олег, Ярослав, Игорь* – княжеские имена, *Иона, Никон, Пимен* – монашеские, *Фома, Савва* – купеческие.

В России имел место целый процесс дифференциации имен по социальной принадлежности. Это было связано с тем, что традиция нарекать ребенка в честь святого, день которого приходился на день его рождения, больше соблюдалась в сельской местности, тогда как горожане все чаще нарекали младенцев в связи со своими представлениями о благозвучности имени и под влиянием определенной моды на имена. В итоге многие имена римского и греческого происхождения, часть из которых принадлежала когда-то христианским мученикам, стали восприниматься в русском обиходе как деревенские и простонародные, например *ИС Авдотья, Агафья, Пахом, Пантелей* и др. [Ермолович 2001: 78].

4) Стилиевая принадлежность. Имена *Гаврила, Михайло, Прасковья* оцениваются как «простонародные» по сравнению с «официальными» формами *Гавриил, Михаил, Параскева*.

5) Употребительность. Сегодня распространенными являются такие имена, как *Александр, Алексей, Денис*, а имена *Герасим, Аввакум* не являются распространенными.

6) Территориальная характеристика. Например, имена *Оксана, Остап, Трофим* ассоциируются с югом России и Украиной [Верещагин, Костомаров 1990].

В аналогичные вертикальные контексты распределяются антропонимы немецкого и латышского языка. Так, носитель латышского языка будет воспринимать имя *Ilga* как собственно латышское, а *Oļegs* как заимствованное, *Tāļivaldis* – как древнее и, вероятно, стилистически высокое, т.к. первоначально его могли использовать только представители древней аристократии [Bušs 2003a: 21]. В отношении немецких имен К. Кунце [Kunze 2003: 55] замечает, что сегодня различия между именами, характеризовавшими ранее их носителей как сельских жителей или горожан, протестантов или католиков нивелируются, а употребительность одних и тех же имен в разных регионах отличается. Кроме того, в процессе именования такие критерии, как редкость и принадлежность собственно немецким именам, играют важную роль [Kunze 2003: 57].

К области прагматики антропонимов относится также использование различных форм имени в разных ситуациях, что согласуется с речевым этикетом. При рассмотрении дериватов личных имен, а также функционировании антропонимов в речи мы могли видеть, что в немецком, русском и латышском языках для антропонимов существует стилистическая градация. Во всех трех языках имеется особая вежливая форма имени, подчеркивающая дистанцию между собеседниками или указывающая на официальность ситуации. Внутри систем личных имен можно констатировать наличие оппозиции

экспрессивной формы имени, которая уместна в общении с друзьями и близкими, и неэкспрессивной, нейтральной формы имени. Различия заключаются в структуре форм имени и в регулярности этих форм в языках, притом, что сами значения вежливости, официальности, экспрессивности применительно к антропонимам являются общими.

ИС являются языковыми знаками и обладают лексическим значением, изоморфным по своей структуре лексическому значению имени нарицательного. Денотатом ИС является конкретный предмет. Особенностью сигнификативного значения ИС является наличие менее объемного по сравнению с именами нарицательными экстенционала (ИС выражают единичное понятие), но более дифференцированного контенционала. Прагматическим значением обладают не все ИС, но прагматическая окраска может возникать на уровне контекста. ИС несет в себе информацию: речевую, языковую и энциклопедическую. Наиболее постоянной составляющей семантики ИС является языковая информация. Значение ИС в речи шире, чем в языке. Энциклопедическая и речевая информация становятся на уровне текста частью семантики ИС.

Антропонимы - любые собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, прозвища, псевдонимы – образуют антропонимическую систему языка, ядром которой является антропонимическая формула - набор имен, предназначенный для юридической идентификации лица.

Антропонимические системы русского, латышского и немецкого языков имеют много общего, как в своем составе, так и в функционировании (наличие личного имени и фамилии как компонентов антропонимической формулы, двухосновных дохристианских, общих христианских и общих заимствованных личных имен, существование формантов, маркирующих женские и мужские личные имена, общих моделей образования фамилий и др.). В ситуациях межкультурной коммуникации, например, при переводе, это дает возможности для поиска подходящего эквивалента. Но при этом необходимо учитывать и особенности каждой из систем (например, наличие отчества в русском языке и нескольких личных имен в латышском и немецком языках, разный статус полных, кратких и экспрессивных форм личных имен, разную структуру вежливой формы). Особенно значимой в процессе перевода станет прагматическая сторона антропонимов, вертикальные контексты, в которые включены антропонимы переводимого текста и которые должны быть учтены переводчиком.

2. Антропони́мы в художественном тексте

2.1. Специфика художественной речи и ИС

Под художественной речью мы будем понимать реализацию эстетической функции национального языка. В понимании сущности художественной речи в современной лингвистике нет единства, поэтому необходимо остановиться на существующей полемике по данному вопросу. Д. М. Поцепня [1997] обобщает в своей работе суть двух основных точек зрения на художественную речь. Это «концепция общей образности» языка писателя [Пешковский 1930], представленная в исследованиях В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, Ю. С. Сорокина и др., и точка зрения, представленная в работах Р. Якобсона, Я. Мукаржовского и других представителей Пражского лингвистического кружка и их последователей, согласно которой в произведении словесного искусства наличествует «упаковочный материал» (средства, не отмеченные своеобразием авторского применения). В соответствии со вторым подходом эстетическое преобразование слова сводится к серии тех или иных авторских употреблений, и художественный текст предстает как последовательность эстетических и обычных знаков [Григорьев 1965]. Согласно «концепции общей образности», которой придерживаемся и мы, все речевые средства художественного произведения направлены на реализацию эмоционально-образного содержания. Эстетические свойства каждого словоупотребления определяются его художественной мотивированностью, целесообразностью, соотношенностью с тем образом мира, который творчески создается или воссоздается писателем [Поцепня 1997: 15].

Художественная речь обладает рядом особенностей, которые включают в себя:

- 1) Подчиненность всех языковых средств созданию воображаемого мира.

Выше уже было отмечено, что все речевые средства художественного произведения направлены на реализацию эмоционально-образного содержания. В художественной речи действует система языковых правил, в каждую эпоху различных, но равно позволяющих создание воображаемого мира в художественной литературе, «интенционального, возможного мира» семантики [ЛЭС 1990: 609]. Концентрированным воплощением сути художественного произведения, «идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» выступает «образ автора» [Виноградов 1971: 118]. Образ автора складывается, согласно В. В. Виноградову [1971], из основных черт творчества поэта, что непосредственно соотносится с понятием индивидуального стиля (или идиостиля) как модели речевой деятельности индивида [Пищальникова 1992: 28] и авторской модальности, т.е. выражением в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения,

позиции, его ценностных ориентаций [Валтина 1998]. Способы выражения этого отношения могут быть различными, избирательными для каждого автора и разновидности текста, они мотивированы и целенаправленны.

2) Наличие специфических законов семантики.

В художественной речи невозможна, в общем случае, замена синонимами практического языка; напротив, допустима более широкая семантическая и лексическая сочетаемость слов и высказываний, синонимическая замена в рамках имплицитных соглашений данного поэтического языка, языка отдельного произведения или автора и т.д. [ЛЭС 1990: 609]. В. В. Виноградов, характеризуя слово в художественном произведении, говорит о его двуплановости, т.к. «его смысловая структура расширяется и обогащается теми художественно-изобразительными «приращениями» смысла, которые развиваются в системе целого эстетического объекта» [Виноградов 1981: 114]. О богатстве смысловой структуры слова в художественном произведении писал и Г. О. Винокур: «В нем (*в языке как произведении искусства – Ж. Б.*) вообще все стремится стать мотивированным со стороны своего значения. (...) Язык с своими прямыми значениями в поэтическом употреблении как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла» [Винокур 1991: 53-55]. Согласно Г. О. Винокуру, поэтическое слово – это знак знака. Им обозначается не только сам предмет, но и слово, обычно этот предмет называющее. Эстетический знак соединяет в себе прямое, узуальное значение и окказиональное, поэтическое [Винокур 1990: 140-145].

3) Возможность намеренного нарушения языковой нормы.

В художественной речи не действуют законы истинности / ложности практического языка. Б. А. Ларин писал об особом «эстетическом значении» слова в художественном тексте, которое характеризуется тем, что оно «необязательно, даже неожиданно по поводу данной реалии», но незаменимо [1974: 33]. Намеренная деформация языковых частей произведения подсказана, согласно Я. Мукаржовскому [1967], эстетическими соображениями. Такая деформация способствует максимальной актуализации языкового высказывания. Актуализация противоположна автоматизации: при помощи автоматизации явление схематизируется, актуализация же означает нарушение схемы.

4) Эстетическая нечленимость.

Каждый элемент структуры художественного произведения приобретает значение только в своем отношении к целому, он мотивирован авторским замыслом и всей структурой художественного произведения.

Все выше сказанное распространяется и на ИС художественного текста. Исследователи языка художественной литературы уже давно обратили внимание на важную

стилистическую роль ИС произведения. Первоначально при этом имелись в виду, как правило, так называемые «говорящие имена»: ср., например, название работы Э. Б. Магазаника *Ономапозтика, или "говорящие имена" в литературе* [1978]. Однако, как писал А. М. Слонимский, «в настоящем художественном произведении всякая мелочь говорит» [1963: 5], а потому можно сказать, что в художественном произведении нет неговорящих имен. «Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» [Тынянов 1977: 270].

Изучение поэтики ИС является сегодня предметом отдельной дисциплины – литературной ономастики, обладающей обширной научной литературой (библиографию см.: [Зинин, Степанова 1970], [Виноградова 1998]). Под литературной ономастикой обычно понимают «субъективное отражение объективного, осуществляемую автором «игру» общеязыковыми ономастическими нормами» [Карпенко 1981: 80]. Поэтому ономастическая лексика, т.е. ИС, – это яркая индивидуальная черта стиля писателя.

Разграничивая такие дисциплины, как ономастика и литературная (поэтическая) ономастика, В. М. Калинин выделяет понятие поэтонима, под которым понимается ИС в литературном произведении (в художественной речи, а не в языке), которое выполняет, кроме номинативной, характеризующую, идеологическую и стилистическую функции [Калинкин 1999: 62 - 63]. Исследователь указывает, что основное отличие поэтонима от ИС в языке в том, что «поэтонимами обозначаются, как правило, не реальные, а существующие в творческом сознании автора и (через текст произведения) в воспринимающем сознании читателей идеальные образы вымышленных или реальных объектов, названных именем собственным» [там же]. Даже если поэтоним называет реально существующий или существовавший объект, «ореол художественного произведения переносит его в обстановку вымысла и игры» [там же].

Отличие ИС художественного текста от ИС в языке обусловлено спецификой художественной речи (см. выше). ИС художественного текста подчинены созданию воображаемого мира. Они служат формой и способом выявления авторского замысла и вместе с другими языковыми средствами позволяют воспринять неповторимую картину мира писателя [Фонякова 1995].

ИС художественного текста – это ИС в речи, соответственно их семантика богаче, чем семантика ИС в языке (см. §1.1). Кроме того, семантика ИС художественного текста обогащается теми художественно-изобразительными «приращениями» смысла, которые развиваются в системе целого эстетического объекта» [Виноградов 1981].

Поэтому в семантике ИС художественного текста важную роль играют дополнительные смыслы (Nebensinn), настроение (Stimmungsgehalt), которые объединяются термином *значимость* (Bedeutsamkeit) [Debus 2002: 32].

ИС в художественном тексте способно к актуализации на любом языковом уровне. Примеры такой актуализации приводит В. Н. Михайлов [1987]. На лексико-семантическом уровне происходит семантизация ИС за счет оживления внутренней формы или художественная этимология (т.е. различные ассоциативные осмысления и звуковые сближения). Например, в стихотворении Л. Романенко «Ладожское озеро» ИС, вынесено в заглавие, художественно этимологизируется в контексте при помощи слов *лад*, *ладить*:

Ни складу в нем, ни ладу в нем,

Ни края в нем, ни дна,

А вот назвали Ладогой...

С горем пополам.

С ним наши предки ладили,

Придется ладить нам ...

На словообразовательном уровне тенденцию к актуализации имеет структура имени, работать в контексте может любой аффикс. Например, в фамилии героя одного из рассказов И. С. Тургенева *Недопюскин* звуковой отрезок *недо-* может восприниматься как префиксальная морфема (ср. в рассказе об этом герое сказано: *недоедал, недосыпал*).

Фонетическое своеобразие литературной ономастики отчетливо ощущается особенно в поэзии, где иногда обыгрывается звучание имени. Например, в стихотворении А. Блока «Шаги командора» ИС *Анна* участвует в создании звукового повтора, создающего образ бьющих часов:

Только в грозном утреннем тумане

Бьют часы в последний раз:

Донна Анна в смертный час твой встанет.

Анна встанет в смертный час.

На грамматическом уровне специфичность литературной ономастики выражается, например, в окказиональном склонении неизменяемых форм с целью стилизации просторечия или иного экспрессивного воздействия. Сравним в стихотворении В. Маяковского:

Одного называют красным Байроном,

Другого – самым красным Гейнем.

ИС, а также ИС художественного произведения изучались и в философском аспекте. В этой связи следует назвать работу П. А. Флоренского «Имена» [1998] и работы его последователей – «Философия имени» С. Н. Булгакова [1997] и «Философия имени» А. Ф. Лосева [1990]. Положения, высказанные в этих работах, имеют значение и для литературной ономастики.

В трактате «Имена» П. А. Флоренский развивает свою концепцию «ономатологии» - науки об ИС. Согласно П. А. Флоренскому, имя должно подходить герою, быть «ядром образа». ИС художественного текста нельзя, по П. А. Флоренскому, считать «случайными условными знаками, т.к. литературные образы – «это не что иное, как имена в развернутом виде».

Согласно философии имени, всякое имя являет сущность объекта. Именем выражается тип личности. То же касается, по П. А. Флоренскому, и ИС художественного текста: характер персонажа предопределен его именем. Важным представляется отметить также мысль П. А. Флоренского о системности и взаимообусловленности литературных имен в рамках одного текста, выражающих авторские идеи в целостном единстве.

Как замечает Н. А. Веселова [1998], суждение П. А. Флоренского [1998] о том, что возможно особое "мышление именами", где одно только имя представляет человека, избавляя тем самым от необходимости перечислять его индивидуальные черты, может показаться излишне категоричным по отношению к имени в жизни, но оно точно передает специфику имени литературного персонажа. «Значимость имени персонажа, проблема "имя и судьба" могут быть осознаны или не осознаны автором, акцентированы ... или завуалированы ... , но безотносительно к авторской воле, в отличие от индивидуального имени в жизни, имя в литературе - это структурообразующий компонент персонажа, определяющий и его место в произведении и его судьбу» [Веселова 1998: 25].

ИС художественного текста приобретают значение в своем отношении к целому, они мотивированы авторским замыслом и всей структурой художественного произведения.

О. И. Фонякова говорит о трех аспектах, которые необходимо описать в связи с участием ИС в создании художественной картины мира писателя: имя в тексте, имя в творчестве писателя (выявление общих эстетических принципов в имяупотреблении автора), имя в эпохе и в традиции литературного языка и языка художественной литературы (социокультурные коннотации ИС в национальном именнике, в историко-языковой, религиозной и этической традиции народа) [Фонякова 1995: 50- 54]. По мнению исследовательницы, **имя в тексте** можно описывать по четырем семантико-стилистическим измерениям:

- 1) имя в системе имен художественного текста: тематическая характеристика ономастикона, т.е. репертуара ИС [Подольская 1988: 98] данного текста, функционально-стилистическая классификация имен собственных (главный персонаж, второстепенный персонаж, эпизодическое лицо, использование имени в авторской или прямой речи);
- 2) имя и характер, объект (мотивировка, художественное обыгрывание внутренней формы);
- 3) имя и локально-временной континуум (хронотоп);
- 4) имя «в композиции словесных цепей» (Б.А. Ларин), т.е. разные способы имяупотребления в связи с реализацией эстетической функции [там же].

В. Н. Михайлов [1987] обращает внимание на тот факт, что, описывая ИС художественного текста, необходимо учитывать и всевозможные контексты, в которые имя может попадать. Он говорит о трех видах контекста:

- 1) структурно-содержательном, когда важно выяснить, кто называется данным именем: основной, второстепенный или эпизодический персонаж; внесюжетный персонаж; упоминаемое лицо в составе сравнительной конструкции или перифразы; лицо, называемое переносно;
- 2) тематическом (имеются в виду «ономастические зоны», т.е. комплексы ИС, характерных для отображаемого участка действительности, персонажа, образа автора);
- 3) рече-композиционном, когда выделяются имена в авторской речи, в прямой речи персонажа, в несобственно прямой речи [там же].

В связи с композицией художественного произведения Б. А. Успенский рассматривает наименование (и в том числе употребление в авторском тексте ИС) как проблему точки зрения [Успенский 2000: 40]. Речь идет о том, что автор может использовать несколько точек зрения при обозначении одного и того же лица, и если мы проанализируем, как называют другие персонажи данное лицо, то можно определить, чья точка зрения используется автором в тот или иной момент повествования. Принятие же той или иной точки зрения выполняет существенную стилистическую функцию [там же: 40-52].

Принимая во внимание схему, предложенную О. И. Фоняковой [1995] для анализа ИС в тексте, а также классификацию контекстов В. Н. Михайлова [1987], мы разработали схему для анализа антропонимов в сказках и поэмах А. С. Пушкина, которая будет приведена полностью в главе 2. Здесь обозначим лишь те положения в работах О. И. Фоняковой и В. Н. Михайлова, которые включены в нашу схему анализа.

Предварять рассмотрение антропонимов в текстах переводов в сопоставлении с текстом оригинала будет **общая характеристика антропонимикона**, т.е. антропонимического состава, разбираемого текста. Общая характеристика

антропонимикона включает в себя в нашем анализе описание тематических групп антропонимов и их функционально-стилистическую характеристику (главные персонажи, второстепенные персонажи, упоминаемые антропонимы).

При описании **семантики антропонима** будут учитываться такие положения, как мотивировка антропонима с учетом обыгрывания внутренней формы, а также с учетом ближайшего контекста (принимая во внимание и рече-композиционный аспект) и широкого контекста (т.е. всего произведения или даже всего творчества А. С. Пушкина). Такие «семанτικο-стилистические измерения» [Фонякова 1995], как ИС и характер, ИС и хронотоп, которые являются, безусловно, важными при описании ИС художественного текста, будут учитываться нами при описании **функции антропонима**, т.к., как мы увидим, создание характеристики персонажа и участие в локально-временной характеристике (хронотопе) – частотные функции антропонимов художественного текста.

2.2. Функции ИС в художественном тексте

Под функциями ИС в художественном тексте будут пониматься специфические функции ИС в отличие от других лексических единиц. Они связаны со спецификой ИС как языковых единиц, со спецификой их значения – более тесной связью с денотатом (ср. §1.1).

Функции литературных антропонимов подробно описываются в работе немецкого исследователя Ф. Дебуса *Namen in literarischen Werken (Имена в литературных произведениях)* [Debus 2002]. Ф. Дебус говорит о двух основных возможностях, которые есть у писателя, чтобы наделить своих героев именами: найти эти имена или изобрести, придумать [Debus 2002: 34]. Речь идет о реальных (real, real-authentisch) и вымышленных (fiktiv) именах. Из комбинации дихотомий реальный / вымышленный, имя / носитель имени resultируются 4 возможности:

- 1) имя и носитель имени реальные,
- 2) имя реальное, носитель имени вымышленный,
- 3) имя и носитель имени вымышленные,
- 4) имя вымышленное, носитель имени реальный [там же].

В вымышленном имени автор может передать то, что должно характеризовать его носителя. Имя и носитель имени становятся для автора неким единством [там же: 35]. Но и реальные имена являются частью литературного произведения, они влетаются в общий ансамбль имен и служат определенной коммуникативной задаче: создают у читателя иллюзию реальности [там же: 36]. Кроме того, реальные имена в художественном

произведении „обрастают“ вымыслом (werden fiktionalisiert) [там же], и реальное имя исторической персоны не является идентичным такому же имени в исторической хронике.

С функциями литературных имен у Ф. Дебуса тесно связана предлагаемая им типология литературных имен. Он выделяет 4 типа литературных имен:

- 1) говорящие имена, которые «говорят» нам так же, как имена нарицательные, их лексическое значение является характеризующим признаком (например, в античной поэзии: *Терсит – дерзкий*),
- 2) классифицирующие имена, которые распределяют носителей по религиозным, национальным, социальным и др. группам (например, имя героя Т. Манна – *Tonio Kröger*: фамилия маркирована как северно-немецкая и как бюргерская, а имя говорит об итальянском происхождении матери героя),
- 3) имена, обладающие звукосимволизмом (например, имя певца в произведении Т. Фонтане – *Adolar Krola*, где звуковой эстетический эффект создает ряд гласных *a-o-a-o-a*),
- 4) олицетворяющие имена (*verkörperte*), которые получают свое значение через указание на носителя имени, существующего вне данного литературного произведения. Это, например, имена исторических лиц в художественном тексте (*Wilhelm Tell* в драме Шиллера) [Debus 2002: 57-73].

В основе классификации функций литературных имен у Ф. Дебуса лежит классификация, предложенная другим немецким исследователем – Д. Лампингом в работе *Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens* (*Имя в повествовании. К поэтике личного имени*) [Lamping 1983], но у Ф. Дебуса она несколько модифицирована. Ф. Дебус выделяет 5 функций литературных имен:

- 1) Идентификация – основная функция имени вообще, т.к. посредством имени происходит идентификация индивидуума. Это относится не только к именам художественного текста, но и к именам в языке.
- 2) Создание вымысла / создание иллюзии реальности (*Fiktionalisierung/ Illusionierung*), что осуществляется вымышленными (придуманными автором) и реальными именами (например, именами исторических лиц) соответственно.
- 3) Характеристика – обозначение внешности и духовной сущности носителя имени. Эта функция свойственна «говорящим» именам, именам, обладающим звукосимволизмом, классифицирующим именам. Например, у Ричардсона высокий человек назван *Грандисоном*.
- 4) Мифизация. Мифизация связана с коренящимся в мифах представлением о неразрывном единстве имени и сущности его носителя. Здесь речь идет не об

использовании мифов, а о явлении, подобном природе мифа. Произнесение имени означает одновременное призывание его носителя. Например, в романе Габриеля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» всех мужчин – представителей семейства *Буэндиа* – зовут либо *Аурелиано*, либо *Хосе Аркадио*, и создается впечатление, что вместе с именем герои наследуют и определенные качества, свою судьбу.

5) Акцентуация / анонимизация. Под акцентуацией понимается задействование особенностей имени как языкового знака: его этимологии, звукосимволизма и т.п., социально или психологически мотивированное название, акцент на отдельном имени в общем ансамбле имен. Например, уже упоминавшееся имя певца в произведении Т. Фонтане – *Adolar Krola*, где звуковой эстетический эффект создает ряд гласных *a-o-a-o-a*, выполняет функцию акцентуации. В противоположность этому анонимизация – это умолчание имени, безымянность [Debus 2002: 73-90].

В дальнейшем, при анализе ИС сказок и поэм А. С. Пушкина, мы будем понимать под акцентуацией, в первую очередь, акцент на звуковой стороне ИС (например, участие ИС в звукописи), а также на соотношении звуковой стороны ИС с его семантикой (например, посредством участия ИС в рифмах с полнозначными словами).

Д. Лампинг [Lamping 1983] называет еще три функции литературного имени:

- Констелляция (функция группировки персонажей). Это средство показать отношения между персонажами, например, дружбу, любовь, вражду и т.п. Например, у В. Раабе различие персонажей подчеркивается противоположностью их говорящих имен: *Aurelie Süßmilch* – *Laura Laurentia Sauer*, т.к. *süß* – ‘сладкий’, *sauer* – ‘кислый’.

- Перспективизация. Имя может восприниматься читателем как носитель определенной перспективы. Использование различных форм имени персонажа может сигнализировать о смене «точки зрения» на персонаж. Об этом же замечено и в работе Б. А. Успенского [2000]. Он показывает, что в «Братьях Карамазовых» различные лица называют *Дмитрия Федоровича Карамазова* по-разному: *Дмитрием Карамазовым* его называет прокурор на суде, *брат Дмитрий* или *брат Дмитрий Федорович* – так называют его Алеша и Иван Карамазовы, *Митенька* именует его городская молва (разговоры о нем семинариста Ракитина или диалоги в публике на суде) и т.п.

- Эстетизация. Здесь важна эстетическая изолированность имени, концентрация внимания на его форме и содержании, когда имя становится объектом переживания. Эстетическое переживание может вызывать звуковая форма имени, аллитерация или ассонанс в имени, рифмовка, а также содержательная сторона имени, например, использование архаичных имен в «Докторе Фаустусе» Т. Манна: *Serenus Zeitblom*, *Nepomuk Schneidewein*.

Всего Д. Лампинг выделяет 7 функций литературного имени. Это идентификация, создание вымысла, характеристика, акцентуация/ констелляция, перспективизация, эстетизация, мифизация [Lamping 1983: 7-8] и говорит об открытом характере данной типологии [там же: 11].

В работах по русской ономастике функции литературных антропонимов исследовались М. В. Карпенко [1970]. Автор разграничивает антропонимы и литературные антропонимы. Для первых, по мнению М. В. Карпенко, единственно обязательной функцией является номинация, а для вторых – характеристика, которая может быть прямой (этот прием популярен в сатире, где персонаж характеризуется «в лоб»: *Скотинин* у Фонвизина) и косвенной (литературный антропоним содержит косвенные указания на те или иные свойства его носителя: *Болконский*, *Друбецкой* в «Войне и мире» Л. Н. Толстого напоминают известные русские фамилии *Волконский*, *Трубецкой* и тем самым характеризуют персонажей как представителей аристократического круга). Характеризующая функция, согласно М. В. Карпенко, является главной функцией литературного антропонима. Она проявляется по-разному, и пути, связывающие семантику имени с персонажем, бесчисленны.

О. И. Фонякова называет другую главную функцию имен ИС в художественном тексте – эстетическую, которая проявляется как коммуникативно-номинативная, характерологическая, темпоральная, локальная, идеологическая, культурно-историческая и др. в разных жанрах художественного произведения [Фонякова 1990: 24].

О том, что характеристика является гиперфункцией, т.е. включает в себя другие функции, (мифизацию и акцентуацию / анонимизацию), говорит и Ф. Дебус [Debus 2002: 89]. Но основными функциями литературного имени он считает идентификацию и создание вымысла / создание иллюзии реальности, а уже третьей по значимости называет характеристику [там же]. Нам все-таки представляется, что идентификацию нельзя считать главной функцией литературного антропонима. Идентификацию можно считать, на наш взгляд, главной функцией антропонима в языке, т.к. денотатом ИС является конкретный предмет (см. §1) и ИС «одним ударом» идентифицирует этот предмет, являясь «экономичным языковым знаком» [Debus 2002: 19].

Эстетическая функция [Фонякова 1990] и функция создания вымысла / создания иллюзии реальности [Debus 2002] связаны со спецификой художественной речи. Но реализации этой функции подчинены все языковые средства художественного текста, а не только ИС. ИС становится характеристикой персонажа, участвует в создании вымысла или иллюзии реальности, показывает отношение одного персонажа с другими, дает представление о времени и месте действия, отражает различные точки зрения на персонаж

и т.п., подчиняясь при этом основной эстетической задаче – реализации авторского замысла.

Если же мы говорим о специфике литературной антропонимии, то, как нам представляется, специфической функцией ИС в художественном тексте следует считать характеристику (в широком понимании): характеристику персонажа (с различных точек зрения), характеристику отношений между персонажами, локально-темпоральную характеристику и др. Важно, на наш взгляд, говоря о функциях ИС в художественном тексте, отметить уже упоминавшуюся мысль Д. Лампинга [Lamping 1983] о том, что классификация функций ИС в художественном тексте носит открытый характер.

При анализе антропонимов в сказках и поэмах А. С. Пушкина и в переводах этих произведений мы будем учитывать описанные выше классификации функций ИС в художественном тексте. Какие функции ИС используются в сказках и поэмах А. С. Пушкина, будет обобщено после соответствующего анализа антропонимов в тексте оригинала и переводов.

В художественном тексте, где все стремится быть мотивированным, та же установка характеризует и антропонимы. Антропонимы вместе с другими языковыми средствами участвуют в создании картины мира писателя. Включаясь в различные контексты, ИС становится важным звеном структурно-содержательной, тематической, композиционной стороны произведения. ИС становится структурообразующим элементом художественного текста, актуализируя свои экспрессивные возможности на любом языковом уровне. ИС художественного текста – это ИС в речи, соответственно их семантика богаче, чем семантика ИС в языке. Кроме того, семантика ИС художественного текста обогащается художественно-изобразительными «приращениями» смысла [Виноградов 1981].

Описывая ИС художественного текста, необходимо учитывать тот факт, что „логика объективного отношения имени собственного к художественной структуре целого – логика подчас потенциальная для читателя, способная раскрыться ему“ [Магазаник 1978: 142].

Литературный антропоним выполняет в тексте произведения различные функции, главной из которых является характеристика (в широком понимании): характеристика персонажа (с различных точек зрения), характеристика отношений между персонажами, локально-темпоральная характеристика и др.

3. Антропонимы в переводе

Прежде чем переходить к особенностям передачи антропонимов в тексте перевода, представляется необходимым указать и на те общие проблемы перевода художественного текста, которые актуальны для данной работы.

Будучи одним из сложнейших видов речевой коммуникации, перевод представляет собой многомерный и многоаспектный процесс, определяемый множеством языковых и внеязыковых факторов, или детерминант перевода. В их число входят система и норма двух языков, две культуры, две коммуникативные ситуации - первичная и вторичная, предметная ситуация, функциональная характеристика исходного текста, норма перевода [Швейцер 1988: 205]. Сюда же можно включить интенцию отправителя и интенцию переводчика (особенно в отношении художественных текстов) и другие характеристики уже собственно норм перевода.

Одна из центральных проблем теории перевода, являющаяся важнейшей и при переводе художественного произведения, – это проблема текста. Именно текст является предметом анализа на первом этапе перевода, связанным с интерпретацией оригинала, и именно текст является предметом синтеза на его заключительном этапе. «Чтобы перевести, необходимо, прежде всего, понять, точно уяснить, истолковать самому себе переводимое, мысленно проанализировать, критически его оценить... Всякое истолкование подлинника, верное или неверное, и отношение к нему со стороны переводчика имеет результатом - в ходе перевода - отбор речевых средств из состава переводного языка» [Федоров 1983: 12].

Проблема текста привлекает к себе пристальное внимание теоретиков перевода. Так, в основе разрабатываемой Р. Штольце теории перевода текста лежит представление о форме текста как о выражении коммуникативной интенции отправителя, реализуемой через посредство языка. Понимание текста основывается на осознании его целостности с обязательным учетом прагматических правил его построения. При этом важно не только сказанное, но и подразумеваемое. Отсюда возникает необходимость в обязательном учете пресуппозиций, которые должны включать не только сказанное ранее, но и просто известное, "я" говорящего, его социальный статус, фоновые знания [Stolze 1982: 51-52].

Когда речь идет о художественном переводе, невозможно отодвинуть в сторону и литературоведческую проблематику. Творчество переводчика не сводится к процессу технических поисков точных соответствий и адекватных замен, важна и эстетическая сторона процесса художественного перевода. Конечно, для переводчика необходимо знание языковых параллелей и умение их применять, но этим его задача не исчерпывается. «Элементы деятельности переводчика, которые невозможно свести к

практическому применению сравнительной грамматики и стилистики – критическая оценка воздействия переводимого произведения на жизненную проблематику среды переводчика, избрание интерпретационной позиции, перенесение художественной действительности подлинника и его стилистики в новую культурную среду и пр.» [Левый 1974: 89].

ИС художественного текста при переводе должны подчиняться общим правилам передачи ИС на другом языке (см. далее § 3.1., 3.2.). Но, являясь элементами художественного текста, они отмечены спецификой художественной речи (см. §2.1.), что должно быть учтено в переводе.

3.1. Проблемы передачи ИС на другом языке

В первой главе своей книги *Übersetzbare Eigennamen* (Переводимые имена собственные) О. Бак справедливо отмечает, что, поскольку разные языки используют разные слова для обозначения одних и тех же предметов, то неудивительно, что и в отношении ИС наблюдается использование различных форм в разных языках [Bach 2002: 1-2]. В своем исследовании переводимости ИС он вводит понятие межъязыковой аллонимии (*interlinguale Allonymie*), под которой понимается различие форм ИС, обусловленное языком, а эквиваленты ИС в различных языках считаются межъязыковыми аллонимами [2002: 3-4]. Автор также отмечает, что многие объекты, обозначаемые ИС, находятся в более тесной связи с одним языком и языковым сообществом, чем с другими. Для географических объектов это связано с локализацией, для людей – с принадлежностью языковому сообществу и т.п. Иными словами, речь идет об определенном языковом окружении. Именную форму (*Namensform*) в языковом окружении носителя имени (*Namensträger*) О. Бак называет эндонимом (*Endonym*), а остальные формы, которые используются в других языках, - экзонимами (*Exonym*). Так, форма *München* для обозначения германского города является эндонимом, а формы *Munich* (фр., англ.), *Mnichov* (чеш.), *Monachium* (польск.) и др. – экзонимами [Bach 2002: 42]. Такая, более высокая ступень абстракции, необходима, по мнению автора, для того, чтобы сопоставлять каждую отдельную форму с другой и чтобы разграничивать эквивалентные и неэквивалентные формы [2002: 14].

В классических трудах по теории перевода ИС характеризуются "непереводимостью", относятся к безэквивалентной лексике: « ... безэквивалентность обнаруживается ... и среди мало известных имен и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода» [Комиссаров 1990: 148].

А. В. Федоров проводит аналогию между переводом слов, обозначающих национально-

специфические реалии (например, *самовар*, *бекеша*), и передачей тех ИС из области истории, географии, культуры, которые имеют свою семантику [Федоров 1983: 157].

Передача национально-специфических реалий при переводе связана зачастую с возникновением лакун. Лакуна - это некоторый фрагмент текста, в котором имеется нечто непонятное, странное, ошибочное (нечто, что можно оценить по шкалам «непонятно-понятно», «непривычно-привычно», «незнакомо-знакомо», «ошибочно-верно») [Сорокин, Марковина 1988: 77]. То же происходит и при передаче в переводе ИС.

Когда речь идет об ИС, то обычно говорят не о переводе, а об их передаче в тексте перевода. Иначе, по словам Х. Калверкемпера, *Churchill* превратился бы в немецком переводе в *Kirchberg*, *Casanova* в *Neuhaus*, *Shakespeare* в *Schwingespeer*, а *Bach* стал бы во французском переводе *Ruisseau* [Kalverkämper 1996: 1020].

Проблемы передачи ИС на другом языке связываются с проблемами межъязыкового и межкультурного заимствования, поскольку ИС закрепляются за предметом в индивидуальном порядке и должны в принципе служить для обозначения этого предмета не только в какой-то одной языковой среде, но и в других языковых и культурных средах [Ермолович 2001: 14].

Стремление сохранить за объектом уникальное имя в переводе требует решения целого ряда задач, которые невозможно реализовать во всей своей полноте хотя бы потому, что некоторые из них противоречат друг другу. Эти задачи, или принципы передачи ИС на другом языке суммирует Д. И. Ермолович [2001: 14-32]. Он выделяет следующие принципы:

1) Принцип графического подобия (транслитерация). О транслитерации говорят тогда, когда языки пользуются различными графическими системами, но буквы этих языков можно поставить в какое-то соответствие друг к другу, и согласно этим соответствиям происходит межъязыковая передача ИС. Например, *Ельцин* передается по-английски как *Yeltsin*. Преимущество транслитерации в том, что письменный вариант имени не искажается, его носитель имеет универсальную, независимую от языка идентификацию. Но при транслитерации заимствующий язык навязывает имени произношение по собственным правилам. Например, *Афродита* по-английски передается как *Aphrodite* [æfrə'daiti].

2) Принцип фонетического подобия (транскрипция). Ставится задача как можно точнее передать в языке перевода звучание исходного имени. Например, вариант передачи немецкого ИС как *Хайнрих* с точки зрения передачи звучания более точен, чем *Генрих*. Но в варианте *Хайнрих* одной и той же буквой *х* обозначены две разные немецкие фонемы. Чтобы соблюсти принцип взаимно однозначного соответствия между фонемами

оригинала и их графическими соответствиями в принимающем языке, современная переводческая практика выработала принцип **практической транскрипции**, который включает в себя некоторые элементы транслитерации.

При передаче ИС в переводах с русского языка на латышский особое внимание обращает на себя проблема передачи ударения в ИС. В латышском языке ударение обычно падает на первый слог [Lauda 1997: 108]. К исключениям относятся, в частности, несклоняемые ИС, где ударение сохраняется на том же слоге, что в языке оригинала, а также склоняемые ИС славянского происхождения, где существует два варианта ударения. В тех ИС, которые хорошо известны в латышской языковой среде, говорящий стремится сохранить ударение на том же слоге, что и в языке оригинала. В таких ИС, как *Turģenevs*, *Semjonovs* ударение будет падать на второй слог. Если говорящий не уверен в том, какой слог должен быть ударным в языке оригинала, то он, руководствуясь орфоэпической нормой латышского языка, будет произносить это ИС с ударением на первом слоге [Lauda 1997: 109].

3) Учет национально-языковой принадлежности имени. В любых языковых коллективах есть лица иной национальной принадлежности. При передаче их имен в переводе необходимо ответить на вопрос, в какой степени эти имена сохранили своеобразие того языка, из которого пришли. При переводе с русского языка особого внимания требуют имена иностранного происхождения, транскрибированные по-русски. При переводе следует стремиться восстановить орфографию этого имени на том языке, из которого оно пришло. Например, в одном из рассказов С. Довлатова фигурирует поляк-эмигрант по имени *Венчислав Глинский*, живущий в США. Переводчица рассказа на английский язык передала имя и фамилию неточно – как *Wenceslav Glinski*, хотя правильное написание имени – *Więczyślaw Glynski*.

4) Принцип этимологического соответствия (транспозиция). Транспозиция заключается в том, что ИС разных близкородственных языков используются при переводе для передачи друг друга (например, фамилия *Ермолова* по-белорусски пишется *Ярмолова*).

5) Принцип благозвучия. При транскрипции иноязычных имен могут возникать не свойственные языку звуко сочетания, что делает имена трудночитаемыми. В этом случае, а также при возникновении нежелательных ассоциаций в принимающем языке с лексикой сниженного регистра возможны отступления от общих правил транскрипции. Например, фамилия советского политика 70-х годов XX века *Шутиков* передавалась советскими информационными агентствами на английском языке как *Chitikov*, чтобы избежать ассоциации с английским вульгаризмом.

6) Сохранение тождества имени. ИС обладают вариативностью. Например, у антропонимов в русском языке, как мы отмечали в §1.2.2., есть полная, краткая и экспрессивная форма личного имени. В одном тексте одно и то же лицо может именоваться, например, *Анатолий Сергеевич*, *Анатолий*, *Толик*, *Толя* и т.п. Сохранить тождество имени – значит устранить (по возможности) для читателя трудности с идентификацией вариантов одного и того же имени (посредством комментария или сокращением количества используемых форм).

7) Адаптация имени к грамматической системе принимающего языка. Форма ИС тесно связана с грамматической категоризацией данного ИС. Например, в русском языке заимствованному имени или названию присваивается значение грамматического рода, которое диктуется нормами русского языка, а не исходного. Так, названия французского города *Lille* и области *Provance* во французском языке женского рода, а их русские соответствия *Лилль*, *Прованс* – мужского рода.

В латышском языке заимствованные личные имена и фамилии получают окончания существительных (*Andrejs Ivanovs*). Исключение составляют несклоняемые личные имена и фамилии, например *Martinelli* [Par vārdu un uzvārdu lietošanu ... 1999: 9].

8) Способность имени к словообразованию. Попав в новую языковую среду, ИС должно обрести способность образовывать производные слова. Иногда это оказывается затруднительно. Например, от фамилии художника *Dali* в английском языке образуется прилагательное *Daliesque* («в духе Дали», «такой, как в произведениях Дали»), а в русском языке это невозможно.

9) Учет исторической традиции. Межкультурные и межъязыковые контакты имеют давнюю историю, и имена и названия все это время заимствовались из одного языка в другой, поэтому для передачи многих ИС существует историческая традиция (часто не соответствующая современным нормам практической транскрипции), но эту традицию необходимо учитывать. Например, *Suomi* передается по-русски как *Финляндия*.

10) Учет характеризующих компонентов значения имени. Если ИС связывается с его производностью от нарицательного, то переводчику необходимо сделать выбор, чему отдать предпочтение: передаче формы имени или его смысла (например, *Greenpeace* передается традиционно как *Гринпис*, хотя вариант *Зеленый мир* тоже мог бы существовать).

11) Учет конкретной прагматической задачи. Несомненно, разными при передаче ИС будут задачи картографа (для которого важно наиболее точно воспроизвести юридическую форму имени) и переводчика художественного текста.

Как видим, задачи, которые возникают перед переводчиком при передаче ИС, очень разные. Проанализировав конкретную ситуацию, переводчик должен сделать выбор, какой вариант предпочтительнее и чем придется пожертвовать.

В переводческой практике выработались различные виды соответствий при передаче ИС в переводе, что обобщалось также и теоретически. И. Левый указывает на три способа перевода (в том числе и «перевода» ИС): собственно перевод, подстановка (субституция) – замена отечественной аналогией, транскрипция [Левый 1974: 122-125]. О. Г. Сидорова называет транскрипцию в качестве основного способа и выделяет также транслитерацию и перевод [Сидорова 2001].

Более подробную классификацию возможных соответствий ИС при переводе, взята за основу и в нашем исследовании, предлагает Д. И. Ермолович [2001: 35-36]. Он выделяет:

- 1) Прямой перенос имени в исходной форме в текст перевода. Этот способ практикуется сегодня в русских деловых и газетных текстах, когда речь идет о названиях компаний.
- 2) Ономастическое соответствие. Под ономастическим соответствием понимается такое соответствие, которое воссоздает фонографическую оболочку ИС с той или иной степенью близости к оригиналу. Ономастическим оно называется, т.к. его основная задача – передать оним, т.е. ИС. Сюда относятся различные варианты транскрипционных, транслитерационных и традиционных соответствий (т.е. таких, которые учитывают историческую традицию передачи ИС). Вслед за Д. И. Ермоловичем мы не будем выделять как отдельный способ передачи ИС в переводе транскрипцию и транслитерацию, т.к. транскрипция или транслитерация «в чистом виде», как правило, не используется (см. выше о практической транскрипции). При анализе антропонимов в переводах сказок и поэм А. С. Пушкина мы будем указывать лишь общий тип эквивалента – ономастическое соответствие (исключая отдельные случаи).
- 3) Комментирующий перевод (использование ономастического соответствия, дополненного комментарием в примечании или приложении).
- 4) Уточняющий перевод (ономастическое соответствие дополнено одним или несколькими поясняющими словами непосредственно в тексте).
- 5) Описательный перевод (передача значения ИС нарицательным словом или словосочетанием).
- 6) Преобразующий перевод (использование в качестве соответствия ИС, отличного от исходного). Сюда мы включаем и собственно перевод (что характерно, как мы увидим, ИС сказок), т.к. собственно перевод (например, *Chapeau Rouge* – *Красная Шапочка*) является разновидностью преобразующего перевода.

Перечисленные выше проблемы касались передачи в переводе любых ИС, независимо от того, к какому разряду они относятся. Можно выделить особые проблемы и в передаче при переводе непосредственно антропонимов. Подробно с привлечением материала английского языка это описано Д. И. Ермоловичем [2001: 37-104], ниже мы назовем лишь ключевые моменты, актуальные в нашем исследовании.

3.2. Специфика передачи антропонимов в переводе

Основные проблемы передачи антропонимов в переводе мы разделили на три группы. Это проблемы передачи отдельных видов антропонимов; проблемы, связанные с передачей значения антропонимов; проблемы, связанные с передачей формы антропонимов. Рассмотрим подробнее каждую из названных групп.

Передача отдельных видов антропонимов вызывает трудности при переводе в силу специфики данного вида антропонимов. Сюда относится:

1) Передача форм личных имен (полных, кратких, экспрессивных). О том, что все три формы возможны как в русском, так и в немецком и латышском языке (хотя и не для всех имен), мы говорили в §1.2.2. Особенно проблематичной оказывается при переводе с русского языка ситуация, когда для одного лица используется целый ряд экспрессивных форм (*Сереженька, Сергунька, Сергуня, Серега, Серьга*). Переводчик должен сделать выбор, передавать все формы или нет. Передавая все формы в переводе, переводчик рискует нарушить тождество имени. В зависимости от специфики переводимого текста, от конкретной прагматической задачи переводчик принимает решение о передаче / непередаче всех экспрессивных форм.

2) Передача отчеств. Отчества – характерный признак антропонимической системы русского языка. В немецком и латышском языке они воспринимаются как нечто экзотическое, что создает культурно-психологические проблемы при восприятии. Переводчик выбирает, сохранять отчество в переводе или нет, что также зависит от конкретной прагматической задачи.

3) Передача прозвищ. Мы не останавливались на прозвищах каждого языка в §1.2.2, т.к. прозвище не входит в антропонимическую формулу. Под прозвищем мы понимаем неофициальное экспрессивное имя, используемое в дополнение к официальному или вместо него. При переводе нужно иметь в виду, что прозвище может быть ситуативным и внеситуативным [Ермолович 2001: 89-91]. Ситуативное прозвище возникает в конкретной речевой ситуации по определенному поводу. Например, в конкретной ситуации, когда героиня Г. Роббинса повела себя заносчиво, герой называет ее *Miss High-and-Mighty* (*мадам Задавака*). Внеситуативное прозвище закрепляется за человеком постоянно, вне

зависимости от речевой ситуации. При передаче ситуативного прозвища в переводе необходимо сохранить ориентированность на ситуацию, а внеситуативное прозвище должно иметь постоянный эквивалент в тексте.

Прозвища обладают, как правило, живой внутренней формой, и мотивацию прозвища следует по возможности передавать в переводе. Например, в повести Г. Роббинса среди персонажей встречается подросток по имени *Spit*, о котором говорится, что он брызжет слюной при разговоре. Понятно, что за это он и получил прозвище, и в переводе его можно назвать, например, *Слюнявый* [Ермолович 2001: 99-100].

Вторую группу проблем при передаче антропонимов в переводе образуют проблемы, связанные с передачей значения антропонимов. Сюда относятся:

1) Передача единичных антропонимов. О специфике единичных антропонимов мы говорили в §1.2. Единичные антропонимы могут вводиться в текст без всяких пояснений, т.к. это имена известных людей. Проблема возникает тогда, когда антропоним является единичным лишь для одного языкового коллектива. Например, если антропонимы *Эйнштейн*, *Эзоп*, *Линкольн* являются единичными как в английском, так и в русском языке, то имена *Уильяма Хэзлитта* или *Уиллы Кэсер* являются единичными антропонимами только в английском языке, а в русском языке такого статуса не имеют [Ермолович 2001: 42]. Переводя на русский язык текст, содержащий имена *Уильяма Хэзлитта* или *Уиллы Кэсер*, переводчик не вправе рассчитывать, что эти антропонимы будут понятны читателю так же, как антропонимы *Эйнштейн*, *Эзоп*, *Линкольн*. В зависимости от специфики переводимого текста переводчик может создать комментарий к этим ИС или использовать уточняющий перевод.

2) Передача переносного значения антропонимов. В переносном значении антропонимы служат средством образной характеристики и могут относиться к иным референтам, чем в прямой номинации (см. §1.2.). Это называют иногда вторичным переименованием: «В стилистическом плане вторичное окказиональное переименование является источником образной экспрессии и лежит в основе формирования ряда лексических стилистических приемов...» [Языковая номинация 1977: 90]. Таким образом, антропонимы используются в сравнениях, метафорах, метонимиях. Проблема при переводе возникает в том случае, если переносное значение вызывает ассоциации только в данном языковом коллективе. В качестве примера Д. И. Ермолович приводит такой переводной фрагмент: «Потому что это – страна, где век двигателей внутреннего сгорания давно вступил в свои права. Где каждый мальчишка – *Барни Олдфилд*». Имя американского автогонщика начала XX века мало о чем говорит русскоязычной аудитории [Ермолович 2001: 66].

Третья группа проблем связана с передачей формы антропонимов. Сюда включаются:

1) Передача рода антропонимов. В русском и латышском языке от фамилии мужского рода можно произвести фамилию женского рода (*Иванов / Иванова, Liepiņš / Liepiņa*), а в немецком языке женская и мужская фамилия не отличаются по форме (*Schmidt*). Поэтому в немецком языке при переводе могут возникать примеры, подобные тем, которые приводит Д. И. Ермолович для английского языка: *Raisa Gorbachev*, т.к. упоминается, как правило, вместе с именем мужа *Mihail Gorbachev*, но: *Irina Rodnina* [2001: 83].

2) Передача личных имен общеевропейского происхождения (имеются в виду имена Библии и других христианских письменных источников, имена, связанные с античной культурой). Для таких имен в каждом языке существует, как правило, традиционная форма, которую и следует использовать в переводе.

Основные проблемы передачи антропонимов в переводе, на которые мы указали, касаются передачи всех антропонимов, вне зависимости от специфики переводимого текста. Однако при передаче антропонимов художественного текста существуют свои дополнительные особенности. Важной становится значимость антропонима (*Bedeutsamkeit*), которая является источником больших переводческих трудностей, но которую необходимо сохранить в принимающем языке [Pieciul 2002; 2003]. Передачу антропонима в переводе художественного текста нельзя рассматривать отдельно от творческого акта наделения именем в тексте оригинала, потому что и переводческая стратегия, и иерархия эквивалентов при передаче литературных ИС тесно связаны с интенциями автора [Grasseger 1985: 46]. А. Келлетат отмечает, что задачей переводчика (например, переводчика сказок, детских книг, литературных текстов) является, в том числе и ориентация в тех коннотациях, которые связаны с ИС [Kelletat 1999].

Ф. Дебус обращает внимание на тот факт, что различные типы литературных имен следует по-разному и передавать в переводе [Debus 2002: 97]. «Говорящие» имена, если их значение точно узнаваемо, можно и нужно переводить, имея при этом в виду, что и такие имена могут иметь дополнительные стилистические, обусловленные контекстом, указывающие на время действия, социальную среду и т.п. компоненты, что, конечно, осложнит их прямой перевод [там же: 98]. Сложнее обстоит дело с классифицирующими именами и именами, обладающими звукосимволизмом – если для них нельзя найти соответствующую форму, то их следует «оставлять» (имеется в виду передавать графическую оболочку), что является принципиальным решением в случае олицетворяющих имен [там же].

3.3. Переводы и переводчики А. С. Пушкина на немецкий и латышский языки

Прежде чем переходить к практическому анализу антропонимов в переводах А. С. Пушкина на немецкий и латышский язык, необходимо кратко охарактеризовать рассматриваемые в данной работе переводы.

3.3.1. Переводы А. С. Пушкина на немецкий язык

Количество переводов А. С. Пушкина на немецкий язык на сегодняшний день уже очень велико. В Германии имеется не только большое количество переводов его отдельных произведений, но и уже более 150 лет назад появилось первое собрание сочинений А. С. Пушкина (см. далее). П. Н. Берков в свое время отмечал, что Пушкин в переводах на немецкий язык «наиболее точен, с известными оговорками полон, художественен» [Берков 1937: 222].

Составлением полной библиографии переводов А. С. Пушкина на немецкий язык занимается Немецкое пушкинское общество, председателем которого является проф. Рольф-Дитрих Кайль. В ежегоднике общества „Arion“ (см., например, [Arion 1996, 1999]) помимо научных статей и материалов публикуются и библиографические сведения о переводах произведений А. С. Пушкина на немецкий язык.

Первоначально переводы произведений А. С. Пушкина на западноевропейские языки делались либо иностранцами, жившими в России, преимущественно преподавателями различных учебных заведений, либо – несколько позднее – поэтами-дилетантами из аристократических кругов. Значительно позже стали заниматься А. С. Пушкиным в качестве переводчиков более или менее крупные литературные деятели Западной Европы – Проспер Мериме, Фр. Боденштедт, Рене Гиль и др. [Берков 1937: 220].

Рассматриваемые нами переводы относятся к различным этапам освоения творчества А. С. Пушкина в Германии:

- 1) Переводы, выполненные при жизни А. С. Пушкина,
- 2) Переводы, выполненные в XIX веке,
- 3) Переводы, выполненные в XX веке.

Самый ранний из рассматриваемых в данной работе переводов А. С. Пушкина на немецкий язык, - это перевод фрагмента из «Руслана и Людмилы», выполненный Карлом Фридрихом фон дер Боргом [Puschkin 1823]. Он помещен во втором томе поэтической антологии К. Ф. фон дер Борга «Поэтические произведения русских». Первый том этой антологии вышел в Дерпте в 1820 году, а второй в Риге в 1823 году.

Карл Фридрих фон дер Борг (1794– 1848) был поэтом и переводчиком. Борг родился в Петербурге, в 1811 – 1816 годах он учился, а потом работал в Дерпте. Он служил

секретарем окружного суда, а позднее стал юрисконсультom Дерптского университета [Raab 1964: 27-29]. Последние произведения А. С. Пушкина, а также сведения о развитии литературного процесса в России фон дер Борг получил из рук поэта Николая Языкова. В антологию Борга вошли, кроме двух упомянутых пушкинских текстов, произведения таких авторов, как Жуковский, Карамзин, Дмитриев, Ломоносов, Державин и др., а также некоторые народные песни. Антология Борга снабжена приложением с примечаниями, которые в большей мере исходят из «Опыта краткой истории русской литературы» Н. И. Греча [Ершофф 1987: 69]. Об А. С. Пушкине в примечаниях сказано: «У него много лирических стихотворений, посланий и т.п., наиболее же значительными его творениями являются изданное в Петербурге романтическое стихотворение «Руслан и Людмила» в 6 песнях и еще одно под названием «Кавказский пленник», СПб., 1822. Оба стихотворения, а в особенности последнее, отличаются живостью изображения действительности, захватывающим повествованием и благозвучием, и Пушкин, благодаря этим произведениям, в расцвете юношеских сил стал в один ряд с крупнейшими русскими поэтами» [Borg 1823: 403-404].

Это был первый положительный отзыв об А. С. Пушкине, напечатанный в немецкой книге. Антологию Борга высоко оценили в русской прессе. А. А. Бестужев назвал Борга одним из «примерных переводчиков-поэтов», Н. Языков считал борговские переводы «прекрасными», а Н. Греч – «верными и элегантными» [Роговер 1999: 199]. Антологию Борга заметили и в Германии. Литературный листок („Literatur-Blatt“) Менцеля опубликовал рецензию, а в газете „Allgemeine Literatur-Zeitung“ проходило обсуждение антологии и особо подчеркивалось мастерство переводчика.

Одновременно с переводами К. Ф. Борга в Петербурге появился перевод «Кавказского пленника», выполненный Александром Вульфбертом [Puschkin 1823a]. Этот перевод с интересом был встречен А. С. Пушкиным [Роговер 1999].

А. Вульферт (1790-1855) родился в Выборге, был учителем, с 1826 года был редактором в «Санкт-Петербургской газете», пользовался расположением царской семьи. За свой перевод «Кавказского пленника» А. Вульферт получил от царицы в подарок золотые часы [Raab 1964: 29]. Перед непосредственным текстом перевода «Кавказского пленника» А. Вульферт поместил предварительные замечания, где прокомментировал географические названия и имена, встречающиеся в тексте (*Beschtu, Ellborus, Kuban* и др.), а после текста приведена черкесская песня (*Tscherkessenlied*) в переводе на немецкий язык и с нотным приложением (музыка А. Мауэра).

Переводы фон дер Борга и А. Вульферта относятся к самому раннему этапу рецепции творчества А. С. Пушкина в Германии – еще при жизни поэта. Второй этап знакомства

немцев с творчеством А. С. Пушкина охватывает время с 1837 по 1899 год. Значительным явлением для этого периода была развернутая статья видного немецкого критика Фарнгагена фон Энзе «Пушкин и русская литература», опубликованная в 1838 году в «Ежегоднике научной критики» [Роговер1999], [Шелингер 1958]. Своеобразным откликом на эту работу явились новые переводы А. С. Пушкина, в частности двухтомные «Избранные произведения Пушкина», вышедшие в 1840 году в Лейпциге [Puschkin 1840]. Переводчиком выступил Роберт Липперт, который предложил немецкому читателю новый вариант «Евгения Онегина» (к сожалению, *Татьяна* стала здесь *Иоанной*), «Кавказского пленника», «Братьев-разбойников», «Полтавы», «Графа Нулина», «Сказки о царе Салтане» (она здесь оказалась названной «Сагой о царе Сильване и его сыне, рыцаре Гаральде»). Тем не менее, двухтомное издание Р. Липперта можно считать первыми «Избранными сочинениями» А. С. Пушкина на немецком языке. Хотя, если говорить о поэзии, то подборка стихотворений выглядит однобоко: в основном баллады и народный эпос, что дезориентировало читателя, ожидавшего увидеть осознанный выбор показательных стихотворений. Обращает на себя внимание и тот факт, что Р. Липперт выбирает в основном поздние стихотворения А. С. Пушкина, которые прежде недооценивались в Германии. О качестве переводов Р. Липперта Г. Рааб замечает, что они были частично удачными, но не выходящими за рамки посредственных. Неоправданными оказались ожидания «Отечественных записок», надеявшихся на появление настоящего переводчика, которого давно ждала русская литература, чтобы он представил ее Европе [Raab 1964: 75]. В 1841 году Р. Липперт приехал в Петербург и сотрудничал некоторое время в отделе иностранной литературы «Отечественных записок». Г. Рааб пишет о нехватке у Р. Липперта глубины и своеобразия, что и сделало вскоре невозможным его дальнейшее сотрудничество с этим журналом [Raab 1964: 76]. Однако в 40-е годы издание Р. Липперта, несмотря на все свои недостатки, оставалось практически единственным изданием А. С. Пушкина, на которое мог опираться читатель и критик, не владеющий русским языком.

Важную роль в приобщении немецкой публики к пушкинскому наследию сыграл Фридрих Боденштедт (1818-1892). Он выполнил немало переводов произведений русского поэта, достаточно полных и точных, и сопроводил один из томов, их содержащий, критической статьей, в которой – вслед за Ф. фон Энзе – обосновал национальную самообытность А. С. Пушкина, сопоставив его с Дж. Байроном и противопоставив его последнему. Особенно высоко оценивает Ф. Боденштедт роман «Евгений Онегин», сравнивая его по значению с «Фаустом» Й. В. Гете [Алексеев 1987: 298].

По приглашению князя М. Голицина Ф. Боденштедт приехал в Москву в 1841 году и провел здесь около трех лет. Первые переводы из А. С. Пушкина изданы были им в Лейпциге в 1843 году. По отзыву самого автора книга была мало удовлетворительна, впоследствии он ее сам тщательно разыскивал, скупал и уничтожал. Но в своих воспоминаниях о пребывании в России он пишет: «Между тем, несмотря на многочисленные искажения, книга эта встретила большой успех, нежели я мог ожидать. Ее не только расхвалили в немецких газетах, но и А. И. Герцен отзывался о ней в таком тоне, как будто переводы мои были образцовые» [Алексеев 1987: 298-299].

В 1854-1855 годах Ф. Боденштедт выпустил свои переводы А. С. Пушкина в трех томах [Puschkin 1854]. Это издание вызвало много откликов в немецкой, русской, английской печати, но расходилося гораздо медленнее, чем его первая книжка 1843 года – разделяющее их десятилетие было периодом ослабления интереса к русской литературе в Германии [Алексеев 1987: 299].

Ф. Боденштедт был не только переводчиком, но и писателем. Его перу принадлежат романы, рассказы, драмы (в частности, трагедия «Димитрий», навеянная «Борисом Годуновым»). Но значение Ф. Боденштедта как переводчика, по замечанию Г. Рааба [Raab 1964], намного превосходит его писательские таланты. Из русской литературы он переводил еще Лермонтова, Державина, Карамзина, Дмитриева, Батюшкова, Давыдова, Крылова, Жуковского, Козлова, Дельвига, Вяземского, Полежаева, Тютчева, Фета, Надсона, Тургенева, переводил восточных поэтов, а из английской литературы, например, Шекспира. Боденштедт получил прозвание «немецкий Жуковский», наряду с Проспером Мериме он стал в 1863 году почетным членом «Московского общества любителей российской словесности» [Raab 1964: 101-119].

Рассмотренные нами переводы Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] характеризует стремление к максимальной точности и обширное комментирование, вплоть до комментария произношения. Переводы Ф. Боденштедта не потеряли своей актуальности и в XX веке: некоторые сделанные им переводы включались уже в XX веке в собрания сочинений А. С. Пушкина на немецком языке. «Сказка о мертвой царевне...» и «Сказка о царе Салтане...» в переводе Ф. Боденштедта помещены в «Избранные произведения» А. С. Пушкина на немецком языке, изданные в 1999 году Г. Раабом [Puschkin 1999].

В последней трети XIX века, когда взаимоотношения России и Германии значительно изменились, миссия распространения русской литературы среди немцев перешла в большей степени к российским уроженцам. Особенно это касалось литературы прежних лет, которую заслонили для европейских современников великие русские прозаики Тургенев, Толстой, Достоевский [Данилевский 1999]. К рассматриваемым в данной работе

переводам этого периода относятся переводы А. Ашарина [Puschkin 1877] и А. Лупуса [Puschkin 1898].

Андреас Ашарин (1843- 1896) родился в Пярну, по окончании гимназии изучал юриспруденцию в Дерпте, а в 1875-1879 годах – журналистику в Санкт-Петербурге. С 1879 года он живет в Риге, а с 1883 года является старшим учителем немецкого языка в Александровской и Ломоносовской гимназиях. А. Ашарин был не только переводчиком, но и поэтом, и выдающимся шахматистом и теоретиком шахмат. Переводил он с русского языка, в основном – Пушкина и Лермонтова [Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1970: 19].

Книга переводов А. Ашарина *Dichtungen von Puschkin und Lermontow (Поэзия Пушкина и Лермонтова)* [Puschkin 1877] представляет собой так называемое «роскошное издание», включающее произведения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова - лирические стихи, романсы и баллады, эпическую поэзию - расположенные по жанрам. А. Марков называет переводы А. Ашарина, наряду с переводами Ф. Боденштедта, «классическими переложениями» А. С. Пушкина на немецкий язык [Марков 1899: 641].

Доктор Алексис Лупус (Вольф) был, по словам П. Н. Беркова, «ярким пушкинофилом» [Берков 1937: 224]. Г. Рааб называет его, правда, в ряду «менее одаренных переводчиков» [Raab 1964: 133]. Рассматриваемый нами перевод «Медного всадника» - „Der eiserne Reiter“ [Puschkin 1898] – это совместное издание Лейпцига и Санкт-Петербурга. В книге 126 страниц, из которых сам перевод занимает 27, а далее помещены разного рода примечания. Тексту предпослано предисловие переводчика, в котором сообщаются краткие сведения из истории создания произведения, затем следует перевод предисловия А. С. Пушкина. После текста поэмы в переводе А. Лупуса приводятся очень подробные примечания переводчика (29 пунктов, среди которых и комментарии к некоторым ИС). Затем приводится послесловие переводчика, в котором говорится о значении А. С. Пушкина, об особенностях его поэтики, о проблемах перевода А. С. Пушкина на немецкий язык, при этом А. Лупус называет имена известных переводчиков А. С. Пушкина – Ашарина, Боденштедта, Блументалья, Каролины Павловой. В качестве приложения А. Лупус приводит список известных ему переводов «Медного всадника» и в стихах, и в прозе на другие европейские языки. Таким образом, книга, написанная А. Лупусом и выпущенная в 1898 году, т.е. за год до юбилея А. С. Пушкина, представляет собой не только перевод, но и исследование, комментарий «Медного всадника» для немецкого читателя. Непосредственно в год юбилея выйдет в свет такой же по стилю перевод и комментарий «Евгения Онегина», осуществленный А. Лупусом [Puschkin 1899],

где будет переведена и подробнейшим образом прокомментирована первая песнь пушкинского романа в стихах.

Следующий период приобщения в Германии к творчеству А. С. Пушкина можно условно обозначить как первая половина XX века. Знакомство немецких читателей с Пушкиным стало значительно более обширным, чему в значительной мере способствовала интенсивная переводческая деятельность в их стране. Как показал В. Нойштадт, к началу XX столетия в немецкой литературе имелось уже 170 переводов А. С. Пушкина, которые теперь вошли в культурный обиход читателей [Роговер 1999: 202].

К этому периоду относится деятельность следующих переводчиков, чьи работы привлекаются для анализа в данном исследовании: В. Греггер, А. Лютер и Э. Вальтер.

Вольфганг Греггер (Groeger) родился в 1882 году в Риге. Доктор юридических наук и адвокат в Берлине, он был издателем серии романов «Русская революция в зеркале поэзии», а также переводчиком произведений А. С. Пушкина, А. А. Блока, Н. Бердяева и др. [Deutsches Literatur-Lexikon 1978: 842]. Его перевод „Медного всадника“, рассматриваемый нами в работе, называли удивительным по полнозвучности и проникновению в дух подлинника [Роговер 1999: 202]. В предисловии к переводу „Медного всадника“, которое написал другой переводчик А. С. Пушкина – А. Лютер – говорится, что автор данного перевода – поэт, обладающий, кроме того, глубоким знанием русской души и русского языка, а также пламенно любящий творчество А. С. Пушкина [Luther 1922: 5-9]. Переводы «Медного всадника» и «Графа Нулина», выполненные В. Греггером, помещены в *Избранных произведениях* А. С. Пушкина на немецком языке, изданных в 1999 году Г. Раабом [Puschkin 1999], а его переводы «Сказки о золотом петушке» и «Сказки о попе и о работнике его Балде» выбрал для своего издания *Избранных произведений в 4-х томах* В. Нойштадт [Puschkin 1950].

Рассматриваемые в данной работе переводы сказок А. С. Пушкина, сделанные Эрвином Вальтером, – это переводы, собранные в одной книге, изданной в Берлине в 1962 году в издательстве „Diakow & Co“ [Puschkin 1962]. Это повторное издание книги, выпущенной тем же издательством в 1923 году. Оно представляет собой детскую книгу большого формата, с красочными иллюстрациями Г. Шлихта. Понятно, что такой перевод, адресованный маленьким читателям, не отягощен ссылками и научным комментарием, как, например, называвшиеся выше переводы А. Лупуса.

Литературоведа Артура Лютера (1876-1955) Р. Ю. Данилевский [1999] называет выдающимся знатоком Пушкина и русской литературы. О вышедшем в 1923 году переводе поэмы «Цыганы», сделанном А. Лютером, В. Нойштадт замечает, что данный

перевод очень близок по поэтическому звучанию оригиналу и что А. Лютер создал новый текст, используя все ранее выпшедшие переводы [Neustadt 1950a: 450]. Именно перевод А. Лютера В. Нойштадт и поместил в своем издании переводов А. С. Пушкина – в *Избранных произведениях в 4-х томах* [Puschkin 1950].

В 1949 году – в год юбилея, когда отмечалось 150-летие со дня рождения А. С. Пушкина, - выходит четырехтомное собрание сочинений А. С. Пушкина на немецком языке (*Ausgewählte Werke*), переводчиком, издателем и автором предисловия которого является Иоганнес фон Гюнтер [Puschkin 1949]. Иоганнес фон Гюнтер (1886-1973) был поэтом, переводчиком, мемуаристом, принадлежавшим в молодости к кругу друзей А. А. Блока [Данилевский 1999]. Переводы всех сказок и поэм А. С. Пушкина, помещенные в этом издании, анализируются в нашей работе.

Кроме четырехтомного издания переводов А. С. Пушкина на немецкий язык под редакцией И. фон Гюнтера, в нашем исследовании привлекается для анализа и уже упоминаемое выше четырехтомное издание избранных произведений А. С. Пушкина под редакцией В. Нойштадта – *Ausgewählte Werke in vier Bänden* [Puschkin 1950]. Это издание также является юбилейным, оно вышло в Москве в «Издательстве литературы на иностранных языках». Существенным отличием по сравнению с изданием И. фон Гюнтера является наличие обширного комментария издателя, где, кроме информации об истории создания и особенностях произведений А. С. Пушкина, приводятся сведения об уже существующих переводах А. С. Пушкина на немецкий язык и сопровождаются иногда критическими замечаниями В. Нойштадта. В нашей работе привлечены для анализа лишь два перевода, помещенные в этом издании. Это переводы «Сказки о золотом петушке» и «Сказке о попе и о работнике его Балде», выполненные В. Греггером. Переводы других сказок и поэм А. С. Пушкина, помещенные в издании В. Нойштадта, цитируются либо по более ранним изданиям (например, переводы Р. Липперта), либо по изданию под редакцией Г. Рааба [Puschkin 1999], о котором будет сказано ниже.

В 1999 году – в год 200-летия А. С. Пушкина – в издательстве «Aufbau» вышло трехтомное издание избранных сочинений А. С. Пушкина на немецком языке под редакцией Г. Рааба - *Ausgewählte Werke* [Puschkin 1999]. Гаральд Рааб – выдающийся славист, автор монографии *Лирика Пушкина в Германии* [Raab 1964]. Вышедшее под его редакцией *Собрание сочинений* А. С. Пушкина в шести томах в 1964-1968 годах стало крупным событием для немецкой пушкинианы [Роговер 1999]. Издание 1999 года не включает стихотворения, статьи, дневники и письма. Интересующие нас в данной работе сказки и поэмы помещены в первом томе. В издании под редакцией Г. Рааба наиболее

точно из всех используемых изданий А. С. Пушкина на немецком языке переданы авторские примечания, за исключением не менее точных в этом отношении переводов Ф. Боденштедта [Puschkin 1854]. Для своего трехтомного издания Г. Рааб отбирает как некоторые уже упоминавшиеся переводы начала XX (В. Грегера) или даже XIX века (Ф. Боденштедта), так и позднейшие переводы А. С. Пушкина. Несколько переводов, помещенных в издании Г. Рааба, выполнил современный поэт-переводчик Мартин Ремане [Данилевский 1999]. «Полтава» представлена в переводе Бруно Тутенберга – переводчика русской литературы, переводившего, в частности, А. Н. Радищева [Wikipedia], поэма «Цыганы» - в переводе немецкой писательницы Бригитты Струцик (род. 1946) [Wikipedia], «Сказка о золотом петушке» - в переводе А. Элиасберга, который из русской литературы переводил еще, например, произведения Д. С. Мережковского и Ф. М. Достоевского, а также выпустил в 1922 году книгу «История русской литературы в портретах» - „Russische Literaturgeschichte in Einzelporträts“ [Wikipedia].

Последнее в хронологическом отношении из рассматриваемых нами изданий А. С. Пушкина на немецком языке является издание «Сказки о царе Салтане...» [Puschkin 2001]. Издателем и переводчиком выступил Кай Боровский. Это небольшого формата книжка, выпущенная издательством Филиппа Реклама, которая содержит параллельные тексты сказки на русском и немецком языке. В конце книги даны примечания переводчика к некоторым русским словам, а также послесловие, в котором дается информацию об истории создания сказки, ее структуре и характеристика основных действующих персонажей. Кай Боровский – поэт, переводчик, переводивший не только русскую литературу (например, Бодлера, Малларме). В 2003 году вышел его перевод первого стихотворного сборника А. А. Ахматовой «Вечер» [Literaturkritik].

3.3.2. Переводы А. С. Пушкина на латышский язык

Произведения А. С. Пушкина начали переводить на латышский язык еще в середине XIX века [Egle 1949]. Два фрагмента из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» в переводе Юриса Алунанса, которые были опубликованы после его смерти в 1869 году, являются первыми переводами произведений А. С. Пушкина на латышский язык [Egle 1949].

Библиография переводов произведений А. С. Пушкина на латышский язык представлена в работах [Egle 1949, 1970], *A. S. Puškins. Bibliogrāfija* [1974].

В данном исследовании для анализа были привлечены все основные переводы произведений А. С. Пушкина на латышский язык, за исключением некоторых самых ранних, например, переводов Ж. Лаувы, который, по словам К. Эгле, был лишь случайным переводчиком, прикоснувшимся к поэзии А. С. Пушкина [Egle 1949].

Почти все из рассматриваемых нами переводов являются переводами, включенными в одно из трех изданий избранных сочинений А. С. Пушкина на латышском языке: *Raksti* (Сочинения) [Puškins 1937] под редакцией Х. Дорбе; *Izlase* (Избранное) [Puškins 1949]; *Kopotī rakstī piecos sējumos* (Собрание сочинений в пяти томах) [Puškins 1968] под редакцией Ю. Ванагса. Переводы некоторых произведений А. С. Пушкина, выполненные одними и теми же переводчиками, включены во все три или в два из упомянутых изданий. В этом случае текст цитируется по *Собранию сочинений* [1968]. Охарактеризуем кратко каждое из трех изданий.

Raksti (Сочинения) [1937] под редакцией Х. Дорбе – издание, выпущенное в год столетия со дня смерти А. С. Пушкина. Оно является первым собранием избранных произведений А. С. Пушкина на латышском языке. Хербертс Дорбе (Herberts Dorbe) (1894-1983) был учителем, корректором, писал стихи, прозу, пьесы, переводил, был автором школьных учебников и составлял антологии. Х. Дорбе первым перевел на латышский язык «Евгения Онегина» в 1928 году [LRB 2003: 151-152]. Из издания под редакцией Х. Дорбе мы привлекаем для анализа в данной работе следующие переводы:

- 1) «Сказка о золотом петушке» в переводе Х. Дорбе,
- 2) «Сказка о царе Салтане...» в переводе Плудонса,
- 3) «Полтава» в переводе М. Гриммы,
- 4) «Кавказский пленник» в переводе М. Каудзите,
- 5) «Бахчисарайский фонтан» в переводе Ф. Селги,
- 6) «Цыганы» в переводе Ф. Миеркалнса.

Плудонс, или Виллис Плудонс (Vilis Plūdons) (1874-1940) – поэт, автор стихов, баллад, поэм. Плудонс перевел многие стихотворения Й. В. Гете, Г. Гейне, Ф. Шиллера, Р. М. Рильке, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Свой стиль он выработал в 20-30-е годы, главные достижения Плудонса как поэта – это его детская поэзия, баллады, медитативные и патриотические стихотворения [LRB 2003: 451-452].

Марта Гримма (Marta Grimma) (1901-1983) – поэтесса и переводчица. М. Гримма изучала филологию в Риге, занималась сравнительным литературоведением в Карловом университете в Праге. В 20-30-е годы она написала много статей и рецензий о латышской, венгерской и чешской литературе и театре. М. Гримма переводила с чешского языка, ее перевод поэмы А. С. Пушкина «Полтава» относится к 1933 году [LRB 2003: 219].

Матисс Каудзите (Matīss Kaudzīte) (1848-1926) – известный латышский писатель. Вместе со своим братом Рейнисом Каудзите он написал и издал в 1879 году роман «Времена землемеров» – первый роман в латышской литературе, одно из важнейших

достижений латышской литературы XIX века. Выступая в качестве переводчика, М. Каудзите переводил некоторые произведения М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина. Перевод «Кавказского пленника» относится к 1877 году [LRB 2003: 290].

Фрицис Миеркалнс (Fricis Mierkalns) (1873-1955) – автор пьесы, стихотворений, прозаических сочинений, значимость которых менее велика, чем значимость его статей по социальным, педагогическим, литературным и другим вопросам в периодике и значимость его переводов. Ф. Миеркалнс переводил, в основном, с русского языка – произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. Надсона, М. Горького [LRB 2003: 406].

Следующим в хронологическом отношении изданием избранных сочинений А. С. Пушкина на латышском языке является *Izlase (Избранное)* [1949]. Оно представляет собой большой по объему том (1070 страниц), включающий в себя переводы лирики, поэм, «Евгения Онегина», драматургии, сказок и прозы А. С. Пушкина на латышский язык. Это издание отличается также наличием научного аппарата: комментариев, которые для лирики, поэм, сказок и драматургии составила М. Шумане, а для прозы – В. Гревиньш. Кроме того, в конце издания помещена уже упоминавшаяся библиография переводов произведений А. С. Пушкина на латышский язык, составленная К. Эгле. Для анализа в нашей работе из данного издания привлекаются лишь два перевода – переводы «Сказки о попе и о работнике его Балде» и «Сказки о царе Салтане...», выполненные Я. Плаудисом. Остальные переводы сказок и поэм А. С. Пушкина, помещенные в данном издании, дублируются в Собрании сочинений в пяти томах [1968] и приводятся по нему.

Янис Плаудис (Jānis Plaudis) (1903-1952) – писатель, автор стихотворений и прозаических произведений. Для его ранней лирики были характерны мотивы стихийного протеста. Лучшим прозаическим произведением Я. Плаудиса является роман «Гимназисты» (1935), где показана жизнь школьников одной провинциальной гимназии сразу после Первой мировой войны. Я. Плаудис переводил произведения русских писателей – В. В. Маяковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя [LRB 2003: 448-449].

Kopotī raksti piecos sējumos (Собрание сочинений в пяти томах) [1968] под редакцией Ю. Ванагса – наиболее полное собрание сочинений А. С. Пушкина на латышском языке. Оно выходило на протяжении 1967-1970 годов, а к 1968 году относятся тома 2 и 3, содержащие переводы сказок и поэм, разбираемые в нашем исследовании. Юлийс Ванагс (Jūlijs Vanags) – писатель, автор стихов, баллад, пьес, прозы, в частности, произведений для детей и юношества. Ю. Ванагс сотрудничал в различных периодических изданиях, был заведующим литературной частью в Театре русской драмы и в театре Дайлес, написал в соавторстве три киносценария, переводил поэзию, прозу и драматургию с

русского, белорусского и украинского языков [LRB 2003: 613-614]. Ю. Ванагс является редактором и автором примечаний в издании переводов А. С. Пушкина *Kopotī raksti piecos sējumos*.

Из указанного издания для анализа в данной работе привлекались переводы сказок, помещенные во втором томе и переводы поэм А. С. Пушкина, помещенные в третьем томе. Это следующие переводы:

- 1) «Сказка о попе и о работнике его Балде» в переводе Ю. Ванагса,
- 2) «Сказка о царе Салтане...» в переводе Ю. Ванагса,
- 3) «Сказка о мертвой царевне» в переводе Я. Плаудиса,
- 4) «Сказка о золотом петушке» в переводе Я. Плаудиса,
- 5) «Руслан и Людмила» в переводе Ю. Ванагса,
- 6) «Кавказский пленник» в переводе Б. Саулитиса,
- 7) «Бахчисарайский фонтан» в переводе В. Белшевицы,
- 8) «Цыганы» в переводе П. Вилипса,
- 9) «Граф Нулин» в переводе В. Кайякса,
- 10) «Полтава» в переводе А. Курцийса,
- 11) «Домик в Коломне» в переводе М. Бендрупе,
- 12) «Медный всадник» в переводе Я. Плаудиса.

Бруно Саулитис (Bruno Saulītis) (1922-1970) – писатель, первоначально автор стихов, с 50-х годов также и прозы. Б. Саулитис работал в Кукольном театре, был руководителем редакции Художественная литература, занимался теорией литературы и литературной критикой. Б. Саулитис переводил английскую, немецкую, русскую, литовскую поэзию [LRB 2003: 518-519].

Визма Белшевица (Vizma Belševica) родилась в 1931 году. В. Белшевица является поэтессой, автором рассказов и новелл, за которые она была удостоена различных литературных премий. В. Белшевица занималась также литературной обработкой народных сказок, писала пьесы, переводила украинскую поэзию, драмы и сонеты В. Шекспира, переводила и прозаические произведения (например, Дж. К. Джерома, Р. Кипплинга, Э. Хемингуэя и др.). Ее перевод «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина относится к 1968 году [LRB 2003: 67-68].

Павилс Вилипс (Pāvils Vīlps) (1901-1979) – поэт, автор философских этюдов, жанр которых он сам определял как арабески. П. Вилипс переводил с арабского, русского и французского языков. Из русской литературы переводил, в частности, поэзию В. В. Маяковского [LRB 2003: 633-634].

Владимирс Кайякс (Vladimirs Kaijaks) – писатель, родившийся в 1930 году, автор рассказов и романов. На начальном этапе творчества перевел некоторые произведения Ф. И. Тютчева и А. С. Пушкина [LRB 2003: 270].

Андрейс Курцийс (Andrejs Kurcijs) (1884-1959) – писатель, в годы учебы в Латвии, Германии и России изучал философию, коммерцию, медицину и затем работал врачом. Литературным творчеством занялся еще в годы учебы. На начальном этапе писал стихи. А. Курцийс является автором многочисленных статей по теории литературы и искусства, автором короткой прозы. В 1937 году он составил и выпустил *Избранные работы* А. Чехова в своем переводе, сопроводив книгу предисловием. После Второй мировой войны А. Курцийс руководил Сектором латышского и русского фольклора в Институте фольклора при Академии Наук, читал курс лекций по теории литературы и критике в Латвийском университете. В 1949 году А. Курцийс был арестован и выслан в Коми АССР, откуда вернулся в Латвию в 1955 году и в 1956 году реабилитирован. Кроме работ А. П. Чехова и А. С. Пушкина переводил также произведения Омара Хайяма, Э. Золя [LRB 2003: 329-330].

Мирдза Бендрупе (Mirdza Bendrupe) (1910-1995) – поэтесса, автор рассказов и новелл. После Второй мировой войны М. Бендрупе работала на киностудии, переводила с русского языка стихи, тексты песен, рассказы, книги для детей. Самыми значимыми из ее переводов являются переводы произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова [LRB 2003: 68-69].

Кроме переводов, включенных в охарактеризованные выше три издания сочинений А. С. Пушкина на латышском языке, для анализа привлекаются еще два перевода, вышедшие в отдельных изданиях: «Кавказский пленник» в переводе К. Айзпуруса [Puškins 1950] и «Домик в Коломне» в переводе А. Пленснерса [Puškins 1949a].

Константинс Айзпурс (Konstantīns Auzpurs) (1919-2003) – поэт, переводчик, драматург. Он переводил с русского, польского и немецкого языков. Из русской литературы переводил также произведения Ф. Тютчева, И. Бунина. К. Айзпурс писал на эсперанто и переводил с этого языка. Он является также автором текстов многих песен [LRB 2003: 18]. В своем переводе «Кавказского пленника» А. С. Пушкина К. Айзпурс передает только сам поэтический текст, но не переводит пушкинских примечаний к поэме.

Александрс Пленснерс (Aleksandrs Plensners) (1892-1984) – писатель, публицист, участвовал в организации Латвийской армии в 1918 году, был военным атташе в Берлине. В 1945 году он эмигрировал в Германию. А. Пленснерс является автором рассказов и книг воспоминаний [LRB 2003: 449]. Перевод «Домика в Коломне» вышел в 1949 году в Любеке. А. Пленснерс сопроводил свой перевод примечаниями – объяснениями, где

комментирует отдельные места пушкинского текста и иногда приводит некоторые фрагменты на русском языке, но в латинской транслитерации.

Данный обзор не преследовал целей подробного рассмотрения освоения пушкинского наследия в Германии и в Латвии, он призван был лишь дать краткую информацию о тех переводах, которые анализируются в нашем исследовании.

А. С. Пушкин в переводах на немецкий язык подробно представлен, например, в работах Г. Рааба [Raab 1964], Н. Шелингера [1958], А. Маркова [1899], М. Салупере [1990], А. Григорьева [1959], Г. Ершофф [1983, 1986, 1987], Е. С. Роговера [1999], П. Н. Беркова [1937], В. А. Аветисяна [1995], М. П. Алексеева [1987], Р. Ю. Данилевского [1999] и др.

Библиография переводов произведений А. С. Пушкина на латышский язык представлена в работах [Egle 1949, 1970], *A. S. Puškina. Bibliogrāfija* [1974]. Обзор переводов произведений А. С. Пушкина на латышский язык предложен в работе Я. Османиса [Osmanis 1970].

В отношении немецких переводов необходимо обратить внимание на одну важную особенность, связанную со временем создания переводов. Ранние переводы А. С. Пушкина на немецкий язык часто осуществлялись, как мы видели, в пределах Российской империи, а в роли переводчиков выступали российские немцы, балтийские немцы. Дальнейшее германоязычное освоение творчества А. С. Пушкина все в большей и большей степени происходило уже непосредственно на территории Германии. С другой стороны, интересен еще тот факт, что именно ранние переводы в наибольшей степени соотносятся с самой природой перевода как таковой. Ведь перевод – это акт посредничества между культурами, а посредниками могут выступать лишь те, кому обе культуры достаточно близки. Так посредниками между русской и немецкой культурой оказались в XIX веке балтийские и российские немцы, которым естественным образом были близки как русская, так и немецкая культура.

Переводчиками сказок и поэм А. С. Пушкина на латышский язык выступали, в основном, латышские писатели и поэты, которые в разной степени значимы для латышской литературы, но информация о каждом из которых, за исключением Ф. Селги, включена в биографический словарь *Латышская литература в биографиях* [LRB 2003], являющийся на сегодняшний день наиболее полным собранием биографий латышских литераторов [LRB 2003: 5]. Многие из упомянутых переводчиков переводили не только произведения А. С. Пушкина, но и произведения других русских, английских, немецких, французских, польских и др. писателей.

Перевод как особый вид речевой деятельности определен множеством языковых и внеязыковых факторов, поэтому требования, которые предъявляются к переводу очень трудно совместить. Перевод художественного текста осложнен кроме прочего еще и тем, что необходимо передать особую художественную действительность. Передача ИС в переводе связана с проблемами межъязыкового и межкультурного заимствования и часто приводит к возникновению лакун. Основными способами передачи ИС в переводе являются: прямой перенос имени в исходной форме в текст перевода, ономастическое соответствие, комментирующий перевод, уточняющий перевод, описательный перевод, преобразующий перевод. При передаче антропонимов в переводе проблемными являются передача форм личных имен, передача русских отчеств, передача переносного значения антропонимов, свои особенности имеет передача единичных антропонимов, прозвищ, библейских имен, грамматическая адаптация имени в принимающем языке. Необходимо учитывать и принцип благозвучия, принцип сохранения тождества имени, а также конкретную прагматическую задачу. Для литературных антропонимов особую роль играет значимость, которую необходимо сохранить в переводе. Кроме того, различные типы литературных имен передаются в переводе по-разному. Резюмирующая информация о передаче антропонимов в переводе художественного текста будет уточняться в последующих главах работы.

Обзор переводов сказок и поэм А. С. Пушкина на немецкий и латышский язык, представленный в данной работе, не претендует на полноту, он призван был лишь дать краткую информацию о тех переводах, которые анализируются в нашем исследовании.

Глава 2. Антропонимы в переводах сказок и поэм А. С. Пушкина на немецкий и латышский языки

В нашей работе мы рассматриваем антропонимы в сказках и поэмах А. С. Пушкина и переводах этих произведений на немецкий и латышский язык. Такой выбор обусловлен тем, что роль имени в поэтическом и прозаическом текстах имеет существенные различия. Поэтому мы останавливаемся лишь на одной системе художественной речи – поэзии. «Стих есть речь, в которой, кроме общеязыкового членения на предложения, части предложений, группы предложений и пр., присутствует еще и другое членение – на соизмеримые отрезки, каждый из которых тоже называется стихом. Границы этих отрезков общеобязательно заданы для всех читателей (слушателей) внеязыковыми средствами: в письменной поэзии обычно графикой (разбивкой на строки), в устной – обычно напевом или близкой к напеву единообразной интонацией. При восприятии текста сознание учитывает объем отрезков и предчувствует их границы; подтверждение или неподтверждение этого предчувствия ощущается как художественный эффект» [Гаспаров 2000: 7].

Стихотворный язык как язык емкий, концентрирующий на минимальном пространстве максимум смыслов (уже хотя бы потому, что стихотворная строка коротка, на каждое слово в ней часто приходится двойная, тройная смысловая нагрузка, а множественность смыслов предполагает соответственное число попыток осмыслить) представляется в этом отношении крайне интересным для перевода. Из всего же поэтического наследия А. С. Пушкина мы останавливаемся именно на сказках и поэмах, т.к. они, сохраняя все выше перечисленные качества стихотворного языка, обладают еще и сюжетностью и, следовательно, изобилуют антропонимами.

В дальнейшем для удобства мы будем использовать сокращение ИС (имя собственное) параллельно с термином *антропоним*, что не является противоречием, т.к. антропонимы тоже включаются в имена собственные (ИС).

Анализ антропонимов в переводах будет осуществляться по единой схеме. Предварять рассмотрение антропонимов в текстах переводов в сопоставлении с текстом оригинала будет общая характеристика антропонимикона, т.е. антропонимического состава, разбираемого текста. Общая характеристика антропонимикона включает в себя в нашем анализе описание тематических групп антропонимов и их функционально-стилистическую характеристику (главные персонажи, второстепенные персонажи, упоминаемые антропонимы). Дальнейший анализ отдельных антропонимов или выделенных групп антропонимов будет включать в себя следующие аспекты:

1) Анализ особенностей формы ИС. Сюда входят фонетические и грамматические особенности ИС в тексте оригинала, а также специфика передачи ИС в переводах: способ передачи ИС (в соответствии с классификацией Д. И. Ермоловича, приведенной в § 3.1.), графико-фонетические и грамматические особенности передачи ИС при использовании ономастических соответствий.

2) Семантика ИС. Семантика антропонимов анализируется как семантика ИС в художественном тексте, т.е. в речи (см. §1.1.). Она включает в себя внутреннюю форму ИС и мотивировку антропонима с учетом обыгрывания внутренней формы, а также энциклопедическую и речевую информацию, которую несет ИС, включенное в контекст (как в ближайший, так и в широкий). Семантика ИС в тексте оригинала сопоставляется с семантикой эквивалента этого ИС в переводах.

3) Функции ИС в тексте оригинала и перевода. При анализе антропонимов в сказках и поэмах А. С. Пушкина и в переводах этих произведений мы будем учитывать описанные в § 2.2. классификации функций ИС в художественном тексте. Но поскольку классификация функций ИС в художественном тексте носит, на наш взгляд, открытый характер, то при необходимости будет указано и на другие функции ИС, если таковые будут выделены в процессе анализа текстов. Основной задачей будет обозначить функции ИС в тексте оригинала и проследить, как они реализуются в переводах.

1. Антропонимы в тексте поэмы «Руслан и Людмила» и в текстах переводов

1.1. Общая характеристика антропонимикона

Антропонимикон «Руслана и Людмилы» насчитывает 36 единиц (см. приложение). Это имена центральных персонажей (*Руслан, Людмила*), имена других персонажей (*Рогдай, Фарлаф, Ратмир, Черномор, Наина, Финн, Владимир*) и упоминаемые имена.

Упоминаемые ИС поэмы можно разделить на тематические группы:

- 1) ИС, связанные с русским или славянским фольклором и древнерусской литературой (*Кощей, Баба-Яга, Лель, Баян*).
- 2) ИС, связанные с темой античности. В этой группе объединены ИС, присутствующие в античной мифологии или созданные в подражание им, имена, связанные с античной культурой (*Феб, Паллада, Киприда, Цитерея, Зоил, Диана, Амур, Досада, Дорида, Орфей, Мельпомена, Гимен, Климена, Фидий, Лида, Дельфира*).
- 3) ИС, связанные с темой Востока. (*Соломон, Шахеразада*).
- 4) Авторы и персонажи. В эту группу включены ИС писателей, а также персонажей литературных произведений, упомянутые в тексте поэмы «Руслан и Людмила» (*Омер, Парни, Вадим, Армида*).

Не включенным ни в одну из групп осталось одно упоминаемое ИС - имя современного А. С. Пушкину художника *Орловского*, появляющееся в авторском отступлении. О том, почему те или иные ИС включены в названные группы будет показано далее в связи с семантикой ИС. При анализе семантики ИС будет также видно, что не только упоминаемые ИС, но и ИС центральных и второстепенных персонажей тяготеют к названным тематическим группам (например, ИС *Наина* тяготеет к группе *Авторы и персонажи*). Отметим также, что некоторые ИС могут быть включены более чем в одну группу (например, ИС *Омер* – не только в группу *Авторы и персонажи*, но и в группу ИС, связанных с темой античности). Поэтому деление ИС на тематические группы не является жестким и однозначным, но для удобства описания каждое ИС будет рассмотрено только в рамках одной группы.

1.2. Передача антропонимов в переводе

Рассмотрим передачу антропонимов «Руслана и Людмилы» в немецких переводах М. Ремане [Puschkin 1999], Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II], К. Ф. Борга [Puschkin 1823] и латышском переводе Ю. Ванагса [Puškina 1968 III]. Перевод К. Ф. Борга – это перевод лишь фрагмента первой песни «Руслана и Людмилы», из антропонимов в переведенном фрагменте есть только имена *Руслан*, *Черномор*, *Наина*.

1.2.1. Имена главных персонажей

Руслан.

1. Особенности формы.

Уже при переводе заголовка переводчикам необходимо передать имена главных персонажей поэмы. Заголовки в переводах выглядят так:

Ruslan und Ludmila [Puschkin 1999],

Ruslan und Ludmilla [Puschkin 1949 II],

Rußlan und Ludmilla [Puschkin 1823],

Ruslans un Ludmila [Puškina 1968 III].

Все переводчики предлагают ономастические соответствия для имени оригинала.

Обращает на себя внимание различное написание имени в трех немецких переводах:

Ruslan / Rußlan. Написание имени *Rußlan* (через *ß*) в переводе К. Ф. Борга [Puschkin 1823]

вовсе не обязательно для того, чтобы передать произношение в имени звука [s].

Действительно, *ß* всегда читается как [s], в то время как *s* может читаться и как [z], но

только в позиции перед гласным, которой нет в имени *Rußlan*. Зато такое написание

может способствовать возникновению ассоциаций, которых нет в оригинале: *Rußlan* –

Rußland (Россия), т.е. сближать эти два ИС по семантике и может акцентировать связь этого ИС с фольклором.

В латышском переводе ИС *Ruslans* проходит фонетическую и грамматическую адаптацию: получает окончание *-s* и ударение на первый слог, что видно из приводимых контекстов с ИС *Руслан*:

*И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелем свитый им венец* [IV: 9]

*...ein Preislied hat erfunden
Der Wohllaut strömende Bajan
Dem Kranze, den Gott Lel gewunden
Ludmillens Schönheit und Ruslan* [Puschkin 1949 II: 219]

*...wie der Bajan
Gott Lel zum Klang der Gusli ehrte,
Ludmila rühmte und Ruslan* [Puschkin 1999: 11]

*Dzied Bajans daiļai Ludmilai,
Ko Ruslans laimīgs gūst par savu* [Puškina 1968 III: 15].

В переводе К. Ф. Борга [Puschkin 1823] аналогичный контекст не представлен, т.к. К. Ф. Богг перевел лишь фрагмент первой песни поэмы, поэтому приведем другой контекст из его перевода:

Руслан на мягкий мох ложится... [IV: 15]
Streckt sich Rußlan auf weiches Moos [Puschkin 1823: 364].

Ударение на первом слоге соответствует орфоэпической норме латышского языка (см. §3.2.). Получение заимствованным личным именем или фамилией окончания существительных в латышском языке тоже соответствует языковой норме (см. там же), поэтому в дальнейшем при анализе других ИС случаи аналогичной адаптации специально оговариваться не будут.

2. Семантика ИС.

ИС *Руслан* в русском языке - это раннее тюркское заимствование (ср. *arsalan* - 'лев') [Петровский 1995: 255], поэтому оно было отнесено нами к тематической группе «Восток». Хотя с другой стороны, пушкинский *Руслан* имеет в предшественниках богатыря *Еруслана Лазаревича* и для поэмы в целом важна связь с русским фольклором

[Слонимский 1963: 195]. Многочисленные языковые формулы, напоминающие народные (молодецкий окрик-похвальба *Руслана* - *Я еду, еду, не свищу, а как наеду, не стущу!* - языковые формулы по типу поговорок) рожают в читательском восприятии «фольклорные ассоциации» [там же].

Минимальные контексты с ИС *Руслан* часто включают в себя слова *князь*, *витязь*: *За князя храброго Руслана; Руслан, сей витязь беспримерный; добрый князь Руслан; То был Руслан. Как божий гром, / Наш витязь пал на бусурмана* и т.п.

Значения слова *князь* - 1. 'Предводитель войска и правитель области в феодальной удельной Руси' [МАС 1999 II: 64] и слова *витязь* - Устар. и trad.-поэт. 'Храбрый воин'; 'богатырь' [МАС 1999 I: 179], а также задействованность ИС *Руслан* в выше названных контекстах распространяют на это ИС дополнительное значение: 'знатный и храбрый русский воин'. Значение храбрости заложено и в этимологии этого ИС (*arsalan* - 'лев').

В немецких переводах *витязь Руслан* называется *Recke* [Puschkin 1999], *Ritter*, *Held* [Puschkin 1999; Puschkin 1949 II; Puschkin 1823], а в переводе на латышский язык – *varonis* [Puškīns 1968 III]. Сравним те значения слов, которые важны для данного текста:

Recke, der - geh., oft spött. 'starker, kühner Kämpfer, Krieger, Held (der Sage)' [DWDS] – богатырь,

Held, der – 1. 'jemand, der Hervorragendes leistet a) auf Grund seines Mutes, besonders im Kampf' [DWDS] – герой,

Ritter, der - 1. hist. a) 'dem Lehnsherrn zu Kriegs- und Treuedienst verpflichteter Angehöriger des Standes, der vornehmlich militärische Funktionen erfüllte und zur herrschenden Klasse der mittelalterlichen europäischen Feudalgesellschaft gehörte' b) 'Angehöriger eines geistlichen Ritterordens' 2. b) veraltend 'ritterlicher Mann', 'Kavalier' [DWDS] – рыцарь,

Varonis – 1. 'cilvēks, kas sevišķi grūtos apstākļos, briesmās pašreizējā gādā savu pienākumu, aizstāv kādus ideālus, cīnās par tiem, pat riskējot ar savu veselību, dzīvību vai upurējot to' [LLVV 1972 VIII: 315] – герой.

Наиболее точным соответствием слову *витязь* является нем. *Recke* – стилистически высокое и называющее героя легенд, что хорошо соотносится с фольклорными ассоциациями ИС *Руслан* в тексте оригинала. Слово *Ritter* – 'рыцарь' [НПС 1993: 705] - уводит в сторону от фольклора, но если учесть, что пушкинский *Руслан* имел предшественника *Еруслана Лазаревича* – рыцаря западноевропейских романов, пересаженного на русскую почву, то это слово не нарушает общей стилистики текста. *Held* и *varonis* делают акцент на воинской доблести *Руслана*, что тоже соответствует оригиналу.

В качестве соответствий русскому князь в переводах используются нем. *Fürst* и лтш. *kņazs*:

Fürst, der - 1. 'Angehöriger des hohen Adels' a) '(unter einem Kaiser, König stehender) Herrscher eines Landes, Territoriums' b) 'Titel, Rangstufe zwischen Graf und Herzog' 2. übertr. geh. 'der erste, die andern Überragende' [DWDS],

Kņazs – vēst. 'Karaspēka vadonis un kādas teritorijas valdnieks (slāvu un dažās citas zemēs no 9. līdz 16. gs.)'; 'šī valdnieka tituls' [LLVV 1972 IV: 285].

Нем. *Fürst*, хотя и называет европейский титул, является традиционным эквивалентом для рус. князь [РНС 1991: 241].

3. Функция ИС.

ИС *Руслан* называет главного героя поэмы. Компонент этимологического значения – 'храбрость' – становится характеристикой персонажа, что в латышском переводе передает слово *varonis*, а в немецких переводах – *Held* и *Recke*. ИС *Руслан* участвует в создании национального колорита, т.к., благодаря использованию в одних контекстах со словом *витязь*, приобретает дополнительное значение: 'древнерусский воин'. Национальный колорит имени передает в переводе К. Ф. Борг [Puschkin 1823], использующий написание имени через *ß* – *Rußlan*.

Людмила.

1. Особенности формы.

Все переводчики предлагают ономастические соответствия: *Ludmila* [Puškins 1968 III], [Puschkin 1999] / *Ludmilla* [Puschkin 1949 II], [Puschkin 1823]. Написание ИС, которое мы видим в переводах Й. Гюнтера и К. Ф. Борга – *Ludmilla* (через *ll*) – появляется, возможно, чтобы сигнализировать краткость предшествующего гласного, т.к. двойные согласные возможны в немецком языке только после краткого гласного [Duden. Grammatik... 1998: 69]. Формы имени *Ludmillen* и *Ludmillens*, встречающиеся в переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] – это формы, использовавшиеся ранее в косвенных падежах, они имеют только грамматическое значение – значение дательного или винительного падежа (см. §1.2.2.).

2. Семантика ИС.

ИС *Людмила* славянского происхождения [Петровский 1995: 191], его внутренняя форма понятна современному носителю русского языка. Это ИС «тяготееет» к тематической группе *Авторы и персонажи*, т.к. *Людмила* – это и главная героиня одноименной поэмы В. А. Жуковского [1973], а литературные ассоциации с поэмами В. А. Жуковского очень важны для этого пушкинского текста. В тексте «*Руслана и*

Людмилы» есть прямые отсылки к поэме-балладе В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев», сюжет которой А. С. Пушкин вкратце излагает и пародирует [Томашевский 1977: 412]. Но *Людмила* поэмы А. С. Пушкина – это другая героиня, и антропоним *Людмила* в пушкинском тексте не называет *Людмилу* В. А. Жуковского (как, например, антропоним *Вадим*, называющий в тексте поэмы именно *Вадима* из поэмы-баллады В. А. Жуковского [1973] «Двенадцать спящих дев»), а лишь вызывает ассоциации с этой героиней.

Ближайшие контексты распространяют на ИС *Людмила* дополнительное значение – *красавица* (ср.: *Людмила-прелесть*, *Людмилы нежной красоты*, *Людмилы стройный стан*, *младые прелести Людмилы*), а также акцентируют особое авторское отношение к героине (ср. в авторских отступлениях: *моя Людмила*, *моя прекрасная Людмила*). Значение красоты присутствует косвенно и во внутренней форме ИС *Людмила* (*мила людям*). Кроме того, *Людмила* называется также *княжной*, что распространяет на имя национальный колорит (по аналогии со словом *князь*). В качестве эквивалентов слова *княжна* переводчики используют *Fürstin* [Puschkin 1999; Puschkin 1949 II], *Fürstenkind* [Puschkin 1949 II], *kņaze* [Puškins 1968 III].

Если *Fürstin, die* – ж. р. к *Fürst* [DWDS], то *Fürstenkind, das* – составное существительное, где компонент *Kind* важен в двух значениях: в значении ‘потомок’ и как доверительное обращение, ср.: *Kind, das* - 2. ‘Abkömmling, Nachkomme’; 3. vertraul., als Anrede: *mein liebes, gutes Kind*; veralt., zu einem jungen Mädchen: *mein schönes Kind* [DWDS]. Поэтому сочетание *mein Fürstenkind* [Puschkin 1949 II: 274; 279] хорошо отражает авторскую доверительную интонацию, выраженную в сочетаниях *моя Людмила*, *моя прекрасная Людмила*.

Лтш. *kņaze* – vēst. ‘Kņaza meita, kas nav precējusies’ [LLVV 1972 IV:285] точно отражает русское слово *княжна* – ‘незамужняя дочь князя’ [MAC 1999 II: 64].

Созначение красоты передается также благодаря ближайшим контекстам, ср. в переводе М. Ремане [Puschkin 1999]: *die Schöne; holde Brust der Schönen*; в переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II]: *unsre Schöne; Ludmilla, unsre Augenweide; Ludmillen, meiner schönen Dame*, в переводе Ю. Ванагса [Puškins 1968 III]: *daiļa Ludmila; tā Ludmila visdaiļā mana; daiļava*.

Проанализируем значения слов, участвующих в характеристике *Людмилы* в текстах переводов: *Schöne, die* - geh., oft spött. ‘(schöne) Frau’ [DWDS] - красавица,

Augenweide, die – ‘wohltuender, erfreulicher Anblick’ [DWDS] – отрада для глаз,

daiļš – 1. ‘tāds, kas izraisa estētisku baudījumu; tāds, kas izceļas (starp līdzīgiem) ar formas pareizumu, krāsu, toņu, līniju un tml. harmoniju’; ‘ļoti skaists’ [LLVV 1972 II: 241] - прекрасный,

daiļava – повес. ‘Skaista sieviete’, ‘skaistule’ [LLVV 1972 II: 238] – красавица.

Названные слова содержат в своем значении компонент ‘красивый’, поэтому переводные контексты хорошо соотносятся с контекстами оригинала.

Слово *Dame, die* – ‘дама’, ‘госпожа’ [НРС 1993: 201], которое использует Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II], не вполне соответствует пушкинской *Людмиле*, т.к. не согласуется со сказочной стилистикой. В этом отношении более уместно слово *Weib, das* - 2. ‘Ehefrau’ [DWDS] – жена, супруга, которое использует М. Ремане [Puschkin 1999]: *Руслан* называет *Людмилу* в пушкинском тексте *моя супруга*, в переводе М. Ремане - *mein Weib*.

3. Функция ИС.

ИС *Людмила* называет главную героиню поэмы. Живая внутренняя форма имени славянского происхождения, именование *Людмилы* княжной участвуют в создании национального колорита, который частично утрачивается в переводах, т.к. мотивировка имени не ясна иностранному читателю. Поскольку внутренняя форма этого ИС актуализируется еще и ближайшими контекстами и ИС выполняет функцию характеристики, то для передачи характеристики не лишним было бы создание комментария к этому имени в переводе.

1.2.2. Имена второстепенных персонажей

Соперники *Руслана*: *Ратмир*, *Фарлаф*, *Рогдай*.

1. Особенности формы.

Передача имен соперников *Руслана* не вызывает у переводчиков особых затруднений: ИС *Ратмир*, *Фарлаф*, *Рогдай* переданы в текстах перевода при помощи ономастических соответствий, причем для немецких переводов одних и тех же – *Ratmir*, *Farlaf*, *Rogdai* [Puschkin 1999], [Puschkin 1949 II]. В латышском переводе эквиваленты - *Ratmirs*, *Farlafs*, *Rogdajs* [Puškina 1968 III].

2. Семантика ИС.

ИС *Ратмир* - славянское, редкое, от *рат-* (ср. *рать*, *ратный*) и *мир-* (ср. *мирный*, *мир*) [Петровский 1995: 249]. ИС *Фарлаф* и *Рогдай* называются в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, к которой А. С. Пушкин обращался при создании «*Руслана и Людмилы*» [Томашевский 1977: 411]. Так, в описании пира у *Владимира* в *Гриднице* называется и сильный *Рахдай*, «который будто бы один ходил на 300 воинов», имя *Фарлафа* находится среди имен бояр, окружавших *Олега* [Томашевский 1977: 412].

На все три ИС - *Фарлаф*, *Ратмир* и *Рогдай* – распространяется общее значение: *соперники Руслана*, *соперники в искусстве брани*. Но каждое имя наделяется, кроме того, индивидуальными дополнительными значениями, благодаря ближайшим контекстам.

Рогдай – *воитель смелый; неукротимый*. Так, ИС *Рогдай* связывается со значениями смелости, неистовства, поиска опасности. Ближайшие контексты в переводах передают эти значения следующим образом:

1) *воитель смелый* [IV: 10]

bawährte als Held sich oft [Puschkin 1999: 12]

der ruhmeswerte [Puschkin 1949 II: 220]

drosmīgs varons [Puškins 1968 III: 15].

Слова *Held* и *varons* в значении 'герой' уже анализировались выше в связи с ИС *Руслан*. В данном контексте они используются для характеристики воинской доблести *Рогдая*. В лтш. переводе *varons* снабжено эпитетом *drosmīgs* – 'tāds, kas bezbailīgi pārvar grūtības, briesmas' [LLVV 1972 II: 395] – смелый, что еще усиливает значение смелости.

Слово *ruhmeswert* образовано от *Ruhm, der* – 'durch hervorragende Leistung erworbenes hohes und weitreichendes Ansehen' [DWDS] и *wert* – 'wichtig', 'bedeutsam', 'ideell wertvoll' [DWDS] и обозначает 'достойный славы', что тоже характеризует воинскую доблесть.

2) *неукротимый* [IV: 22]

maßlos im Hassen [Puschkin 1999: 26]

der ungezähmte [Puschkin 1949 II: 235]

nevaldāmais [Puškins 1968 III: 32].

Слова *Haß* – 'starkes Gefühl der Feindschaft, der Ablehnung' [DWDS] – ненависть, *maßlos* – 'kein Maß haltend' [DWDS] – не знающий меры, причастие *der ungezähmte* от глагола *zähmen* – 3. geh. 'etwas, sich zügeln, beherrschen, mäßigen' [DWDS] – укрощать, лтш. причастие *nevaldāmais* от глагола *valdīt* – 'savaldīt' [LLVV 1972 VIII: 274] – совладать – хорошо передают значение интенсивности чувств. Оно выраженное в оригинале словом *неукротимый* – 'Такой, что трудно, невозможно укротить, усмирить' // 'Очень сильный, чрезвычайный по степени своего проявления'; 'неудержимый' [MAC 1999 II: 489].

С ИС *Ратмир* связаны в тексте оригинала два основных значения – 'хазарский хан' и 'молодость', благодаря следующим употреблением: *младой хазарский хан Ратмир*, *младой Ратмир*, *юный Ратмир*. Эти два значения акцентируют и немецкие переводчики: *Chasarenchan Ratmir, der junge Ratmir* [Puschkin 1999], *Chasren-Chan; Ratmir, der junge* [Puschkin 1949 II], где *jung* – 1. 'in jugendlichem Alter' [DWDS] – молодой. В латышском переводе значение молодости утрачивается в ближайших контекстах, ср.: *Ratmirs, hazariešu hans; hans Ratmirs, hazariešu dzimtas* [Puškins 1968 III], где *dzimta* – 1.vēst. 'asinsradniecīgu cilvēku kopa, kuri cēlušies no viena senča' [LLVV 1972 II: 454] – род, семья.

Фарлаф – тоже богатырь, как *Рогдай* и *Ратмир*, но с его именем в тексте постоянно связана ирония, рождающаяся из столкновения лексики, характеризующей его как

богатыря (*герой, воин, побеждать, меч, кольчуга*) и лексики, передающей его подлинные качества: *спесь (крикун надменный; важно подбочась; глядя спесиво; надувшись)* и трусость (*Фарлаф с боязнию глядит; во рву остался,дохнуть не смея...; Фарлаф... со страха скорчась, обмирал*), а также любовь поест и поспать (*в пирах никем не побежденный; Фарлаф... все утро сладко продремав... обедал в мирной тишине*).

Очень удачно передана в немецких переводах любовь *Фарлафа* к сладкому сну: переводчики рифмуют ИС *Farlaf* со словом *Schlaf*, *der* - 1. 'völliger Ruhezustand des Organismus' [DWDS] – сон:

... *Фарлаф*...

... *все утро сладко продремав* [IV: 23]

... *Farlaf*

Erwacht soeben aus dem Schlaf [Puschkin 1999: 27]

Derweil lag ehrenwert Farlaf

Den Vormittag in süßem Schlaf ... [Puschkin 1949 II: 235].

В латышском переводе это значение передано контекстом *Farlafs... it saldi nosnaudies...*, где *nosnausties* - 'neilgu laiku snaust' [LLVV 1972 V: 683] - вздремнуть, *salds* – 3. 'loti patikams (par psihisku vai fizisku stāvokli)' [LLVV 1972 VII 1: 166]- сладкий, приятный.

3. Функция ИС.

ИС *Ратмир*, *Рогдай*, *Фарлаф* называют второстепенных персонажей поэмы. Каждое из этих ИС соотносится с именем главного героя *Руслана*, т.к. все эти имена называют богатырей, и значение воинской доблести распространяется на все названные ИС, благодаря ближайшим контекстам. Таким образом, эти ИС выполняют функцию констелляции [Lamping 1983], т.е. функцию группировки персонажей (см. главу 1, §2). Функция констелляции выражается еще и в том, что на каждое из названных ИС ближайшие контексты распространяют свои специфические значения в рамках одного общего для всех трех значения 'богатырь': *Ратмир* – богатырь, в котором главное – его юность, *Рогдай* – богатырь, в котором воинская доблесть доведена до наивысшей степени, даже до неистовства, *Фарлаф* – богатырь на пиру. Функция констелляции легко передается в переводах, т.к. этому способствуют ближайшие контексты ИС. Кроме того, при передаче ИС *Фарлаф* в немецких переводах удачно использование его в рифме *Farlaf – Schlaf*. Сложнее передать функцию создания национального колорита, которую выполняют эти ИС, т.к. называются в «Истории государства Российского»

Н. М. Карамзина, а также функцию характеристики (*Ратмир* от *рат-* и *мир-*). Возможным решением мог бы стать комментарий переводчика.

Владимир.

1. Особенности формы.

В переводах К. Ф. Борга [Puschkin 1823], Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] и Ю. Ванагса [Puškins 1968 III] передача имени *Владимир* осуществляется при помощи ономастических соответствий (*Wladimir-* в немецких переводах, *Vladimirs* – в латышском переводе). ИС *Wladimir* и *Vladimirs* входят соответственно в немецкий и латышский именник, т.е. репертуар имен данного народа. Словари личных имен немецкого и латышского языков содержат это ИС с указанием на то, что имя заимствовано из русского языка [Silipš 1990: 332], [Duden. Das große Vornamenlexikon 1998: 295].

2. Семантика ИС.

Владимир – слав., от *влад-* (ср. *владеть, власть*) и *мир-* (ср. *мирный, мир*) [Петровский 1995: 97].

Образ князя *Владимира* хорошо знаком по русскому народному эпосу, ср.:

Во стольном городе во Киеве

У ласкового князя у Владимира

Хорош заведен был почестный пир [Былины 1988: 357]

Солнышко ты наше Владимир-князь!

Дай, государь, свой праведный суд [Былины 1988: 358].

Традиционный былинный образ *Владимира* обыгрывается в пушкинском тексте:

... С друзьями, в гриднице высокой

Владимир-солнце пировал [IV: 9].

Актуализации былинного образа способствует и использование в пушкинском тексте слова *гридница* – ‘В древней Руси: помещение при княжеском дворе для пребывания гриди или для приема гостей’ [МАС 1999 I: 347]. Образ *Владимира* как героя древнерусской истории, воспетый эпосом, представляется важным для пушкинского текста, т. к. известно, что А. С. Пушкин обращался к «Истории государства Российского» при создании «Руслана и Людмилы», о чем было сказано в связи с именами соперников *Руслана*. Переводные контексты с ИС *Владимир* выглядят так:

Der Fürst Wladimir froh beim Mahl [Puschkin 1999: 11]

Wladimir sonnengleich im Saal [Puschkin 1949 II: 219]

Gaišs Vladimiram tēva vaigs... [Puškins 1968 III: 14].

Былинный образ *Владимир-солнце* лексически наиболее точно передан Й. Гюнтером [Puschkin 1949 II], благодаря слову *sonnengleich* (от *Sonne* и *gleich*):

Sonne, die - 1. 'zentraler Himmelskörper des Sonnensystems, der als Spender von Licht und Wärme das Leben auf der Erde ermöglicht und als kreisrunde, gelblich bis rot leuchtende Scheibe sichtbar ist' 2. 'Sonnenschein' [DWDS] – солнце,

gleich - 1. bezeichnet die Identität: 'der-, die-, dasselbe' 2. 'untereinander große Übereinstimmung zeigend, von derselben Art, Gestalt' [DWDS] – похожий, подобный.

В переводах былин на немецкий язык можно встретить и еще более буквальное соответствие – *Sonne Wladimir* [Табахьян 1980: 51]. *Fürst Wladimir* – это уточняющий перевод: князь *Владимир* (о словах *Fürst* и князь см. в анализе ИС *Руслан*), включающий часть фоновой информации непосредственно в текст. Латышский контекст передает отдельные компоненты значения слова *солнце*, которое, являясь приложением, заключает в себе характеристику *Владимира*:

Солнце –2. 'Свет, тепло, излучаемые центральным небесным телом' 3. 'О том, что является источником или основой жизни чего-л. прекрасного' // 'О том, кто является предметом поклонения, любви' [MAC 1999 IV: 191].

Латышские слова *gaišs* – 2. 'tāds, kas ir labi apgaismots' [LLVV 1972 III: 37] - светлый; *vaigs* – 2. 'seja'; 'vaibsti' [LLVV 1972 VIII: 246-247] – лицо, щека - передают значение 'светлый лицом'.

3. Функция ИС.

ИС *Владимир*, благодаря живой внутренней форме и очевидного для современного носителя русского языка славянского происхождения этого имени, участвует в создании национального колорита. Важной функцией этого ИС является также создание фольклорного колорита, т.к. *Владимир* - это былинный персонаж, что актуализируется в тексте поэмы. Участие этого ИС в локально-временной характеристике связано еще и с тем, что былинный персонаж имеет реального исторического прототипа – киевского князя *Владимира*. Ономастические соответствия, использованные в переводах, не содержат для немецкого и латышского читателя связи ни с внутренней формой имени, ни с той фоновой информацией, которая за ним стоит. Частично компенсируется возникшая лакуна контекстом *Fürst Wladimir*. Но более удачным решением является комментирующий перевод в издании Г. Рааба, который публикует «Руслана и Людмилу» в переводе М. Ремане: «Князь *Владимир* – Исходным историческим прототипом для воспетого народным эпосом образа князя *Владимира* является Великий князь киевский *Владимир Святославич*» (пер. наш) [Raab 1999: 372].

Черномор.

1. Особенности формы.

ИС *Черномор* обладает живой внутренней формой, восходящей к корням *черн-* (*черный*) и *мор-* (*мор*, *морить*) (подробнее – в пункте 2). Структурно это придуманное ИС оформлено так, что к нему выстраивается ассоциативный ряд из имен *Святогор*, *Святослав*, *Доброгост* и т.п., т.е. из древних двухосновных славянских имен. Таким образом, сама форма имени участвует в создании национального колорита.

Для имени *Черномор* во всех трех немецких переводах использовано ономастическое соответствие – *Tschernomor*. Ю. Ванагс [Puškins 1968 III] в латышском переводе поэмы использует для имени *Черномор* преобразующий перевод, создав имя *Mērapuns*.

О значении, заключенном в этом имени, см. далее.

2. Семантика ИС.

Внутренняя форма имени *Черномор* восходит к двум корням: *черн-* и *мор-*. Связь с живой внутренней формой имени *Черномор* становится важной для восприятия художественного текста поэмы. Слово *черный* является многозначным в русском языке. МАС [1999] дает 14 значений этого слова. Приведем те из них, которые важны для внутренней формы ИС *Черномор*: 10. устар. ‘по суеверным представлениям: чародейский, колдовской, связанный с нечистью’, 11. перен. ‘Отрицательный, плохой’, 12. перен. ‘Мрачный, безрадостный, тяжелый’, 13. перен. ‘Злостный, низкий, коварный’ [МАС 1999 IV: 667-668].

СЯП среди значений слова *черный* дает, в частности, следующие: 3. ‘мрачный, безотрадный’, 5. ‘губительный, смертоносный’, 6. ‘злостный, злонамеренный, преступный’ // ‘совершивший преступление, убийство’ [СЯП 2000 IV: 930-932].

Для второго корня в ИС *Черномор* приведем значения двух слов:

мор - устар. и прост. ‘Повальная смерть, эпидемия’ [МАС 1999 II: 298],

морить: 1. ‘Лишать жизни при помощи отравы’; ‘травить’. 2. перен., разг. ‘Доводить до истощения, изнеможения’; ‘изнурять’. 3. перен. ‘Обессиловать, приводить в изнеможение’ [МАС 1999 II: 299-300].

В тексте поэмы происходит актуализация внутренней формы ИС: злой волшебник *Черномор* похищает и усыпляет *Людмилу*. Одна только графическая оболочка имени не достаточна для того, чтобы проследить связь между именем и сюжетом поэмы. Одно из возможных решений – это комментарий, но он тоже не использован в немецких переводах. Более удачным представляется решение Ю. Ванагса [Puškins 1968 III], который в латышском переводе поэмы использует для имени *Черномор* преобразующий перевод,

создав имя *Mērapuns*, которое тоже обладает живой внутренней формой: *mēris* 'чума', хорошо соотносимое с русским словом *мор*; *puns* 'желвак, шишка', ср.:

mēris – 'sevišķi bīstama akūta infekcijas slimība, kam raksturīga organisma vispārēja intoksikācija, iekaisuma procesi ādā utt'. [LLVV 1972 V: 162],

puns – 'sasituma rezultātā radies uztrūkums (kādā ķermeņa daļā)'; 'patoloģisks neliels izcilnis, izaugums' [LLVV 1972 VI 2: 440].

Конечно, при этом происходит некоторое снижение образа, которое в имени *Черномор* не заложено, ведь в начале текста *Черномор* предстает как *волшебник страшный*; *ужасный Черномор*; *коварный*, *злой Черномор*. Сравним контексты с ИС *Черномор*:

1) *Безумный, дерзостный грабитель,*
Достойный Черномора брат [IV: 371]

Nicht unwert Tschernomor's, des Kühnen –
Von meines Wahnsinns Ungeduld
Besiegt, entführte ich Naïnen ... [Puschkin 1823: 370-371]¹

2) *Узнай, Руслан: твой оскорбитель*
Волшебник страшный Черномор... [IV: 14]

Der es gewagt, dich zu verhöhnen,
Ist Tschernomor, ein böser Zwerg... [Puschkin 1999: 17]

Der sie geraubt ist kein Geringer,
Der böse Zauberer Tschernomor... [Puschkin 1949 II: 225]

Tavs ienaidnieks un aplaupītājs
Ir baigais burvis Mērapuns... [Puškins 1968 III: 21].

Но снижение образа происходит и в пушкинском тексте, благодаря словам *карла*, *карлик*, используемых в авторской номинации *Черномора*:

Наш витязь карлу чуть живого
В котомку за седло кладет... [IV: 58]

Дрожащий карлик за седлом
Не смел дышать, не шевелился... [IV: 63]

¹ К. Ф. Борг [Puschkin 1823] переводил раннюю редакцию поэмы

Слово *карла* (*карлик*) частотное слово в языке А. С. Пушкина: СЯП фиксирует 22 употребления [СЯП 2000 II: 318].

Значение слова *карлик* – ‘Человек ненормально маленького роста’. // ‘О человеке незначительном, ничтожном в каком-либо отношении’. *Карла* – устар. ‘карлик’ [МАС 1999 II: 34].

С этим значением коррелирует компонент имени *puns* в имени *Mērapuns*.

3. Функция ИС.

ИС *Черномор* называет второстепенного персонажа поэмы. Благодаря живой внутренней форме, актуализирующейся и ближайшими контекстами, это ИС выполняет характеризующую функцию, которая утрачивается в немецких переводах, т.к. ономастическое соответствие *Tschernomor* не дает немецкому читателю представления о семантике, заложенной в этом имени. ИС *Mērapuns* – имя с живой внутренней формой, которое, хотя и способствует некоторому стилистическому снижению образа, все же выступает при этом характеристикой персонажа. Кроме характеристики, ИС *Черномор* в пушкинском тексте выполняет функцию создания национального колорита, т.к. структура имени напоминает древние славянские двухосновные имена. Поскольку и в латышском, и в немецком языке тоже существуют дохристианские двухосновные имена (см. главу 1), то этот общий момент истории мог бы служить основой в поиске подходящего эквивалента.

Наина.

1. Особенности формы.

ИС *Наина* передается в переводах при помощи ономастических соответствий: нем. *Naïna*, лтш. *Naīna*. В немецких переводах используется специальный диакритический знак, а в латышском переводе знак долготы над *i*, для того чтобы обозначить, что фонетически здесь нет дифтонга. В немецких переводах встречаются разные формы имени *Наина*: *Naïna*, *Naïne*, *Naïnen*, *Naïnens*. Наблюдения исследователей за немецкими личными именами показали, что все женские имена, которые оканчиваются на *согласный + a*, могут оканчиваться и на *согласный + e* (*Inge* – *Inga*, *Ute* – *Uta*, *Margarete* – *Margareta* и т. д.) и что эти формы не имеют дистинктивной функции [Seibicke 1982: 101-102]. Форма *Naïna* просто ближе к оригинальной, а *Naïne* – попытка адаптации в немецком языке. Формы *Naïnen*, *Naïnens* – это флективные формы косвенных падежей, которые в XIX веке еще существовали в немецком языке (см. главу 1, §1.2.2.). Поэтому появление таких форм в переводе К. Ф. Борга [Puschkin 1823] объясняется ранним временем создания перевода.

2. Семантика ИС.

ИС *Наина* могло быть создано А. С. Пушкиным под влиянием имени героини одной поэмы французского поэта Э. Парни. Ее зовут *Айна* (*Aïna*), и о ней тщетно вздыхает главный рассказчик, *Эгиль*, несчастливый в любви [Шарыпкин 1972: 89-90]. ИС *Aina* является скандинавским именем [Системы личных имен... 1986: 286].

ИС *Наина* играет особенно важную роль в первой песне поэмы, где мы находим 12 из 16 употреблений этого имени в поэме, причем 6 из них – это употребления в рифмах. Как известно, рифма является не только формальной организацией стиха, она соотносится и с содержанием, смыслом художественного целого. В теории стиха отмечается, что, объединяя одинаковым созвучием два разных слова, замыкающих стих, рифма выдвигает эти слова по сравнению с остальными, делает их центром внимания и сопоставляет их в смысловом отношении друг с другом. Поэтому весьма существенным фактором поэтического стиля является выбор рифмующих слов и их взаимоотношение с точки зрения значения [Жирмунский 1975: 290]. Приведем рифмы с ИС *Наина* в первой песне поэмы: *судьбина – Наина, половина – Наина, пучины – Наины, Наиной – кручиной, картина – Наина, Наины – мужчины*. Проанализируем, какие значения заключает в себе за счет рифмующихся слов ИС *Наина*:

Судьбина – Устар. и народно-поэт. 'То же, что судьба' [МАС 1999 IV: 302],

Кручина – Народно-поэт. 'Грусть, печаль, тоска' [МАС 1999 II: 140],

Пучина – 1. 'Водная глубь, морская бездна' // перен. 'Средоточие, скопление (обычно чего-л. неприятного)' [МАС 1999 III: 566].

Рифмующиеся слова распространяют на ИС *Наина* такие значения, как 'рок', 'горькая судьба', 'сильная страсть', что имеет непосредственное отношение к истории старца-*Финна*, из рассказа которого читатель узнает о *Наине*. Следует отметить также, что в переводах Ю. Ванагса [Puškins 1968 III], М. Ремане [Puschkin 1999] и Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] ИС *Наина* ни разу не дается в рифму, за счет чего акцентированность этого имени в тексте теряется, ср.:

1) *Меня влекла моя судьбина...*

Ах, витязь, то была Наина! [IV: 16]

Ja, Fürst, da war's um mich geschehen,

Ich mußte ihr ins Auge sehen,

Ich fühlte, sie war mein Geschick. [Puschkin 1999: 19]

Mich zog mein Los, mein unsichtbares...

Ach, Ritter, hör, Naīna war es! [Puschkin 1949: 228]

Mans liktenis te likts bij svaros...

Tā bija Naīna, mans varon! [Puškins 1968 III: 24]

2) *Но сердце, полное Наиной,*

Под шумом битвы и пиров,

Томилось тайною кручиной... [IV: 17]

Doch muß ich selbst im Lärm der Schlachten

Naīnas denken unverwandt.

Die Sehnsucht ließ mich fast verschmachten... [Puschkin 1999: 20]

Doch nur Naīna stets im Herzen,-

Hab ich beim Mahl und in der Schlacht

In des verborgenen Loses Schmerzen

Stets nur an Finnlands Strand gedacht. [Puschkin 1949 II: 229]

Bet sirds bez Naīnas man kaisa,

Vai kauja bij vai dzīru tvans,

Un ilgas allaž tālē gaisa,

Kur dzimtie somu krasti skan. [Puškins 1968 III: 25].

Значения ‘рок’, ‘горькая судьба’, ‘сильная страсть’ передаются при этом в ближайших контекстах, благодаря словам:

Geschick, das - 1. ‘Schicksal, unabänderlicher Verlauf des Lebens’ 2. ‘Gestaltung des Lebens, der Lebensumstände’ [DWDS] - судьба,

Sehnsucht, die - ‘inniges, schmerzliches Verlangen, Herbeiwünschen’ [DWDS] - тоска,

verschmachten- ‘unter Entbehrungen, besonders Hunger und Durst, leiden (und daran zugrunde gehen, sterben)’ [DWDS] – томиться, изнывать,

Los, das - 3. geh. ‘Schicksal, Geschick’ [DWDS] – жребий, судьба,

liktenis – 1. ‘apstākļu, faktoru kopums, apstākļu sagādīšanās, kas nav atkarīga no cilvēka gribas, bet kas nosaka, ietekme dzīvi’ [LLVV 1972 IV: 705] – судьба,

ilgas – 2. ‘garastāvoklis, noskaņojums, kam raksturīgs nemiers, skumjas, arī tieksme pēc kā nezināma vai tikko nojaušama [LLVV 1972 III: 448] - тоска.

Отсутствие рифм с ИС *Naīna* в латышском переводе объясняется тем, что это ИС прошло фонетическую адаптацию и произносится с ударением на первом слоге (см.

приведенные контексты). В немецких переводах сохраняется ударение на том же слоге, что и в оригинале, поэтому ИС *Naïna* вполне может употребляться в рифмах. Это можно увидеть в переводе К. Ф. Борга [Puschkin 1823]. Возможно, в силу того, что К. Ф. Богг переводил лишь фрагмент первой песни, он обратил внимание на значимость имени *Наина* именно для данного фрагмента и на то, что оно употребляется в рифмах.

В переводе К. Ф. Борга имя *Наина* рифмуется три раза:

<i>Умчалась года половина;</i>	<i>Ein Halbjahr floh; mit banger Miene</i>
<i>Я с трепетом открылся ей,</i>	<i>Entdeckt' ich zitternd ihr mein Herz</i>
<i>Сказал: люблю тебя, Наина. [IV: 16]</i>	<i>Und sprach : ich liebe Dich, Naïne! [366]</i>

<i>Пред нею, страстью упоенный,</i>	<i>Ich stand, mit liebestrunken Sinnen,</i>
<i>Безмолвным роем окруженный</i>	<i>Umringt von den Begleiterinnen</i>
<i>Ее завистливых подруг,</i>	<i>Lautloser, neiderfüllter Schaar,</i>
<i>Стоял я пленником послушным. [IV: 17]</i>	<i>Als ein Gefangner vor Naïnen... [368]</i>

<i>Безумный, дерзостный грабитель,</i>	<i>Nicht unwert Tschernomor's, des Kühnen –</i>
<i>Достойный Черномора брат,</i>	<i>Von meines Wahnsinns Ungeduld</i>
<i>Я стал Наины похититель. [IV: 371]¹</i>	<i>Besiegt, entführte ich Naïnen. [370-371]</i>

Проанализируем рифмующиеся слова в переводе:

Sinn, der - 2. 'Verständnis, Aufgeschlossenheit, Empfänglichkeit für etw.', 3. 'das Denken, die Gedanken', 4. 'Wesens-, Denkungsart', II. 'ideeller Gehalt, gedanklicher Inhalt, Bedeutung' [DWDS] – восприятие, понимание, образ мыслей, смысл,

kühn – 'Mut zeigend, verwegen', 'keine Gefahr scheuend, wagemutig' [DWDS] – мужественный, бесстрашный

Miene, die – 'Züge des Gesichts, Gesichtsausdruck' [DWDS] – выражение лица,

Begleiterin, die - форма женского рода от *Begleiter, der* - 1. entsprechend der Bedeutung 1 von *begleiten*: 'jemandem das Geleit geben, mit jemandem mitgehen' [DWDS] – спутница.

Значения слов *Sinn* и слова *kühn* наилучшим образом отвечают тому смысловому комплексу, который образуют рифмы оригинала. Переводчик находит возможность для создания акцента на ИС и при помощи внутренних рифм:

<i>И я, любви искатель жадный,</i>	<i>Auch ich – sehnsücht'ger Knecht der Minnen –</i>
<i>Решился в грусти безотрадной</i>	<i>Beschloß im Harme, zu gewinnen</i>
<i>Наину чарами привлечь</i>	<i>Naïnen mir durch Hexenkunst,</i>
<i>И в гордом сердце девы хладной</i>	<i>Zu wecken in den kalten Sinnen</i>

¹ ранняя редакция поэмы

Любовь волшебствами зажечь. [IV: 18] *Durch Zauberei der Liebe Brunst* [370].

Приведем значения слов, использованных во внутренних рифмах:

Minne, die - hist. 'höfischer Ritterdienst für eine verehrte, meist verheiratete Frau im Mittelalter': die hohe, niedere M.; übertr., dicht., auch scherzh. 'Liebe' [DWDS] – любовь, *gewinnen* - 1. 'als Sieger aus einem (Wett)kampf hervorgehen', 2. 'etwas, jemanden erringen, etwas durch Mühe, Anstrengung erreichen' [DWDS] – выиграть, завоевать.

Таким образом, ИС *Наина* оказывается столь же значимым и в переводном тексте, и если даже дополнительные смыслы, которые получает это имя в переводе К. Ф. Борга не полностью совпадают с оригинальными (учтем, что полная адекватность возможна чисто теоретически), они создают сходный эстетический эффект.

3. Функция ИС.

ИС *Наина* называет второстепенного персонажа поэмы. Благодаря участию в рифмах, ИС *Наина* выполняет в художественном тексте функцию акцентуации. Акцентуация имени подкреплена еще и тем, что оно необычно для русского именника. Функция акцентуации наиболее удачно передана в переводе К. Ф. Борга [Puschkin 1823], который задействует имя во внутренних и внешних рифмах. Можно сказать, что ИС *Наина* выполняет и функцию создания литературных ассоциаций, т.к. это ИС создано, возможно, под влиянием поэмы Э. Парни. Информация об этом могла бы быть включена в комментарий к тексту перевода.

Финн.

1. Особенности формы.

ИС *Финн* образовано от нарицательного имени *финн*, и апеллятивное значение, т.е. значение имени нарицательного, в нем отчетливо осознается носителем языка. Связь ИС с апеллятивом (именем нарицательным) осознают и переводчики, но передают имя по-разному: Ю. Ванарс [Puškins 1968 III] использует преобразующий перевод – он переводит слово *финн* – *soms*, ср.:

Somi – *soms*, *somiete*: 'tauta, Somijas pamatiedzīvotāji' [LLVV 1972 VII 2: 74-75].

Следующим шагом является создание из него ИС по аналогии с тем, как это было сделано в русском тексте: *Soms*. Й. Гюнтер старается максимально следовать оригиналу – в его переводе имя передается как *Finn* (т.е. использовано ономастическое соответствие), хотя немецкий читатель тоже будет осознавать связь с нарицательным именем *der Finne*. Но в переводе Й. Гюнтера *Finn* функционирует именно как ИС:

голос Финна – *die Stimme Finns* [Puschkin 1949 II: 280], ср.: *голос финна* / *die Stimme des Finnen*.

Наименее удачным нам представляется вариант, предложенный М. Ремане [Puschkin 1999] - *der Finne*. Переводчик заменяет ИС именем нарицательным. И хотя в немецком языке все существительные, а не только ИС, пишутся с прописной буквы, контексты со словом *der Finne* позволяют сделать вывод о том, что это имя нарицательное, т.к. оно склоняется как нарицательное *der Finne* и используется с артиклем, ср.:

Мы посраим коварство Финна... [IV: 36] *Mit Schenden werden wir bedecken*

Den Finnen ... [43]

Глас добродетельного Финна [IV: 60] *Die Stimme seines Freunds, des Finnen...* [70].

И хотя связь ИС с апеллятивом важна и для текста оригинала, существенным представляется сохранение ИС в переводе там, где это возможно.

2. Семантика ИС.

Связь ИС *Финн* с апеллятивом акцентируется в самом тексте поэмы:

Уж я забыл отчизны дальшой

Угрюмый край. Природный финн...

...В беспечной юности я знал

Одни дремучие дубравы... [IV: 15].

Связь с апеллятивом сохраняется и в переводах:

Ich stamme aus der Finnen Land [Puschkin 1949 II: 227]

Ich stamme aus dem Land der Finnen [Puschkin 1999: 18]

Es dzimis soms [Puškina 1968 III: 23].

Но в переводе М. Ремане [Puschkin 1999], как уже отмечено выше, ИС во всех контекстах заменено нарицательным.

Д. М. Шарыпкин указывает, что слово *финн*, скорее всего, многозначно: оно обозначает не только национальность персонажа поэмы, (*природный финн*), но и принадлежность его к касте друидов-фенниев, колдунов, жрецов и бардов, учеников *Фингала*, о которых пел в своих песнях Оссиан. В кельтском эпосе *Финн* значит то же, что *Фингал*. Обо всем этом А. С. Пушкин мог знать из исторических и филологических трудов его времени [1972: 79]. Данное значение подкрепляется и ближайшими контекстами: *Финн* дважды назван у Пушкина *вещим*:

Вещий – ‘Мудрый, проницательный, обладающий даром предвидения’ (устар.) //

‘Предвещающий будущее’; ‘пророческий’ [МАС 1999 I: 160].

Сравним контексты в оригинале и переводах:

1) ...*вещий Финн*,

Духов могучий властелин... [IV: 73]

*Dem Freund Ruslans, dem Finnen, war
Des Schicksals Lauf längst offenbar* [Puschkin 1999: 85]

*Der Geister mächtiger Herrscher, Finn,
Der sah derweil mit weisem Sinn* [Puschkin 1949 II: 296]

*...paregotājs Soms,
Kam garu valstī dižens loms...* [Puškins 1968 III: 100]

2)...вещий Финн
Его зовет и обнимает... [IV: 75]

*Da trat der Finne vor ihn hin
Und sprach mit freundlich fester Stimme* [Puschkin 1999: 87]

Doch unser Finn hält ihn umfassen [Puschkin 1949 II: 297]

Tur Soms ar vaibstiem uzvarošiem... [Puškins 1968 III: 101].

Значение ‘колдун, жрец’, связанное с ИС *Финн* благодаря ближайшим контекстам, не столь акцентировано в переводе М. Ремане [Puschkin 1999], как в оригинале, где стилистически маркированное слово *вещий* использовано дважды. У М. Ремане в одном случае *Финн* назван *der Finne* без эпитета, в другом случае - другом *Руслана*, которому известен ход жизни:

Freund, der – ‘jemand, der einem anderen auf der Grundlage gegenseitiger Neigung und gegenseitigen Vertrauens eng verbunden ist’ [DWDS] - друг,

offenbar – ‘offenkundig, klar’ [DWDS] - очевидный, ясный,

Schicksal, das – ‘Gesamtheit dessen, was dem Menschen unabhängig von seinem Willen (durch naturgegebene Umstände, durch den Ablauf der Ereignisse) widerfährt und sein Leben entscheidend beeinflusst, Lebensweg’ [DWDS] – судьба,

Lauf, der - 3. ‘das Vorwärtsschreiten in einem Prozeß, der Verlauf, Ablauf’ [DWDS] - бер, ход.

В переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] со значением ‘колдун’ хорошо соотносится словосочетание *mit weisem Sinn*:

weise – ‘Weisheit besitzend’ [DWDS] – мудрый,

значение слова *Sinn* – ‘понимание’, ‘образ мыслей’ – приводилось выше (в связи с ИС *Наина*).

В латышском переводе этому значению соответствует слово *pareģotājs* – от *pareģot* – ‘ar maģiskiem parēmieniem noteikt (ko gaidāmu) un paziņot (par to)’, 2. ‘pamatojoties uz pieredzi, faktiem un tml., paredzēt (ko) un paziņot (par to)’ [LLVV 1972 VI 1: 325] – предсказать, прорицать.

3. Функция ИС.

ИС *Финн* называет второстепенного персонажа поэмы. За счет связи с апеллятивом это ИС выполняет характеризующую функцию (ИС характеризует героя с точки зрения его происхождения). Эта функция легко передается в переводах, т.к. немецкое *Finne* и русское *финн* созвучны, а в латышском переводе Ю. Ванагс использовал преобразующий перевод, отталкиваясь от апеллятива в латышском языке (*soms*). Но в переводе М. Ремане близость русского и немецкого апеллятивов приводит к тому, что для именования героя используется имя нарицательное. Другой компонент характеристики героя, заложенный также в его имени, – ‘колдун’, ‘жрец’ – и подкрепляющийся ближайшими контекстами, тоже находит свое отражение в переводах, благодаря опоре на ближайший контекст.

1.2.3. Упоминаемые имена

Исходя из роли ИС в системе имен художественного текста [Фонякова 1995], рассматривая ИС художественного текста в структурно-содержательном контексте [Михайлов 1987], выделяется группа антропонимов, которыми называется внесюжетный персонаж, упоминаемое лицо в составе сравнительной конструкции или перифразы; лицо, называемое переносно. Эти антропонимы мы объединяем в группу упоминаемых имен, которые были разделены нами на несколько подгрупп: ИС, связанные с русским или славянским фольклором и древнерусской литературой; ИС, связанные с темой античности; ИС, связанные с темой Востока; ИС, объединенные темой *Авторы и персонажи* (см. §1.1.). Рассмотрим каждую из названных групп.

1.2.3.1. ИС, связанные с темой античности

1. Особенности формы.

Переводчики используют для передачи ИС данной группы в основном ономастические соответствия, что вполне объяснимо: античная культура является общим фундаментом для культур европейских и для большинства имен этой группы есть в языке перевода традиционные соответствия, ср. [Kerényi 1966], [Mythologie], [Norādījumi 1960-1993 XIII], [Svirskā 1999], [Brokāne 1999]. Сравним передачу ИС в переводах:

А. С. Пушкин	Ю. Ванагс [Puškins 1968 III]	М. Ремане [Puschkin 1999]	Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]
Фидий	<i>Fidijs</i>	<i>Phidias</i>	<i>Phidias</i>
Гимен	<i>Himenejs</i>	<i>Hymenaeus</i>	<i>Hymen</i>
Мельпомена	<i>Melpomēna</i>	<i>Melpomene</i>	<i>Melpomene</i>
Диана	<i>Diāna</i>	<i>Diana</i>	<i>Diane</i>
Цитерея	<i>Kitereja</i>	<i>Kythereia</i>	<i>Cythere</i>
Орфей	<i>Orfejs</i>	<i>Orhpeus</i>	<i>Orpheus</i>
Киприда	<i>Afroditē</i>	<i>Kypris</i>	<i>Cypris</i>
Феб	<i>Fēbs</i>	- см. далее	<i>Phoebus</i>
Паллада	<i>Pallada</i>	- см. далее	<i>Pallas</i>
Зоил	<i>pēlējs</i>	<i>Zoilus</i>	<i>Zoilus</i>
Амур	<i>Amors</i>	<i>Amor</i>	- см. далее
Досада	- см. далее	- см. далее	- см. далее

Но не для всех имен группы „Античность“ используются ономастические соответствия. Вместо имени *Киприда* Ю. Ванагс использует более известное имя богини красоты в античной мифологии – *Афродита (Afrodītē)*, т.е. использован преобразующий перевод. Для передачи ИС *Зоил* Ю. Ванагс использует описательный перевод – *pēlējs* – ‘хулитель’ [LKV 1963: 533]. Некоторые ИС, как видим, в переводах опускаются. Почему это происходит и как это отражается на общем содержании текста, будет сказано далее в связи с семантикой ИС.

ИС условных женских образов, характерных для литературы периода классицизма и сентиментализма [Уссар 1997]: *Климена, Дельфира, Лида, Дорида* тоже примыкают к этой группе, т.к. созданы в подражание античным ИС. Для передачи этих ИС в переводе всеми переводчиками использованы ономастические соответствия:

А. С. Пушкин	Ю. Ванагс [Puškins 1968 III]	М. Ремане [Puschkin 1999]	Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]
<i>Лида</i>	<i>Lida</i>	<i>Lida</i>	<i>Lida</i>
<i>Дорида</i>	<i>Dorīda</i>	<i>Doris</i>	<i>Doris</i>
<i>Климена</i>	<i>Klimēna</i>	<i>Klimene</i>	<i>Clymene</i>
<i>Дельфира</i>	<i>Delfīra</i>	<i>Delphira</i>	<i>Delfire</i>

В немецких переводах используются в частности традиционные ономастические соответствия (*Киприда-Kypris, Дорида-Doris, Немезида-Nemesis* – это традиционные пары соответствий имен античных персонажей в русском и немецком языках [Kerényi 1966 I: 32, 57; II: 244]).

Обращает на себя внимание и тот факт, что немецкие переводчики последовательны в выборе одних и тех же графем, когда они используют ономастические соответствия для античных имен, ср.:

А. С. Пушкин	М. Ремане [Puschkin 1999]	Й. Гюнтер [Puschkin 1949]
<i>Климена</i>	<i>Klimene</i>	<i>Clymene</i>
<i>Цитерея</i>	<i>Kythereia</i>	<i>Cythere</i>
<i>Киприда</i>	<i>Kypris</i>	<i>Cypris</i>

В случае с именем *Дельфира* в переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] наблюдается отклонение от обычной для других имен передачи /f/ через *ph*:

Фидий – *Phidias*

Феб – *Phoebus*

Орфей – *Orpheus*

Дельфира – *Delfire* (ср. с *Delphira* в переводе М. Ремане).

В немецком языке /f/ передается в заимствованных словах и через *f*, и через *ph* [Die neue Rechtschreibung 1997: 28]. Хотя и до реформы орфографии отмечалось, что наблюдаются колебания в написании *ph/f* в заимствованных словах и что более употребительные заимствования тяготеют к написанию через *f* [Der große Duden 1959: 803].

В отношении личных имен также отмечается, что *ph* сохраняется в современном немецком языке в именах греческого происхождения или заимствованных через греческий язык для передачи греческой буквы *φ* (*Philipp, Christoph, Stephan*) [Kohlheim 1998: 27-28].

Написание через *-c-* в именах латинского происхождения или заимствованных через латынь сохраняется в современном немецком языке, в основном, в именах исторических лиц (*Cäsar*). Имена, адаптировавшиеся к немецкой графике, пишутся через *-k-* или *-z-* (*Nikolaus, Felizitas*) [Kohlheim 1998: 28].

2. Семантика ИС.

Античные ИС относятся к группе единичных антропонимов (см. главу 1). Поскольку античная культура является общим фундаментом для культур европейских, то единичными они будут не только в русском, но и в латышском и немецком языке. Некоторые из этих ИС знакомы читателю в большей, некоторые – в меньшей степени. В большинстве случаев для понимания значения этих ИС в тексте не играет роли, носителем какого языка читатель является. Имена античных персонажей, писателей, художников, упоминаясь в тексте, актуализируют в сознании читателя связь с определенными мифологическими или историческими сюжетами. Поэтому передача семантики таких ИС не должна вызывать особых затруднений при переводе. И если

переводчик или издатель сопровождает ИС этой группы комментарием (как это делает Г. Рааб, в чьем издании помещен перевод М. Ремане [Puschkin 1999]), то данный комментарий равно возможен и по отношению к оригиналу.

Фидий, Феб, Паллада.

ИС *Фидий* – имя известного греческого скульптора античных времен, о чем сообщает в комментарии к поэме Г. Рааб [Raab 1999: 373].

Феб – греч. ‘блистающий’ [ИМС 2001: 324]. *Феб* – ‘одно из наименований Аполлона, бога света и искусства в античной мифологии’; ‘символ поэзии, поэтического творчества, творческой деятельности в искусстве вообще’ [СЯП 2000 IV: 806].

Паллада – ‘одно из наименований *Афины*, богини войны, мудрости и искусства у древних греков’ [СЯП 2000 III: 285].

ИС *Фидий, Феб, Паллада* появляются в описании роскошного сада во владениях *Черномора* и скульптур в нем:

*Летят алмазные фонтаны
С веселым шумом к облакам:
Под ними блещут истуканы
И, мнится, живы; Фидий сам,
Питомец Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконец,
Свой очарованный резец
Из рук бы выронил с досады [IV: 30].*

Сравним контексты с данными ИС в переводах:

*... Daß Phidias selbst, könnt er sie sehen,
Den eignen Meißel möcht verschmähnen [Puschkin 1999: 35]*

*... Selbst Phidias
Der Sohn des Phoebus und der Pallas,
Wär, sie erblickend, so gebannt,
Daß seine kundige Zauberhand
Den Meißel sinken ließ, sein Alles. [Puschkin 1949 II: 244]*

*... pats Fidijs tos
Ar skaudību še apbrīnotu,
Un savu spožo kalnu kvēls*

Šis Palladas un Fēba dēls

Prom aizmestu kā lieku rotu. [Puškins 1968 III: 42].

Мы видим, что в переводе М. Ремане [Puschkin 1999] пропущены имена *Феб* и *Паллада*. *Питомец Феба и Паллады* – это перифраза, которая дает характеристику *Фидию*, древнегреческому художнику, мастеру скульптуры. Как пишет А. Д. Григорьева, *питомец / сын Феба (Аполлона)* – это частотная перифраза в раннем творчестве А. С. Пушкина для обозначения поэта [1969: 111-117], а значит эту черту стиля А. С. Пушкина тем более важно сохранить и в переводе.

Й. Гюнтер и Ю. Ванагс сохраняют перифразу. *Питомец* – ‘Чей-л. воспитанник’ [MAC 1999 III: 128] в переводах Й. Гюнтера и Ю. Ванагса передается как:

Sohn, der 1. ‘jede männliche Person in ihrer Beziehung zu Vater und Mutter, unmittelbarer männlicher Nachkomme’ 2. übertr., geh. ‘Vertreter, Angehöriger’ [DWDS] – сын,

dēls – 1. ‘vīriešu dzimuma bērns’, 3. poēt. ‘vīrietis – tautas, kolektīva un tml. loceklis’ [LLVV 1972 II: 303] – сын.

Мельпомена.

Мельпомена - греч. ‘поющая’ [ИМС 2001: 191]. *Мельпомена* – ‘муза трагедии в греческой мифологии’; ‘символ трагедии, ее сценического воплощения’ [СЯП 2000 II: 586]. Это ИС тоже используется в перифразе. *Руслан*, сражаясь с головой, охранявшей меч, нанес ей страшный удар, после которого голова описывается так:

От удивленья, боли, гнева,

В минуту дерзости лишаь,

На князя голова глядела,

Железо грызла и бледнела.

В спокойном духе горячась,

Так иногда средь нашей сцены

Плохой питомец Мельпомены,

Внезапным свистом оглушен,

Уж ничего не видит он,

Бледнеет, ролю забывает,

Дрожит, поникнув головой,

И заикаясь умолкает

Перед насмешливой толпой [IV: 42-43].

Здесь устойчивая поэтическая схема (*питомец Мельпомены*) заключается в шутливый контекст, и несоответствие поэтизма стилистически низкому лексическому окружению создает экспрессию.

Сравним переводные контексты:

So mag's Melpomenes Epheben

Mitunter auf der Bühne gehn.

Ein Pfiff braucht sich nur zu erheben,

Und schon sieht man ihn sprachlos stehn [Puschkin 1999: 50]

Zum Beispiel: wenn auf unsrer Bühne

Das Kind Melpomenes, das grüne,

Betäubt vom wilden Pfeifen steht

Und nichts mehr sieht und nichts versteht ... [Puschkin 1949 II: 260]

Tā dažkārt gadās redzēt mums,

Kā Melpomenas skolnieks vājāks

Uz skatuves jūt krampjus kājās;

Tad pēkšņi izsvilpts, stāv kā stabs

Un viss tam priekšā tumst kā kaps [Puškina 1968 III: 59].

Перифраза сохраняется во всех переводах: в немецких переводах *Melpomenes Epheben* и *das Kind Melpomenes*, где

Kind, das - 1. 'Mensch männlichen oder weiblichen Geschlechts von der Geburt bis zum Eintritt der Geschlechtsreife' 2. 'Abkömmling, Nachkomme' [DWDS] - ребенок,

нем. *Epheben, die* – рус. *эфебы* — в Афинах и других греческих городах юноши старше 18 лет. Они вносились в гражданские списки и служили два года в воинских формированиях, находясь на государственном обеспечении. После одного года службы они приносили клятву на верность афинскому государству. [Античная мифология 1997-2001].

В латышском переводе перифраза передана как *Melpomenas skolnieks*, где *skolnieks* – 2. 'cilvēks, kas mācās, padziļina zināšanas kāda izcila speciālista vadībā'; 'cilvēks, kas turpina kāda izcila speciālista darbu, tradīcijas' [LLVV 1972 VII 1: 533] - ученик.

Орфей.

Орфей – фракийский певец. По наиболее распространенному мифу он изобрел музыку и стихосложение. В современном языке *Орфей* – замечательный музыкант, певец [ИМС

2001: 232-233]. Это ИС использовано у А. С. Пушкина в переносном значении по отношению к В. А. Жуковскому [СЯП 2000 III: 155]. Автор обращается к В. А. Жуковскому:

*Прости мне, северный Орфей,
Что в повести моей забавной
Теперь вослед тебе лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.* [IV: 47].

Переносное значение антропонима понятно только тому читателю, который знаком с предысторией создания “Руслана и Людмилы”, с тем, что тексты В. А. Жуковского чрезвычайно важны для А. С. Пушкина на данном творческом этапе [Томашевский 1977: 412], т.е. современникам А. С. Пушкина и исследователям его творчества. Понятно, что для иностранного читателя восприятие этой метафоры еще более осложнено. Поэтому удачным решением издателя Г. Рааба можно считать комментарий к этой метафоре: “Пушкин сравнивает Жуковского ... с певцом из греческой мифологии *Орфеем*” (пер. наш) [Raab 1999: 373]. В других переводах использованы лишь ономастические соответствия. Ближайшие контексты в переводах выглядят так:

*Verzeih, wenn ich dir nun nachfliege,
Orpheus des Nordens...* [Puschkin 1999: 55]

*Du, meiner muntren Melodie
Vertrauter, Schützer meiner Gabe,
Orpheus des hohen Nordens...* [Puschkin 1949 II: 265]

*Jel piedod, Orfej, šoreiz tām,
Ka savā rotaļīgā stāstā
Tev pēdās lieku viņām steigt...* [Puškins 1968 III: 65-66].

Без комментария, подобного тому, который дан в издании Г. Рааба, переносное значение антропонима *Орфей* остается непонятным для читателя переводов.

Цитерея, Киприда.

ИС *Цитерея* и *Киприда* обозначают один и тот же мифологический персонаж, более распространенное имя которого в греческой мифологии *Афродита*, а в римской мифологии – *Венера*, ср.:

Цитерея – ‘одно из именований богини любви и красоты Венеры в древнем Риме’;
‘символ любви и красоты’ [СЯП 2000 IV: 901-902].

Киприда – ‘одно из наименований богини любви и красоты Афродиты в древней Греции’ [СЯП 2000 II: 333].

Для А. С. Пушкина характерно восприятие античности как целостного типа культуры [Кнабе 1999], поэтому вполне естественно для такого восприятия появление в одном тексте античных имен, связанных как с греческой, так и с римской традицией. *Афродита* / *Венера* – одна из важнейших богинь олимпийской религии, богиня любви и красоты. Одним из центров культа *Афродиты* был остров Кипр, другим центром был остров Кифера. Отсюда прозвища *Афродиты* – *Киприда*, *Киферея* (*Цитерея*) [ИМС 2001: 56-59].

Этим объясняется возможность преобразующего перевода, который использует Ю. Ванагс: *Киприда* – *Afroditē*, ср.:

<i>Так Лемноса хромой кузнец,</i>	<i>Tā klibais Kalvis Lemnosā</i>
<i>Приняв супружеский венец</i>	<i>Pēc laulībām ar viltu sāk</i>
<i>Из рук прелестной Цитереи,</i>	<i>Lenkt tīklos daiļo Kitereju;</i>
<i>Раскинул сеть ее красам,</i>	<i>Un jautriem dieviem atklāj tas,</i>
<i>Открыв насмешливым богам</i>	<i>Kur Afroditēi atrodas</i>

Киприды нежные затеи... [IV: 54] *Viss maigums, kuram veltī dzeju...* [74].

Вместо имени *Киприда* Ю. Ванагс использует более известное имя богини красоты в античной мифологии – *Афродита* (*Afroditē*), сравним с примечанием Б. В. Томашевского к пушкинскому тексту: “*Лемноса хромой кузнец* – *Вулкан* (*Гефест*), бог подземного огня, супруг богини красоты *Венеры* (*Афродиты*, *Цитереи*, *Киприды*...)” [1977: 412-413].

В немецких переводах использованы ономастические соответствия:

Dem lahmen Schmied von Lemnos gleich,
Der Kythereia, die die Treue
Ihm immer wieder brach aufs neue,
Fing und den Göttern so entdeckte,
Was Kypris insgeheim bezweckte... [Puschkin 1999: 63]

Wie jener Schmied aus Lemnos, lahm,
Der sich zur Frau Cythere nahm –
Er schmiedete ein Netz sich eigen
Und fing darin die Cypris ein,
Um das galante Stelldichein
Dem spöttischen Olymp zu zeigen... [Puschkin 1949 II: 273].

Мифологический сюжет о том, как богиня любви *Афродита* изменила своему мужу *Гефесту* с богом войны *Ареем* и как *Гефест*, застав спящих любовников, покрыл их сетью и призвал богов свидетелями супружеской измены [Томашевский 1977: 412-413], приводится в пушкинском тексте по аналогии с описываемым в поэме: *Черномор* расставил сети, чтобы поймать *Людмилу*, укрывшуюся при помощи шапки-невидимки. Параллель с мифологическим сюжетом, а также тот факт, что *Цитерея*, *Киприда* и *Афродита* – это один и тот же персонаж, комментируется в издании Г. Рааба [Raab 1999: 373-374], в других переводах комментариев не приводится.

Амур, Досада.

Амур – римское божество любви, соответствующее греческому *Эросу* [ИМС 2001: 26].

ИС *Досада* не является собственно мифологическим именем. СЯП [2000 I: 709] указывает, что А. С. Пушкин использует нарицательное *досада* – ‘чувство неудовольствия, раздражения вследствие неудачи, обиды или какой-нибудь неприятности’ – в данном контексте в олицетворении:

Амур с Досадой своенравной

Вступили в смелый заговор... [IV: 35].

Сравним этот контекст в переводах:

...stopā

Liek Amors bultu, īgni skumst. [Puškins 1968 III: 50]

Mit den Titanen kühn verschworen

Ist Amor. Und der Rache Zeit

Ist nah! [Puschkin 1999: 42]

Wo Liebe dem Verdrusse glaubte,

Neigt keckem Bunde sie ihr Ohr... [Puschkin 1949 II: 251].

Переводчики постарались передать значение апеллятива *досада*. В латышском переводе ему соответствует слово *īgns* – ‘угрюмый, хмурый’, ср.:

Īgns – 1. ‘tāds, kas izturas nelaipni, ar nepatiku, skarbi’; ‘tāds, kas ir neapmierināts ar ko’. 2. ‘tāds, kurā izpaužas nelaipnība, nepatika, skarbums’; ‘tāds, kurā izpaužas neapmierinātība ar ko’ [LLVV 1972 III: 444-445].

В переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] это слово *Verdruss* – ‘досада, огорчение’, ср.: *Verdruß, der* – ‘Ärger, Mißmut, Unmut’ [DWDS].

Й. Гюнтер больше других отклоняется от подлинника – он не сохраняет даже имени *Амур*, хотя эквивалент этого ИС (*Amor*) в его переводе все же появляется, но в другом фрагменте (Й. Гюнтер переводил раннюю редакцию поэмы, где ИС *Амур* использовано два раза). В переводе М. Ремане [Puschkin 1999] *Досада* воспринято переводчиком как ИС, конкретнее – как имя одного из божеств-титанов, т.к. М. Ремане использует преобразующий перевод: *Амур сговорился с титанами и время мести приближается* (буквальный перевод варианта М. Ремане, приведенного выше).

Зоил.

Зоил – ‘придирчивый злой критик, постоянный хулитель’ [СЯП 2000 II: 166-167]. Это имя греческого критика IV века до н.э. Его придирчивые разборы поэм Гомера послужили причиной того, что имя его стало нарицательным в значении мелочного, несправедливого, пристрастного и недоброжелательного критика [Томашевский 1977: 412].

При передаче имени *Зоил* в латышском переводе Ю. Ванагс использует описательный перевод, тогда как в немецких переводах использовано ономастическое соответствие:

Скажи, Зоил, скажи, предатель,

Ну как и что мне отвечать? [IV: 35]

Teic, pēlēj, pats, ja spītē dabai,

Nu ko un kā man atbildēt? [Puškins 1968 III: 49]

Nein, Zoilus, zu deutlich spiegelt

Sich deine schwarze Bosheit hier! [Puschkin 1999: 41]

Sag, Zoilus, Verräter, sage,

Wie und was antwort ich dir nur? [Puschkin 1949 II: 250].

Лтш. *pēlējs* ‘хулитель’ [LKV 1963: 533] описательно передает энциклопедическую информацию, которую несет имя *Зоил*. В издании Г. Рааба [Puschkin 1999] ИС *Зоил* снабжено комментарием, где приводится данная энциклопедическая информация.

Гимен.

Гимен (Гименей) – ‘бог брака в древнегреческой мифологии’ [СЯП 2000 I: 477].

В пушкинской поэме это ИС использовано в перифразе, характеризующей *Климену* (об этом ИС условного женского образа см. далее):

Но ты поймешь меня, Климена,

Потупишь томные глаза,

Ты, жертва скучного Гимена... [IV: 35].

Жертва скучного Гимена – это ироничное образное обозначение замужней женщины. Образность возникает здесь, благодаря связи с мифологией, а иронию создает сочетание *жертва Гимена*:

жертва - 5. 'Тот, кто пострадал или погиб от какого-л. несчастья, стихийного бедствия и т. п.' // 'Тот, кто подвергся страданиям, неприятностям и т. п. вследствие чего-л.' [МАС 1999 I: 479]. В качестве стихийного бедствия в данном контексте предстает брак, почему и возникает ирония. Сравним переводные контексты:

Doch du wirst mich verstehn, Klimene,

Der Hymenaeus gab kein Glück... [Puschkin 1999: 41]

Du doch wirst mich verstehn, Clymene,

Dein sehnsüchtiges Auge spricht,

Du, Hymens Opfer... [Puschkin 1949 II: 251]

Tu gan, Klimēna, sapratīsi,

Tavs skatiens gudri lejup slīgs,

Jo Himenejs, kā varā trīsi,

Tev sen jau sirdij apnicīgs... [Puškina 1968 III: 49].

Перифразу *жертва Гимена* и связанную с ней иронию сохраняет Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II] - *Hymens Opfer*, ср.:

Opfer, das - 4. 'jemand, der eine Missetat, etwas Schlimmes erdulden mußte' [DWDS] – жертва.

В переводе М. Ремане [Puschkin 1999] ирония утрачивается, т.к. *Климена* в его переводе – та, которой Гименей не дал счастья, ср.:

Glück, das - 1. 'zufälliges, überraschendes Zusammentreffen günstiger Umstände in einer Situation, die man selbst nicht beeinflussen kann, Begünstigung durch besondere Zufälle' [DWDS] – счастье,

geben - 1. 'jemanden zum Eigentümer von etwas machen' [DWDS] – давать.

В латышском переводе ирония сохраняется, но передается другим словосочетанием: *Гименей, давно надоевший твоему сердцу*, ср.:

apnicīgs – 'tāds, kas ātri apnīk'; 'garlaicīgs, vienmuļš' [LLVV 1972 I: 241] - надоедливый,

sirds – 2. 'cilvēka psihe, rakstura, personības emocionālo, morālo īpašību kopums, arī to izpausme' [LLVV 1972 VII 1: 465-473] - сердце.

Диана.

Диана – ‘древнеримская богиня охоты, отождествлявшаяся с богиней луны *Селеной*’, ‘символ девственности’ [СЯП 2000 I: 654-655]. В поэме с *Дианой* сравнивается прекрасная дева, очаровавшая *Ратмира*:

*В молчанье дева перед ним
Стоит недвижно, бездыханна,
Как лицемерная Диана
Пред милым пастырем своим... [IV: 51].*

У А. С. Пушкина *Диана* названа лицемерной. Б. В. Томашевский так комментирует эти строки: «*Диана* – богиня луны и охоты по античной мифологии – считалась девственницей; она погубила *Актеона* за то, что он увидел ее купающейся. Между тем она предавалась любви с карийским пастухом *Эндимионом*, которого погрузила в вечный сон» [Томашевский 1977: 412].

В переводах это сравнение передано так:

*So arglos zeigt sie sich dem Recken,
Wie es Diana schelmisch tat
Vor ihres Schäfers Lagerstatt.
Wie wird sie nun den Schäfer wecken?* [Puschkin 1999: 60]

*Und stumm, gleich einem schönen Wahne,
Wie einst die listige Diane
Des lieben Hirten Apathie... [Puschkin 1949 II: 269]*

*Stāv jaunava pie viņa gultas
Kā Diāna, kas mīlas bultas
Ar viltu mērķi raidīt prot... [Puškins 1968 III: 70-71].*

Эпитет *лицемерный* – ‘Отличающийся лицемерием, проявляющий его’, ‘проникнутый лицемерием’; ‘притворный’ [МАС 1999 II: 191] - передается в переводах словами:

schelmisch - 2. veralt. ‘betrügerisch, hinterhältig, verlogen’ [DWDS] – лукавый, плутовской,

listig – ‘voller List, den anderen durch List täuschend’ [DWDS] – хитрый,

viltus – 1. ‘viltīga rīcība, viltīgums’ [LLVV 1972 VIII: 493] - обман.

Климена, Дельфира, Лида, Дорида.

Примыкают к группе ИС, связанных с темой античности, ИС условных женских образов: *Климена, Дельфира, Лида, Дорида*. О том, что имена *Лида, Дорида*, встречающиеся не только в „Руслане и Людмиле“, но и в лирике А. С. Пушкина, приняты как условные в поэзии, писал М. С. Альтман [1964: 382]. Использование ИС, взятых из античной мифологии или выдуманных в подражание античным, было характерно для европейских литератур в период классицизма и барокко. В русский стих они пришли из французской поэзии [Уссар 1997: 280]. Отголоски этой традиции можно найти в раннем творчестве А. С. Пушкина. Поскольку сами ИС взяты как условные, то их значение максимально обусловлено контекстом.

Контекст с ИС *Климена* был приведен выше. Остальные ИС появляются в следующих контекстах:

1) *Скажите: можно ли сравнить
Ее с Дельфиною суровой? ...
... А та – под юбкою гусар,
Лишь дайте ей усы и шпоры!* [IV: 56]

*Unvergleichbar
Mit irgendwelchen andern Frauen,
Am wenigsten mit jener rauhen
Delphira, die so finster blickt...
...Hätt sie nur einen Bart und Sporen,
Wär ein Husar an ihr verloren.* [Puschkin 1999: 65]

*Sagt, kann man sie denn daraufhin
Delfirens Grausamkeit vergleichen? ...
...Doch die – im Rock noch ein Husar,
Man gebe ihr nur Bart und Sporen!* [Puschkin 1949 II: 275]

*...kā var prātā nākt
Ar Delfiru to salīdzināt?...
...Bet otra- huzārs brunčos vecs,
Vien ūsu trūkst – sāks tūdaļ tirdīt!* [Puškins 1968 III: 77].

Дельфира метко характеризуется как гусар в юбке, слово *гусар* сохраняют все переводчики: лтш. *huzārs*, нем. *Husar*.

2) Я помню темный вечерок,
 Я помню Лиды сон лукавый...
 Ах, первый поцелуй любви,
 Дрожащий, легкий, торопливый,
 Не разогнал, друзья мои,
 Ее дремоты терпеливой... [IV: 61-62]

*Da fällt mir Lida wieder ein,
 Die ich einst fand bei Mondenschein
 Im Wäldchen, wo sie scheinbar tief
 Auf einer kleinen Wiese schlief...
 Der erste Kuß, nun ja, er schmeckte
 Ihr wohl noch etwas keusch und brav.
 Ich küsste dreister, doch ich weckte
 Sie so noch weniger aus dem Schlaf* [Puschkin 1999: 72]

*Der dunkle Abend brach heran
 Und meine Lida schlief zum Scheine...
 Ach! Jener erste Liebeskuß,
 Der leicht und zitternd überschäumte,
 Er störte nicht des Traumes Fluß,
 Den sie geduldig weiterträumte...* [Puschkin 1949 II: 282]

*...atceros...
 Un Lidas aizdomīgo miegu...
 Nē, pirmais mīlas skūpsts un tāds,
 Kad mute tikko muti jauta,
 Draugs, nespēja to modināt
 No viņas pacietīgā snauda...* [Puškins 1968 III: 84-85].

Благодаря контексту, ИС *Лиды* наделяется значением 'притворно спящая возлюбленная, которая не пробуждается от поцелуя'. То же значение передают переводные контексты при помощи слов:

scheinbar- 1. 'nicht wirklich, nur dem Scheine nach' [DWDS] – мнимый,
Kuß, der - 'einmaliges Küssen' [DWDS] – поцелуй,

wecken - 1. 'jemanden wach machen, zum Erwachen bringen, jemandes Schlaf ab- oder unterbrechen' [DWDS] – разбудить,

Schlaf, der - 1. 'völliger Ruhezustand des Organismus, bes. des Nervensystems, der durch eine auf bestimmte Abschnitte des Gehirns sich ausbreitende Hemmung eintritt' [DWDS] – сон,

Schein, der - 2. 'äußerliche (eingebildete) Erscheinung, Wirkung, die dem wirklichen Sachverhalt nicht entspricht oder ihn verschleiert, Trugbild, Täuschung' [DWDS] – видимость, иллюзия,

Traum, der - 1. 'Erscheinung, Vorstellung, die sich während des Schlafes einstellen kann' [DWDS] – сон,

miegs – 'nervu sistēmas diennakts ritma izraisīts organisma stāvoklis, kuram raksturīgi kavēšanas procesi plašos galvas smadzeņu garozas apvidos' [LLVV 1972 V: 203] - сон,

skūpsts – 'pieskāriens ar lūpām, paužot, piem., mīlestību, draudzību, cieņu' [LLVV 1972 VII 1: 555] – поцелуй,

modināt – 1. 'pārtraukt kāda miegu, panākt, ka kāds mostas' [LLVV 1972 V: 259] – разбудить.

3) Я пел – и забывал обиды

Слепого счастья и врагов,

Измены ветреной Дорида... [IV: 80]

Auch Doris focht mich nicht mehr an

Mit ihrer ewigen Perfidie [Puschkin 1999: 93]

Ich sang – und ich vergaß die Hetze

Des blinden Glücks, der Feinde Zwist,

...Und meiner Doris Hinterlist [Puschkin 1949 II: 302]

Es dziedāju un zuda sāpes,

Ka laime pāri dara man,

Ka pieviļ Dorīda nez kāpēc... [Puškins 1968 III: 108].

ИС Дорида получает, благодаря контексту, значение 'неверная возлюбленная'. То же значение заключают в себе переводные контексты, ср.:

Perfidie, die - abwertend. 'Hinterhältigkeit, Heimtücke' [DWDS] – коварство, подлость,

Hinterlist, die – 'heimtückisches, hinterhältiges Wesen, Verhalten' [DWDS] – коварство, хитрость,

pievilt – 1. ‘ar viltu panākt, ka kādam izveidojas nepareizs priekšstats, doma par ko’ [LLVV 1972 VI 2: 166-167] – обмануть.

3. Функция ИС.

Общей функцией всех ИС данной группы будет вызывать литературные (или шире – культурные) ассоциации, связанные с античностью. Передача этой функции в переводах не связана со спецификой собственно перевода: ИС этой группы имеют свои традиционные эквиваленты в немецком и латышском языке, и, появляясь в тексте, имя актуализирует связанные с ним мифологические или другие античные сюжеты, как это происходит и в оригинале. Фоновые знания, стоящие за данными именами, знакомы или не знакомы читателю вне зависимости от его родного языка (русского, латышского, немецкого), и комментарий к именам может быть необходим как в оригинале, так и в переводе. Выполняя названную функцию, ИС этой группы становятся компонентами перифраз (*Феб, Паллада, Гимен, Мельпомена*), участвуют в сравнениях (*Диана, Цитеря, Киприда*). ИС *Орфей*, выступающее в переносном значении, выполняет функцию характеристики (выступает характеристикой В. А. Жуковского), которая может быть реализована в переводе при наличии комментария к имени. ИС *Лиды, Дорида, Дельфира, Климена* выполняют функцию имен условных женских образов, когда важна лишь форма имени, античного или построенного по образцу античных. Употребление таких ИС связано, как пишет О. И. Фонякова [1990: 72], с давней классической традицией в мировой литературе, когда античные мифологические имена аллегорически выражали обобщенно-символический смысл. С той же традицией связано и появление у А. С. Пушкина ИС *Досада*, но оно, благодаря прозрачной внутренней форме, выполняет еще и функцию характеристики. Условность этого имени и наличие в языке нарицательного *досада* привели к тому, что не все переводчики восприняли его как ИС.

1.2.3.2. ИС, связанные с фольклором и древнерусской литературой

1. Особенности формы.

К данной группе относятся четыре упоминаемых ИС: *Баба-Яга, Кащей, Баян, Лель*. В пушкинском тексте ИС *Кашей* написано через *a*, хотя распространенным является написание *Кошчей* (ср. далее словарные данные МАС). В переводах использованы следующие эквиваленты ИС данной группы:

А. С. Пушкин	Ю. Ванагс [Puškins 1968 III]	М. Ремане [Puschkin 1999]	Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]
<i>Баба-Яга</i>	<i>ragana</i>	<i>Hexe (Baba-Jaga)</i>	<i>Hexe</i>
<i>Кашей</i>	<i>Kaščejs</i>	<i>Geizhals</i>	<i>Geizhals</i>

<i>Баян</i>	<i>Bajans</i>	<i>Bajan</i>	<i>Bajan</i>
<i>Лель</i>	<i>Laļs</i>	<i>Lel</i>	<i>Lel</i>

Мы видим, что ономастические соответствия использованы во всех переводах для ИС *Баян*, в немецких переводах для ИС *Лель*, в латышском переводе для ИС *Кащей*. Для имени *Баба-Яга* ни один переводчик не использует ономастическое соответствие: все ограничиваются описательным переводом: лтш. *ragana* и нем. *Hexe* - 'ведьма'. В издании Г. Рааба [Puschkin 1999], где помещен перевод М. Ремане, ономастическое соответствие *Vaba-Jaga* дано в комментарии к строке *Избушка там на курьих ножках...*: «Мотив из русских народных сказок о ведьме *Бабе-Яге*» (пер. наш) [Raab 1999: 372]. Для ИС *Кащей* оба немецких переводчика дают описательный перевод: *Geizhals* - 'скряга, скупердый'. Передача имени *Лель* в латышском переводе – *Laļs*, возможно, связана с латышским глаголом *lalināt* - 'лепетать'. О семантике ИС подробнее будет сказано ниже.

2. Семантика ИС.

Значения ИС этой группы относятся к фоновой информации, знакомой носителю русского языка, и дефицит этой информации будет испытывать именно читатель перевода (что отличает эту группу ИС от предыдущей).

Баба-Яга, Кащей.

Баба-Яга и *Кащей* – герои русских народных сказок, они знакомы любому носителю русского языка, знакомы настолько хорошо, что становятся уже нарицательными и включаются в словари нарицательных слов:

Баба-Яга – 'В русских народных сказках: злая старуха-колдунья' [МАС 1999 I: 54],

Кащей – *Кощей* 1. (с прописной буквы). 'Мифический персонаж русских народных сказок: худой, костлявый старик, обладающий тайной долговечности, богатый и злой'.

Кощей бессмертный. 2. Разг. 'О тощем и высоком человеке, чаще старике'. 3. Разг. неодобр. 'О скупом человеке, скряге' [МАС 1999 II: 118].

Сравним передачу этих ИС в переводах:

Там ступа с Бабою-Ягой

Идет, бредет сама собой;

Там царь Кащей над златом чахнет... [IV: 8]

Uz slotas raganu tu redz,

Tai piesta līdzi pati lec;

Tur Kaščejs kalst, pie zelta stāvot... [Puškins 1968 III: 13]

*Den Mörser mit der Hexe schaurig
Umgehn, von Zauberhand bewegt,
Nach Gold den Geizhals sterbend gieren...* [Puschkin 1999: 9-10]

*Den Hexenkessel kann man sehn
Von selber seiner Wege gehn,
Fürst Geizhals überm Golde siechen...* [Puschkin 1949 II: 218].

Для ИС *Баба-Яга* переводчики используют описательный перевод: лтш. *ragana* и нем. *Hexe* - 'ведьма', ср.:

Ragana – 'mitoloģijā, arī reliģijā – sieviete, kurai ir pārdabisks spēks, kura prot burt (parasti saistībā ar velnu' [LLVV 1972 VI 2: 511-512],

Hexe, die - 1. 'bösgesinnte, meist häßlich aussehende Märchen-, Sagengestalt, die über Zauberkräfte verfügt und mit dem Teufel im Bündnis steht' [DWDS].

Эти эквиваленты не содержат в своей семантике связи с русской сказкой, поэтому комментарий, содержащий такое указание (как в издании Г. Рааба [Puschkin 1999]), является необходимым.

Ономастическое соответствие *Kaščejs* в переводе Ю. Ванагса [Puškins 1968 III] тоже нуждается в комментарии, без которого непонятно, что это имя героя русской сказки. Описательный перевод *Geizhals* 'скряга, скупердый' передает значение слова *кощей*, ставшего нарицательным, ср.:

кощей - 3. Разг. неодобр. 'О скупом человеке, скряге' [MAC 1999 II: 118],

Geizhals, der - abwertend 'übertrieben sparsamer Mensch' [DWDS],

но также не позволяет связать это ИС с именем героя русской сказки.

Неоправданной представляется замена *царь Кащей* на *Fürst* ('князь') *Geizhals* в переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II], т.к. сочетание *царь Кащей* устойчиво для русских сказок, ср.: *царь* - 1. 'Титул монарха в некоторых странах, а также лицо, носившее этот титул' [MAC 1999 IV: 633]; *царь* – 'общее именование государя какой-нибудь страны, монарха', 'Именование монарха в сказках' (царь *Дадон*, царь *Кащей*) // 'Бытовое именование русского императора' [СЯП 2000 IV: 885-887].

Немецкое слово *Fürst* не содержит в своем значении компонентов, указывающих на Россию или Русь как место действия, и даже напротив создает «европейский колорит», т.к. это титул между графом и герцогом, ср.:

Fürst, der - 1. 'Angehöriger des hohen Adels' а) '(unter einem Kaiser, König stehender) Herrscher eines Landes, Territoriums'. б) 'Titel, Rangstufe zwischen Graf und Herzog' [DWDS].

Баян, Лель.

Словари русских личных имен дают разные толкования происхождения ИС *Баян*:

Баян, Боян – от *бой* (ср. *боец, бой*) слав., редк. [Петровский 1995: 79],

Баян – 1. др.-рус. *баян* – ‘рассказчик, краснобай’, ср.: *обаяние* [Суперанская 2004: 127].

Для пушкинского текста важно, что *Баян* – ‘имя певца-поэта’ (по имени певца-поэта в «Слове о полку Игореве») [СЯП 2000 I: 154].

Лель – ст.-рус. [Петровский 1995: 183]. *Лель* – ‘По представлениям пушкинского времени имя древнеславянского божества, бога любви и покровителя пастухов и певцов’ [СЯП 2000 II: 491].

А. В. Суперанская уточняет, что это ИС возникло из персонификации др.-рус. припева *Лель-лада, ляли-ляли-лель* [Суперанская 2004: 221].

При передаче ИС *Баян* и *Лель* переводчики используют в основном ономастические соответствия:

Все смолкли, слушают Баяна:

И славит сладостный певец

Людмилу-прелесть и Руслана

И Лелем свитый им венец. [IV: 9]

Nu visi klausās. Dziesmā slavu

Dzied Bajans daiļai Ludmilai,

Ko Ruslans laimīgs gūst par savu, -

Vīts Laļa kāzu vainags tai. [Puškins 1968 III: 14-15]

Still war's auf einmal, jeder hörte

Andächtig zu, wie der Bajan

Gott Lel zum Klang der Gusli ehrte,

Ludmila rühmte und Ruslan. [Puschkin 1999: 11]

Man lauscht: ein Preilied hat erfunden

Der Wohllaut strömende Bajan

Dem Kranze, den Gott Lel gefunden

Ludmillens Schönheit und Ruslan. [Puschkin 1949 II: 219].

К имени *Баян* Ю. Ванагс дает комментарий: «*Баян* – певец времен Владимира, который упоминается в «Слове о полку Игореве»» (пер. наш) [Vanags 1968 III: 618]. В издании Г. Рааба приводится комментарий к ИС *Баян* и к ИС *Лель*:

Баян - легендарный певец и сочинитель эпических героических песен конца 11 в. Его имя взято из «Слова о полку Игореве» (пер. наш),

Лель - бог любви и брака – изобретение мифологов XVIII века, желавших расширить древнеславянский пантеон (пер. наш) [Raab 1999: 372].

Таким образом, читатель этих переводов получает необходимую для понимания текста информацию. Интересна передача имени *Лель* в латышском переводе – *Laļs*. Возможно, переводчик хотел наполнить незнакомое для латышского читателя имя содержанием и связать для этого ИС с латышским глаголом *lalināt* - 'лепетать' (о ребенке), ср.:

Lalināt – 1. 'dzidot radīt dzidras skaņas, parasti atkārtojot zilbi *la*; arī trallināt'. 3. 'runāt, bieži aizstājot citus līdzskaņus ar *l* skaņu (par bērniem)' // 'maigi, mīlīgi runāties ar bērnu, parasti, atkārtojot zilbi *la*' [LLVV 1972 IV: 588-589].

Если учесть, что существование бога *Леля* обосновывали припевом свадебных и других народных песен [БРБС], [Суперанская 2004: 221], то такое переводческое решение вполне оправдано.

Немецкие переводчики используют уточняющий перевод – *Gott Lel* 'бог Лель', ср.:

Gott, der – 'höchstes und verehrungswürdiges, außerhalb der realen Welt gedachtes Wesen in einer Religion, bes. der christlichen' [DWDS],

что тоже, на наш взгляд, удачно, т.к. часть недостающей фоновой информации таким образом включается в текст перевода.

3. Функция ИС.

ИС данной группы создают фольклорный колорит (*Баба-Яга, Кощей, Лель*), ИС *Баян* имеет функцию локальной и темпоральной характеристики, т.к., вызывая ассоциации с упоминаемым в «Слове о полку Игореве» *Баяном*, отсылает к ситуации древней Руси, к временам *Владимира*. Семантика этих ИС не может быть полностью передана в переводах при помощи ономастических соответствий или описательных эквивалентов, поэтому решение о комментировании в переводе ИС данной группы является принципиальным. Названные функции ИС будут выполняться в переводе при наличии комментария.

1.2.3.3. ИС группы *Авторы и персонажи*

1. Особенности формы.

Для имен группы *Авторы и персонажи* переводчики используют ономастические соответствия:

А. С. Пушкин	Ю. Ванас [Puškins 1968 III]	М. Ремане [Puschkin 1999]	Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]
<i>Армида</i>	<i>Armida</i>	<i>Armida</i>	<i>Armida (Armidens)</i>

<i>Омер</i>	<i>Homērs</i>	<i>Homer</i>	<i>Homer</i>
<i>Парни</i>	<i>Parni</i>	<i>Parny</i>	<i>Parny</i>
<i>Вадим</i>	<i>Vadims</i>	- см. далее	<i>Wadim</i>

Обратим внимание на то, что пушкинское написание имени *Гомер* – как *Омер* – переводчики не сохраняют. А. С. Пушкин писал это имя по-разному, в том числе и как *Гомер*, ср. в «Евгении Онегине»:

*Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита...*[V: 10]

*Как ты, божественный Омир,
Ты, тридцати веков кумир!* [V: 100].

Выбор между написаниями *Омир* и *Омер* (или *Гомер* — с начальным *г*, соответствующим густому придыханию), зависящий от признания рейхлиновского или эразмовского произношения, был предметом широкого обсуждения в первые десятилетия XIX века [Булаховский 1954: 23-24]. Написание *Омир* использовано, как нам представляется, для создания торжественности, т.к. такое употребление аналогично использованию славянизмов в стихотворной речи А. С. Пушкина, что исследовала И. С. Ильинская [1970]. В раннем творчестве А. С. Пушкина они использовались как средства версификации, а в зрелом творчестве поэта – для особых художественно-стилистических задач, в частности – для создания торжественности. Написание ИС *Омер* в «Руслане и Людмиле» появляется, возможно, потому, что оно возникает в одном контексте с именем французского поэта *Парни* (см. далее) и под влиянием этого имени произносится на французский манер (без начального согласного).

Форма имени *Armiden* в переводе Й. Гюнтера – это форма косвенных падежей от ИС *Armida* (см. главу 1).

2. Семантика ИС.

Имена этой группы являются единичными антропонимами. Но если ИС *Армида*, *Омер*, *Парни* являются единичными не только для русского, но и для немецкого и латышского языков, то об ИС *Вадим* этого сказать нельзя.

Омер, Парни.

Парни - Парни Эварист Дезире де Форж, виконт [Evariste Désiré de Forges, vicomte de Parny, 1753—1814] - французский поэт. Сильнейшее воздействие оказал *Парни* как творец любовной элегии и один из наиболее ярких представителей так наз. «легкой поэзии» (poésies fugitives) на русскую литературу. Его влиянием проникнуто все поэтическое

творчество Батюшкова, как и творчество молодого Пушкина, последние переложения которого из Парни относятся к 1824 году [ЛЭ 1929-1939 VIII: 447-451].

Омер / Гомер – (греч. Ομηρος) - имя пользующегося мировой славой древнегреческого поэта, предполагаемого творца греческих эпических поэм «Илиады» и «Одиссеи» [ЛЭ 1929-1939 II: 599-603].

Оба ИС использованы в следующем контексте:

Я не Омер: в стихах высоких

Он может воспевать один

Обеды греческих дружин

И звон, и пену чаш глубоких.

Милее, по следам Парни,

Мне славить лирою небрежной

И наготу в ночной тени,

И поцелуй любви нежной! [IV: 50].

Оба ИС использованы в своем прямом значении – они называют поэта в связи с манерой его письма: *Омер* – поэт, воспевающий пиры греческих воинов, *Парни* – поэт, воспевающий любовь. В переводах эти контексты выглядят так:

Um dieses Festmahl zu beschreiben,

Die Speisen all, den edlen Wein,

Müßt ich Homer persöhnlich sein.

So aber laß ich's besser bleiben

Und wandle lieber mit Parny

Den lockren Pfad der Poesie,

Laß lächelnd meine Leier tönen

Zum Preis der Nacktheit unsrer Schönen... [Puschkin 1999: 59]

Wär ich Homer, ich wollte malen

In hohen Strophen euch fürwahr

Das Tafeln einer Griechenschar,

Das Tönen ihrer tiefen Schalen.

Viel lieber auf der Spur Parnys

Singt meine unbedachte Leier

Nächtlicher Schatten Paradies:

Der Liebe Kuß, der Liebe Feier! [Puschkin 1949 II: 268-269]

Es Homērs neesmu: viņš vienīgs

Reiz dzīres prata apdziedāt,

Kur grieķu varoņi bij klāt

Un kausos šļāca dzēriens cienīgs.

Es mīļāk dziedu kā Parnī

Un lirai draiski skanēt lieku

Par kailumu nakts pavēnī

Un maigās mīlas skūpstu prieku! [Puškina 1968 III: 69-70].

В переводных контекстах ИС *Омер* и *Парни* представлены в соответствующем лексическом окружении. *Омер* - в связи с пирами греков, благодаря словам:

Festmahl, das - geh. 'Essen' [DWDS] – праздничный обед,

Speise, die - 1. 'das einzelne Gericht, Essen' [DWDS] – блюдо,

Wein, der - 'aus dem Saft von Weintrauben durch Gärung gewonnenes alkoholisches Getränk' [DWDS] – вино,

tafeln - geh. 'an einer (festlichen) Tafel sitzen und gut essen und trinken' [DWDS] – пиршествовать,

Schale, die - 1. 'flaches rundes oder ovales, oben offenes Gefäß, flache Schüssel mit vielfachem Verwendungszweck' [DWDS] – чаша,

dzīres – 'plašas, bagātas svinības ar mielastu' [LLVV 1972 II: 459] – пиршество,

kauss – 1. 'paliels, dzeršanai paredzēts trauks ar osu vai bez osas [LLVV 1972 IV: 216] – чаша,

šļākt – 1. 'strauji, spēcīgi virzīt parasti šķidras vielas' [LLVV 1972 VII 2: 387] – плескать,

dzēriens – 'īpaši sagatavots šķidrums dzeršanai' [LLVV 1972 II: 443] – напиток.

Парни предстаёт как певец любви, благодаря словам:

Nacktheit, die – 'das Nacktsein' [DWDS] – нагота,

Schöne, die - geh. oft spött. '(schöne) Frau' [DWDS] – красавица,

Liebe, die - 1. 'starkes Gefühl der Zuneigung' [DWDS] – любовь,

Kuß, der – 'einmaliges Küssen' [DWDS] – поцелуй,

kailums от *kails* – 1. 'tāds, kam nav ietērpa, apsega' [LLVV 1972 IV: 81] - нагой,

maigs – 2. 'tāds, kas izraisa patīkamas sajūtas, kas nekairina vai kairina viegli' [LLVV 1972 V: 90] – нежный,

mīla – 'mīlestība' [LLVV 1972 V: 226] - любовь,

skūpsts - 'pieskāriens ar lūpām, paužot, piem., mīlestību, draudzību, cieņu' [LLVV 1972 VII 1: 555] – поцелуй.

Кроме того, в издании Г. Рааба [Puschkin 1999] имена *Омер, Парни* (как и ИС *Армида*, о котором см. далее) снабжены комментарием, который, как и в случае с античными именами, может быть необходим не только читателю перевода, но и оригинала.

Армида.

Армида – ‘героиня «Освобожденного Иерусалима» Тассо. Своей чарующей красотой она обольщает крестоносца Ринальдо’ [СЯП 2000 I: 32]. По аллюзии употребляются выражения «сады *Армиды*», «дворец *Армиды*» [ЛЭ 1929-1939 I: 695]. В пушкинском тексте используется именно выражение «сады *Армиды*» для характеристики красот сада во владениях *Черномора*:

...Пленительный предел:

Прекраснее садов Армиды

И тех, которыми владел

Царь Соломон иль князь Тавриды. [IV: 29]

Ein Park dem Paradiese gleich,

Weit herrlicher noch als die Gärten,

Die König Salomon gehörten,

Und jene in Armidas Reich. [Puschkin 1999: 34]

... Ein Zaubertal:

Nicht konnten sich damit vergleichen

Armiden Gärten, nicht einmal

Die Fluren Salomos, des Reichen. [Puschkin 1949 II: 244]

Burvīgs dārzs:

Daudz brīnišķāks par tiem, ko spēja

Reiz uzburt Armida; tāds ārs,

Par kādu sapņot nevarēja

Pat ķēniņš Zālamans... [Puškins 1968 III: 42].

ИС *Армида* передается в переводах тоже в связи с описанием сада. Благодаря слову *сад*, ср.:

Garten, der – ‘begrenztes Stück Land zum Anbau von Gemüse und Obst, auf dem oft auch Blumen gezogen werden’ [DWDS],

dārzs - 2. ‘apstādījumi ar celiņiem pastaigai’; ‘parks’ [LLVV 1972 II: 268-269], -

сохраняется та же ассоциация, что и в оригинале.

Вадим.

Вадим – ст.-русс., от др.-русс. *вадити* – ‘обвинять, клеветать’ или сокращение славянского имени *Владимир* [Петровский 1995: 81]. ИС *Вадим* в контексте пушкинской поэмы – имя героя поэмы-баллады В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев» – используется в кратком пересказе сюжета этой поэмы в авторском отступлении [Томашевский 1977: 412]. В переводе М. Ремане это имя не сохраняется, а в переводах Й. Гюнтера и Ю. Ванагса оно есть, ср.:

...*Душой Вадима призывали...* [IV: 48]

Wir flehten: käm Wadim geflogen! [Puschkin 1949 II: 265]

Pats Vadims sirdij piesaukts tapa... [Puškins 1968 III: 66]

<i>Мы с ними плакали, бродили</i>	<i>Ihr Schlaf, ihr stumm ertragnes Leid</i>
<i>Вокруг зубчатых замка стен,</i>	<i>Ließ uns vor Rührung oft erschauern</i>
<i>И сердцем тронутым любили</i>	<i>Mit den Gefangnen Seit an Seit</i>
<i>Их тихий сон, их тихий плен;</i>	<i>Umschweiften wir des Schlosses Mauern,</i>
<i>Душой Вадима призывали,</i>	<i>Und sahen fließen ihre Tränen,</i>
<i>И пробужденье зрели их ...</i> [IV: 48] <i>Dann weinten wir selbst mit den Schönen.</i>	

[Puschkin 1999: 56].

Но поскольку в издании Г. Рааба, где помещен перевод М. Ремане [Puschkin 1999], подробно комментируется приведенный фрагмент (в комментарии упоминается и имя В. А. Жуковского, и название его поэмы “Двенадцать спящих дев”, которую коротко пересказывает А. С. Пушкин [Raab 1999: 373]), то этот фрагмент будет более понятен читателю, чем в переводах Ю. Ванагса и Й. Гюнтера, где ИС сохранено, а вся фоновая информация опущена.

3. Функция ИС.

Функция ИС данной группы – создавать ассоциации с литературными произведениями, например, с их сюжетами (*Армида, Вадим*), а также вызывать ассоциации с художественными особенностями письма их авторов (*Омер, Парни*). ИС *Армида*, употребляясь в выражении, ставшем в русском языке устойчивым – *сады Армиды* – имеет также функцию локальной характеристики – характеризует роскошь сада *Черномора*.

Имена *Омер*, *Парни*, *Армида* являются единичными антропонимами как в русском, так и в латышском и немецком языке и могут выполнять названную функцию и в переводе. ИС *Вадим* как имя персонажа русского поэта В. А. Жуковского требует обязательного переводческого комментария, чтобы читатель перевода знал, с каким автором и произведением оно связано.

1.2.3.4. ИС, связанные с темой Востока

Данная группа включает в себя два антропонима, упоминаемые в тексте «Руслана и Людмилы» - *Соломон* и *Шехеразада*. Проанализируем их передачу в переводах.

1. Особенности формы.

Для передачи ИС *Соломон* и *Шехеразада* используются ономастические соответствия:

А. С. Пушкин	Ю. Ванагс [Puškins 1968 III]	М. Ремане [Puschkin 1999]	Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]
<i>Соломон</i>	<i>Zālamans</i>	<i>Salomon</i>	<i>Salomo</i>
<i>Шехеразада</i>	<i>Šeherezada</i>	<i>Scheherezade</i>	<i>Scheherazade</i>

ИС *Соломон* имеет свои традиционные соответствия в языках: нем. *Salomo / Salomon* [Александрова 2000: 218], К. Силиньш указывает два варианта для латышского языка – *Zalamans* [Siliņš 1990: 334] / *Salomons* [Siliņš 1990: 282].

Колебания в написании ИС *Шехеразада* объясняются тем, что это имя произведено от перс. *schahrzād* [Wikipedia] и оно имеет разные варианты написания. Так, в немецком издании сказок «Тысяча и одна ночь» рассказчицу зовут *Schehersad* [Tausend und eine Nacht 1994], а в русском издании – *Шахразада* [Тысяча и одна ночь 1987].

2. Семантика ИС.

Данные ИС являются единичными антропонимами.

Соломон – ‘имя царя древней Иудеи и Израиля, по библейской легенде, отличавшегося необыкновенной мудростью’ [СЯП 2000 IV: 293]. *Соломон* – библейский царь, обладавший сказочным богатством [Томашевский 1977: 412]. Именно как обладатель несметных богатств он упоминается в пушкинском тексте в связи с описанием сада *Черномора*, как и ИС *Армида* (контексты см. выше). В издании Г. Рааба [Puschkin 1999] дан комментарий к ИС *Соломон*, куда включена приведенная выше фоновая информация.

Шехеразада – от перс. *schahrzād*, героиня сказок «Тысяча и одна ночь», которая рассказывает сказки [Кругосвет 2005]. Ее имя упоминается в связи с описанием волшебного дома *Черномора*:

Повсюду ткани парчевые;

Играют яхонты, как жар;

*Кругом курильницы златые
Подъемлют ароматный пар;
Довольно... благо, мне не надо
Описывать волшебный дом:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила в том. [IV: 27]*

*...Die Wände, Vorhänge, geschmückt
Mit goldnen Quasten und bestickt
Ganz mit Rubinen und Saphiren.
Rings züngelten aus Räucherschalen
Balsamisch zarte Dämpfe auf;
Genug! Verzichten wir darauf,
Den ganzen Zauber auszumalen,
Da besser die Scheherezade
Solch Lustgemach uns schildern kann [Puschkin 1999: 32]*

*Ringsum Brokat und Sammetdecken;
Rubine funkeln rote Glut;
Es steigt aus goldenen Räucherbecken
Des Ambras duftige Weihrauchflut;
Genug... ich brauche nicht gerade
Das Schloß zu schildern, denn ihr wisst,
Daß mir darin Scheherazade
Schon längst zuvorgekommen ist. [Puschkin 1949 II: 241-242]*

*Mirdz visur apkārt zelta audums
Un dārgakmeņi vizuļo,
Un vīraks zīls ar vieglu jaudu
No dārgiem traukiem izgaro.
Ir diezgan... nav vairs jāapdvēsmo
Šī telpa, kas kā dzeja skan:
Šeherezada stāstos gleznos
Sen aizsteigusies priekšā man [Puškins 1968 III: 39].*

Восточный колорит, который привносит ИС *Шехеразада* как имя персидского происхождения и как имя героини арабских сказок, подкрепляется в этом контексте лексикой, характеризующей богатую восточную обстановку: *ткани парчевые, курительницы, яхонты, ароматный пар*. Тот же колорит стараются сохранить переводчики, используя лексику:

Räucherschale, die – ‘die Schale, in der Räuchermittel verbrannt werden’ [DWDS] – курительница,

Dampf, der - 1. ‘dichter Dunst’ [DWDS] – пар,

Rubin, der - 1. ‘Edelstein von tiefroter Farbe’ [DWDS] – рубин,

Saphir, der - 1. ‘wertvoller, meist durchsichtig blauer Edelstein’ [DWDS] – сапфир,

Brokat, der - ‘schweres, reich gemustertes, damastartiges Seidengewebe mit eingewebten Metallfäden’ [DWDS] – парча,

Quaste, die - ‘Bündel von gleich langen Fäden oder dünnen Schnüren, das an einem Ende zusammengebunden ist und zur Verzierung dient, Troddel’ [DWDS] – кисть (украшение),

Ambra, der / das - arab., ital. ‘Duftstoff’ [DWDS] – амбра,

dārgakmeņi – ‘dabā reti sastopami minerāli ar izcilām optiskām īpašībām un lielu cietību’ [LLVV 1972 II: 263] – драгоценные камни,

vīraks – ‘smaržīga viela kvēpināšanai’ [LLVV 1972 VIII: 503] – фимиам,

zelta audums от *zelts* – ‘ķīmiskais elements – dzeltens, spīdīgs, samērā mīksts, ļoti plastisks cēlmetāls’ [LLVV 1972 VIII: 593] – золото; *audums* – 2. ‘tekstilizstrādājums, kas veidojas aužamajos stāvos savstarpēji perpendikulāri saistoties audiem un šķēriem’ [LLVV 1972 I: 488] – ткань.

Кроме того, в издании Г. Рааба [Puschkin 1999] дан комментарий к имени *Шахеразада*, где указывается, что это имя рассказчицы из сказок «Тысяча и одна ночь» [Raab 1999: 372].

3. Функция ИС.

ИС *Соломон* выполняет функцию локальной характеристики: дает представление о богатстве владений *Черномора*. Выполнение этой функции в переводах опирается на ту же фоновую информацию, которая стоит за ИС *Соломон*, что и в оригинале.

Функция имени *Шахеразада* – создание локальной характеристики и привнесение восточного колорита в описание, что возможно, благодаря происхождению имени и что, как мы убедились, подкреплено контекстуально. ИС *Шахеразада* – это единичный антропоним для всех трех рассматриваемых языков, поэтому для выполнения обозначенной функции в переводах достаточно контекстуального подкрепления восточного колорита, аналогично тому, как это сделано в оригинале.

1.2.3.5. ИС, не включенное в группы

Ни в одну из групп не было включено ИС *Орловский*. Рассмотрим его передачу в переводах.

1. Особенности формы.

Для передачи данного ИС в переводах использованы ономастические соответствия:

А. С. Пушкин	Ю. Ванагс [Puškins 1968 III]	М. Ремане [Puschkin 1999]	Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]
<i>Орловский</i>	<i>Orlovskis</i>	<i>Orlowski</i>	<i>Orlowski</i>

В соответствии с современной нормой немецкого языка по правилам транслитерации *й* после *и / ы* не передается [Duden Rechtschreibung 1996: 86], поэтому закономерен вариант написания *Orlowski*. В латышском языке славянским фамилиям на *-ский* соответствуют формы на *-skis* [Par vārdu un uzvārdu lietošanu 1999: 64], поэтому *Орловский* передано как *Orlovskis*.

2. Семантика ИС.

Орловский - это имя художника, жившего в одну эпоху с А. С. Пушкиным и знаменитого изображениями батальных сцен [Томашевский 1977: 412]. Эта информация важна для понимания текста, т.к. предваряют описание битвы *Руслана и Рогдая* следующие строки:

*Бери свой быстрый карандаш,
Рисуй, Орловский, ночь и сечу!* [IV: 39].

Сравним переводные контексты:

*Orlowski, greif zur Zeichenfeder,
Um nun gebührend auszumalen
Den Kampf der fürstlichen Rivalen...* [Puschkin 1999: 39]

*Orlowski, nimm den Griffel jetzt
Und mal den Kampf in dunkler Weite!* [Puschkin 1949 II: 249]

*Tver ātrāk savu otu ciet,
Orlovski, glezno pusnakts kauju!* [Puškins 1968 III: 47].

Благодаря ближайшим контекстам, в переводах можно понять, что речь идет о художнике, ср.:

Zeichenfeder, die – ‘die Feder zum Zeichnen mit Tusche’ [DWDS] - перо,
Griffel, der - 1. ‘Stift zum Schreiben auf der Schiefertafel’ [DWDS] - грифель,

ota – ‘rīks – kātā iestiprināts matu vai spalvu pušķis virsmas noklāšanai ar kādu vielu’

[LLVV 1972 VI 1: 72] – кисть.

Однако решение комментировать это ИС, как это осуществлено в издании Г. Рааба [Puschkin 1999], где сказано, что *Орловский* – художник, мастер батальных и жанровых сцен (пер. наш) [Raab 1999: 373], представляется более удачным.

3. Функция ИС.

ИС *Орловский* выполняет функцию локальной характеристики. Оно предваряет описание битвы, а значение ‘битва’ является компонентом фоновой информации ‘мастер батальных сцен’, стоящей за именем *Орловский*. Кроме того, это ИС создает ассоциации с пушкинской эпохой, т.к. *Орловский* – современник А. С. Пушкина. Ни та, ни другая функция не может быть выражена в переводе без комментария, содержащего фоновую информацию. Такой комментарий сегодня необходим и русскому читателю, тогда как во времена А. С. Пушкина в нем, видимо, не было необходимости.

Антронимикон «Руслана и Людмилы» объемён и разнообразен по своему составу: кроме имен главных и второстепенных персонажей, в поэме много и упоминаемых имен, которые репрезентируют различные тематические пласты поэмы (фольклор и древнерусскую литературу, античность, авторов и персонажей художественных произведений, тему Востока).

Наиболее частотный способ передачи формы ИС в переводах – это использование ономастического эквивалента, затем следует комментирующий перевод. В ряде случаев (например, в отношении античных имен) мы отмечали, что комментарий создается не для переводного текста как такового, а для текста оригинального, понимание которого тоже требует определенной «базы знаний» [Залевская 1989].

Также мы могли видеть примеры описательного перевода (лтш. *ragana*, нем. *Hexe* – Баба-Яга, нем. *Geizhals* – Кащей), удачный пример уточняющего перевода (нем. *Gott* *Lel* – Лель), отдельные примеры преобразующего перевода (лтш. *Afrodiite* – Киприда, лтш. *Mērapuns* – Черномор, лтш. *Laļs* – Лель, лтш. *Soms* – Финн).

Имена персонажей античной мифологии, имена таких писателей, как Гомер, Парни, имеют свои традиционные ономастические соответствия в языке перевода, которые и были использованы. При использовании ономастического соответствия происходит графико-фонетическая и грамматическая адаптация ИС к принимающему языку. ИС в латышском языке часто получают ударение на первый слог (*Ruslans*, *Ludmila*, *Vadims* и др.), а имена мужского рода – окончание –s, фамилиям на –ский соответствуют формы на –skis (*Orlovskis*). В немецких переводах наблюдается колебание в выборе графем c / k, ph /

f (*Cypris / Kypris, Delfira / Delphire*), что не является особенностью данных переводов, но отражает языковую ситуацию немецкого языка. Отражением специфики фонетической системы немецкого языка является удвоение согласного в ИС *Ludmilla*.

Передача семантики ИС в переводах была затруднена в тех случаях, когда ИС обладают фоновой информацией, известной только носителю языка (например, имена, обладающие живой внутренней формой – *Людмила, Ратмир*, имена, связанные с фольклором, древнерусской литературой, имя персонажа поэмы В. А. Жуковского *Вадим*). Наиболее удачно передать семантику таких ИС можно при помощи комментария.

Антропонимы «Руслана и Людмилы» выполняют в тексте поэмы различные функции:

1. Характеристика персонажа (*Черномор, Руслан* и др.),
2. Локально-временная характеристика:
 - характеристика места действия в узком смысле (сад *Черномора ... прекраснее садов Армиды...*),
 - создание русского национального колорита (*Людмила, Ратмир*),
 - создание фольклорного колорита (*Баба-Яга, Лель*),
 - создание восточного колорита (*Шехеразада*),
 - создание колорита пушкинской эпохи (*Орловский*),
3. Конstellляция (*Ратмир, Рогдай, Фарлаф*),
4. Акцентуация (*Наина*),
5. Создание литературных и культурных ассоциаций (*Парни, Мельпомена*),
6. Функция обобщенно-символического имени (*Лида, Дорида*).

Наибольшие трудности в переводах вызвала передача функций создания русского национального, фольклорного колорита и колорита пушкинской эпохи, а также создание тех литературных ассоциаций, которые связаны с русской литературой (ИС *Баян; Орфей* – о В. А. Жуковском), т.к. реализация этих функций в тексте оригинала опирается на фоновую информацию, известную носителю языка.

2. Антропонимы в сказках А. С. Пушкина и в текстах переводов

2.1. Общая характеристика антропонимикона

Антропонимический состав сказок А. С. Пушкина не так велик, как антропонимикон «Руслана и Людмилы», и гораздо более однороден. Все это имена персонажей четырех сказок («Сказки о попе и о работнике его Балде», «Сказки о царе Салтане...», «Сказки о мертвой царевне...», «Сказки о золотом петушке»): имена главных героев (*Салтан, Гвидон, Лебедь, Елисей, Дадон, Балда*) и имена остальных персонажей (*Бабариха, Черномор, Чернавка, Бес, Шамаханская царица*).

Как отмечает В. И. Чернышев, в сказках А. С. Пушкина мы встречаем мало ИС, и они необычны для русских народных сказок [1970: 71]. Так, имена *Салтан, Гвидон, Дадон, Чернавка* мы находим в книге лубочного издания «Сказка о славном и храбром богатыре Бове-королевиче и о прекрасной королевне Дружневне; и о смерти отца его Гвидона» [Чернышев 1970: 71-73]. Сюжет сказки о Бове был известен А. С. Пушкину с детства по устным рассказам, по народной книжке о Бове, по поэме А. Радищева. Кроме того, А. С. Пушкин был знаком с содержанием древней итальянской поэмы, послужившей прототипом для русской сказки. К 1822 году относятся пушкинские наброски собственной поэмы «Бова» [Томашевский 1977: 431].

Отличительной чертой антропонимов сказок можно назвать связь большинства имен с характером их носителей. Пять ИС, безусловно, являются «говорящими» (см. главу 1, §2.2.): *Лебедь, Балда, Черномор, Чернавка, Бес*. Но и некоторые другие ИС (*Салтан, Дадон, Бабариха*) тоже характеризуют их носителей (что мы попытаемся продемонстрировать ниже), хотя и не так непосредственно, как первые.

В сказках А. С. Пушкина, несмотря на присущую им фантастику, отчетливо проступают черты Древней Руси, и ИС, пусть и необычные для русских сказок, тоже включаются в создание национального колорита, даже на уровне минимального контекста, в сочетании со словами *царь / князь*: *князь Гвидон, царь Салтан, царевна Лебедь, царь Дадон*.

2.2. Передача антропонимов в переводе

Для анализа антропонимов в переводах сказок А. С. Пушкина нами привлечены следующие переводы:

- 1) «Сказка о царе Салтане...»:
 - немецкие переводы: Р. Липшerta [Puschkin 1840], Ф. Боденштедта [Puschkin 1999], Э. Вальтера [Puschkin 1962], К. Боровского [Puschkin 2001];

- латышские переводы: Ю. Ванагса [Puškins 1968 II], Я. Плаудиса [Puškins 1949], Плудонса [Puškins 1937];
- 2) «Сказка о попе и о работнике его Балде»:
 - немецкие переводы: Й. Гюнтера [Puschkin 1949 IV], В. Грегера [Puschkin 1950 III], В. Грегера и М. Шмидт [Puschkin 1999];
 - латышские переводы: Ю. Ванагса [Puškins 1968 II], Я. Плаудиса [Puškins 1949];
- 3) «Сказка о золотом петушке»:
 - немецкие переводы: Э. Вальтера [Puschkin 1962], Й. Гюнтера [Puschkin 1949 IV], С. Элленберга [Puschkin 1999], В. Грегера [Puschkin 1950 III];
 - латышские переводы: Я. Плаудиса [Puškins 1968 II], Х. Дорбе [Puškins 1937];
- 4) «Сказка о мертвой царевне...»:
 - немецкий перевод: Ф. Боденштедта [Puschkin 1999];
 - латышский перевод : Я. Плаудиса [Puškins 1968 II].

2.2.1. Имена главных персонажей

Балда.

1. Особенности формы.

При передаче ИС *Балда* переводчики используют следующие эквиваленты:

Trottel - В. Грегера и М. Шмидт [Puschkin 1999],

Lümmel В. Грегера [Puschkin 1950 III],

Flegel - Й. Гюнтер [Puschkin 1949 IV],

(Muļķa) Antulis - Ю. Ванагса [Puškins 1968 II],

Balda - Я. Плаудис [Puškins 1949].

Большинство переводчиков использовали преобразующий перевод, стараясь передать значение нарицательного *балда* (см. далее о семантике), лишь в переводе Я. Плаудиса использовано ономастическое соответствие. ИС *Muļķa Antulis* использовано в переводе Ю. Ванагса [Puškins 1968 II] один раз, затем просто *Antulis*. Форма *Muļķa Antulis* образована по модели: родительный падеж фамилии + имя, характерной для латышского языка, ср. *Sudrabu Edžus* [MLLVG 1959: 392].

2. Семантика ИС.

ИС *Балда* обладает осознаваемой носителем языка связью с нарицательным *балда*, хотя в языке А. С. Пушкина [СЯП 2000] имя нарицательное *балда* не зафиксировано. Приведем словарное толкование этого слова:

Балда - 1. Устар. 'Тяжелый молот, употреблявшийся при горных работах и в кузницах'. 2. Устар. и обл. 'Шишка, нарост (на дереве)'; 'утолщение'. 3. Прост. бран. 'Бестолковый, глупый человек' [МАС 1999 I: 57].

Имя персонажа пушкинской сказки связано, по нашему мнению, с третьим и с первым значениями имени нарицательного *балда*. Бестолковый человек, простак (готов трудиться почти задаром) – так воспринимает *Балду* поп, когда нанимает его на работу. Но важно, что в тексте это значение опровергается: именно благодаря своему уму и хитрости *Балда* сумел выполнить поручение попа. Такие семы первого значения слова *балда*, как 'сила', 'тяжесть', 'ударять', тоже актуализированы в тексте: плата, которую взыскивает *Балда* с попа – три щелчка по лбу:

С первого щелка

Прыгнул поп до потолка;

Со второго щелка

Лишился поп языка;

А с третьего щелка

Вышибло ум у старика. [IV: 309].

Словарь В. И. Даля содержит, кроме указанных, следующие значения слова *балда*: обл. вологодск. 'дылда, болван, балбес, долговязый и неуклюжий дурень'; ряз. 'шалава, бестолковый'; 'сплетник, баламут'; костр. 'дурак, тупица, малоумный' [Даль 2002 I: 98].

В четырех из пяти рассмотренных нами переводах текста сказки переводчики стремились передать значение имени нарицательного и использовали преобразующий перевод:

Навстречу ему Балда... [IV: 305]

Dort begegnet ihm Trottel, der Wicht... [Puschkin 1999: 293]

Da traf er Lummel, den Knecht... [Puschkin 1950 III: 363]

Da begegnet Flegeln er... [Puschkin 1949 IV: 172]

Pretī Muļķa Antulis nāk... [Puškina 1968 II: 303]

Te pretī šim Balda nāk... [Puškina 1949: 437].

Сравним сначала эквиваленты, предложенные в немецких переводах. Все эти ИС образованы от нарицательных, ниже – их словарные толкования:

Lummel, der - umg. abwertend 'Flegel, ungezogener, frecher Mensch' [DWDS]; *Lummel, der* - разг. 'болван, шалопай, олух' [НПС 1993: 572],

Trottel, der - umg. abwertend 'einfältiger, dummer, ungeschickter, willensschwacher Mensch' [DWDS]; *Trottel, der* - разг. 'дурак, идиот, глупец' [НПС 1993: 854],

Flegel, der – 1. abwertend ‘ungeschliffener, grober Bursche’, 2. ‘Handgerät zum Dreschen, das aus einem kurzen Holzklöppel und einem langen starken Stiel besteht, die beide durch einen kurzen Riemen beweglich miteinander verbunden sind, Dreschflegel’ [DWDS]; *Flegel, der* – 1. ‘с.-х. цеп, молотило’ 2. ‘невежа, грубиян, хам’ [НПС 1993: 321].

Как видим, ИС *Flegel*, использованное Й. Гюнтером [Puschkin 1949 IV], в большей степени соответствует русскому слову *балда*, т.к. включает в себя два значения, которые актуализированы в пушкинской сказке: ‘сельскохозяйственное орудие’ и ‘бестолковый человек’. Кроме того, *Flegel* в значении ‘сельскохозяйственное орудие’ является темой одной из сказок братьев Гримм – «Der Dreschflegel vom Himmel» [KHM 112] и тем самым может вызывать у читателя перевода ассоциации со сказкой.

Немецкие эквиваленты *Flegel* и *Lümmel* являются синонимами [Duden. Sinn- und sachverwandte Wörter 1986: 238]. *Trottel* является синонимом слова *Dummkopf* и приводится в одном синонимическом ряду со словом *Dümmling* [там же: 171], которое встречается в качестве номинации персонажа в немецких сказках [Korfhhammer 1995: 574].

Латышский эквивалент *Muļķa Antulis*, который использует Ю. Ванарс [Puškina 1968 II], есть только в процитированном контексте, в дальнейшем *Балда* называется просто *Antulis*. *Muļķa* – род. падеж от *muļķis* – глупец, дурак, ср.:

Muļķis – ‘cilvēks, kam ir nepietiekami attīstīts, arī nepietiekami aktivizēts prāts’ [LLVV 1972 V: 289].

ИС *Antulis* соотносится, как мы думаем, с лтш. *antiņš* – разг. ‘простак, дурачок’, ср.: *antiņš* – sar., niev. ‘Naivs, lēticīgs, arī vientiesīgs cilvēks’ [LLVV 1972 I: 176], что примерно соответствует третьему значению слова *балда*. ИС *Antulis* может вызывать у латышского читателя также ассоциации с латышскими сказками, где встречается *Stiprais Ancis*, который нанялся арендатором к хозяину, а в качестве платы просил разрешения трижды ударить хозяина по лбу [Šmits VIII], *Gudrais Ancis*, который соревновался с чертом [там же], *Dumrais Ancis*, который служил черту [Šmits XI]. Родительный падеж от *muļķis* – *muļķa* тоже можно встретить в обозначении персонажа в латышской сказке, например, *muļķa vīrs* [Šmits XI].

Я. Плаудис [Puškina 1949] использует в своем переводе ономастическое соответствие *Balda*, при этом связь со значением апеллятива утрачивается.

В речи *Беса*, когда тот пытается увещевать *Балду*, использована экспрессивная форма имени – *Балдушка*, значение которой можно определить в данном случае как ‘льстиво, заискивающе’. Почти во всех переводах тоже использованы экспрессивные формы, ср.:

Балдушка, погоди ты морщить море... [IV: 307]

Trottel, wart, das hat noch Weile... [Puschkin 1999: 295].

Flegelchen, halt ein, das Meer aufzurühren. [Puschkin 1949 IV: 174]

Lümmelchen, wart mit diesen Dingen... [Puschkin 1950 III: 366]

Klau, Antulīt! Negriez tu jūru grīstē! [Puškins 1968 II: 306]

Baldulīt, nesteidzies raukt jūras jomu... [Puškins 1949: 439].

В немецких переводах В. Грегера [Puschkin 1950 III] и Й. Гюнтера [Puschkin 1949 IV] использованы экспрессивные формы с деминутивным суффиксом *-chen* [Duden. Grammatik 1998: 460], а в латышских переводах – с деминутивным суффиксом *-īt* [MLLVG 1959: 130]. В переводе В. Грегера и М. Шмидт [Puschkin 1999] в этом контексте экспрессивность оригинала утрачивается, т.к. переводчики не используют особой формы имени, хотя в другом контексте в речи *Беса* использована форма *Trottelchen*:

Вот из моря вылез старый Бес: *Da kroch ein alter Teufel aus dem Naß:*

«Зачем ты, Балда, к нам залез?» [IV: 306] *„Ei, Trottelchen, was ist denn das?“* [295].

В переводе В. Грегера и М. Шмидт есть и другие производные формы от *Trottel* (*Trottelmann, Trottelbär, Trottelchen*), но они соответствуют пушкинскому *Балда*:

1) в речи попа:

Поди-ка сюда, *...Komm doch mal her,*

Верный мой работник Балда. [IV: 306] *Mein treuer Trottelbär!* [294].

Компонент *-bär* в имени *Trottelbär* соотносится с именем нарицательным: *Bär, der* – 1. ‘großes, gedrungen gebautes und außerordentlich starkes Raubtier mit zottigem Pelz, kurzen Ohren und Stummelschwanz, das noch in den europäischen Hochgebirgen anzutreffen ist’; 3. Techn. ‘Klotz zum Einrammen von Pfählen, Maschinenhammer’ [DWDS], ср. *Bär, der* 1. зоол. ‘медведь (*Ursus*)’ 2. тех. ‘баба (копра, молота)’ [НСР 1993: 129].

Семы первого значения ‘большой’, ‘сильный’ и второго значения ‘орудие’ соотносятся со значениями нарицательного имени *балда*, поэтому и само ИС *Trottelbär* является, на наш взгляд, уместным в переводе. К тому же, компонент **ber(a)nu-* ‘Bär’ является одним из возможных компонентов древних немецких двухосновных личных имен: *Bernfried, Bernhard* [Duden. Das grosse Vornamenlexikon 1998: 67].

Появление ИС в переводе объясняется необходимостью следовать законам рифмы (*her – Trottelbär*).

2) в речи бесенка:

Здравствуй, Балда-мужичок... [IV: 307] *Gegrüßt seid, Bauer Trottelmann...* [295].

ИС *Trottelmann* имеет формальный показатель немецких фамилий и личных имен *-mann* [Александрова 2000: 239], чем акцентируется, что и *Trottel* является ИС. Кроме того, в данном контексте эта форма может объясняться стремлением переводчиков передать особое употребление ИС *Балда* в оригинале – с приложением (*Балда-мужичок*).

3) в авторской речи:

Пошел Балда в ближний лесок... [IV: 307] *Trottelchen rennt in den Wald...* [295].

В данном контексте использование экспрессивной формы может отражать авторское отношение к персонажу, симпатию к своему герою, которая, если и не выражена в этом минимальном контексте, то в контексте всей сказки присутствует.

Производные формы от изначальной, соответствующей ИС *Балда* есть и в переводе В. Грегера [Puschkin 1950 III], где *Lümmelmann* используется параллельно с *Lümmel* как в авторской речи, так и в прямой речи персонажей, и в переводе Ю. Ванагса [Puškina 1968 II], где производное от *Antulis* ИС *Antulēns* имеет особое значение:

Обогнал меня меньшей Балда! [IV: 308] *Mazais Antulēns noskrēja mani!* [307].

Благодаря деминутивному суффиксу *-ēn-* [MLLVG 1959: 109], ИС *Antulēns* передает значение словосочетания *меньшой Балда* из текста оригинала. т.е. значение маленький акцентируется в переводе, т.к. передается дважды: *mazais + Antulēns*.

3. Функция ИС.

ИС *Балда* называет главного персонажа «Сказки о попе и о работнике его Балде». Благодаря прозрачной внутренней форме, которая актуализируется в тексте сказки, это имя выполняет функцию характеристики. Для того чтобы не утратить эту функцию в переводном тексте, переводчики используют преобразующий перевод – создают имена с живой внутренней формой. Я. Плаудис [Puškina 1949] использует в своем переводе ономастическое соответствие *Balda*, при этом функция характеристики не реализуется.

Елисей.

1. Особенности формы.

Для передачи ИС *Елисей* из «Сказки о мертвой царевне...» использованы ономастические соответствия:

Jelissej - [Puschkin 1999] Ф. Боденштедт,

Jelisejs - [Puškina 1968 II] Я. Плаудис.

В немецком переводе акцентируются фонетические особенности имени: *-ss-* в корне (а не одна *-s*) и *-j* (а не *-i* на конце слова) нужны для того, чтобы имя читалось в переводе так же, как в оригинале - *Jelissej* [jeliséj], а не *Jejisei* [jelizai].

2. Семантика ИС.

Елисей – др.-евр. (*elisa*) – бог-спасение [Петровский 1995: 138]. Этимология имени, на наш взгляд, явно не актуализируется в тексте. Для значения ИС *Елисей* более важным оказывается факт его многократного употребления в сочетании *королевич Елисей*.

Королевич - Устар. и народно-поэт. 'Сын короля' [МАС 1999 II: 106]. Стилистически маркированное как народнопоэтическое слово *королевич* распространяет это значение и на ИС. Сравним контексты, содержащие словосочетание *королевич Елисей*:

1) *И жених сыскался ей,*
Королевич Елисей [IV: 345]

Wie Prinz Jelissej sie schaut,
hält er um sie an als Braut [Puschkin 1999: 341]

Precinieks tai radās reiz –
Karaļdēls, saukts Jelisejs [Puškina 1968 II: 358]

2) ...*Мне всех милей*
Королевич Елисей [IV: 350]

...*Lieb ich schon*
Jelissej, den Königssohn [Puschkin 1999: 347]

...*Mans ieguvējs*
Jaunais princis Jelisejs [Puškina 1968 II: 364].

В качестве эквивалентов слова *королевич* использованы:

Prinz, der – 'nichtregierendes Mitglied eines Herrscherhauses' [DWDS]- принц,
Königssohn, der - /in Märchen gebräuchlich/ [DWDS]: от *König, der* - 'Inhaber der höchsten monarchischen Würde in bestimmten Monarchien oder der zweithöchsten in Monarchien mit einem Kaiser' [DWDS] - король; *Sohn, der* - 'jede männliche Person in ihrer Beziehung zu Vater und Mutter, unmittelbarer männlicher Nachkomme' [DWDS] – сын,
Karaļdēls – parasti folkl. 'karaļa dēls, princis' [LLVV 1972 IV: 153] – королевич,
princis – 1. 'valdnieka dinastijas loceklis, kas neieņem troni; šādas dinastijas locekļa tituls' [LLVV 1972 VI 2: 391] - принц.

Слова *Königssohn* и *karaļdēls*, использующиеся в сказках, являются более точными эквивалентами для *королевич*.

3. Функция ИС.

ИС *Елисей* называет главного персонажа в «Сказке о мертвой царевне...». Благодаря сочетанию со словом *королевич*, это ИС выполняет функцию характеристики, а также

участвует в создании фольклорного колорита, что передается в переводах также с помощью ближайших контекстов.

Дадон.

1. Особенности формы.

Во всех рассматриваемых переводах ИС *Дадон* передано при помощи ономастического соответствия:

нем. *Dadon* - Э. Вальтер [Puschkin 1962], Й. Гюнтер [Puschkin 1949 IV], С. Элленберг [Puschkin 1999], В. Греггер [Puschkin 1950 III],

литш. *Dadons* - Плаудис [Puškins 1968 II], Х. Дорбе [Puškins 1937].

2. Семантика ИС.

ИС *Дадон* – имя царя в «Сказке о золотом петушке» – взято А. С. Пушкиным из «Сказки о Бове...» [Чернышев 1970: 71]. За этим именем закрепляется еще фоновая информация - насмешка над много думающим о себе человеке: такому *Додону* подноси корону, не тронь его, клонет, петухом запоет и хорошо, как не по ветру; *Додон* (франц.) – а наш Богдан не все то божий, ино болван; у суздальцев *Дадон* – ‘нескладный человек’ [Кондратьева 1983: 42-43]. В тексте сказки на ИС *Дадон* распространяется значение слова *царь*, т.к. это ИС неоднократно употребляется в словосочетании *царь Дадон*, ср.:

царь - 1. ‘Титул монарха в некоторых странах, а также лицо, носившее этот титул’ [МАС 1999 IV: 633]; *царь* – ‘общее именование государя какой-нибудь страны, монарха. Именование монарха в сказках’ (*царь Дадон*, *царь Кащей*) // ‘Бытовое именование русского императора’ [СЯП 2000 IV: 885-887].

Сравним контексты с ИС *Дадон*:

Жил-был славный царь Дадон [IV: 358]

Der berühmte Zar Dadon [Puschkin 1999: 359]

Der berühmte Fürst Dadon [Puschkin 1950 III: 452]

Lebt Dadon, ein großer Zar [Puschkin 1949 IV: 186]

Der wack're König Herr Dadon [Puschkin 1962: 59]

Valdnieks Dadons valdīja [Puškins 1968 II: 376]

Ķēniņš Dadons valdīja [Puškins 1937: 518].

В переводе В. Грегера [Puschkin 1950 III] кроме слова *Fürst* используется еще *König* в качестве номинации *царя Дадона*. В переводе Э. Вальтера [Puschkin 1962] нет постоянного эквивалента для словосочетания *царь Дадон* – кроме приведенного варианта, переводчик использует также *der Zar, Herr Dadon, König Dadon*.

Наиболее точным эквивалентом является слово *Zar*, т.к. оно отражает национальную специфику:

Zar, der - hist. 'Titel, den die Monarchen Rußlands, zeitweise auch Serbiens, Bulgariens führten' [DWDS] – царь.

Другие эквиваленты менее точны:

Fürst, der - 1. 'Angehöriger des hohen Adels a) (unter einem Kaiser, König stehender) Herrscher eines Landes, Territoriums', b) 'Titel, Rangstufe zwischen Graf und Herzog' [DWDS] – князь.

König, der - 1. 'Inhaber der höchsten monarchischen Würde in bestimmten Monarchien oder der zweithöchsten in Monarchien mit einem Kaiser' [DWDS] – король,

Valdnieks – 'cilvēks (piemēram, monarhs), kam (valstī, teritorijā) pieder vara' [LLVV 1972 VIII: 275] - правитель,

Ķēniņš – novēc. 'karalis' [LLVV 1972 IV: 533] - король.

Использование слова *Herr, der* - 1. 'Mann' 2. 'tritt vor den Namen, Titel erwachsener Personen männlichen Geschlechts' [DWDS] – в сочетании *Herr Dadon* может вызывать ассоциации именно с формульным обращением, принятым в немецком языке (ср.: *Herr Krause*), а это нарушает сказочную стилистику текста.

В тексте ИС *Дадон* задействовано в рифмах и его звучание соотносится со значением рифмующихся слов. ИС *Дадон* в пушкинском тексте 11 раз дается в рифму, из знаменательных слов это следующие: *Дадон – сон – пробужден – сторон – восхищен, Дадон – поклоном – стоном*. Рифмы *Дадон – сон – побужден* проводят лейтмотив сказки: «Царствуй лежа на боку!», а сам *Дадон* за счет рифмующихся слов характеризуется как спящий правитель. Сравним, какие рифмующиеся слова используют переводчики. Наиболее удачно это имя задействовано в рифмах в переводах С. Элленберга [Puschkin 1999] и В. Грегера [Puschkin 1950 III], где оно достаточно полно представлено в количественном отношении (10 и 8 раз соответственно) и где рифмующиеся слова тоже участвуют в семантизации ИС. Такие рифмы, как *Dadon – Thron – Hohn – drohn – Lohn* [Puschkin 1999] *Dadon – Thron – Lohn* [Puschkin 1950 III], тоже характеризуют *Дадона* и связанный с ним сюжет: *Дадон* – правитель, поплатившийся за свою насмешку:

Thron, der - 1. 'prunkvoller Sessel eines Monarchen für feierliche Anlässe, der meist erhöht aufgestellt ist' [DWDS] – трон,

Hohn, der - 'boshafter, verächtlicher Spott' [DWDS] - насмешка, издевка,

drohn от *drohen* - 1. 'jemandem furchterweckend ankündigen, etwas für ihn Unangenehmes tun zu wollen', 2. 'etwas droht jemandem, etwas Unangenehmes kündigt sich an, gefährdet jemanden, etwas' [DWDS] – угрожать,

Lohn, der - 2. 'Belohnung oder Strafe, Vergeltung' [DWDS] – плата.

В переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 IV] ИС *Дадон* рифмуется только 4 раза и из них лишь один раз со знаменательным словом – *Schreckenston*, где

Ton, der - 3. 'Art des Sprechens' [DWDS] – тон,

Schrecken, der - 1. 'Schreck' [DWDS] – ужас,

В переводе Э. Вальтера [Puschkin 1962] ИС *Дадон* рифмуется дважды со словами *Hohn*, *Ton*.

В переводах Я. Плаудиса [Puškins 1968 II] и Х. Дорбе [Puškins 1937] ИС *Дадон* передается как *Dadons* с ударением на первый слог и поэтому не может использоваться в рифмах.

3. Функция ИС.

ИС *Дадон* называет главного персонажа «Сказки о золотом петушке». Оно выполняет характеризующую функцию и функцию создания национального колорита, благодаря употреблению в словосочетании *царь Дадон*. Национальный колорит сохраняется в переводах, использующих слово *Zar*. ИС *Дадон* имеет также функцию акцентуации, т.к. оно задействовано в рифмах и его звучание соотносится со значением рифмующихся слов, что не находит отражения в латышских переводах в силу специфики акцентной системы в латышском языке (ударение на первом слоге), но передается в тех немецких переводах, где ИС *Dadon* используется в рифмах.

Лебедь.

1. Особенности формы.

Не во всех контекстах у А. С. Пушкина слово *лебедь* / *Лебедь* написано с прописной буквы, но поскольку в заголовке оно дано как *Лебедь* и поскольку *Лебедь* только вначале птица, а затем жена князя *Гвидона*, то мы можем считать, что перед нами ИС, т.к. связь с апеллятивом становится необязательной. ИС *Лебедь* передается по-разному в заголовке и в самом тексте сказки. Сравним эквиваленты:

А. С. Пушкин	<i>царевна Лебедь</i>	<i>Лебедь</i>
Р. Липперт [Puschkin 1840]	<i>Schwanenprinzessin</i>	<i>Schwan</i>
Ф. Боденштедт [Puschkin 1999]	<i>Schwanenprinzessin</i>	<i>Schwan</i>
Э. Вальтер [Puschkin 1962]	<i>Prinzessin Schwan</i>	<i>Schwan, Schwanenjungfrau</i>
К. Боровский [Puschkin 2001]	<i>Schwanenprinzessin</i>	<i>Schwan</i>
Ю. Ванарс [Puškins 1968 II]	<i>princese Gulbe</i>	<i>Gulbe</i>

Я. Плуадис [Puškins 1949]	<i>princese Gulbe</i>	<i>Gulbe</i>
Плудонс [Puškins 1937]	<i>princese Gulbes jaunava</i>	<i>Gulbe</i>
	заголовок	текст

Во всех приведенных переводах использован преобразующий перевод для передачи ИС *Лебедь*. О значении слов, выступающих в качестве эквивалентов ИС *Лебедь*, будет сказано далее. В отношении формы нужно еще отметить, что латышский эквивалент *Gulbe* создан из нарицательного *gulbis* – лебедь, окончание женского рода *-e* позволяет сохранить это важное грамматическое значение, т.к. это имя царевны.

2. Семантика ИС.

ИС *Лебедь* образовано от нарицательного *лебедь* - 1. 'Водоплавающая перелетная птица семейства утиных, с белым (реже черным) оперением, с длинной, красиво изогнутой шеей и плавными движениями'. 2. ж. (обычно в обращении). Народно-поэт. 'Ласковое название девушки, женщины' [МАС 1999 II: 167].

Пушкинская царевна *Лебедь* – образ, связанный с русским фольклором: *лебедь белая* – сказочный и былинный персонаж; *лебедушка* – ласкательное прозвище молодой, пригожей, красивой, милой женщины [Кондратьева 1983: 66].

Словосочетание *царевна Лебедь*, использованное в заголовке, задает восприятие *Лебеди* как ИС. Сравним переводы заголовка:

- Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди [IV: 313]

- Märchen vom Zaren Saltan, von seinem Sohn, dem berühmten und mächtigen Recken Fürst Gwidon Saltanowitsch, und von der wunderschönen Schwanenprinzessin [Puschkin 1999: 299]

- Das Märlein vom mächtigen König, Herrn Silvan und seinem Sohne, dem tapfern und edlen Ritter Fürsten Harald, wie auch von der wunderschönen Schwanenprinzessin [Puschkin 1840: 157]

- Märchen vom König Soltan, seinem Sohn dem mächtigen Helden Fürst Gwidon und der schönen Prinzessin Schwan [Puschkin 1962: 18]

- Das Märchen vom Zaren Saltan und seinem Sohn, dem berühmten und mächtigen Heldenfürsten Gwidon Saltanowitsch, und der wunderschönen Schwanenprinzessin [Puschkin 2001: 1]

- Pasaka par ķēniņu Saltanu, par viņa dēlu, slaveno un spēcīgo varoni Gvidonu, un par daiļo princesi Gulbes jaunavu [Puškins 1937: 487]

- Pasaka par caru Saltanu, par viņa dēlu, krietno un diženo spēkoni kņazu Gvidonu, un daiļo princesi Gulbi [Puškins 1968 II: 311]

- *Pasaka par caru Saltanu, par viņa dēlu, slaveno un dižo varoni kņazu Gvidonu Saltanoviču, un daiļo princesi Gulbi* [Puškins 1949: 443].

Во всех приведенных переводах использован преобразующий перевод для передачи ИС *Лебедь*. В трех немецких переводах использовано составное существительное *Schwanenprinzessin*, а в одном словосочетание *Prinzessin Schwan*, которые, пусть неточно, передают словосочетание оригинала *царевна Лебедь*:

царевна – ‘дочь царя’ [MAC 1999 IV: 632],

Schwan, der – ‘gänseartiger, großer weißer Entenvogel mit sehr langem, oft S-förmig getragenen Hals und geradem, breitem Schnabel sowie verhältnismäßig kurzen Beinen’ [DWDS]; *Schwan, der* – ‘лебедь’ [HPC 1993: 755],

Prinzessin, die – от *Prinz, der* – ‘nichtregierendes Mitglied eines Herrscherhauses, ein verwunschener, verzauberter P. (Königssohn) im Märchen’ [DWDS] – принцесса.

Слово *Schwan* по-немецки мужского рода, поэтому *Schwanenprinzessin* / *Prinzessin Schwan* удачно компенсирует утраченное при переводе грамматическое значение женского рода, которое есть в таких пушкинских контекстах, как *лебедь белая плывет*, *лебедь тешится моя*.

Лтш. ИС *Gulbe* создано переводчиками из имени нарицательного *gulbis* – лебедь:

gulbis – ‘zosveidīgo kārtas liels ūdensputns ar garu kaklu, lieliem, spēcīgiem spārniem’ [LLVV 1972 III: 168].

Окончание женского рода –*e* позволяет сохранить это важное грамматическое значение. Плудонс [Puškins 1937] использует в заголовке уточняющий перевод *Gulbes jaunava*:

jaunava – ‘jauna neprecējusies sieviete’ [LLVV 1972 IV: 33] – девица.

Но из его заголовка (... *par daiļo princesi Gulbes jaunavu*) и без уточнения понятно, что это женский персонаж. Возможно, слово *jaunava* появилось в его переводе под влиянием начала пушкинской сказки (*Три девицы под окном...*), которое следует непосредственно за заголовком. К тому же, слово *jaunava* должно вызывать у читателя латышского перевода ассоциации с фольклором, т.к. это слово частотно в дайнях [LDSR 1994 II: 221].

Приведем другие контексты с ИС *Лебедь*:

Глядь – поверх текучих вод

Лебедь белая плывет. [IV: 319]

Siehe – durch die blauen Wogen

Kommt der weiße Schwan gezogen... [Puschkin 1999: 308]

*Da plötzlich kam hoch auf der Flut
Ein weißer Schwan gezogen* [Puschkin 1840: 170]

*Plötzlich ist der Schwan zu sehn,
Plätschert lustig, neigt sich, spricht...* [Puschkin 1962 : 29]

*Da erscheint - er glaubt es kaum –
Jener Schwan im Meeresschaum.* [Puschkin 2001: 21]

*Pēkšņi redz: pār ūdeņiem
Gulbe peld no dziļumiem.* [Puškins 1968 II: 320]

*Te – kas tur uz ūdens spīd?
Gulbe balta cēli slīd.* [Puškins 1937: 493]

*Te viņš redz – blāvs gaišums spīd,
Viļņos baltā Gulbe slīd.* [Puškins 1949: 450].

В латышских переводах сохраняется то же ИС *Gulbe*, а в немецких переводах Ф. Боденштедта [Puschkin 1999], Р. Липперта [Puschkin 1840] и К. Боровского [Puschkin 2001] вместо *Schwanenprinzessin* используется *Schwan*, и согласование с этим существительным происходит по мужскому роду (*ein weißer Schwan*), поэтому еще раз подчеркнем, что переводческое решение использовать в заголовке имя *Schwanenprinzessin*, невозможное в самом тексте из-за длины слова, следует признать удачным. В переводе Э. Вальтера [Puschkin 1962] есть еще один эквивалент ИС *Лебедь* – *Schwanenjungfrau* (дева *Лебедь*), ср.:

Jungfrau - geh. 'Mädchen, das keinen Geschlechtsverkehr gehabt hat' [DWDS].

Такой эквивалент тоже способствует восприятию *Лебеди* как женского образа:

Улетела лебедь-птица... [IV: 318] *Schwanenjungfrau war entflohen...* [26].

3. Функция ИС.

ИС *Лебедь* называет главную героиню «Сказки о царе Салтане...». Благодаря живой внутренней форме, это ИС выполняет функцию характеристики, которая сохраняется и в переводах, т.к. переводчики используют преобразующий перевод (в данном случае собственно перевод) и создают имя с живой внутренней формой. ИС *Лебедь* выполняет также функцию создания фольклорных ассоциаций, т.к. *лебедь белая* – словосочетание, характерное для русского фольклора. Для передачи этой фоновой информации в переводе

необходим комментарий, но такого комментария нет в проанализированных переводах. ИС *Лебедь* называет женский персонаж. Наричательное *лебедь* в русском языке является словом женского рода в значении 'ласковое название девушки, женщины'. Переводчикам удастся, как мы видели, сохранить функцию номинации женского персонажа, хотя непосредственные эквиваленты нарицательного *лебедь* в немецком (*Schwan*) и латышском (*gulbis*) языках – слова мужского рода.

Салтан.

1. Особенности формы.

При передаче ИС *Салтан* из «Сказки о царе Салтане...» большинство переводчиков используют ономастические соответствия:

Silvan [Puschkin 1840],

Saltan [Puschkin 1999], [Puschkin 1962], [Puschkin 2001],

Soltan [Puschkin 1962],

Saltans [Puškins 1937], [Puškins 1949], [Puškins 1968 II].

Только Р. Липперт [Puschkin 1840] использует преобразующий перевод – *Silvan*. В переводе Э. Вальтера [Puschkin 1962] *Салтан* дважды передается как *Soltan*, причем не ясно, является ли это ошибкой наборщика или непоследовательностью переводчика. Для последнего причиной могло послужить существование имени *Zoltan* – тюркского по происхождению распространенного венгерского имени [СЛИ 1986: 91], а такое происхождение имени хорошо соотносится с пушкинской записью сказки со слов няни: *Султан Султанович* – турецкий государь (см. далее).

2. Семантика ИС.

Салтан – др.-рус. из тюрк. *султан* – 'властитель' [Суперанская 2004: 293].

Слово *салтан* в языке А. С. Пушкина используется как нарицательное в качестве фонетического варианта к слову *султан*, ср.:

салтан от *султан* – 'титул монарха в некоторых мусульманских странах' [СЯП 2000 IV: 446].

Таким образом, можно сказать, что если ИС *Салтан* и не является безусловно «говорящим», как *Лебедь*, то все же сохраняет определенную связь с именем нарицательным *султан*.

ИС *Салтан* – имя героя из лубочной «Сказки о Бове-королевиче» [Чернышев 1970: 71]. *Салтан* называется там то *Султан Султанович*, то *Салтан Салтанович*. И в пушкинской записи сказки со слов няни встречается это имя: *Султан Султанович* – турецкий государь [там же]. *Салтан Салтанович* упоминается в русских былинах [ДРС 1977: 465].

Сравним контексты с данным ИС:

В царство славного Салтана... [IV: 319]

Im Reich des Königs, Herrn Silvan... [Puschkin 1840: 170]

In das Reich Saltans zu fahren... [Puschkin 1999: 308]

Ins Reich des mächt'gen Herrn Saltan! [Puschkin 1962: 28]

Zu Saltan, den alle kennen... [Puschkin 2001: 19]

Turp uz Saltana valsts malu... [Puškins 1937: 494]

Turp, kur slavens valda Saltans... [Puškins 1949: 450]

Turp, kur cēls un slavas skarts

Valda gudrais Saltancars. [Puškins 1968 II: 320].

Связь ИС *Салтан* с нарицательным *султан* читателем перевода тоже может быть осознаваема, т.к. слово *султан* имеет общий корень в русском, латышском и немецком языках, ср.

sultāns – 1. ‘monarhs dažās musulmaņu zemēs, šī monarha tituls’ [LLVV 1972 VII 2: 276-277],

Sultan, der - arab. ‘mohammedanischer Herrscher’ [DWDS].

В немецком языке слово *Sultan* – заимствование первой половины XVI века, пришедшее из арабского языка, возможно, посредством французского. В немецком современной форме *Sultan* предшествовали ср.-в.-нем. *soldān* и н.-в.-нем. *Soldan* (до XVIII века) [EWD 1989 III: 1762], поэтому написание *Soltan* в переводе Э. Вальтера [Puschkin 1962] соотносимо и с этимологией слова *Sultan* в немецком языке и может вызывать ассоциации с этим словом у читателя.

Однако, несмотря на то, что связь ИС *Saltan / Soltan* с именем нарицательным *Sultan* может быть понятна читателям немецких переводов, на наш взгляд, ее можно было бы акцентировать, создав переводческий комментарий.

В переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] используется преобразующий перевод – *Silvan*. ИС *Silvan* выглядит более привычным для немецкого читателя, оно зафиксировано и в словаре [Duden. Das grosse Vornamenlexikon 1998: 254]. Но это имя актуализирует совсем другие смыслы: *Silvan* – мужское имя латинского происхождения, которое восходит к имени древнеримского бога лесов и полей, от лат. *silvia* – ‘лес’ [там же], что никак не соотносимо с текстом пушкинской сказки.

ИС *Салтан* постоянно употребляется в словосочетаниях *славный царь Салтан*, *славный Салтан*, *царь Салтан*, и значение слов *царь* и *славный* распространяются на данное ИС.

В переводах ближайшие контексты тоже содержат аналогичные значения – *Салтан* называется *der berühmte, mächtige Zar* [Puschkin 1999], *der mächt'ge Herr Saltan* [Puschkin 1962], *Saltan der Kühne; Zar Saltan* [Puschkin 2001], *slavas skarts... gudrais Saltancars* [Puškins 1968 II], *slavens Saltans* [Puškins 1949], где

berühmt – ‘durch Leistung hochangesehen und weithin bekannt’ [DWDS] – знаменитый,

mächtig – 1. ‘Macht besitzend, einflussreich’ [DWDS] – могущественный,

kühn – ‘Mut zeigend, verwegen’ [DWDS] – отважный,

Zar, der – hist. ‘Titel, den die Monarchen Rußlands, zeitweise auch Serbiens, Bulgariens führten’ [DWDS] – царь,

slava – ‘ļoti augsts, sabiedrībā vai tās daļā izplatīts (kāda cilvēka, cilvēku grupas, organizācijas darbības, īpašību) vērtējums’ [LLVV 1972 VII 1: 568] – слава,

slavens – ‘tāds, kas ir ieguvis slavu’, ‘lielisks’ [LLVV 1972 VII 1: 568] – славный,

cars – vēst. ‘monarhs (pirmsrevolūcijas Krievijā, Bulgarijā līdz 1946.g.)’; ‘ši monarha tituls’ [LLVV 1972 II: 154] – царь.

Наименее точны эквиваленты Х. Дорбе и Р. Липперта:

ķēniņš Saltans [Puškins 1937]

der König Herr Silvan [Puschkin 1840].

Слова *ķēniņš* – новеч. ‘karalis’ [LLVV 1972 IV: 533] и *König, der* – ‘Inhaber der höchsten monarchischen Würde in bestimmten Monarchien oder der zweithöchsten in Monarchien mit einem Kaiser’ [DWDS] – не содержат в своем значении компонента ‘русский’, который есть в слове *царь* и который важен в контексте всей сказки. Кроме того, в переводе Р. Липперта использовано ИС из немецкого именника – *Silvan*, что в сочетании со словом *König* уводит в сторону от стилистики пушкинской сказки, где отчетливо проступают черты Древней Руси.

3. Функция ИС.

ИС *Салтан* называет главного героя «Сказки о царе Салтане...». Связанное с нарицательным *султан*, это ИС создает восточный колорит, который сохраняется в переводах, благодаря наличию слов *Sultan / saltans* в немецком и латышском языках. Перенимая в себе значения слов ближайшего контекста – *славный* и *царь*, это ИС выполняет функцию характеристики (характеризует *Салтана* как славного правителя), что удастся передать в переводах при опоре на ближайший контекст. Благодаря употреблению в словосочетании *царь Салтан*, это ИС выполняет функцию создания национального колорита, что удастся сохранить в переводах, использующих слово *cars / Zar*. ИС *Салтан* выполняет также функцию создания фольклорных ассоциаций, т.к. это

имя из лубочной сказки и из русских былин. Но данная фоновая информация нуждается в комментарии не только в переводе, но и в оригинале.

Гвидон.

1. Особенности формы.

ИС *Гвидон* передается в большинстве переводов при помощи ономастических соответствий:

Gwidon [Puschkin 1999], [Puschkin 1962], [Puschkin 2001],

Gvidons [Puškins 1968 II], [Puškins 1937], [Puškins 1949].

Р. Липперт [Puschkin 1840] использует преобразующий перевод – *Harald*.

В связи с ИС *Гвидон* нужно еще отметить, что в заголовке сказки он назван *Гвидон Салтанович*. Номинация имя + отчество имеет значение уважения, кроме того в заголовке она служит маркером официального представления персонажа. Номинацию имя + отчество сохраняют не все переводчики, а только Ф. Боденштедт [Puschkin 1999: 299], К. Боровский [Puschkin 2001] – *Gwidon Saltanowitsch* и Я. Плаудис [Puškins 1949] – *Gvidons Saltanovičs*.

2. Семантика ИС.

Гвидон – заимств. [Петровский 1995: 103]; *Гвидон* – нов. из. ит. *Гуиттоне*: др.-герм. *видо*- ‘лес, лесной, живущий в лесу’ [Суперанская 2004: 152].

Имя *Гвидон* – имя героя из лубочной «Сказки о Бове-королевиче» [Чернышев 1970: 71]. Используясь многократно в словосочетании *князь Гвидон*, ИС «перетягивает» на себя и значение слова *князь*:

князь – 1. ‘Предводитель войска и правитель области в феодальной удельной Руси’ [МАС 1999 II: 64].

Сравним контексты с ИС *Гвидон*:

И нарекся: князь Гвидон. [IV: 318]

Ließ sich Fürst Harald nennen. [Puschkin 1840: 169]

Und man nennt ihn Fürst Gwidon. [Puschkin 1999: 307]

Jauchzt ihm zu als Fürst Gwidon. [Puschkin 1962: 27]

Und er nennt sich: Fürst Gwidon. [Puschkin 2001: 19]

Pieņem vārdu: kņazs Gvidons. [Puškins 1968 II: 319]

Saukdamies par Gvidonu. [Puškins 1937: 492]

Saukdamies par Gvidonu. [Puškins 1949: 449].

В качестве соответствий русскому *князь* в переводах используются нем. *Fürst* и лтш. *kņazs*:

Fürst, der - 1. 'Angehöriger des hohen Adels a) (unter einem Kaiser, König stehender) Herrscher eines Landes, Territoriums' b) 'Titel, Rangstufe zwischen Graf und Herzog' [DWDS],

Kņazs – vēst. 'Karaspēka vadonis un kādas teritorijas valdnieks (slāvu un dažās citas zemēs no 9. līdz 16. gs.)'; 'šī valdnieka tituls' [LLVV 1972 IV: 285].

Нем. *Fürst*, хотя и называет европейский титул, является традиционным эквивалентом для рус. *князь* [РНС 1991: 241].

В латышских переводах наряду с эквивалентом *Gvidons* используются также *Gvidonkņazs* и *Gvidons-kņazs* для соблюдения стихотворного размера:

У Гвидона погощу. [IV: 321] ...*Gvidonkņazu apciemot.* [Puškins 1968 II: 329]

А сидит в нем князь Гвидон; Cēls tur valda Gvidons-kņazs— Un tur valda Gvidons-kņazs
Он прислал тебе поклон. Viņš tev sūta labdienas. Viņš tev sūta labdienas.
 [IV: 320-321] [Puškins 1949: 456] [Puškins 1937: 498].

ИС *Harald* в переводе Р. Липперта [Puschkin 1840], как и *Silvan*, нельзя признать удачным эквивалентом. ИС *Harald* входит в немецкий именник [Александрова 2000: 91], более того, *Harald* – мужественный герой одноименной баллады Л. Уланда (1787-1862) [там же]. В переводе это ИС возникает в результате адаптации текста для немецкой культуры, но входит в противоречие со смыслом подлинника, где *Гвидон* – русский князь, а не заморский принц или герой *Harald*.

3. Функция ИС.

ИС *Гвидон* называет одного из главных персонажей «Сказки о царе Салтане...». Используясь в словосочетании *князь Гвидон*, это ИС выполняет функцию создания национального колорита, что передается в переводах также при опоре на ближайший контекст. В заголовке сказки используется типично русская номинация имя + отчество, не характерная для европейских языков, что тоже подчеркивает также место действия (т.е. ИС участвует в локальной характеристике). Но такая номинация сохраняется лишь в трех переводах, а в остальных переводчики ограничиваются только именем.

2.2.2. Другие имена сказок

Бес.

1. Особенности формы.

При передаче ИС *Бес* из «Сказки о попе и о работнике его Балде» все три немецких переводчика и Ю. Ванас [Puškins 1968 II] используют описательный перевод, а

Я. Плаудис [Puškins 1949] – преобразующий перевод:

Teufel - [Puschkin 1949 IV], [Puschkin 1999], [Puschkin 1950 III],

velns - [Puškina 1968 II],

Jods - [Puškina 1949].

Нем. *Teufel*, лтш. *velns* и *jods* – имена нарицательные, о значении которых см. далее.

2. Семантика ИС.

ИС *Бес* сохраняет связь с именем нарицательным, от которого оно образовано:

нарицательное *бес* - 1. 'В суеверном представлении: злой дух, искушающий человека; нечистая сила, черт'. // перен.; чего. 'Настроение, склонность к чему-л. (обычно отрицательному, нежелательному)'. *Бес наживы. Бес разрушения* [МАС 1999 I: 80].

Слово *бес* частотно в русском фольклоре. В. И. Даль приводит, в частности, такие пословицы и поговорки со словом *бес*:

Мелким бесом перед кем рассыпаться. Беса тешить. Седина в голову (в бороду), а бес в ребро. На седину бес падок. Старого черта, да подпер бес. Подпустил ему бес блошку и вошку. Силен бес: и горами качает, а людьми, что вениками, трясет. Радостен бес, что отпущен инок в лес. Вина напиться - бесу предаться. В пьяном бес волен. Не надо и беса, коли ты здесь. Бес беса и хвалит. Дьяволом подложен, бесом опущен. Попался, как бес в перевес. Навели на беса, как бес на болото. Как бес под келью подлез. Бес и хлеба не ест, да не свят. Богат Бог милостию, а беден, да бес. Беден бес, что у него Бога нет. Все бесы в воду, да и пузырьки вверх, о ссоре. От беса крестом, а от свиньи пестом [Даль 2002 I: 139-140].

Бесы, черти действуют в русских народных сказках. Во многих сказках они обитают в воде, соревнуются с людьми в силе [Афанасьев 1984-1985 III: 480]. Эти мотивы пушкинского текста заимствованы из народных сказок.

Сравним контексты с этим ИС в оригинале и переводах:

Von dem Meer trat ein alter Teufel... [IV: 306]

Sogleich kroch ein alter Teufel aus dem Meer... [Puschkin 1949 IV: 174]

Da kroch ein alter Teufel aus dem Naß... [Puschkin 1999: 295]

Da kroch ein alter Teufel aus dem Naß... [Puschkin 1950 III: 366]

Izbrida vecais velns no dzelmes seklē... [Puškina 1968 II: 306]

Tad no jūras izlīda vecais Jods... [Puškina 1949: 439].

Все немецкие переводчики используют слово *Teufel*, *der* - 1. 'nach christlichem Glauben der Widersacher Gottes, die Verkörperung des Bösen' 2. 'in festen Wendungen in Flüchen und Verwünschungen' [DWDs]; *Teufel, der* - 'чёрт, дьявол; бес' [НПС 1993: 839]. Оно функционирует как имя нарицательное – используется с неопределённым артиклем. Такой перевод является удачным, т.к. *Teufel* функционирует в немецких сказках [KHM] и легендах [Grimm. Sagen].

В переводе Ю. Ванагса использовано нарицательное имя *velns* - чёрт, дьявол; бес, сатана, ср.:

Velns – rel., mit. ‘Ļaunais gars, ļauno garu valdnieks, ko vaino grēku, nelaīmju radīšanā’; ‘sātans’ [LLVV 1972 VIII: 370].

Я. Плаудис создает из нарицательного *jods* - бес, черт – ИС *Jods*, ср.:

Jods – ‘nelabais, velns’ [LLVV 1972 IV: 49].

ИС создается по той же модели, что и в языке оригинала: *бес* – ИС *Бес*, *jods* – ИС *Jods*.

Velns является важным персонажем латышского фольклора [Kursīte 1996: 12]. *Jods* выступает в латышском фольклоре в качестве синонима к *Velns* [Kokare 1999: 193]. Поэтому использование эквивалентов *velns* и *Jods* является удачным переводческим решением.

3. Функция ИС.

ИС *Бес* называет второстепенного персонажа «Сказки о попе и о работнике его Балде» и, благодаря живой внутренней форме, выполняет функцию характеристики. Поскольку связь этого ИС с нарицательным очень тесна, большинство переводчиков передают *Бес* как имя нарицательное. В переводе Я. Плаудиса [Puškins 1949], использующего преобразующий перевод, ИС *Бес* передано как ИС и при этом сохранена функция характеристики.

Черномор.

1. Особенности формы.

ИС *Черномор* восходит к корням слов *черный* и *море* и тем самым по структуре напоминает такие дохристианские двухосновные имена, как *Святослав*, *Доброгост*.

ИС *Черномор* передается в немецких переводах при помощи ономастических соответствий:

Tschernomor [Puschkin 1999], [Puschkin 1840], [Puschkin 2001],

Tschornomor [Puschkin 1962].

Последний вариант возник, видимо, из-за того, что переводчик прочел имя в оригинале через ё, тем более что корень восходит к слову *чёрный*.

В латышских переводах используется описательный и преобразующий перевод:

jūras vecis, *Jūras-vecis* [Puškins 1937],

Melnjūrs [Puškins 1968 II],

Jūras vecis [Puškins 1949].

В переводе Плудонса [Puškins 1937] эквиваленты ИС *Черномор* имеют несколько разную графику: *Черномор* передается и как *jūras vecis*, и как *Jūras-vecis*. Второй вариант

(*Jūras-vecis*) – преобразующий перевод – в большей степени соответствует оригиналу, т.к. в переводе сохраняется ИС. ИС *Melnjūrs* [Puškins 1968 II] создано по модели имени Черномор: *melns* (черный) + *jūra* (море) и оформлено как слово мужского рода с окончанием –s, т.к. это ИС мужского персонажа.

2. Семантика ИС.

ИС *Черномор*, уже встречавшееся в «Руслане и Людмиле» (см. главу 2, §2.1.1.), называет в «Сказке о царе Салтане...» другого персонажа и имеет другую мотивировку. В отличие от *Черномора* из «Руслана и Людмилы», *Черномор* сказки может мотивироваться словами *черный* и *море* или топонимом *Черное море*, что находит подтверждение в тексте сказки – дядька *Черномор* появляется из вод морских.

Благодаря многократному повторению в словосочетании дядька *Черномор*, на ИС *Черномор* распространяется значение слова дядька:

дядька - 1. Разг. уничиж. к 'дядя'. 2. Разг. 'Взрослый мужчина вообще'. 3. Устар. 'Слуга в дворянских семьях, приставлявшийся для надзора за мальчиком, а также служитель в дореволюционных мужских закрытых учебных заведениях'. // 'Лицо (обычно унтер-офицер), которому поручалось обучение новобранца в царской армии' [МАС 1999 I: 460]. И пушкинский дядька *Черномор* – дядька в последнем значении: он на службе и ведет тридцать витязей. Сравним контексты в оригинале и переводах:

Все равны, как на подбор,

С ними дядька Черномор. [IV: 325]

Ein gewalt'ger Reckenchor,

Und es führt sie Tschernomor. [Puschkin 1999: 315]

Herr Tschornomor, der alte Degen,

So alt ist er, doch noch verwegen,

Führt diese Recken lobesan... [Puschkin 1962: 38-39]

Doch über alle ragt hervor

Ihr Führer, Riese Tschernomor. [Puschkin 1840: 181]

Gleich groß treten sie hervor

Mit ihrem Lehrer Tschernomor. [Puschkin 2001: 37]

Vienāds augums, vienāks skats.-

Līdz tiem jūras vecis pats. [Puškins 1937: 499]

Visi izskatā kā viens,

Krusttēvs Melnjūrs līdzī brien. [Puškins 1968 II: 329]

Vienādi pēc augumiem –

Jūras vecis līdzās tiem. [Puškins 1949: 456].

Использование ономастических эквивалентов в немецких переводах приводит к тому, что ИС не воспринимается как «говорящее», нарушается связь между ИС и особенностями носителя этого имени, которая заложена в тексте оригинала. Это происходит, в том числе и в переводе Ф. Боденштедта, который помещен в издании Г. Рааба [Puschkin 1999], потому что комментарий к имени *Tschernomor* в этом издании указывает только, что данный *Черномор* не связан с *Черномором* „Руслана и Людмилы“, но не поясняет значение говорящего имени.

Наиболее удачна, по нашему мнению, передача имени *Черномор* в переводе Ю. Ванагса [Puškins 1968 II], который использует преобразующий перевод и создает ИС *Melnjūrs* по модели имени *Черномор*: *melns* (черный) + *jūra* (море):

melns – 1. ‘tāds, kas absorbē visu gaismas starojumu, tāds, kam ir, piem., sodrēju krāsa, tāds, kam ir ļoti tumšs kādas (parasti pelēkas, brūnas) krāsas tonis’ [LLVV 1972 V: 149],

jūra – 1. ‘ar sauszemi vai zemūdens pacēlumiem nepilnīgi norobežota plaša okeāna daļa’ [LLVV 1972 IV: 49].

Кроме того, в латышских сказаниях, а именно в сказании «Talsu apriņķis», есть предсказатель по имени *Svētjūris*, который предсказывал возможное затопление церкви [Šmits XV]. ИС *Svētjūris* и ИС *Melnjūrs* похожи структурно. Оба персонажа связаны с водной стихией. Кроме того, *Svētjūris* положительный персонаж, что подчеркивается и его ИС:

svēts – 1. ‘tāds, kas pozitīvi pilnīgi atšķiras no ikdienā parastās realitātes, tāds, kas ir saistīts ar dieva, dievības izpausmi, atklāsmi’, 2. ‘tāds, kas ir ļoti nozīmīgs, tāds, kas ir saistīts ar visdziļākajām jūtām, godu’ [LLVV 1972 VII 2: 314-315] - святой.

Наличие такого ИС в латышском фольклоре дает потенциальную возможность возникновения фольклорных ассоциаций от аналогичного по структуре ИС *Melnjūrs*.

В двух других латышских переводах используется описательный перевод – *jūras vecis* (морской дед) или преобразующий перевод с теми же мотивирующими словами *Jūras-vecis*, где слово *vecis* частично передает значение слова *дядька*, но в его первом и втором значении:

vecis – 1. ‘vecs vīrietis’, 2. dsk., sar. ‘veci cilvēki’ 3. ‘vīrietis’ [LLVV 1972 VIII: 334].

Ю. Ванагс использует слово *krusttēvs*:

krusttēvs – 3. ‘radnieks (piemēram, tēva vai mātes brālis), vīrietis attiecībā pret bērnu vai gados ievērojami jaunāku cilvēku, tevocis’ [LLVV 1972 IV: 456] – крестный, дядя.

В немецких переводах *Черномор* характеризуется как:

der alte Degen: Degen, der - hist. ‘Held, tapferer Krieger, Gefolgsmann eines Fürsten’ [DWDS] - витязь, герой, *alt* - 2. ‘bejahrt, reich an Jahren’ [DWDS]-старый,

Führer, der - 1. ‘jemand, der a) an der Spitze (einer Organisation) steht, Leiter’ b) ‘einen Ortsunkundigen den richtigen Weg führt’ [DWDS] – вождь, проводник,

Riese, der - 1. ‘in Märchen, Sagen und Mythen auftretendes Wesen von menschlicher Gestalt und übermenschlicher Größe’ [DWDS] – великан,

Lehrer, der - ‘jemand, der Unterricht erteilt, lehrt a) nach Ablegung der vorgeschriebenen Examina an einer Schule, Hochschule b) auf Grund seiner Qualifizierung als Ausbilder, bes. in einer sportlichen Disziplin’ [DWDS] – учитель.

Слова *krusttēvs*, *vecis*, *Lehrer*, *Führer* наиболее близки по значению русскому дядька. *Degen* и *Riese* не характеризуют непосредственно *Черномора*, они относятся ко всем витязям, которые в его сопровождении выходят из моря:

В чешуе, как жар горя,

Тридцать три богатыря,

Все красавцы удалые,

Великаны молодые,

Все равны, как на подбор,

С ними дядька Черномор. [IV: 325].

Кроме того, в переводе Э. Вальтера [Puschkin 1962] это ИС используется в сочетании *Herr Tschornomor*. Слово *Herr, der* - 1. ‘Mann’ 2. ‘tritt vor den Namen, Titel erwachsener Personen männlichen Geschlechts’, 3. ‘jemand, der anderen zu befehlen hat, der über jemanden, etwas Gewalt hat, Gebieter’ [DWDS] – в первом значении (‘мужчина’) и в третьем (‘хозяин, владыка’) соотносимо со словом *дядька* в оригинале, но использование слова *Herr* в сочетании с фамилией (*Herr Schäfer*) является клишированным в немецком языке, поэтому сочетание *Herr Tschornomor* может вызывать ассоциации именно с формульным обращением, принятым в языке, а это нарушает сказочную стилистику текста.

3. Функция ИС.

ИС *Черномор* называет второстепенного персонажа «Сказки о царе Салтане...». Оно обладает живой внутренней формой и выполняет функцию характеристики, которая наилучшим образом передается Ю. Ванагсом, использовавшим преобразующий перевод.

Использование ономастических эквивалентов в немецких переводах приводит к тому, что ИС не воспринимается как «говорящее». В характеристике участвует и слово *дядька*, неоднократно употребляющееся в одном контексте с ИС. Эту часть характеристики передать в переводе легче, т.к. переводчики тоже могут опираться на ближайший контекст. Тот факт, что ИС *Черномор* напоминает по структуре дохристианские славянские двухосновные имена, позволяет этому ИС выполнять функцию создания национального колорита, передать которую затруднительно. Однако наличие двухосновных дохристианских имен и в латышском, и в немецком языке (см. главу 1) позволяет вести поиск эквивалента с опорой на общий момент истории языков.

Чернавка.

1. Особенности формы.

ИС *Чернавка* восходит к корню слова *черный* (о семантике см. далее). Для передачи ИС *Чернавка* переводчики используют ономастическое соответствие (немецкий перевод) и преобразующий перевод (латышский перевод):

Ф. Боденштедт [Puschkin 1999] - *Tschernawka*

Я. Пладис [Puškina 1968 II] – *Melnūksne (Melnūksnīte, Melnūksnainā)*.

ИС *Melnūksne* образовано от *melns* - 'черный' (см. далее). В латышском переводе встречается также форма имени с деминутивным суффиксом, которая была необходима, видимо, только для сохранения соответствующего стихотворного размера:

Позвала к себе Чернавку ... [IV: 346]

Pasauc savu Melnūksnīti... [Puškina 1968 II: 359],

а также форма *Melnūksnainā*, образованная по модели прилагательных на *-ains / -aina*: *samtains / samtaina, kārtains / kārtaina*, частотных в латышском языке [MLLVG 1959: 229]. Она появляется тоже из-за ограничений ритма в контексте, который в оригинале не содержит ИС:

«Где красавица-девица?»

-«Там, в лесу, стоит одна», -

Отвечает ей она... [IV: 347]

„Teic, kā princesītei klajas?” –

„Dzīļi mežā, vientuļā,”

Melnūksnainā atsaka... [Puškina 1968 II: 360].

2. Семантика ИС.

ИС *Чернавка* обладает живой внутренней формой. *Чернавка* - Разг. устар. 'Женщина, девушка со смуглой кожей и черными волосами' // Народно-поэт. 'Служанка, занятая черной работой' [МАС 1999 IV: 665].

В «Сказке о мертвой царевне...» это имя сенной девушки злой царицы.

В. И. Чернышев указывает, что имя нарицательное *чернавка* встречается в русских сказках и былинах: *девка-чернавка* – это горничная, прислуга, *черная девушка* в былинах – это простолюдинка [1970: 72]. Так что ИС *Чернавка* характеризует носительницу имени как служанку. Сравним переводческие решения при передаче этого ИС:

Вот Чернавка в лес пошла

И в такую даль свела... [IV: 347].

...Bald

Kam Tschernawka in den Wald... [Puschkin 1999: 343]

Melnūksne jau mežā iet,

Kas ik brīdi baigāks šķiet. [Puškina 1968 II: 359].

ИС *Tschernawka* в немецком переводе не характеризует героиню и не обладает живой внутренней формой. В комментарии к немецкому переводу сказано, что *Чернавка* означает „die Dunkelhäutige“ (т.е. темнокожая, смуглая) [Raab 1999: 398], но это указание на внешнюю характеристику, а не на статус служанки. ИС *Melnūksne* – результат преобразующего перевода, оно произведено переводчиком от лтш. *melns*:

melns - 1. 'tāds, kas absorbē visu gaismas starojumu, tāds, kam ir, piemēram, sodrēju krāsa, tāds, kam ir ļoti tumšs kādas (parasti pelēkas, brūnas) krāsas tonis', 2. 'netīrs, notraipīts ar tumšu' [LLVV 1972 V: 149] – черный, грязный.

Созданное ИС хорошо соотносится с внутренней формой ИС *Чернавка*.

3. Функция ИС.

ИС *Чернавка* называет второстепенного персонажа «Сказки о мертвой царевне...». Оно обладает живой внутренней формой и характеризует носительницу имени как служанку. Эту функцию удастся передать в латышском переводе, т.к. Я. Плаудис использует преобразующий перевод. Ономастическое соответствие в немецком переводе эту функцию выполнить не может. Часть фоновой информации, относящейся к ИС *Чернавка*, компенсирует комментарий издателя.

Шамаханская царица.

1. Особенности формы.

Шамаханская царица – словосочетание, используемое для именования героини, воспринимается как ИС, т.к. неоднократно повторяется в качестве именования, т.е. опознавательного знака героини. Компонент *Шамаханская* в этом словосочетании, возникший, возможно, от топонима *Шамаха* (см. подробнее далее), тоже способствует закреплению за словосочетанием функции ИС.

Для передачи ИС *Шамаханская царица* ономастическое соответствие использовано для компонента *Шамаханская* только в двух переводах – переводах Я. Пладиса [Puškins 1968 II]- *Šamahanas daiļaviņa* и С. Элленберга [Puschkin 1999] - *Zariza Schamachan*, остальные прибегают к описательному переводу:

persische Prinzessin [Puschkin 1950 III] – В. Гререр,
Des Zauberreiches holde Fee [Puschkin 1962] - Э. Вальтер,
kaukasische Prinzessin [Puschkin 1949 IV] – Й. Гюнтер,
princese [Puškins 1937] - Х. Дорбе.

2. Семантика ИС.

Имя восточной красавицы из «Сказки о золотом петушке» – *Шамаханская царица* - исходя из звуковой ассоциации, А. А. Ахматова увязала с селением *Шамаха*, славившимся далеко за пределами Азербайджана производством шелка [Ахматова 1989: 40]. Д. И. Белкин называет для пушкинского образа литературный источник - стихотворную сказку Павла Катенина «Княжна Милуша» [1979: 121]. Во второй песне «Княжны Милуши» юный герой Всеслав случайно вступает в боевой спор «о державе ханской» между Моргудом и Зюльфирой, дядей и племянницей, за владение землей, «той славной *Шамаханской*», которая известна на Руси «по дорогим шелкам». Моргуд надеялся с помощью Всеслава убить венценосную племянницу «и в *Шамахе* упрочить сан царя». Однако на поле боя Зюльфира с открытым лицом обращается к Всеславу: «Я *Шамахи* законная царица...» [Белкин 1979: 122]. Эпитет *шемаханский* (шелк) используется и в русских былинах [Былины 1988: 562]. Для нас важно, что *Шамаха* – это топоним, от которого образовано имя героини, и что в этом имени присутствует также компонент *хан*, который может на уровне текста вызывать ассоциации со словом *хан*:

хан – ‘Титул феодального правителя у тюркских и монгольских народов (первоначально - вождь племен, например, у кочевников Ирана и Афганистана), а также лицо, носящее этот титул’ [МАС 1999 IV: 591].

Кроме того, значение слова *царица* – женск. к *царь* - 1. ‘Титул монарха в некоторых странах, а также лицо, носившее этот титул’ [МАС 1999 IV: 633] - тоже распространяется на ИС героини. Сравним ближайшие контексты с ИС в переводах:

*Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу...* [IV: 362]

*...Schenk sogleich,
Falls du nicht dein Wort vergessen,
Mir die persische Prinzessin* [Puschkin 1950 III: 460]

*Mein Wunschist der: Gib mir die Frau,
Die ich an deiner Seite schau',
Des Zauberreiches holde Fee.* [Puschkin 1962: 66]

*Schenk das Fräulein mir indessen,
Die kaukasische Prinzessin...* [Puschkin 1949 IV: 191]

*Gib mir für den goldnen Hahn
Die Zariza Schamachan.* [Puschkin 1999: 366]

*Gribu princesi par sievu,
Dosi, teikšu tad ardievu!* [Puškins 1937: 523]

*Tikai dāvinī man viņu,
Šamahanas daiļaviņu...* [Puškins 1968 II: 382].

Связь с топонимом *Шамаха* сохранена в переводах использующих ономастическое соответствие. В этих же переводах ИС может вызывать ассоциацию со словом *hans* или *Chan*, которые похожи на русский вариант этого слова – *хан*, ср.:

Chan / Khan, der - türk. hist. ‘Titel mittelasiatischer Fürsten’ [DWDS],

hans – vēst. ‘feodāls valdnieks, pavaldonis, augstmanis (tjurku un mongoļu zemēs)’ [LLVV 1972 III: 189].

С. Элленберг [Puschkin 1999] использует в своем переводе и транскрипцию слова *царица* - *Zariza*, хотя эквивалентом в немецком языке является слово *Zarin, die* от *Zar, der* - hist. ‘Titel, den die Monarchen Rußlands, zeitweise auch Serbiens, Bulgariens führten’ [DWDS].

Таким образом, в его переводе компонент *царица* воспринимается как часть ИС, для которого можно использовать ономастическое соответствие.

В переводе Я. Пладиса [Puškins 1968 II] *царица* заменяется словом *daiļaviņa*, ср.:

daiļaviņa – от *daiļava*- новеч. ‘skaista sieviete, skaistule’ [LLVV 1972 II: 238] - красавица, что соотносится с широким контекстом сказки, где *Шамаханская царица* предстает как красавица.

В переводах Й. Гюнтера [Puschkin 1949 IV] и В. Грегера [Puschkin 1950 III] связь с топонимом *Шамаха* сохранена, но передана описательно: *kaukasische Prinzessin* и *persische Prinzessin*:

kaukasisch – кавказский [HPC 1993: 498],

persisch – Adjektiv zu Persien [DWDS] – персидский.

Но *царица* становится принцессой:

Prinzessin, die от *Prinz*, der – ‘nichtregierendes Mitglied eines Herrscherhauses’ [DWDS] – принцесса.

Наиболее далекими от оригинала являются эквиваленты Э. Вальтера [Puschkin 1962] *Des Zauberreiches holde Fee* и X. Дорбе [Puškins 1937] *princese*, ср.:

Zauberreich, das - ‘in der Vorstellung existierender Bereich, in dem die Gesetzmäßigkeiten der Realität nicht wirksam sind’ [DWDS] – волшебная страна,

hold - geh. 1. ‘anmutig, lieblich’ [DWDS] – прелестный,

Fee, die - ‘schöne, meist gutgesinnte und hilfreiche weibliche Märchen-, Sagengestalt, die mit Zauberkräften begabt ist’ [DWDS] – фея,

princese – ‘valdnieka dinastijas locekle, kas neienem troni’; ‘šādas dinastijas locekles tituls’ [LLVV 1972 VI 2: 390] - принцесса.

В этих эквивалентах не сохранена связь с топонимом, а также со словом *хан*, поэтому утрачивается восточный колорит, привносимый в оригинале ИС *Шамаханская царица*.

3. Функция ИС.

Шамаханская царица – именование героини в «Сказке о золотом петушке». Благодаря устойчивости в тексте, словосочетание *Шамаханская царица* функционирует как ИС. Нарисательное *царица* распространяет свое значение на все имя героини и выполняет характеризующую функцию. Возможное происхождение имени от топонима *Шамаха*, а также ассоциации со словом *хан* позволяют ИС выполнять функцию создания восточного колорита. Связь с топонимом и словом *хан* и соответственно передача восточного колорита осуществляется в переводах, использующих ономастическое соответствие. Восточный колорит передают также описательные эквиваленты *kaukasische Prinzessin* и *persische Prinzessin*. ИС *Шамаханская царица* выполняет функцию создания

литературных ассоциаций. Связь пушкинского образа со стихотворной сказкой Павла Катенина «Княжна Милуша» может быть отражена в комментарии к ИС, но такой комментарий необходим и читателю оригинала.

Бабариха.

1. Особенности формы.

Для передачи ИС *Бабариха* использованы следующие эквиваленты:

Sibyll [Puschkin 1840],

Babariche, die Base [Puschkin 1999],

die Bas', *Barbaricha* [Puschkin 1962],

Schwiegermutter-Weibe [Puschkin 2001],

Babarika [Puškina 1937], [Puškina 1949],

Vecatiņa [Puškina 1968 II].

Ономастическое соответствие использует Ф. Боденштедт [Puschkin 1999], но в его переводе есть и описательный перевод имени *die Base*. Ономастические соответствия используют Плудонс [Puškina 1937] и Я. Плаудиса [Puškina 1949] – *Babarika*, но с одной оговоркой: русское *х* передано как *k*, что допускает семантизацию имени, о чем будет сказано далее. К. Боровский [Puschkin 2001] использует описательный перевод – *Schwiegermutter-Weibe* (о значении этих слов см. ниже). Э. Вальтер [Puschkin 1962] использует и описательный (*die Bas'*), и преобразующий (*Barbaricha*), а Ю. Ванас [Puškina 1968 II] только преобразующий перевод – *Vecatiņa*.

2. Семантика ИС.

Для ИС *Бабариха* в пушкинском тексте важен тот минимальный контекст, в котором это имя постоянно появляется: *сватья баба Бабариха*, т.к. значение этого минимального контекста начинает распространяться и на само имя. *Сватья* – ‘мать одного из супругов по отношению к родителям другого супруга’ [МАС 1999 IV: 38]. В. И. Даль дает более широкое толкование этого слова: *сват, сватья* – ‘родители молодых и их родственники друг друга взаимно зовут сватами, сватьями’ [Даль 2002 IV: 146].

Сочетание *баба – бабариха*, аналогичное пушкинскому, находим в сборнике Кириши Данилова [ДРС 1977], значит ИС обладает фольклорным колоритом, ср.:

«Добро ты, баба,

Баба-бабариха,

Мать Лукерья,

Сестра Чернава!

Потом я, дурень,

Впредь таков не буду!» [ДРС 1977: 207].

Звуковой повтор *баба Бабариха* переносит значение слова *баба* на ИС. Слово *баба*, употребляясь с ИС обычно означает 'старая женщина', 'старуха' [МАС 1999 I: 53].

Семантизация ИС осознается и переводчиками:

А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,

Не хотят его пустить [IV: 321]

Die Köchin, wie die Spinnerin,

Und ihre Kuhme, Frau Sibyll,

Den König nur verhindern will... [Puschkin 1840: 173]

Weberin und Köchin sinnen,

Zu verhindern das Beginnen

Zar Saltans; mit Babariche

Sinnen sie auf arge Schliche... [Puschkin 1999: 310]

Doch die Schwestern und die Bas'

Wittern darin schlimmen Spaß,

Woll'n verhindern, daß der Zar

Hin zur Zauberinsel fahr'. [Puschkin 1962: 31]

Doch die Schwestern, böse beide,

Mit dem Schwiegermutter-Weibe

Haben anderes im Sinn... [Puschkin 2001: 25]

Māsas līdz ar Babarīku

Mēģina ar ļaunu tīku,

Nost no nodoma to verst... [Puškins 1937: 495]

Audēja un vārītāja,

Babarīka, vārdotāja,

Negrib valdinieku laist... [Puškins 1949: 451]

Audēja un virējiņa,

Sirma veča Vecatiņa

Tomēr negrib caram ļaut... [Puškins 1968 II: 344].

В немецком переводе К. Боровского [Puschkin 2001] для передачи ИС *Бабариха* использован описательный перевод: *Schwiegermutter, die* – ‘die Mutter des Ehepartners’ [DWDS] - теща, свекровь, *Weib, das* - 1. ‘erwachsene Person weiblichen Geschlechts’ [DWDS] - женщина, баба - оба нарицательные существительные, которые соотносятся с нарицательными *сватья*, *баба* в тексте оригинала, а их значение, как мы показали выше, переходит частично и на значение имени.

В переводе Э. Вальтера [Puschkin 1962] эквивалент тоже является описательным переводом, т.к. *Base, die* - 1. ‘Cousine’ 2. veralt. ‘Tante’ [DWDS] - кузина, тётка, кума. Словарное значение слова *кума* - 1. ‘Крестная мать по отношению к родителям крестника и к крестному отцу’, 2. Устар. и прост. ‘Обращение к знакомой пожилой женщине’, 3. Прост., устар. ‘Немолодая женщина, находящаяся в приятельских отношениях или во внебрачной связи с кем-либо’ [MAC 1999 II: 149] имеет общие семы со словом *баба*: ‘пожилая женщина’ и со словом *сватья* - ‘отношение к родителям’. Значение слов *баба* и *сватья* распространяется на ИС *Бабариха*, поэтому *Base* можно считать описательным переводом ИС *Бабариха*. Но в переводе Э. Вальтера [Puschkin 1962] есть еще один эквивалент для ИС *Бабариха* – *Barbaricha*, что является преобразующим переводом, т.к. это ИС – „говорящее”, оно имеет внутреннюю форму *Barbar* - 1. abwertend ‘grausamer Mensch, Rohling’ 2. abwertend ‘völlig ungebildeter Mensch, roher Banause’ [DWDS] - варвар, дикарь, полный невежда. Переводчик использовал отрицательную оценочность этого слова, для того чтобы ИС могло выполнять функцию характеристики – характеризовать персонаж как отрицательный.

В переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1999] использовано ономастическое соответствие – *Babariche*, что не передает произошедшей с именем семантизации в тексте оригинала, но в некоторых контекстах вместо *Babariche* используется описательный эквивалент *Base*, о котором было сказано выше.

В преобразующем переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] – *Sibylle* – мы не усматриваем какой бы то ни было связи с именем оригинала. *Сивилла*, *Сибиλλα* – мифологический образ прорицательницы и дряхлой старухи [ИМС 2001: 285] - уводит в сторону от русской сказки, а вместе с именами *Silvan* и *Harald* даже слишком европеизирует пушкинский текст.

В двух латышских переводах – переводах Плудонса [Puškins 1937] и Я. Плаудиса [Puškins 1949] использовано для передачи ИС *Бабариха* ономастическое соответствие –

Babarīka, с одной оговоркой: русское *x* передано как *k*, что допускает семантизацию от слова *rīkot*:

rīkot – 1. ‘likt, parasti oficiāli (kādam) ko darīt, veikt, darboties, dot norādījumu’; 2. ‘veikt visu vajadzīgo, nepieciešamo, lai varētu notikt, piem., svinības, sabiedrisks pasākums’ [LLVV 1972 VI 2: 653] – действовать, устраивать.

ИС *Babarīka* соотносится с сюжетом сказки, т.к. *Бабариха* – это та, кто устраивает свои дела, действует (сплавляет гонца, пишет фальшивое письмо, обрекает на смерть царицу, отговаривает *Салтана* от поездки).

Но наиболее удачен, на наш взгляд, вариант, предложенный Ю. Ванагсом [Puškins 1968 II], который использует преобразующий перевод – *Vecatīņa*. Это ИС создано из нарицательного *vecs*, ср.:

vecs – 1. ‘tāds, kas ir dzīvojis jau samērā ilgi, kam ir samērā daudz gadu’ [LLVV 1972 VIII: 337] – старый.

Такой эквивалент соотносится с семантикой слова *баба* – ‘старая женщина’, но в оригинале большую роль играет также минимальный контекст, в который заключено имя, столь же важен он и в переводе Ю. Ванагса, где названное ИС используется в сочетании *veča Vecatīņa*, в котором дублируется корень *vecs* по той же модели, как в словосочетании *баба Бабариха* дублируется компонент *баба*.

3. Функция ИС.

ИС *Бабариха* называет второстепенного персонажа «Сказки о царе Салтане...». Употребляясь в постоянном контексте *сватья баба Бабариха*, это ИС наполняется значением и выполняет функцию характеристики. Данное ИС участвует в создании фольклорного колорита, что может быть передано в переводе через комментарий. Кроме того, звуковой повтор *баба Бабариха* позволяет ИС выполнять функцию акцентуации. Использование описательного и преобразующего перевода позволяет переводчикам сохранить характеристику персонажа максимально точно. Лишь в переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] преобразующий перевод *Sibylle* уводит в сторону от оригинала. Функцию акцентуации удачно передает Ю. Ванагс [Puškins 1968 II], используя в сочетании *veča Vecatīņa*, в котором дублируется корень *vec-*.

2.2.3. Имя, названное только в переводах

Для именованного попа из «Сказки о попе и о работнике его Балде» в переводах В. Грегера [Puschkin 1950 III], В. Грегера и М. Шмидт [Puschkin 1999], Ю. Ванагса [Puškins 1968 II] появляется ИС, хотя его нет в оригинале. Оно возникает в одном и том же контексте:

Жил-был поп,

Толоконный лоб. [IV: 305].

1. Особенности формы.

Для именования попа переводчики создают следующие ИС:

Dummkopf [Puschkin 1999],

Dickfell [Puschkin 1950 III],

Pietapiere [Puškins 1968 II].

Все эти ИС являются „говорящими”, что будет продемонстрировано далее.

2. Семантика ИС.

Выражение *толоконный лоб* (прост.) – ‘дурак’ [MAC 1999 IV: 375]- передано в переводах как ИС, относящееся к попу:

Жил-был поп,

Толоконный лоб. [IV: 305]

Es war einmal im Land

Ein Pope – „Dummkopf“ genannt. [Puschkin 1999: 293]

Es lebte im Land

Ein Pfaffe, „Dickfell“ genannt. [Puschkin 1950 III: 363]

Reiz dzīvoja pops Pietapiere,

Apaļš kā taukos niere. [Puškins 1968 II: 303].

Dummkopf, der - umg. ‘dummer Mensch’ [DWDS] - дурак, болван;

Dickfell от *dick* - 1. ‘gibt, nachgestellt nach einer Maßangabe, den Abstand zwischen zwei gegenüberliegenden Seiten eines Körpers an’ [DWDS] - толстый, *Fell, das* – salopp: ‘Haut des Menschen’ [DWDS] - шкура, кожа;

Pietapiere от *piets* – ‘plakanā, paplatinātā (cērtamo, šķeļamo un tml. rīku) mugurēja daļa’ [LLVV 1972 VI 2: 154] - обух, *piere* – 1. ‘sejas daļa starp uzacīm un matiem’ [LLVV 1972 VI 2: 110]- лоб.

Если *Dummkopf* передает именно выражение *толоконный лоб*, то *Dickfell* близко русскому *толстокожий* - 1. ‘С толстой кожей или кожурой, коркой’, 2. перен. разг. ‘Не способный почувствовать, воспринять что-либо (о человеке)’; ‘неделикатный, неотзывчивый’ [MAC 1999 IV: 376], что относится уже не к названному выражению, а ко всему сюжету сказки. ИС *Pietapiere* тоже соотносится со всем сюжетом, т.к. поп получает три щелчка по лбу.

3. Функция ИС.

ИС в сказках часто очень близки прозвищам, они называют какую-то характеристику обладателя имени (ср.: *Василиса Прекрасная*). Этот факт, видимо, и стал причиной того, что переводчики из характеристики попа, данной в оригинале описательно, сделали его ИС. ИС *Pietapiere* выполняет, кроме того, функцию мифизации – в имени заложена судьба героя, которая проявится только в развязке.

Отличительной чертой антропонимов сказок А. С. Пушкина является связь ИС с характером, внешностью, поведением героя. Половина имен является «говорящими». Другая особенность ИС сказок – их связь с русским фольклором и со сказкой о Бове.

Особенности передачи ИС сказок в переводах связаны со спецификой самих ИС. Наличие «говорящих» имен во многом предопределяет переводческое решение – для них, как правило, используется преобразующий перевод (*Балда* – нем. *Trottel, Lümmel, Flegel*, лтш. *Muļķa Antulis*, *Черномор* – лтш. *Melnjūrs, Jūras-vecis*, *Бес* – лтш. *Jods*, *Чернавка* – лтш. *Melnūksne*, *Лебедь* – нем. *Schwan*, лтш. *Gulbe*). Описательный перевод тоже используется чаще, чем при передаче ИС «Руслана и Людмилы» (*Бабариха* – нем. *Schwiegermutter-Weibe*, *Черномор* – лтш. *jūras vecis*, *Бес* – нем. *Teufel*, лтш. *velns*, *Шамаханская царица* – нем. *des Zauberreiches holde Fee, die kaukasische Prinzessisin, die persische Prinzessin*, лтш. *princese*).

Наиболее ранний по времени создания перевод – перевод Р. Липперта [Puschkin 1840] – является скорее свободной переработкой пушкинской сказки, на что указывают и ИС: *Салтан* называется *Silvan*, *Гвидон* – *Harald*, а *Бабариха* – *Sibylle*.

При передаче антропонимов сказок переводчики столкнулись с целым рядом специфических проблем. Одна из центральных проблем – это решение вопроса о том, переводить (в прямом смысле) или нет «говорящее» имя, и часто выбор делался в пользу прямого перевода как варианта преобразующего перевода, о чем мы сказали выше. Проблемной оказывалась передача грамматического рода существительного – «говорящего» имени (*Лебедь*), т.к. в языках перевода слова *gulbis* и *Schwan* мужского рода, и удачным переводческим решением стало использование разных эквивалентов ИС *Лебедь* в заголовке и в самом тексте (*Schwanenprinzessin, Schwan*) и создание ИС женского рода *Gulbe* из нарицательного *gulbis*.

ИС в сказках А. С. Пушкина выполняют следующие функции:

1. Характеристика персонажа (*Черномор, Балда, Бес*),
2. Локально-временная характеристика:
 - создание фольклорного колорита (*Елисей, Салтан, Лебедь, Бес, Бабариха*),

- создание восточного колорита (*Салтан, Шамаханская царица*),
- создание русского национального колорита (*царь Дадон, князь Гвидон*),

3. Акцентуация (*Дадон, Бабариха*),

4. Создание литературных ассоциаций (*Шамаханская царица*).

Функцию характеристики персонажа лучше удалось передать при использовании преобразующего перевода (лтш. *Melnjūrs* - Черномор, нем. *Flegel* - Балда). Передача функции акцентуации, которую выполняет ИС в тексте оригинала (*Дадон* – многократно рифмуясь и *Бабариха* – за счет употребления в постоянном контексте *баба Бабариха*), стала сложной переводческой задачей. С. Элленберг [Puschkin 1999] и В. Грегер [Puschkin 1950 III], активно использовавшие ИС *Dadon* в рифмах, и Ю. Ванагс [Puškins 1968 II], создавший контекст *veča Vecatīņa*, решают эту задачу, на наш взгляд, наиболее эффективно.

Передача русского национального и восточного колорита происходит в переводах при опоре на ближайший контекст (нем. *Zar Saltan*, лтш. *Šamahanas daiļaviņa*).

Передача фольклорного колорита вызывает наибольшие затруднения. Она может быть осуществлена, на наш взгляд, при создании переводческого комментария.

3. Антропони́мы в романтических поэмах А. С. Пушкина и в текстах переводов

3.1. Общая характеристика антропонимикона

В данной главе мы рассмотрим антропони́мы трех поэм: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы». С точки зрения заде́йствованности антропонимов в тексте «Кавказский пленник» с одной стороны и «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы» с другой стороны организованы по-разному. Центральные персонажи «Кавказского пленника» – пленник и черкешенка – персонажи «безымянные», в то время как герои двух других поэм, главные – *Гирей, Мария, Зарема* («Бахчисарайский фонтан»), *Алеко, Земфира* («Цыганы») – и второстепенные – *Мариула* («Цыганы») – наделены именами. Но зато в «Кавказском пленнике» появляются другие имена – это имена исторических лиц, упоминающиеся в эпилоге поэмы (*Цицианов, Котляревский, Ермолов, Батый, Мстислав*) и в посвящении (*Н. Н. Раевский*).

Кроме того, «Кавказский пленник» содержит авторские примечания, в которых заде́йствованы некоторые антропони́мы (*Бакунин, Цицианов, Державин, Зубов, Жуковский, Воейков, Мстислав, Владимир, Уда́лый, Реде́дя*). А к поэтическому тексту «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкин присовокупил «Выписку из путешествия по Тавриде И. М. Муравьева-Апостола» и «Отрывок из письма», которые тоже содержат антропони́мы.

Для дальнейшего рассмотрения мы разделим антропони́мы на следующие группы:

- 1) Имена главных и второстепенных персонажей (*Алеко, Земфира, Мариула, Гирей, Мария, Зарема*);
- 2) Упоминаемые имена (*Цицианов, Котляревский, Ермолов, Батый, Мстислав*). В этой группе ИС можно выделить небольшие подгруппы: *Цицианов, Котляревский, Ермолов* – это имена покорителей Кавказа; ИС *Батый, Мстислав* названы в связи с событиями древнерусской истории;
- 3) Имена примечаний, посвящения и эпиграфа:
 - имя *Н. Н. Раевского* дано в посвящении поэмы «Кавказский пленник», а ИС *Сади* указано как ИС автора эпиграфа к поэме «Бахчисарайский фонтан»;
 - имена примечаний к «Кавказскому пленнику»: *Бакунин, Цицианов, Державин, Зубов, Жуковский, Воейков, Мстислав, Владимир (Уда́лый), Реде́дя*;
 - имена примечаний к «Бахчисарайскому фонтану»: *И. М. Муравьев-Апостол, Селамид-Гирей, Гаджи Селим-Гирей, Екатерина II, Анакреон, Семирамида, Менгли, Керим-Гирей, Заира, Керим, Гирей, Потоцкие, Потоцкая, Митридат, Диана, М., К**, Н. Н.*

3.2. Передача антропонимов в переводах

Ниже мы проанализируем передачу антропонимов в следующих переводах:

1) «Кавказский пленник»:

- немецкие переводы: А. Вульфберта [Puschkin 1823a], А. Ашарина [Puschkin 1877], Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II], М. Ремане [Puschkin 1999];
- латышские переводы: К. Айзпурса [Puškins 1950], М. Каудзите [Puškins 1937], Б. Саулитиса [Puškins 1968 III];

2) «Бахчисарайский фонтан»:

- немецкие переводы: М. Ремане [Puschkin 1999], Ф. Боденштедта [Puschkin 1854], Р. Липперта [Puschkin 1840];
- латышские переводы: В. Белшевицы [Puškins 1968 III], Ф. Селги [Puškins 1937];

3) «Цыганы»:

- немецкие переводы: Б. Струцик [Puschkin 1999], Р. Липперта [Puschkin 1840], А. Ашарина [Puschkin 1877], Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II], А. Лютера [Puschkin 1950 II];
- латышские переводы: Ф. Миеркалнса [Puškins 1937], П. Вилипса [Puškins 1968 III].

3.2.1. Имена главных и второстепенных персонажей

Гирей, Мария, Зарема.

1. Особенности формы.

При передаче этих ИС переводчики используют ономастические соответствия:

А.С. Пушкин	М. Ремане [Puschkin 1999]	Ф. Боден- штедт [Puschkin 1854]	Р. Липперт [Puschkin 1840]	В. Белшевица [Puškins 1968 III]	Ф. Селга [Puškins 1937]
<i>Гирей</i>	<i>Girej</i>	<i>Giréi</i>	<i>Girei</i>	<i>Girejs</i>	<i>Girējs</i>
<i>Зарема</i>	<i>Sarema</i>	<i>Saréma</i>	<i>Sarema</i>	<i>Zarema</i>	<i>Zarēma</i>
<i>Мария</i>	<i>Maria</i>	<i>Maria</i>	<i>Maria</i>	<i>Marija</i>	<i>Marija</i>

В немецких переводах некоторую сложность при передаче представляет ИС *Гирей*.

Ф. Боденштедт [Puschkin 1854] при помощи диакритического знака показывает, что *ei* не дифтонг [ai], а два самостоятельных звука. В переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] нет специальных обозначений в этом имени, но, соблюдая заданный стихотворный ритм, прочитываемъ это ИС так же, как и в переводе Ф. Боденштедта [giréi], где *ei* не дифтонг [ai], а два самостоятельных звука:

1) *Гирей сидел, потупя взор...* [IV: 131]

Girēi saß, den Blick geneigt... [Puschkin 1840: 53]

2) *О божье! если бы Гирей
В ее темнице отдаленной
Забыл несчастную навек
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ее пресек!* [IV: 142]

*O daß er sie vergessen sollte,
Im dunklen Kerker ewig meiden!
O wenn Girei ihre Leiden
Durch schnellen Tod beenden wollte!* [Puschkin 1840: 67].

ИС *Зарема* передается во всех немецких переводах по транскрипционной модели [Duden. Rechtschreibung 1996: 86] с начальным *S* – *Sarema*, благодаря чему это ИС прочитывается как [z]arema.

В некоторых латышских переводах обращено особое внимание именно на звуковую сторону имен. Согласно акцентной системе латышского языка ударение падает на первый слог, но мы видим, что в переводе Ф. Селги [Puškins 1937] имена *Girējs*, *Zarēma* имеют долгий гласный, причем долгими являются именно те гласные, которые в именах оригинала были ударными.

Как отмечалось исследователями, романтическое направление в выборе имен опирается на звукосимволизм, т.е. на характеристику персонажа через звуковое оформление его имени, что «дает установку на восприятие имени эмоционально, на подсознательном уровне» [Уссар 1997: 279]. В такой ситуации для переводчика приобретает особую значимость передача звуковой оболочки ИС.

Если сравнить между собой два латышских перевода, то видно, что имена, имеющие долгий гласный, сохраняют и ударение на том же слоге, что и в оригинале:

1) *Гирей сидел, потупя взор...* [IV: 131]
Sēž Girejs sadrūmis un kluss. [Puškins 1968 III: 179]
Girējs sēž sadrūvīs, kā koks... [Puškins 1937: 135]

2) *Но тот блаженней, о Зарема,
Кто, мир и негу возлюбя,
Как розу, в тишине гарема
Лелеет, милая, тебя.* [IV: 134]

Bet simtkārt vairāk liktens devis

*Tam, mīlas zvaigzne Zarema,
Kam mīlēt ļauts un lolot tevi
Kā rozi savā harēmā.* [Puškins 1968 III: 184]

*Bet laimīgākais tas, Zarēma,
Kas harēmā, ko klusums tin –
Pēc baudas, pasaule ko lēma,
Vien tevi, mīļā, glāstīt zin.* [Puškins 1937: 138].

2. Семантика ИС.

Гирей.

Гирей – *Gerāj* – фамилия династии крымских ханов, возможно - контаминация названия тюрко-монгольского племени *Kārāj* с греческим *Γεωργίος* [Унбегаун 1989: 293].

В пушкинском тексте трижды встречается рифма *Гирея* – *не смея*, а также рифма *Гирею* – *владею*, что актуализирует смыслы ‘грозный хан’, ‘повелитель’, связанные с этимологией этого ИС. В немецких переводах с этим ИС рифм нет. Из латышских переводчиков на включение ИС *Гирей* в рифмы обратил внимание Ф. Селга [Puškins 1937], две из четырех рифм в наибольшей степени соотносимы с рифмами оригинала: *Girēja* – *nedrīkstēja*, *Girēju* – *neiespēju*, ср. :

nedrīkstēja (‘не смела’) от *drīkstēt* – ‘iedrošināties’ [LLVV 1972 II: 394] – осмелиться,
neiespēju (‘не могла’) от *iespēt* – ‘spēt, varēt ko veikt’ [LLVV 1972 III: 378] – мочь.

Зарема.

Зарема – крымско-татарское женское имя [Справочник... 1987: 193].

Имена *Гирей*, *Зарема*, *Мария* ассоциируются в сложной фонетической игре со словом *гарем*, и вся звуковая организация поэмы строится на звуковом комплексе этого слова [Слонимский 1963: 269-271]. В наибольшей степени связана тема гарема с ИС *Зарема*: это имя трижды рифмуется у А. С. Пушкина со словом *гарем*, что подчеркивает их звуковое, а отсюда – и смысловое родство. В немецких переводах не находим рифм с ИС *Зарема*. В латышских переводах это ИС задействовано в рифмах. В переводе Ф. Селги [Puškins 1937] это рифмы *Zarēma* – *lēma* – *mēma*, а в переводе В. Белпевичи [Puškins 1968 III] ИС *Zarema* дважды рифмуется со словом *harēms*, что ближе всего к подлиннику:

lēma от *lemt* – 1. ‘vispusīgi apsverot, pārdomājot, izvēlēties kādu no vairākām iespējām’ [LLVV 1972 IV: 646] – решить,

mēma от *mēms* – немой,

harēms – ‘musulmaņu mājas daļa, puse, kurā mīt sievietes; tur dzīvojošo sieviešu kopums’ [LLVV 1972 III: 190] – гарем.

Мария.

Этимология этого имени трактуется по-разному: *Мария* – др.-евр. имя *Mirrām*, предположительно от др.-евр. *māra* – ‘противиться, отвергать’ или *mārar* – ‘быть горьким’ [Петровский 1995: 200].

ИС *Мария* в меньшей степени, чем *Зарема* и *Гирей*, связано с какими бы то ни было звуковыми ассоциациями, потому что здесь на первый план выходит параллель с библейским образом *Девы Марии*, т.к. противопоставление двух женских образов – восточной красавицы и прекрасной христианки – идет еще от романтических поэм Дж. Байрона [Жирмунский 1978: 161]. Поэтому и тот факт, что в латышских переводах в этом ИС меняется ударение, не играет такой роли, как в отношении ИС *Зарема*, *Гирей*. Но в столкновении ИС *Мария* и *Зарема* рождается, как отмечает А. Л. Слонимский, еще одна звуковая ассоциация: с комплексом *Мария* – *Зарема* связан звуковой образ мраморного фонтана (м-р-м) [1963: 270]. Насколько этот звуковой образ важен, можно судить уже по тому, что заглавие поэмы – «Бахчисарайский фонтан». Фонетическая игра ИС со словом *мрамор* и со словом *гарем* в целом без особого труда передана в переводах, т.к. имена нарицательные *гарем*, *мрамор* созвучны во всех трех языках:

Harem, der - arab., türk. 1. ‘streng abgeschlossener, nur von Frauen bewohnter Teil des islamischen Hauses’ 2. ‘Gesamtheit der Frauen, die in dem für sie bestimmten Teil des islamischen Hauses wohnen’ [DWDS] - гарем,

Marmor, der - ‘weiß, auch farbiger, meist geädert körnig-kristalliner Kalkstein, der in der Bildhauerei und auch als Baumaterial verwendet wird’ [DWDS] – мрамор,

harēms – ‘musulmaņu mājas daļa, puse, kurā mīt sievietes; tur dzīvojošo sieviešu kopums’ [LLVV 1972 III: 190] – гарем,

marmors – ‘metamorfs kalnu iezis, kas radies, kaļķakmenim vai dolomītam pārkristalizējoties’ [LLVV 1972 V: 97] – мрамор.

3. Функция ИС.

ИС *Гирей*, *Мария*, *Зарема* называют главных персонажей поэмы «Бахчисарайский фонтан». В поэме актуализируется фонетическая сторона этих имен, и все вместе они выполняют функцию акцентуации, которая легко может быть передана в переводах, т.к. слова *гарем* и *мрамор*, с которыми ассоциируются ИС, созвучны во всех трех языках. ИС *Гирей* выполняет функцию характеристики и функцию создания восточного колорита, благодаря своей этимологии и ее актуализации в тексте, что передает в переводе Ф. Селга

[Puškins 1937], используя ИС в рифмах, близких оригинальным. ИС *Зарема* тоже выполняет функцию характеристики и функцию акцентуации, т.к. на него распространяется значение рифмующегося слова *гарем*, что лучше всего учтено в переводе В. Беллшевицы [Puškins 1968 III], где ИС *Zarema* дважды рифмуется со словом *harēms*. Выполняет функцию характеристики и ИС *Мария*, т.к. вызывает ассоциации с библейским образом *Девы Марии*. Передача этой функции не представляет особых трудностей, т.к. данные ассоциации являются общехристианскими.

Алеко, Земфира, Мариула.

1. Особенности формы.

Для передачи этих ИС переводчики используют ономастические соответствия:

А. С. Пушкин	Б. Стру- цик [Puschkin 1999]	А. Аппа- рин [Puschkin 1877]	Р. Лип- перт [Puschkin 1840]	Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]	А. Лютер [Puschkin 1950 II]	Ф. Миер- калнс [Puškins 1937]	П. Вилипс [Puškins 1968 III]
<i>Алеко</i>	<i>Aleko</i>	<i>Aleko</i>	<i>Aleko</i>	<i>Aleko</i>	<i>Aleko</i>	<i>Aļēko</i>	<i>Aļeko</i>
<i>Земфира</i>	<i>Semfira</i>	<i>Semfira</i>	<i>Semphira</i>	<i>Semfira</i>	<i>Semfira</i>	<i>Zemfira</i>	<i>Zemfira</i>
<i>Мариула</i>	<i>Mariula</i>	<i>Mariula</i>	<i>Mariula</i>	<i>Mariula</i>	<i>Mariule</i>	<i>Mariūla</i>	<i>Mariula</i>

В переводе Ф. Миеркалнса [Puškins 1937] имена *Aļēko*, *Zemfira*, *Mariūla* имеют долгий гласный, причем долгими являются именно те гласные, которые в именах оригинала были ударными. Однако в переводе поэмы «Цыганы» П. Вилипса [Puškins 1968 III] в именах *Aļeko*, *Zemfira* долготы отсутствуют, но переводчик тоже сохраняет ударение оригинала, ср.:

1) *Его зовут Алеко; он*

Готов идти за мною всюду. [IV: 152]

Tam vārds Aļeko; klejojot

Viņš sekos man, lai kur vien būšu. [Puškins 1968 III: 210]

To sauc Aļēko; gribu būt

Tam biedre... [Puškins 1937: 151]

2) *Вставай, Земфира: солнце всходит...* [IV: 153]

Zemfira, saule uzlēkusi... [Puškins 1968 III: 212]

Zemfira, celies, saule uzriet... [Puškins 1937: 152].

Таким образом, в латышских переводах производится отступление от акцентной системы латышского языка с фиксированным ударением на первом слоге. Такое отступление демонстрирует, на наш взгляд, осознание переводчиками роли звуковой стороны имен в данном тексте.

Наличие двух вариантов написания ИС *Алеко* в латышских переводах (*Aleko* / *Aļeko*) объясняется тем, что мягкие *л*, *н* должны передаваться в латышском языке как *l*, *n*, но при передаче таких личных имен, как *Александр*, *Алексей*, *Лидия* (т.е. имен, аналоги которых есть и в латышском языке – *Aleksandrs*, *Aleksejs*, *Lidija*), знак смягчения не используется [Par vārdu un uzvārdu... 1999: 61]. *Алеко* может восприниматься как краткая формы ИС *Александр* (см. семантику), поэтому при передаче этого ИС в латышском переводе возможно написание через *l* – *Aleko*.

О том, что немецкие женские имена, оканчивающиеся на *-a* (*Mariula*), могут оканчиваться и на *-e* (*Mariule*), а также о том, что звук [f] по-немецки может графически передаваться и как *f* (*Semfira*), и как *ph* (*Semphira*), было сказано в §1 данной главы. *Semfira*, как и *Sarema*, передается в немецких переводах по транскрипционной модели – с начальным *S* – и читается поэтому как [zemfira].

2. Семантика ИС.

Алеко.

Алеко форма от ИС *Алексей* / *Александр* – греч. *алексо* – ‘защищать’ [Суперанская 2004: 105].

Ю. В. Манн называет *Алеко* «цыганской формой» имени *Александр* [1995: 71].

С. М. Бонди считает, что о максимальной близости образа *Алеко* к его автору, почти тождестве их, мы находим указания А. С. Пушкина в самом тексте поэмы. Имя героя совпадает с именем поэта, действие поэмы происходит в тех местах, где жил в это время А. С. Пушкин [Бонди 1978: 47]. Но, кроме того, центральный персонаж романтической поэмы – это особый тип героя, для которого характерно отчуждение от других (бегство, изгнание, преступление) [Манн 1995: 31-32], а романтической поэме в целом свойственна установка на экзотику. Это находит выражение и в выборе ИС.

Алеко стремился к вольной цыганской жизни, характеристикой персонажа выступает в этом и его имя, что подкрепляется контекстуально:

Презрев оковы просвещенья,

Алеко волен, как они... [IV: 157],

где в словосочетании *Алеко волен* звуковой повтор переносит и значение слова *волен* на ИС: *вольный* – 3. ‘Находящийся на свободе, не в неволе (не в плену, не в заключении)’ // перен. ‘По своей природе, характеру не знающий ограничений’ 4. ‘Имеющий

возможность, право, власть поступать по собственной воле, как угодно' [MAC 1999 I: 208].

Сравним аналогичные контексты в переводах:

Aleko band sich ab den Latz

Der alten Bildung. Er befreite

Sich für ein unbeschwertes Leben... [Puschkin 1999: 180]

Die Fesseln der Kultur verachtend,

Fühlt frei wie sie Aleko sich ... [Puschkin 1949 II: 352]

Vor allem Bildungszwang entladen,

Auf sich allein gestellt und frei,

Fühlt er sich einst mit den Nomaden... [Puschkin 1950 II: 18]

Zerbrechend der Gesittung Bande,

Aleko wurde frei wie sie ... [Puschkin 1877: 234]

Aleko hat, wie sie befreit,

Der Bildung Ketten abgestreift ... [Puschkin 1840: 35]

No sevis metis kultūrvažas,

Aļēko brīvs tāpat kā tie [Puškina 1937: 157]

Nost metis izglītības važas,

Aļēko brīvs un līdzīgs tiem [Puškina 1968 III: 219].

Как видим, значение слова *вольный* передается в переводах при помощи следующих соответствий:

frei- 1. 'unabhängig' [DWDS] – свободный,

befreien – 'jemanden, etwas, sich (durch Überwinden von Widerständen) frei machen' [DWDS] – освобождать,

brīvs – 3. 'tāds, kam nav saistību, arī pienākumu, rūpju, nesaistīts, neierobežots', 5. 'dabisks, nepiespiests, bez sasprindzinājuma, arī nemākslots' [LLVV 1972 II: 128] - свободный.

В латышских переводах удастся даже соположить ИС *Aļēko* / *Aļēko* и слово *brīvs*, что более тесно сближает ИС и имя нарицательное, которое в оригинале способствует семантизации. Но передать звуковой повтор не удастся, а в переводе А. Лютера [Puschkin

1950 II] этот маркированный с точки зрения звучания контекст оригинала утрачивает свою значимость, т.к. переводчик заменяет ИС местоимением.

Земфира.

Земфира - нов. календ. – из греч. *самфирос* – ‘сапфир’ [Суперанская 2004: 387]. ИС *Земфира* можно обнаружить, например, среди осетинских женских имен [Справочник личных имен народов РСФСР 1987: 35].

Для образа *Земфиры* в поэме важно, что она цыганка, дочь *Мариулы*, и ее история только повторяет историю ее матери. Необычное с точки зрения русского именника ИС акцентирует ее необычную судьбу. Цыганское происхождение и красота *Земфиры* подчеркивается эпитетом *черноокая* от *черноокий* - trad.-поэт. ‘То же, что черноглазый’ [MAC 1999 IV: 667]:

С ним черноокая Земфира [IV: 153]

Semfira geht an seiner Seite... [Puschkin 1950 II: 11]

Semfira ist an seiner Seite... [Puschkin 1949 II: 348]

Semfiras schwarze Augen leuchten [Puschkin 1999: 176]

Semfira lehnte, ihm zur Seite... [Puschkin 1877: 227]

Zemfira, melnace, tam blakām ... [Puškins 1968 III: 213]

Tas nu ir dabas bērnu barā,

Zemfira mīl to kaislā garā... [Puškins 1937: 153].

Эпитет *черноокая* передается только в двух переводах. В переводе Б. Струцик [Puschkin 1999] этот эпитет передается при помощи слов:

schwarz - 1. ‘von völlig dunkler Färbung, (nahezu) alle Lichtstrahlen absorbierend, kein Licht reflektierend’ [DWDS] – черный,

Augen, die от *Auge, das* - 1. ‘Sehorgan des Menschen, der Tiere’ [DWDS] – глаза,

leuchten - 1. ‘Licht ausstrahlen, Helligkeit verbreiten’ [DWDS] – сиять.

В переводе Ф. Мьеркалнса [Puškins 1937] эпитет передается при помощи слова *melnace* – ‘cilvēks ar melnām vai ļoti tumšām acīm’ [LLVV 1972 V:147] – черноглазая.

Мариула.

Как отмечают исследователи [Слонимский 1963], [Флоренский 1998], в звуковой организации поэмы «Цыганы» доминирующее значение получает акцентированный звук [u]. Это значение широты просторов и завывания ветра, с одной стороны, а с другой – ассоциации с плачем и страстным желанием. Оба эти значения играют важную роль в

тексте «Цыган», а звуковым лейтмотивом поэмы является ИС *Мариула* [Слонимский 1963: 271]: в тексте оно «поддерживается» аллитерацией и рифмовкой. Сравним, как соответствующие контексты передаются в переводах:

1) *Уже давно в забаву света
Поется меж людей она.
Кочуя на степях Кагула,
Ее, бывало, в зимнюю ночь
Моя невала Мариула...* [IV: 159]

*Das zum Ergetzen unsrer Leute
Man heut noch anstimmt jederzeit.
Einst in den Steppen am Kagule
Sang es in einer Winternacht
Vom Feuer meine Mariula...* [Puschkin 1949 II: 355]

*Dort, wo was Lustiges geschieht,
Wird's gern von aller Welt gesungen.
Als wir am Kagul Lager hatten,
Sang es Mariula manche Nacht...
... Wenn sie das Kind zur Ruh gebracht.* [Puschkin 1999: 182]

*Wie du es von den jungen Leuten
Noch heutzutage singen hörst.
Es war am Ufer der Kagula,
In Winternacht beim Feuerschein,
Da sang es meine Mariula...* [Puschkin 1877: 237]

*Wie du es von den jungen Leuten
Noch heutzutage singen hörst.
Im Steppenlager am Kagule,
Zur Winterzeit am Feuerschein
Sang einst es meine Mariule...* [Puschkin 1950 II: 21]

*Tās dzīvi – skumjā melodija
Joprojām vēl man ausīs skan.*

*Kad mūsu ļaudis pie Kagūla
Pa ziemas salu klaiņoja,
To meitai mana Mariūla,
Pie sārta sēžot, daiņoja. [Puškins 1937: 159]*

2) *Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спал: заря блеснула;
Проснулся я: подружки нет!
Ищу, зову – пропал и след. [IV: 163]*

*Als sie am dritten weiter eilten,
Zog Mariula hinterdrein,
Und ließ – ihr junges Töchterlein!
Ich schlief – der Morgen blitzte nur,
Da wacht'ich auf – fort die Geliebte –
Ich suche, rufe – keine Spur! [Puschkin 1840: 43]*

*Bet trešajā bij projām šie
Un Mariula līdz tiem,
Man aizstādama meitenīti.
Es gulēju; kad rīts bij svīdis,
Es pamodos: draugs zudis jau!
To sauci, sauci – pēdu nav. [Puškins 1968 III: 228].*

Мы привели наиболее показательные, с нашей точки зрения, контексты с ИС *Мариула* в каждом переводе. Как видим, в тех же контекстах, где у А. С. Пушкина имя *Мариула* рифмуется, в переводах, если и нет рифмы, то звучит ассонанс на [u] и аллитерация на [m], [r], [l] – на звуки, входящие в имя *Мариула*. Таким образом, и в переводах это ИС участвует в звуковой организации поэмы.

3. Функция ИС.

ИС *Алеко*, *Земфира*, *Мариула* – имена «особенных» романтических персонажей. ИС отражают и экзотичность места действия (т.е. участвуют в локальной характеристике), и специфику характера (*Алеко*, а не *Александр* / *Алексей*, т.к. хотел стать цыганом). Кроме

того, ИС *Мариула* выполняет функцию акцентуации, т.к. участвует в звуковой организации текста, что постарались передать все переводчики.

3.2.2. Упоминаемые имена

1. Особенности формы.

ИС из эпилога поэмы «Кавказский пленник» представлены в текстах переводов ономастическими соответствиями:

Пушкин А. С.	А. Вульферт [Puschkin 1823]	А. Ашарин [Puschkin 1877]	Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]	М. Ремане [Puschkin 1999]	К. Айзпурс [Puškins 1950 II]	М. Каудзите [Puškins 1937]	Б. Саулитис [Puškins 1968 III]
Цицианов	Zizianov Zyzianov	Zizianow	Zizianow	Zizianow	Cicianovs	Zizianovs	Cicianovs
Котляревский	Kotljärevisky Kotlerevisky	Kotljarewsky	Kotljarewskij	Kotljarewski	Kotljarevskis	Kotljarevskis	Kotljarevskis
Ермолов	Jermolow	Jermolow	Jermolow	Jermolow	Jermolovs	Jermolovs	Jermolovs
Батый	Batu	Batija	Baty	Batu-Chan	Batijs	Bātu	Batijs
Мстислав	Mstislav	Mistislav	Mstislav	Mstislav	Mstislavs	Mstislavs	Mstislavs

В переводе А. Вульферта [Puschkin 1823a] заметна не всегда последовательная передача ИС. ИС *Котляревский* в тексте поэмы передано как *Kotlerevisky*, а в комментарии как *Kotljärevisky*, причем использование *e* или *ä* после *l* абсолютно не традиционно (что подтверждается другими немецкими переводами). Возможно, переводчик искал особого соответствия для русской графемы *я*, чем и объясняются такие варианты написания. В современном немецком языке по правилам транскрипции *я* передается как *ja*, по правилам транслитерации как *ä* или *ja* [Duden. Rechtschreibung 1996: 86]. ИС *Цицианов* тоже представлено в двух вариантах: *Zizianov* – в тексте поэмы, *Zyzianov* – в комментарии, последний вариант не соответствует современным правилам транскрипции или транслитерации. Вероятно, переводчик стремился отразить произношение гласного после *z*. Непоследователен А. Вульферт и в написании русских фамилий на *-ов*, ср.: *Jermolow*, но *Zizianov*. С точки зрения современной передачи русских фамилий в немецком языке оба эти варианта возможны, но *-ow* – это передача в транскрипционной, а *-ov* – в транслитерационной системе [Duden. Rechtschreibung 1996: 86].

В переводе А. Вульферта [Puschkin 1823a] – одном из первых переводов А. С. Пушкина на немецкий язык – такая непоследовательность объясняется тем, что переводческие нормы еще не были выработаны. Это заметно и в более поздних переводах произведений А. С. Пушкина. В четырех немецких переводах находим три варианта передачи окончания

в ИС *Котляревский* (см. таблицу). В соответствии с современной нормой по правилам транслитерации *й* после *и / ы* не передается вообще (*Kotljarewski* - ср. перевод М. Ремане), а по правилам транскрипции *й* передается как *j* (*Kotljarewskij* - ср. перевод Й. Гюнтера). Вариант, предложенный А. Вульффертом и А. Ашариным - *Kotljarewsky* - правилу не соответствует, так передаются фамилии на *-ый*, но не на *-ий* [Duden. Rechtschreibung 1996: 86]. В латышском языке фамилии на *-ский* передаются с окончанием *-is* [Par vārdu un uzvārdu... 1999: 64], поэтому ИС *Котляревский* передано во всех латышских переводах как *Kotljarevskis*.

ИС *Батый* имеет традиционный эквивалент в немецком языке – *Batu* [Propyläen Weltgeschichte 1986 V: 245], поэтому его использование и является наиболее правильным, с нашей точки зрения. *Batu* в переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] – ономастический эквивалент, созданный по правилам транскрипции. Поскольку Й. Гюнтер последовательно использует транскрипцию (ср.: *Kotljarewskij*, *Rajewskij*, *Jermolow*), то эквивалент *Batu* был бы вполне закономерен, если бы в языке перевода не существовало традиционного соответствия. Вариант *Batija* в переводе А. Ашарина появился, видимо, вследствие переводческой ошибки. Сравним соответствующие контексты в оригинале и переводе:

<i>Подобно племени Батыя,</i>	<i>Batija's wilden Helden gleich,</i>
<i>Изменит прадедам Кавказ,</i>	<i>Vergessen auch Kaukasiens Söhne</i>
<i>Забудет алчной брани глас,</i>	<i>Der Pfeile Flug, den Schwertesstreich,</i>
<i>Оставит стрелы боевые. [IV: 102]</i>	<i>Des Krieges schreckesvolle Töne. [1877: 218]</i>

Переводчик создает ономастический эквивалент для русской формы родительного падежа *Батыя* – *Batija* (а не для начальной формы *Батый*), а затем еще добавляет окончание *-s* – окончание родительного падежа в немецком языке. Форма имени *Mistislaw* (через *i*) появляется, как мы увидим из контекста далее, для сохранения стихотворного ритма.

В латышских переводах обращают на себя внимание некоторые ономастические соответствия, предложенные М. Каудзите [Puškina 1937]: *Bātus*, *Zizianovs* (ср. в других переводах *Batijs*, *Cicianovs*). Наличие таких соответствий объясняется тем, что перевод М. Каудзите – один из ранних переводов А. С. Пушкина на латышский язык, выпедший первоначально отдельным изданием в 1877 году (см. §3.3.2. в главе 1). Во второй половине XIX века латышская орфография еще не реформирована, она испытывает, в частности, влияние немецкого языка [Bergmane, Blaiva 1986: 22-26], что сказывается и на написании имен.

2. Семантика ИС.

Как уже отмечалось, упоминаемые ИС – это ИС из эпилога поэмы «Кавказский пленник», где две темы – тема русской истории и тема покорения Кавказа – представлены, в том числе и антропонимами. Все это единичные антропонимы, за которыми стоит своя фоновая информация, в большей или меньшей степени знакомая сегодняшнему русскому читателю.

Мстислав.

В примечаниях к поэме А. С. Пушкин дает комментарий имени *Мстислав*: «*Мстислав*, сын св. *Владимира*, прозванный *Удалым*, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их *Редедю*. См. Ист. Гос. Росс. Том II» [IV: 105]. Таким образом, контекст *Мстислава древний поединок* отсылает к истории Руси. Сравним контексты в переводах:

*Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава древний поединок...* [IV: 101]

*Erzählt von dem Duell des kühnen
Mstislaw, der Rededja bezwang...* [Puschkin 1999: 138]

*Erzählt die Mär und zeigt die Art
Von Mstislaws Zweikampf uns die Stätten...* [Puschkin 1949 II: 330]

*Berichten euch vom fremden Land,
Von Mistislaw, dem kühnen Sieger...* [Puschkin 1877: 217]

*...dass sie erzählt die Heldenthat
Mstislaw's, im Kampf mit Grusiens Söhnen...* [Puschkin 1823a: 30]

*Vai tālu zemju notikumus,
Mstislava veco divkauju...* [Puškins 1937: 134]

*Tā pastāstīs vēl teiksmas citas:
Kā Mstislavs kāvies vareni
Reiz divkaujā zem palmu žvīgām...* [Puškins 1950: 45]

Un tad mums sacīs viņas balss

Par divkauju, kur Mstislavs kāvās... [Puškins 1968 III: 139].

Контекст *Мстислава древний поединок* передается при помощи слов:

Duell, das - 1. 'Zweikampf mit Waffen zum Austrag eines Ehrenhandels' [DWDS] – дуэль,

Zweikampf, der - 1. 'Kampf zwischen zwei Menschen, Duell' [DWDS] – сражение, битва,

Sieger, der - 'der gesiegt hat a) gegen einen militärischen Gegner' [DWDS] – победитель,

Kampf, der - 'harte Auseinandersetzung zwischen Gegnern' [DWDS] – битва,

divkauja – 'sadursme, cīņa (starp diviem pretiniekiem)' [LLVV 1972 II: 362] – битва.

Без комментария этот контекст вряд ли понятен читателю перевода. Но не все рассматриваемые нами издания переводов включают пушкинский комментарий к ИС *Мстислав*: из немецких переводов комментарием не снабжен перевод А. Ашарина [Puschkin 1877], а из латышских – переводы К. Айзпурса [Puškins 1950] и М. Каудзите [Puškins 1937]. А. Вульферт [Puschkin 1823a] не переводит пушкинский комментарий, но в предварительных замечаниях, помещенных перед текстом перевода, наряду с пояснением некоторых реалий Кавказа и географических названий, комментирует ИС *Мстислав*.

ИС *Редедя*, включенное А. С. Пушкиным в комментарий, в переводе М. Ремане [Puschkin 1999] появляется непосредственно в поэтическом тексте.

Батый.

Батый - хан Золотой Орды, сын Дягучи и внук Темучина, умер в 1255 году [БРБС]. Борьба Руси и Золотой Орды является знаковым местом русской истории и потому ИС *Батый* хорошо известно носителю русского языка. В пушкинском тексте это ИС употреблено в перифразе *племя Батыя*. Приведем контексты переводов:

Подобно племени Батыя,

Изменит прадедам Кавказ,

Забудет алчной брани глас,

Оставит стрелы боевые. [IV: 102]

Batija's wilden Helden gleich,

Vergessen auch Kaukasiens Söhne

Der Pfeile Flug, den Schwertesstreich,

Des Krieges schreckesvolle Töne. [Puschkin 1877: 218]

Wie Batu's Stämmen, wird den Ahnen

auch jetzt der Kaukas ungetreu... [Puschkin 1823a: 52]

*Denn wie Baty und seine Söhne –
Verrät nebst seiner Kriege Ruhm
Der Kaukasus das Altertum...* [Puschkin 1949 II: 331]

*Bald, wie der Stamm des Batu-Chan,
Sinnt keiner mehr auf Heldentaten
Und Beutezüge.* [Puschkin 1999: 139]

*Kā Batiju tā ciltis vīla,
Tā savus senčus Kaukazs vils...* [Puškins 1950: 46]

*Reiz krita Batijs, cilšu nodots,
Bet tagad Kaukāzs nodod jūs ...* [Puškins 1968 III: 141]

*Kā Bātu cilts, tā arī Kaukazs
Nav saviem tēviem uzticīgs ...* [Puškins 1937: 134].

В издании Г. Рааба [Puschkin 1999] дан комментарий к перифразе, содержащей ИС *Батый*, где указано, что имеются в виду татары [Raab 1999: 379]. Но уже в переводе М. Ремане [Puschkin 1999] для ИС *Батый* использован уточняющий перевод – *Batu-Chan*, ср.: *Chan* - türk. hist. 'Titel mittelasiatischer Fürsten' [DWDS] – хан. Это, на наш взгляд, очень удачно, т.к. часть фоновой информации читатель перевода получает уже в самом тексте, не обращаясь к комментарию.

В остальных переводах комментарий не использован. Непосредственно контексты передают перифразу *племя Батый* при помощи слов:

Helden, die мн.ч. от *Held, der* - 1. 'jemand, der Hervorragendes leistet a) auf Grund seines Mutes, bes. im Kampf' [DWDS] – герои,

Stamm, der - 3. '(im Stadium der Urgesellschaft lebende) Menschengruppe aus mehreren Familien und Sippen, die sich durch gesellschaftliche Gemeinsamkeiten, einen eigenen Namen, oft eigene Sprache, Kultur, Wirtschaft und Territorium von anderen Menschengruppen unterscheidet' [DWDS] – племя,

Söhne, die от *Sohn, der* - 'jede männliche Person in ihrer Beziehung zu Vater und Mutter, unmittelbarer männlicher Nachkomme' [DWDS] – сыновья,

cilts – 'radnieku kopa ar vienu izcelsmi, dzimta' [LLVV 1972 II: 190] – племя.

Однако фоновая информация остается не раскрытой для читателя перевода.

Ермолов, Цицианов, Котляревский.

Все три ИС - это имена русских военачальников, отличившихся на Кавказе:

Ермолов А. П. (1772-1861) – с 1817 года главноуправляющий в Грузии и командир отдельного кавказского корпуса [БРБС],

Цицианов П. Д. (1754-1806) – с 1802 года руководил военными действиями на Кавказе [БРБС],

Котляревский П. С. (1782-1852) – служил на Кавказе с 1796 года и особенно отличился в персидской войне 1811-1812 гг. [Томашевский 1977: 414].

Ближайшие контексты подчеркивают, что это имена военачальников, и распространяют на эти ИС значение военной доблести, что стараются передать и переводчики:

1) *Впервые грянул битвы гром*

И грохот русских барабанов,

И в сече, с дерзостным челом,

Явился пылкий Цицианов;

Тебя я воспою, герой,

О Котляревский, бич Кавказа! [IV: 101-102]

Als an dem grauen Terekfluß

Uns Zizianows Eifer schützte

Und sein Kanonenfeuer blitzte.

dich wird, Geißel des Kaukasus,

Held Kotljarewski, ich besingen ... [Puschkin 1999: 139]

Als selbst der Terek grau und gram

Schlachtlärm zum erstenmal vernahm,

Der Russentrommeln Donnerklänge,

Und feurig Zizianow kam

Erhoben Haupts im Kampfgedränge.

Dich sing ich, Kotljarewskij, Held,

Du Geißel für Kaukasiens Fluren! [Puschkin 1949 II: 331]

Erscholl der Schlachten Donnergruss,

Der Russen Trommeln, rollend, dröhnten,

Und Zizianov's Muthentschluss

Die glänzendsten Triumphe krönten. –

Dich sing ich, Geißel des Kaukas,
O Kotlerevsky!... [Puschkin 1823a: 31]

Als Russlands Trommeln rasselnd tönten
Und in des Kampfes wilder Gluth
Zizianow kalt die Schaaren lehnte;
Dir Kotljarewsky, kühner Held,
Dir singt mein Lied! [Puschkin 1877: 217]

Bij kaujas pērkonis vispirms
Un krievu bungu rībēšana.
Kad gāja kaujā bezbēdīgs
Pret nāvi spējais Zizianovs.
Ar' tevīm dziedu, Kotļarevski,
Tu varons, rīkste Kaukazam! [Puškins 1937: 134]

Bij dzirdams: kauju troksnis dim,
Un granda krievu bungas spēji,
Jo straujš un viltīgāks par trim
Bij Cicianovs atdrasējis [Puškins 1968 III: 140]

Un pirmie kara perkoni
Pie Terekas tur nograndēja,
Un Cicianovs pārdroši
Turp, kauju vezdams, aizdrasēja [Puškins 1950: 45].

Значение воинской доблести, выраженное ближайшими контекстами (*битвы, герой, бич Кавказа*) передано в переводах при помощи слов:

Geißel, die - 1. 'Peitsche', übertr. 'Heimsuchung, Plage' [DWDS] – бич,

Held, der - 1. 'jemand, der Hervorragendes leistet a) auf Grund seines Mutes, bes. im Kampf' [DWDS] – герой,

Schlacht, die - 'Kampfhandlungen größeren Ausmaßes zweier sich gegenüberstehender feindlicher Mächte' [DWDS] – битва,

Kampf, der - 'harte Auseinandersetzung zwischen Gegnern a) Auseinandersetzung größeren Ausmaßes zwischen militärischen Gegnern, feindlichen Kräften' [DWDS] – битва, сражение,

Triumph, der - 'großer Erfolg, Sieg' [DWDS] – триумф,

kauja – ‘organizēta karaspēka vienību, daļu, apakšvienību bruņota sadursme ar pretinieku, lai iznīcinātu tā dzīvo spēku un kara tehniku’ [LLVV 1972 IV: 209] – битва,

varons or *varonis* – 1. ‘cilvēks, kas sevišķi grūtos apstākļos, briesmās pašreizējā pilda savu pienākumu, aizstāv kādus ideālus, cīnās par tiem, pat riskējot ar savu veselību, dzīvību vai upurējot to’ [LLVV 1972 VIII: 315] – репой,

karš – ‘organizēta bruņota cīņa starp divām vai vairākām valstīm, tautām, ciltīm’ [LLVV 1972 IV: 178] – война.

2) *Поникни снежною главой,*

Смирись, Кавказ: идет Ермолов! [IV: 102]

Tscherkess', Tscherkess', versöhne dich,

Jermolow naht, es naht dein Ende. [Puschkin 1999: 139]

Nun beug dein schneeig Haupt im Nu,

O Kaukasus - Jermolow schreitet! [Puschkin 1949 II: 331]

Dein Schneehaupt neig' und bleib uns treu,

Kaukas! Jermolow kommt geschritten! [Puschkin 1823a: 31]

Jermolow kommt; zum Willkommgruß

Dein Haupt, mit ew'gem Eis gekrönt,

Zu Boden neige, Kaukasus! [Puschkin 1877: 218]

Ar sniega galvu pekājies,

Tu, Kaukaz! – iet jau turp Jermolovs. [Puškins 1937: 134]

Klau, Kaukāz, galvu zemu liec

Un padodies: Jermolovs klātu! [Puškins 1968 III: 140]

Ar pulkiem Jermolovs tur nāk!

Nu noliec balto galvu, Kaukaz. [Puškins 1950: 45].

Слова *смирись, поникни ... главой*, распространяют на ИС *Ермолов* значение ‘покоритель Кавказа’, что стремятся передать и переводчики при помощи слов:

sich versöhnen – ‘einen Streit, eine Feindschaft zwischen Gegnern beilegen, schlichten’ [DWDS] – примириться,

neigen - geh. *sich vor jemandem neigen* – ‘sich vor jemandem verbeugen’ [DWDS] – склониться,

beugen - ‘etwas, sich nach unten biegen, krumm machen’ [DWDS] – склонить,

padodies – ‘parstēt pretoties, arī nepretoties un atzīt sevi par uzvarētu’ [LLVV 1972 VI 1: 119] – сдаться,

noliekt galvu – ‘noliecot galvu, parādīt cieņu, godu’ [LLVV 1972 V: 592] – склонить голову.

В изданиях Г. Рааба [Puschkin 1999] и Ю. Ванагса [Puškins 1968] помещен комментарий, содержащий энциклопедические сведения о военачальниках *Ермолове*, *Цицианове*, *Котляревском*. А. Вульферт [Puschkin 1823a] в предварительных замечаниях, помещенных перед текстом перевода, наряду с пояснением некоторых реалий Кавказа и географических названий тоже предлагает энциклопедические сведения об этих знаменитых людях. В остальных переводах читатель получает сведения о *Ермолове*, *Цицианове*, *Котляревском* только из самого перевода. И хотя ближайшие контексты, как мы убедились, позволяют понять, что речь идет о военачальниках, создание комментария является рациональным решением, т.к. речь идет о событиях русской истории, с которыми иностранный читатель мало знаком.

3. Функция ИС.

ИС *Мстислав*, *Батый*, *Ермолов*, *Цицианов*, *Котляревский* как имена исторических лиц выполняют функцию создания исторического колорита. Кроме того, ИС *Мстислав*, *Батый* – имена, связанные с древнерусской, а ИС *Ермолов*, *Цицианов*, *Котляревский* – с современной А. С. Пушкину русской историей. Поэтому они выполняют и функцию создания национального колорита. Частично это можно передать в ближайших контекстах, что переводчики и проделали. Однако создание комментария к данным ИС позволяет указать необходимую для понимания перевода информацию, а комментирующий перевод, как мы увидим в дальнейшем, широко применяется по отношению к именам исторических лиц.

3.2.3. Имена посвящения, эпиграфа и примечаний

1. Особенности формы.

Ни в одном из анализируемых нами переводов «Кавказского пленника» нет полностью переведенных пушкинских примечаний. Переводы А. Ашарина [Puschkin 1877], А. Вульферта [Puschkin 1823a], М. Каудзите [Puškins 1937], К. Айзпурса [Puškins 1950] вообще не содержат пушкинских примечаний. В остальных переводах примечания

переданы избирательно, и, следовательно, содержащиеся в примечаниях антропонимы переданы не все.

В изданиях Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II], Г. Рааба [Puschkin 1999] и Ю. Ванагса [Puškins 1968 III] переведено пушкинское примечание к имени *Мстислав*, которое упоминается и в поэтической части, а это примечание содержит еще и ИС *Владимир* (*Удалый*) и *Редедя*, поэтому эти ИС имеют эквиваленты в указанных переводах:

- нем. *Mstislaw, Wladimir* / лтш. *Mstislavs, Vladimirs*,
- *Rededej* [Puschkin 1949 II], *Rededja* [Puschkin 1999], *Redeġa* [Puškins 1968 III],
- *Удалый* - *Pārgalvīgais* [Puškins 1968 III].

В переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] неверно восстановлена начальная форма ИС *Редедя* (у А. С. Пушкина это ИС использовано в винительном падеже – *Редедю*). Форма *Redeġa*, используемая в переводе Ю. Ванагса [Puškins 1968 III], передает фонетический облик ИС *Редедя*, но использование в данном случае графемы *ġ* не соответствует норме передачи русских имен и фамилий, согласно которой буквосочетания *согласный* (кроме *л, н*) + *я* передаются в латышском языке как *согласный* + *ja* [Par vārdu un uzvārdu... 1999: 59].

Прозвище *Удалый* передано только в издании Ю. Ванагса [Puškins 1968 III] при помощи собственно перевода:

pārgalvīgs – ‘tads, kas rīkojas pādroši, neievērojot iespējamās nevēlamās sekas, tads, kas ir pādroši draisks, jautrs’ [LLVV 1972 VI 1: 330] – лихой, удалой.

Кроме того, в издании Г. Рааба [Puschkin 1999] и Ю. Ванагса [Puškins 1968 III] переведено еще одно пушкинское примечание, содержащее два ИС – *Бакунин* и *Цицианов*, которые переданы ономастическими соответствиями: нем. *Bakunin, Zizianov*, лтш. *Bakuņins, Cicianovs*. О смягчении согласных *п, ц* (в данном случае – в ИС *Bakuņins*) в латышском языке было сказано в связи с ИС *Алеко*.

Что касается прозаических послесловий к «Бахчисарайскому фонтану», то в переводах Р. Липперта [Puschkin 1840], Ф. Селги [Puškins 1937] их нет, в издании Г. Рааба [Puschkin 1999] есть перевод лишь одного прозаического фрагмента, а полностью переведены оба фрагмента и переданы содержащиеся в них антропонимы лишь в издании Ю. Ванагса [Puškins 1968 III] и переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854]. Приведем эквиваленты антропонимов в переводах примечаний «Бахчисарайского фонтана»:

А. С. Пушкин	[Puškins 1968 III]	[Puschkin 1999]	[Puschkin 1854]
И. М. Муравьев-Апостол	<i>I. Muravjovs- Apostols</i>	<i>I. M. Murawjow – Apostol</i>	<i>Murawiew – Apostol</i>
Селамид-Гирей	<i>Selamids Girejs</i>	<i>Selamid-Girej</i>	<i>Selamid-Giréi-Chan</i>

<i>Гаджи Селим-Гирей</i>	<i>Hadži Selims Girejs</i>	<i>Hadschi-Selim-Girej</i>	<i>Hadschi-Selim-Giréi-Chan</i>
<i>Керим-Гирей</i>	<i>Kerims Girejs</i>	<i>Kerim-Girej</i>	<i>Kerim-Giréi</i>
<i>Гирей</i>	<i>Gireji</i>	<i>Girej</i>	<i>Giréi</i>
<i>Екатерина II</i>	<i>Jekaterina II</i>	<i>Katharina II</i>	<i>Katharina</i>
<i>Анакреон</i>	<i>Anakreons</i>	<i>Anakreon</i>	<i>Anakreon</i>
<i>Семирамида</i>	<i>Semiramida</i>	<i>Semiramis</i>	<i>Semiramis</i>
<i>Менгли</i>	<i>Mengli</i>	<i>Mengli</i>	<i>Mengli</i>
<i>Заира</i>	<i>Zaira</i>	<i>Zaire</i>	<i>Zaire</i>
<i>Керим</i>	<i>Kerims</i>	<i>Kerim</i>	<i>Kerim</i>
<i>Потоцкая</i>	<i>Potocka</i>	<i>Potocka</i>	<i>Potocka</i>
<i>Потоцкие</i>	<i>Potocki</i>	<i>Potocki</i>	<i>Die Familie Potocka</i>
<i>Митридат</i>	<i>Mitridāts</i>	-	<i>Mithridat</i>
<i>Диана</i>	<i>Diāna</i>	-	<i>Diana</i>
<i>М.</i>	<i>M.</i>	-	<i>Murawiew</i>
<i>К***</i>	<i>K.</i>	-	<i>K***</i>
<i>N.N.</i>	<i>N.N.</i>	-	<i>N.N.</i>

Мы видим, что переводчики используют ономастические эквиваленты для передачи ИС примечаний. ИС *Гирей* передается в переводах примечаний так же, как и в основном тексте. Для передачи имени царицы *Екатерины II* и ИС *Семирамида* в немецких переводах использованы традиционные соответствия: *Katharina* [Brockhaus 1986 XI: 538], *Semiramis* [Brockhaus 1986 XX: 118]. Форма *Jekaterina* в латышском переводе является ономастическим соответствием, тогда как традиционное соответствие для имени императрицы - *Katrīna II* [Levāne 2000]. Латышский эквивалент ИС *Semiramīda* в современном написании передается со знаком долготы [Mihailova 2001].

С точки зрения современной нормы ИС *Муравьев* передано в переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] неточно, это объясняется ранним временем создания перевода (ср. издание Г. Рааба [Puschkin 1999], где ономастический эквивалент соответствует норме). Кроме того, в переводе Ф. Боденштедта использован уточняющий перевод: *М.* передано как *Murawiew*, ИС *Селамид-Гирей* как *Selamid-Giréi-Chan*, *Гаджи Селим-Гирей* как *Hadschi-Selim-Giréi-Chan* (с уточняющим компонентом *Chan*). Отсутствие некоторых ИС в переводе примечаний, помещенных в издании Г. Рааба, объясняется тем, что там помещен лишь один прозаический фрагмент из двух.

К данной группе относятся и ИС из посвящения к «Кавказскому пленнику» (Н.Н. Раевский) и из эпитафии к «Бахчисарайскому фонтану» (Сади). Сравним их эквиваленты:

Пушкин А. С.	А. Вульф- ферт [Puschkin 1823]	А. Ашарин [Puschkin 1877]	Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]	М. Ремане [Puschkin 1999]	К. Айзпурс [Puškins 1950 II]	М. Каудзите [Puškins 1937]	Б. Саулитис [Puškins 1968 III]
Н. Н. Раев- ский	N.N. Ra- jevsky	-	Nikolaj Ni- kolaje- witsch Ra- jewskij	Nikolaj Ni- kolaje- witsch Ra- jewski	N.N. Ra- jevskis	N.N. Ra- jevskis	N.N. Rajev- skis

А. С. Пушкин	М. Ремане [Puschkin 1999]	Ф. Боденштедт [Puschkin 1854]	Р. Липперт [Puschkin 1840]	В. Белшевица [Puškins 1968 III]	Ф. Селга [Puškins 1937]
<i>Caди</i>	<i>Sadi</i>	-	-	<i>Sāadi</i>	<i>Sadi</i>

В переводе А. Ашарина [Puschkin 1877] нет посвящения *Н. Н. Раевскому*, а в переводах Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] и Р. Липперта [Puschkin 1840] нет эпиграфа, поэтому в названных переводах отсутствуют и ИС *Caди*, *Н. Н. Раевский*. При передаче фамилии *Раевский* обнаруживаются те же особенности, что и при передаче ИС *Котляревский*, рассмотренные выше. В качестве эквивалента ИС *Caди* в немецком языке используются варианты *Saadi*, *Sadi* [Brockhaus 1986 XIX: 13]. В латышском языке написание тоже варьируется: кроме указанных *Sāadi*, *Sadi*, можно встретить также написание *Sādi*, которое приведено, например, в комментарии к переводу поэмы в издании Ю. Ванагса [Puškins 1968 III: 622].

2. Семантика ИС.

В. В. Виноградов указывал в качестве одной из характеристик стиля А. С. Пушкина «многообразие, множественность «субъектных» оболочек речи», которое выражается «не только в смене говорящих лиц или собеседников, но и в одновременном сплетении разных точек зрения, в смешении основного стиля изложения с «чужой речью» [Виноградов 1941: 93]. Ю. М. Лотман говорит о «спонтанном диалогизме» южных поэм, благодаря наличию «рядом со стихотворным определенным прозаическим текстом ..., посвященного той же теме и дающего другую точку зрения на тот же объект» [2000: 230]. Далее Ю. М. Лотман отмечает, что «обыкновенное читательское восприятие не учитывает этого прозаического окружения, воспринимая в качестве «текста» лишь стихотворную часть пушкинских поэм. Однако сам автор, видимо, рассчитывал на соотношение в читательском сознании этих двух частей публикуемого им текста» [там же]. Переводчики южных поэм А. С. Пушкина на немецкий и латышский языки не учитывают этого прозаического окружения в полной мере и обращаются с пушкинскими примечаниями весьма вольно, т.к. не передают всех пушкинских примечаний.

ИС, участвующие в «спонтанном диалогизме» можно разделить на несколько групп.

В «Кавказском пленнике» это:

1) имя друга А. С. Пушкина *Н. Н. Раевского* – с семейством Раевских А. С. Пушкин побывал в 1820 году на Кавказе [Томашевский 1977: 413].

2) имена героев, отличившихся на Кавказе – *Бакунин, Цицианов*, ср.:

смерть наших героев: Бакунина и Цицианова [IV: 103].

3) имена, названные А. С. Пушкиным в связи с уже существовавшими изображениями Кавказа в русской поэзии – *Державин, Zubов, Жуковский, Воейков*, ср.:

Державин в превосходной своей оде графу Zubову первый изобразил ... дикie картины Кавказа [IV: 103],

Жуковский, в своем послании к г-ну Воейкову, также посвятил несколько прелестных стихов описанию Кавказа [IV: 104],

Zубов Платон Александрович (1767 – 1822) - последний фаворит императрицы *Екатерины II* [БРБС],

Воейков Александр Федорович (1778 – 1839) - сатирик и журналист. Учился в Московском университете, Благородном пансионе, где и начал свою литературную деятельность. Был дружен с *Жуковским* [БРБС],

Державин и Жуковский – имена знаменитых русских поэтов, творчество которых имело важное значение для А. С. Пушкина.

4) имена, связанные с древнерусской историей – *Мстислав, Владимир (Удалый), Редедя*.

В поэме «Бахчисарайский фонтан» можно выделить следующие группы ИС:

1) имя персидского поэта *Саади* (у А. С. Пушкина – *Сади*), цитата из поэмы которого стала эпиграфом к «Бахчисарайскому фонтану» [Томашевский 1977: 418],

2) ИС *Муравьев-Апостол*. А. С. Пушкин присовокупил к тексту поэмы выписку из книги *И. М. Муравьева-Апостола* «Путешествие по Тавриде» [Томашевский 1977: 418],

3) ИС, использованные в выписке из книги *И. М. Муравьева-Апостола* «Путешествие по Тавриде»:

а) имена крымских ханов: *Гирей: Селамид-Гирей, Гаджи Селим-Гирей, Менгли, Керим-Гирей (Керим)*. А. С. Пушкин назвал своего героя родовым именем всех крымских ханов [Томашевский 1977: 418].

б) *Мария Потоцкая* - имя легендарной христианки, пленницы *Крым-Гирея*, взятой в плен во время похода в Польшу [Томашевский 1977: 418].

в) имя русской императрицы *Екатерины II*.

г) *Семирамида*. В приведенном отрывке «Путешествие по Тавриде» владения Гиреев сравниваются с висячими садами *Семирамиды*. ИС *Семирамида* – грецизированная форма

имени ассирийской царицы *Шаммурат*. Ей приписывалось сооружение замечательных памятников архитектуры, в том числе знаменитых висячих садов (одно из 7 чудес света) [ИМС 2001: 283].

д) имена, использованные в переносном значении:

Анакреон, ср.: ... *цветничок, где мирт и розы могли некогда внушать песни татарскому Анакреону* [IV: 148].

Анакреон - виднейший представитель древнегреческой лирики VI и начала V в. до н.э., родом из малоазиатского города Теоса. Всю жизнь был верен эпикурейским настроениям [ЛЭ 1929-1939 I: 117]. В данном контексте ИС использовано в значении 'поэт'.

Заира – героиня одноименной трагедии Вольтера 1732 года [ЛЭ 1929-1939 II: 297]. *Заира* в драме Вольтера – невольница султана. В приведенном отрывке «Путешествие по Тавриде» прекрасная грузинка, жена хана *Керим-Гирея*, именуется «новая *Заира*» [IV: 149].

4) ИС, использованные во втором прозаическом фрагменте – «Отрывке из письма»:

а) *Митридат*. Это ИС использовано в названии гробницы, ср.:

Я тотчас отправился на так называемую Митридадову гробницу (развалины какой-то башни) [IV: 149].

б) *Диана* – имя античной богини [ИМС 2001: 116], ср.:

Тут же видел я баснословные развалины храма Дианы [IV: 150].

в) ИС – инициалы: *М.*, *К***, *N. N.*

При сопоставлении с первым прозаическим отрывком становится понятно, что *М.* – это *Муравьев-Апостол*, ср.:

Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М., я о нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался [IV: 150].

*К*** именуется некая дама, рассказавшая автору письма о фонтане слез, а *N. N.* – некто, сопровождавший автора письма при осмотре развалин гарема [см.: IV: 150].

3. Функция ИС.

ИС этой группы участвуют в «спонтанном диалогизме», который является одной из характеристик стиля А. С. Пушкина. В большинстве из рассмотренных переводов прозаические фрагменты не воспринимались переводчиками как часть художественного целого. Поэтому переводчики могли передавать лишь часть пушкинских комментариев или не передавать их совсем. Наиболее полно и точно пушкинские комментарии отражены в переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854], в изданиях Г. Рааба [Puschkin 1999] и Ю. Ванагса [Puškins 1968]. В последних двух есть и комментарии издателей, содержащие необходимую для понимания текста информацию, в том числе и

комментарии ко многим ИС из пушкинских примечаний. Именно в этих изданиях участие ИС в «спонтанном диалогизме» отражено наиболее полно.

Антропонимикон романтических поэм А. С. Пушкина образуют имена главных и второстепенных персонажей (*Алеко, Земфира, Мариула, Гирей, Мария, Зарема*), упоминаемые ИС и ИС посвящения, эпиграфа и примечаний.

Ономастическое соответствие – самый частотный способ передачи антропонимов романтических поэм в переводах, но передача ИС при помощи ономастических соответствий, которые используют переводчики, не всегда последовательна. Это может объясняться временем создания перевода, когда еще не оформились правила передачи ИС в переводе (А. Вульферт, М. Каудзите) или даже переводческой ошибкой (*Batija* в переводе А. Ашарина). Вторым по частотности является комментирующий перевод, который активно используется А. Вульфертом [Puschkin 1823a] и в издании Г. Рааба, где помещен перевод М. Ремане [Puschkin 1999].

Для ИС центральных персонажей романтических поэм характерна установка на экзотику и звукоимитацию, поэтому особую значимость приобретает передача в переводе звуковой оболочки имени: сохранение ударения в ИС – *Aļēko, Zemfīra, Mariūla* [Puškins 1937], участие ИС в рифмах – *Girēja – nedrīkstēja, Girēju – neiespēju* [Puškins 1937]. Переводчики обращают внимание на функцию акцентуации, которую выполняет ИС в оригинале (например, *Мариула*), и стараются передать ее в переводе.

Упоминаемые ИС требуют особого внимания переводчика к их семантике, к той фоновой информации, которая за ними стоит. Поэтому наиболее удачно здесь создание комментария, как это сделано в изданиях Г. Рааба [Puschkin 1999] и Ю. Ванагса [Puškins 1968]. Одни лишь ономастические соответствия ИС *Котляревский, Цицианов, Ермолов* (имен, которые знакомы сегодня далеко не каждому русскому читателю, и он тоже вынужден обращаться к комментарию) не раскрывают в полной мере политического содержания эпилога «Кавказского пленника», которое, по словам Б. В. Томашевского, соответствовало подлинным взглядам Пушкина, посетившего Кавказ [Томашевский 1990 II: 36]. ИС покорителей Кавказа, имена, связанные с древнерусской историей (*Мстислав, Батый*) участвуют в создании исторического и национального колорита. Имя друга Пушкина *Н. Н. Раевского*, имя персидского поэта *Саади*, ИС примечаний являются частью художественного целого и должны быть отражены в переводе.

ИС романтических поэм А. С. Пушкина выполняют следующие функции:

1. Акцентуация (*Гирей, Мариула, Зарема*),
2. Характеристика персонажа (*Гирей, Алеко, Зарема*),

3. Создание культурных ассоциаций (*Мария*),

4. Локальная характеристика:

- создание восточного колорита (*Гирей*),

- создание «экзотического» локального колорита (*Алеко, Земфира, Мариула, Гирей, Зарема*),

- создание русского национального колорита (*Мстислав, Ермолов*),

5. Исторический колорит (*Мстислав, Батый, Ермолов, Цицианов*),

6. Диалогизм (ИС примечаний).

Особая роль фонетической стороны ИС главных и второстепенных персонажей в тексте и, следовательно, функция акцентуации ИС передана в большинстве переводов. Наиболее удачные примеры передачи функции характеристики и создания восточного колорита мы отметили в переводе Ф. Селги [Puškins 1937] и В. Белшевицы [Puškins 1968 III].

Библейские ассоциации, связанные с ИС *Мария*, являются общехристианскими и не вызывают трудностей у переводчиков. ИС, выполняющие функцию создания исторического и русского национального колорита, нуждаются, на наш взгляд, в комментариях, для того, чтобы эта их функция была полностью воспринята читателем перевода. Функция «спонтанного диалогизма» ИС примечаний в некоторых переводах не реализуется, т.к. в них не переданы сами примечания.

4. Антропонимы в поэме «Граф Нулин» и в текстах переводов

4.1. Общая характеристика антропонимикона

Антропонимикон поэмы «Граф Нулин» обширен, его образуют 25 антропонимических единиц, которые могут быть распределены по трем группам:

- 1) ИС главных героев (*Наташа / Наталья Павловна, Нулин*) и ИС *Лукреция Тарквиний*, употребленные в переносном значении для номинации главных героев;
- 2) Имена соседей и слуг (*Параша, Филька, Васька, Пикар / Picard, Лидин*);
- 3) ИС, связанные с темой французской моды (*Гизот, Вальтер-Скотт, Беранжер, Россини, Пер, Тальма, Марс, Потье / Potier, d'Arlincourt, Ламартин*).
Главный герой поэмы возвращается из Франции, его гардероб, литературные и музыкальные пристрастия определяет французская мода. ИС *Фальбала, Элиза, Арман* примыкают к этой группе имен, но они характеризуют уже не героя поэмы, а героиню – *Наталью Павловну*.

4.2. Передача антропонимов в переводах

Ниже мы рассмотрим передачу названных антропонимов в следующих переводах:

- немецкие переводы: Р. Липперта [Puschkin 1840], Р. Липперта в обработке А. Лютера [Puschkin 1950 II], Ф. Боденштедта [Puschkin 1854], В. Грегера [Puschkin 1999];
- латышский перевод В. Кайякса [Puškins 1968 III].

4.2.1. Имена главных персонажей

Нулин.

1. Особенности формы.

Для передачи ИС *Нулин* переводчики используют ономастические соответствия: нем. *Nulin*, лтш. *Nulins*. В переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854], благодаря рифме *umzuziehn - Nulin* (см. далее), фамилия *Nulin* читается с ударением на втором слоге [nulin] и, таким образом, звучит на французский манер. Это, однако, не вносит противоречий с подлинником, где в речи графа *Нулина*, только что вернувшегося из чужих краев и бранящего Россию, встречаются французские выражения, ср.: *C'est bien mauvais, ça fait pitié; le grand Potier* [IV: 173]. Столкновение в имени *Nulin* русского и французского актуализирует языковые коннотации иноязычности и иронию, связанную в пушкинском тексте с образом главного героя.

2. Семантика ИС.

В фамилии главного персонажа, графа *Нулина*, отчетливо выделяется внутренняя форма 'нуль'. Слово *нуль / ноль* в русском языке имеет переносное значение 'о

незначительном, ничтожном, незначительном, человеке` [МАС 1999 II: 507]. В этом же значении зафиксировано единственное употребление слова *нуль* в языке А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» [СЯП 2000 II: 939]. Актуализацию данного значения в поэме

А. С. Пушкина можно наблюдать в следующем контексте:

Сказать ли вам, кто он таков ?

Граф Нулин из чужих краев,

Где промотал он в вихре моды

Свои грядущие доходы.

Себя казать, как чудный зверь,

В Петрополь едет он теперь... [IV: 173].

Немецкое слово *Null* тоже имеет значение 'нуль, ничтожество' [HPC 1993: 638], ср.: *Null* - umg. abwertend 'unfähiger Mensch, Versager' [DWDS]. Созвучно также и лтш. *nulle* 'ноль': *nulle* – 4. sar. 'tas cilvēks, kas ir neievērojams, nenozīmīgs' [LLVV 1972 V: 767].

Поэтому ономастическое соответствие *Nulin / Nuļins*, используемое переводчиками, будет актуализировать те же смыслы:

Ihr fragt, wer sein Gebieter sei?..

Graf Nulin, unter fremdem Himmel

Zu Hause, - jetzt zurückgekehrt,

Weil er im Modeweltgetümmel

Die künft'gen Revenü 'n verzehrt... [Puschkin 1840: 146-147]

Graf Nulin, unter fremdem Himmel

Hat er im Modeweltgetümmel

Die künftigen Revenü 'n verzehrt,

Weshalb er jetzt zurückgekehrt.

Ein Wundertier, beschließter stracks,

Das Staunen Peterburgs zu wecken... [Puschkin 1950 II: 44]

Der Fremde eilt, sich umzuziehn:

Darf ich Euch im Vertrauen sagen,

Wer dieser Herr ist? Graf Nulin,

Der jetzt aus fremden Landen kehrt,

Wo er sein Hab und Gut verzehrt... [Puschkin 1854: 214-215]

Soll ich verraten, wie er hieß ?

*Graf Nulin, kommend aus Paris,
 Wo er verprasst hat sonder Mühen
 All seine künft'gen Revenuen.
 Sich zeigen will der Kavalier
 In Petersburg als Wundertier. [Puschkin 1999: 200]*

*Vai viesā vārdu minēt ļauts ?
 Grāfs Nuļins. Viņš patlaban brauc
 No svešām zemēm, kur ar baudu
 Ir šķiedis senču krāto naudu,
 Uz Petropoli, kur to drīz
 Kā retu zvēru apskatīs [Puškina 1968 III: 247].*

На семантику ИС *Нулин* распространяется в тексте оригинала значение нарицательного *граф*, благодаря частотному употреблению в сочетании *граф Нулин*. Все переводчики, как видно из приводимых контекстов, сохраняют аналогичное словосочетание: нем. *Graf Nulin*, лтш. *grāfs Nuļins*. Слово *граф* и его эквиваленты в немецком и латышском языке имеют сходное значение:

граф – ‘дворянский титул в Западной Европе и дореволюционной России (средний между князем и бароном), а также лицо, носящее этот титул’. (Нем. *Graf*) [MAC 1999 I: 344], *Graf, der* – ‘Adelstitel zwischen Fürst und Freiherr’ [DWDS], *grāfs* – ‘mantojams aristokrātijas tituls’; ‘persona, kam ir šāds tituls’ [LLVV 1972 III: 121].

Поэтому сходное значение распространяется и на ИС *Nulin, Nuļins* в переводах.

3. Функция ИС.

ИС *Нулин* называет главного героя поэмы. Внутренняя форма ИС актуализируется в тексте, поэтому ИС выполняет функцию характеристики персонажа. Данная функция легко передается в переводах, т.к. слова *нуль / Null / nulle* в русском, немецком и латышском языках близки по форме и содержанию. В переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] фамилия *Nulin* читается с ударением на втором слоге и звучит на французский манер. Таким образом, ИС *Nulin* выполняет в его переводе дополнительную функцию – создание коннотации иноязычности, что, как было показано, не противоречит тексту оригинала.

Наталья Павловна, Наташа.

1. Особенности формы.

Для именования героини А. С. Пушкин использует две разные формы: имя + отчество и краткую форму имени (*Наталья Павловна, Наташа*). Обращение по имени и отчеству – вежливая форма, подчеркивающая уважение и дистанцию между собеседниками. Форма *Наташа* – краткая форма имени *Наталья* – возможна как обращение к хорошо знакомому, близкому человеку (см. главу 1, §1.2.1.). Переводчики осознают необходимость сохранения разных форм имени героини, но от формы имя + отчество в некоторых контекстах отказываются. Сравним эквиваленты, использованные в переводах:

А. С. Пушкин	<i>Наталья Павловна</i>	<i>Наташа</i>
Р. Липперт [Puschkin 1840]	<i>Natalia Paulowna,</i> <i>Natalia</i>	<i>Natasch</i>
Р. Липперт в обработке А. Лютера [Puschkin 1950 II]	<i>Natalja Fjodorowna</i>	<i>Natascha</i>
Ф. Боденштедт [Puschkin 1854]	<i>Katharina</i>	<i>Katte</i>
В. Греггер [Puschkin 1999]	<i>Natalja Pawlowna</i>	<i>Natascha</i>
В. Кайякс [Puškins 1968 III]	<i>Natalja Pavlovna,</i> <i>Natalja</i>	<i>Nataša</i>

Все переводчики, кроме Ф. Боденштедта [Puschkin 1854], сохраняют форму имя + отчество хотя бы в первоначальном контексте (почему это происходит, будет показано при анализе семантики ИС). Но затем Р. Липперт [Puschkin 1840] и В. Кайякс [Puškins 1968 III] отказываются от этой формы и используют полную форму имени: *Natalia* (нем.), *Natalja* (лтш.). Это связано с тем, что ни для латышской, ни для немецкой антропонимической системы не характерна форма имя + отчество, но обеим системам свойственно противопоставление полной и краткой формы личного имени (см. главу 1).

Обращает на себя внимание ономастическое соответствие для отчества *Павловна* в переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] – *Paulowna*, которое образовано не от русского имени *Павел*, а от немецкого *Paul*. А. Лютера, сделавшего обработку перевода Р. Липперта [Puschkin 1950 II], видимо, не удовлетворял такой вариант отчества. Его решение – замена отчества (*Natalja Fjodorowna*) – вероятно, обусловлено чисто ритмическими соображениями (*Fjodorowna* на один слог длиннее). Хотя, как мы видим в переводе В. Греггера [Puschkin 1999], сохранить нужный ритм можно и без замены отчества.

Ф. Боденштедт [Puschkin 1854] использует преобразующий перевод – *Katharina / Katte*. *Katharina* – имя, входящее в немецкий именник. Форма *Katte* в тексте воспринимается как

краткая форма от *Katharina*, ср.: *Kate*, *Kathe* – краткие формы от *Katharina* [Александрова и др. 2000: 118]. Но в данном случае отступление от оригинала получается слишком велико: отказ от имени оригинала, отказ от формы имя + отчество, использование имени, входящего в немецкий именник, для именованья русской помещицы. Ономастические соответствия, использованные В. Грегеном [Puschkin 1999]: *Natascha*, *Natalja Pawlowna* и В. Кайяксом [Puškins 1968 III]: *Nataša*, *Natalja Pavlovna* мы расцениваем как более удачное решение.

2. Семантика ИС.

ИС *Наталя* происходит от лат. *natalis* – ‘родной’ [Петровский 1995: 216]. Имя героини поэмы имеет многочисленные смысловые связи в пушкинском творческом мире. В раннем творчестве А. С. Пушкина ИС *Наташа* / *Наталя* ассоциировалось с национально-простонародной стилистической сферой, (ср. стихотворения «К Наталье», 1813; «К Наташе», 1814) [Гаспаров 1999: 263]. Традиционно-русская коннотация этого ИС подкрепляется и литературным источником – повестью Н. М. Карамзина «Наталя боярская дочь» [там же]. Во второй половине творчества А. С. Пушкина развиваются и другие ассоциации ИС *Наталя*. Это связь между именами *Мария* и *Наталя*. В поэме «Полтава» (1828-1829) главную героиню первоначально звали *Наталя*, затем это имя было заменено именем *Мария*. Связь между этими именами проявляется и в сонете «Мадонна» (1830), который А. С. Пушкин адресует своей невесте Наталье Гончаровой [Гаспаров 1999: 265].

Данная информация об ИС *Наталя* является фоновой, она может быть включена в комментарий к тексту поэмы не только в переводах, но и в оригинале. Значение ИС, эксплицированное в самом тексте, – это значение двух форм имени, использованных в поэме – *Наташа* (обращение к близкому человеку) и *Наталя Павловна* (вежливая форма). Значения этих форм актуализируются и в самом тексте:

Муж просто звал ее Наташа,
Но мы – мы будем называть
Наталя Павловна [IV: 171].

В данном контексте номинация имя + отчество акцентирована, поэтому переводчики стараются ее передать, хотя в других контекстах вместо номинации имя + отчество могут использовать полную форму имени:

1) *Муж просто звал ее Наташа*
Но мы – мы будем называть
Наталя Павловна. [IV: 171]

Natasch nur nannte Sie ihr Gatte;
Natalia Paulowna wir... [Puschkin 1840: 144]

...ihr Mann
Nannte Natascha sie, wir wagen
Das nicht und nennen sie fortan
Natalja Pawlowna... [Puschkin 1999: 198]

Natascha nannte sie der Gatte,
Natalja Fjodorowna wir. [Puschkin 1950 II: 41]

...Ihr Gatte
Rief sie vertraulich kurzweg Katte,
Doch Katharina war ihr Name [Puschkin 1854: 211]

Vīrs sievu par Natašu saukā,
Bet mēs – mēs viņu godāsim:
Natalja Pavlovna... [Puškins 1968 III: 244]

2) *Дверь отворилась, входит граф;*
Наталья Павловна, привстав,
Осведомляется учтиво ... [IV: 173]

- *Der Graf! – Natalia geschwind*
Steht auf. [Puschkin 1840: 147]

3) *Наталья Павловна встает:*
«Пора, прощайте! Ждут постели» [IV: 174]

Natalja Fjodorowna stand
Erschrocken auf: "Ei, wir vergessen
Der Betten!" [Puschkin 1950 II: 47]

„Ich wünsche angenehme Ruh!“
So sprechend Katharina stand

Vom Sopha auf. [Puschkin 1854: 218]

4) Наталья Павловна спешит

Взбить пышный локон ... [IV: 172]

Natalja Pawlowna (sie muß

Die Locken bauschen, sich noch schmücken... [Puschkin 1999: 200]

Nataljai šis tas jāpaveic:

Tā apmet šalli, kārtu sprogas [Puškins 1968 III: 246].

3. Функция ИС.

Данное ИС выполняет функцию создания русского национального колорита и функцию создания литературных ассоциаций (как с произведением Н. М. Карамзина, так и с ранними пушкинскими стихами). Обе эти функции могут быть переданы в переводах только при помощи комментария, чего мы не находим в анализируемых переводах. Функция вежливой формы, которую выполняет номинация *Наталья Павловна*, и функция обращения к близкому человеку, реализуемая формой *Наташа*, отображаются в переводах использованием двух разных форм одного имени. Однако номинация имя + отчество как номинация, типичная для русского, но не для латышского и немецкого языка, используется не во всех переводах и не во всех контекстах, содержащих эту форму в оригинале.

Тарквиний, Лукреция.

1. Особенности формы.

Для передачи данных ИС в переводах использованы традиционные ономастические соответствия:

А. С. Пушкин	<i>Тарквиний</i>	<i>Лукреция</i>
Р. Липперт [Puschkin 1840]	<i>Tarquin, Tarquinius</i>	<i>Lukrezia</i>
Р. Липперт в обработке А. Лютера [Puschkin 1950 II]	<i>Tarquin</i>	<i>Lukrezia</i>
Ф. Боденштедт [Puschkin 1854]	<i>Tarquinius</i>	<i>Lucrezia</i>
В. Грегг [Puschkin 1999]	<i>Tarquinius</i>	<i>Lucretia</i>
В. Кайякс [Puškins 1968 III]	<i>Tarkvīnijs</i>	<i>Lukrēcija</i>

Данные ИС связаны с римской легендой (см. далее в разделе семантики), поэтому в языках перевода существуют традиционные эквиваленты для них. ИС *Lukrēcija*

зафиксировано в словаре латышских личных имен [Siliņš 1990: 221]. В немецком языке формы *Tarquinius* [Brockhaus 1986 XXI: 637] и *Lucretia* [Александрова 2000: 131] являются наиболее точными соответствиями для имен героев римской легенды. Форма *Lukrezia* появляется в результате адаптации имени к графико-фонетической системе немецкого языка, где *z* читается как [с]. Форма *Lukrezien*, которую мы увидим далее в переводных контекстах, является формой косвенных падежей, в первой половине XIX века еще существовавшей в немецком языке (см. главу 1). Форма *Tarquin* как более короткая по сравнению с традиционным эквивалентом *Tarquinius* появляется в переводах Р. Липперта [Puschkin 1840] и Р. Липперта в обработке А. Лютера [Puschkin 1950 II] для сохранения стихотворного ритма, а в приводимых далее контекстах еще и для рифмы со словом *ihn*.

2. Семантика ИС.

Лукреция и *Тарквиний* – это антропонимы, использованные в переносном значении, по отношению к главным героям поэмы – графу *Нулину* и *Наталье Павловне*.

Они служат средством образной характеристики:

К Лукреции Тарквиний новый

Отправился, на все готовый. [IV: 176]

So zu Lucretia zieht ein neuer

Tarquinius auf Abenteuer. [Puschkin 1999: 204]

Doch süßer Lohn erwartet ihn...

Sieh, zu Lukrezien wandelt wieder,

Gefäßt auf alles, ein Tarquin! [Puschkin 1950 II: 50]

...Tarquinius, der Neue, schleicht

Entschlossen durch die Finsternis,

Bis er Lucrezia erreicht. [Puschkin 1854: 222]

Doch süßer Lohn erwartet ihn...

Lukrezien besuchte wieder,

Gefäßt auf Alles, ein Tarquin! [Puschkin 1840: 151]

Bet soļoja grāfs steidzīgi –

Kā Tarkvīnijs pie Lukrēcijas... [Puškina 1968 III: 251].

Тарквиний – ‘имя сына последнего царя древнего Рима (6 век до н. э.), обесчестившего жену своего родственника *Лукрецию* (что послужило поводом к его изгнанию, уничтожению царской власти и установлению республики)’ [СЯП 2000 IV: 499],

Лукреция – ‘имя знатной римлянки, по преданию, обесчещенной царем Тарквинием Гордым, примененное Пушкиным к героине поэмы «Граф Нулин»’ [СЯП 2000 II: 538].

А. С. Пушкин после прочтения поэмы В. Шекспира на данный римский сюжет решил его пародировать, превратив свою пародию в картину помещичьего русского быта. Первоначально поэма А. С. Пушкина называлась «Новый Тарквиний» [Томашевский 1977: 421]. Имена *Тарквиний* и *Лукреция* как имена персонажей древнеримской легенды изначально маркируются как высокие. Но у А. С. Пушкина это «*Тарквиний новый*», который крадется в спальню хозяйки как «*лукавый кот*» и получает пощечину. Столкновение высокого и низкого рождает иронию в тексте.

Культура античности является общей базой для всех европейских культур, поэтому сравнение *Тарквиния* с «*лукавым котом*» будет восприниматься как снижение образа и читателями переводов. Но издатели переводов Г. Рааб [Puschkin 1999], В. Нойштадт [Puschkin 1950] и Ю. Ванагс [Puškins 1968] называют имена *Тарквиний* и *Лукреция* еще и в комментариях к поэме, потому что, как мы указали, эти имена важны для истории создания текста.

3. Функция ИС.

ИС *Тарквиний* и *Лукреция*, использованные в переносном значении, называют главных героев поэмы. Они выполняют функцию создания литературных (В. Шекспир) и культурных (античность) ассоциаций, а также участвуют в создании иронии. Названные функции реализуются во всех переводах, т.к. культура античности является общей базой для всех европейских культур.

4.2.2. Имена соседей и слуг

Параша.

1. Особенности формы.

Параша – краткая форма имени *Прасковья* [Петровский 1995: 244]. В немецких переводах Ф. Боденштедта [Puschkin 1854], Р. Липперта в обработке А. Лютера [Puschkin 1950 II] и в латышском переводе В. Кайякса [Puškins 1968 III] использовано ономастическое соответствие – нем. *Parascha*, лтш. *Paraša*. В переводе В. Грегера [Puschkin 1999], кроме ономастического соответствия *Parascha*, один раз использована форма *Paraschenka*, что является ономастическим соответствием для русской

экспрессивной формы на –еньк-: *Парашенька*. Р. Липперт [Puschkin 1840] использует преобразующий перевод – ИС *Rosette*.

2. Семантика ИС.

ИС *Параша* – краткая форма ИС *Прасковья*, которое маркировано стилистически и социально как простонародное [Верещагин, Костомаров 1990: 57]. В поэме ИС *Параша* – номинация служанки *Натальи Павловны*:

*Наталья Павловна раздевается;
Стоит Параша перед ней.
Друзья мои! Параша эта
Наперсница ее затей...* [IV: 174-175]

*Natalja Pawlowna, entkleidet,
Empfängt Paraschenkas Bericht,
An dem sie sich verstohlen weidet.* [Puschkin 1999: 202]

*Die Herrin ist bereits entkleidet,
Vor ihr pflanzt sich Parascha hin,
Vertaute der Gebieterin
Und von der Dienerschaft beneidet...* [Puschkin 1950 II: 48]

*Die Herrin ist bereits entkleidet,
Vor ihr pflanzt sich Rosette hin,
Vertaute der Gebieterin
Und von der Dienerschaft beneidet...* [Puschkin 1840: 149]

*Entkleidet steht sie schon am Bette,
Und neben ihr die Kammerfrau:
Parascha, diese Dienerin
Ist ganz nach ihrer Herrin Sinn...* [Puschkin 1854: 219]

*Tērps novilkts, gulta vaļā klāta;
Paraša kundzi gulēt liek.
Nevienu mirkli mājas māte
Bez šīs Parašas neiztiek...* [Puškins 1968 III: 249].

В переводах ближайшие контексты, в которые включено ИС *Параша*, содержат указание на то, что *Параша* – служанка, благодаря словам:

Dienerschaft, die - veraltend 'Gesamtheit der Diener, alle Diener' [DWDS] – слуги,

Kammerfrau, die - veralt. 'Frau, die als Zofe einer Fürstin, hochgestellten weiblichen Persönlichkeit dient' [DWDS] – горничная, служанка,

Dienerin, die - 1. 'jemand, der in abhängiger Stellung gegen Lohn, Gehalt Dienst tut a) bei einer Privatperson als Hausangestellter' [DWDS] – служанка.

В некоторых переводах созначение ИС *Параша* – 'служанка' передается, благодаря слову *госпожа*, использованному по отношению к *Наталье Павловне*:

Herrin, die от *Herr, der* - 3. 'jemand, der anderen zu befehlen hat, der über jemanden, etwas Gewalt hat, Gebieter' [DWDS] – госпожа,

kundze – 'saimniece, darba devēja' [LLVV 1972 IV: 487] - госпожа.

В пушкинском тексте *Параша* названа *наперсницей*. *Наперсница* – от *наперсник* - устар. 'Друг и доверенное лицо, которому поверяют сокровенные мысли и тайны' [МАС 1999 II: 378]. Это значение передается в переводах при помощи слов:

Vertraute, die от *vertraut* - 1. 'eng befreundet, vertraulich, intim' [DWDS] – доверенный, близкий,

nach ihrer Herrin Sinn (по нраву госпоже), где *Sinn, der* - 4. 'Wesens-, Denkungsart' [DWDS] – нрав,

neiztikl - противоположное *iztikl* – 'dzīvot, pastāvēt', 'spēt pārtikt' [LLVV 1972 III: 711] - обходиться.

В языковом сознании А. С. Пушкина ИС *Параша* имеет дополнительные ассоциации. Для А. С. Пушкина ИС *Параша* созвучно ИС *Наташа*, но с развитием иного, высокого ореола, окружившего образ *Наташи*, *Параша* заменяло собой имя *Наташа* в «бытовом амплуа» [Гаспаров 1999: 265]. Впоследствии ИС *Параша* будет использовано в таком «бытовом» значении и в других текстах - в «Домике в Коломне» и «Медном всаднике». В свете сказанного использование преобразующего перевода, т.е. замены ИС *Параша* на *Rosette* в переводе Р. Липперта [Puschkin 1840], является серьезным отступлением от оригинала.

3. Функция ИС.

ИС *Параша* называет второстепенного персонажа поэмы. Это краткая форма ИС *Прасковья*, выполняющая функцию обращения к близкому человеку. В переводах эта функция утрачивается, т.к. читатели переводов не обладают фоновой информацией о соотношении форм *Прасковья* – *Параша*, и эту информацию следовало бы поместить в комментарии. Использование в переводе В. Грегера [Puschkin 1999] экспрессивной формы

Paraschenka не нарушает, на наш взгляд, замысла оригинала, т.к. значение, заложенное в такой форме, как его формулирует А. Вежбицкая: ‘я испытываю какие-то хорошие чувства, говоря с тобой’ [1997: 136], указывает на особое расположение автора к этой героине (потому что форма *Paraschenka* используется в авторской речи). Это вполне согласуется с описанным выше авторским отношением к ИС *Параша*. Однако экспрессивность этого имени остается не понятной для читателя перевода, т.к. форма *Paraschenka*, ее отношение к *Parascha* и наличие при этом полной формы имени в русском языке переводчиком не комментируется. Не реализуется в переводах по тем же причинам и функция стилистической и социальной характеристики имени. ИС *Параша* – имя, входящее в русский именник, поэтому замена его на ИС *Rosette* приводит к тому, что имя начинает выполнять функцию коннотаций иноязычности, которая в оригинале с этим именем не связана.

Филька, Васька.

1. Особенности формы.

Филька, Васька - экспрессивные формы имен *Филипп, Василий*. Сравним эквиваленты этих имен в переводах:

А. С. Пушкин	<i>Филька</i>	<i>Васька</i>
Р. Липперт [Puschkin 1840]	<i>Burschen</i>	<i>Burschen</i>
Р. Липперт в обработке А. Лютера [Puschkin 1950 II]	<i>Burschen</i>	<i>Burschen</i>
Ф. Боденштедт [Puschkin 1854]	<i>Philipp</i>	<i>Wassily</i>
В. Греггер [Puschkin 1999]	<i>Wlas</i>	<i>Peter</i>
В. Кайякс [Puškins 1968 III]	<i>Fiļka</i>	<i>Vasjka</i>

Ономастические соответствия экспрессивных форм использованы в переводе В. Кайякса [Puškins 1968 III]. В переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] мы видим ономастические соответствия полных форм ИС. В. Греггер [Puschkin 1999] использует преобразующий перевод, заменяя имена оригинала другими. В переводах Р. Липперта [Puschkin 1840], а также в обработке его перевода, выполненной А. Лютером [Puschkin 1950 II], используется описательный перевод: переводчики опускают ИС, заменяя их нарицательным словом *Burschen* – ‘слуги’ (подробнее о значении см. далее).

2. Семантика ИС.

Филипп и *Василий* – имена, входящие в русские именник [Петровский 1995: 85; 299]. Экспрессивные формы имен на *-ка* (*Филька, Васька*) в данном случае подчеркивают, что это обращение именно к слугам. Обе формы имеют в данном контексте значение

антиуважения, или подробнее – значение ‘я не хочу показать, что я испытываю по отношению к тебе какие-то хорошие чувства’ [Вежицкая 1997: 148]. Сравним контексты с данными ИС в оригинале и переводах:

... *Филька! Васька!*

Кто там? Скорей!... [IV: 172]

Philipp! Wassily! vorwärts, munter! [Puschkin 1854: 213]

...*He, Burschen! Beide –*

Geschwind... [Puschkin 1840: 146]

...*He, Burschen! Beide –*

Geschwind... [Puschkin 1950 II: 43]

... “*Wlas! Peter! Jenen Wagen,*

Schnell holt ihn in den Hof herein!“ [Puschkin 1999: 199]

... “*Ei, Fiļka, Vasjka!*

Tur pajūgs, redzat?” [Puškins 1968 III: 246].

Использование полных форм тех же имен (*Philipp, Wassily*) или полных форм других имен (*Wlas, Peter*) является отступлением от оригинала, т.к. значение антиуважения утрачивается. В первоначальном переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] и в более поздней обработке этого перевода, сделанной А. Лютером [Puschkin 1950 II], применен описательный перевод - используется слово *Burschen, die* – множественное число от *Bursche, der* – veraltend ‘Diener, der einem anderen für persönliche Dienstleistungen zur Verfügung steht’ [DWDs] – слуга. Такую замену можно расценивать в данном контексте как адекватную, т.к. ИС *Филька, Васька* – это упоминаемые имена. Они не называют героев поэмы и используются лишь единожды. ИС *Wlas, Peter*, использованные В. Греггером [Puschkin 1999], выбраны переводчиком, возможно, как более короткие по форме, чем ИС *Филипп, Василий*. ИС *Peter* входит в немецкий именник [Александрова 2000: 158]. Немецкое ИС *Peter* – традиционный вариант имени общеевропейского происхождения, которое в русском языке имеет форму *Петр*. Использование немецкого варианта данного имени в переводе нарушает стилистику поэмы, действие которой разворачивается в России, в поместье *Натальи Павловны* и ее мужа, слуги которых носят традиционные русские имена: *Прасковья, Филипп, Василий*.

3. Функция ИС.

ИС *Филька* и *Васька* используются в речи героини поэмы и выполняют функцию обращения к слугам, благодаря значению антиуважения, присущему экспрессивным формам личных имен на *-ка* в русском языке. Информация об этом является фоновой, поэтому в переводах данная функция не реализуется в полной мере. Ономастические соответствия *Filka*, *Vasjka* в латышском переводе не дают читателю перевода информации об экспрессивности форм. Эта информация могла бы быть помещена в переводческом комментарии. Полные формы личных имен в немецких переводах тоже не содержат значения антиуважения. На наш взгляд, описательный перевод с использованием слова *Burschen* наилучшим образом соответствует оригиналу, т.к. содержит значение 'слуга', важное для реализации функции данных ИС.

Имена слуг – *Филька*, *Васька* и *Параши* – выполняют вместе, кроме того, функцию локальной характеристики, т.к., наряду с другими лексическими средствами поэмы, создают колорит русского поместья. Реализации этой функции препятствует использование ИС *Peter* как немецкого варианта личного имени общеевропейского происхождения.

Пикар, Picard.

1. Особенности формы.

ИС *Пикар* / *Picard* приводится в тексте поэмы как по-русски (*Пикар*), так и по-французски (*Picard*). Две формы этого имени: и французскую (*Picard*), и ономастическое соответствие для русской формы этого имени в латышском языке (*Pikārs*) использует В. Кайякс [Puškins 1968 III], остальные переводчики используют только французскую форму имени (*Picard*), как она представлена в тексте оригинала.

2. Семантика ИС.

ИС *Пикар* / *Picard* – это имя слуги-француза, который приехал вместе с графом Нулиным, только что прибывшим из Франции. В одном из ближайших контекстов это ИС используется в словосочетании *monsieur Picard* [IV: 175]. Аналогичное словосочетание – *monsieur Picard* – сохраняют В. Грегер [Puschkin 1999: 203], Ф. Боденштедт [Puschkin 1854: 220], В. Кайякс [Puškins 1968 III: 250]. В переводе Р. Липперта [Puschkin 1840: 150] и в более поздней обработке этого перевода, сделанной А. Лютером [Puschkin 1950 II: 49], используется только само ИС *Picard* во французском написании. Значение, распространяющееся на это ИС и в оригинале, и в переводах, благодаря французскому написанию и ближайшему контексту, – 'француз'.

3. Функция ИС.

ИС *Пикар* / *Picard* называет второстепенного персонажа поэмы. Благодаря французскому написанию и использованию в контексте со словом *monsieur*, это ИС выполняет функцию создания коннотаций иноязычности. Кроме того, имя слуги участвует в создании характеристики своего хозяина – главного героя поэмы, графа *Нулина*, подчеркивая его пристрастие ко всему французскому.

Лидин.

1. Особенности формы.

Для передачи ИС *Лидин* в большинстве переводов используются ономастические соответствия:

А. С. Пушкин	<i>Лидин</i>
Р. Липперт [Puschkin 1840]	<i>Lidin</i>
Р. Липперт в обработке А. Лютера [Puschkin 1950 II]	<i>Lidin Michail</i>
Ф. Боденштедт [Puschkin 1854]	<i>Ein nachbarlicher Gutsherr</i>
В. Гререр [Puschkin 1999]	<i>Lidin</i>
В. Кайякс [Puškins 1968 III]	<i>Lidins</i>

Описательный перевод использует Ф. Боденштедт [Puschkin 1854], употребив словосочетание *Ein nachbarlicher Gutsherr* – ‘соседский помещик’ (о значении подробнее см. далее). Вариант *Lidin Michail*, предложенный в переводе Р. Липперта в обработке А. Лютера [Puschkin 1950 II], когда переводчик вводит отсутствующее в оригинале личное имя *Michail* рядом с фамилией эпизодического лица, появляется исключительно для рифмы со словом *gefiel*, как будет видно далее из приводимого контекста.

2. Семантика ИС.

ИС *Лидин* – имя соседа *Натальи Павловны* – появляется уже в самом конце поэмы:

Но кто же более всего

С Натальей Павловной смеялся? ...

Смеялся Лидин, их сосед,

Помещик двадцати трех лет [IV: 179]

Ein nachbarlicher Gutsherr machte

Zum bösen Spiele gute Miene,

Ein Mann von drei und zwanzig Jahren,

Er war es, der am meisten lachte ... [Puschkin 1854: 227]

*Ihr Nachbar Lidin lacht mit ihr,
Ein Edelmann von zwanzig Jahren* [Puschkin 1840:155]

*Es lachte Nachbar Lidin – war
Ein Herr von dreiundzwanzig Jahr.* [Puschkin 1999: 207]

*...Ein anderer Lacher fand sich,
Dem gar zu gut der Spaß gefiel:
Ihr Nachbar, Lidin Michail,
Ein junger Mann von dreiundzwanzig.* [Puschkin 1950 II: 56]

*Bet tas, kurš smējās kundzei līdz,
Bij kaimiņš Lidins, muižnieks glīts.* [Puškina 1968 III: 255].

Благодаря ближайшему контексту на это ИС распространяются значения ‘сосед’, ‘помещик’, ‘молодой’, что сохраняется и в ближайших контекстах переводов при помощи слов:

Gutsherr, der – veraltend [DWDS] – помещик, от *Gut* – ‘Wohn- und Wirtschaftsgebäude umfassender, mit Landwirtschaft verbundener Grundbesitz’ [DWDS] – поместье,

Nachbar, der – ‘jemand, der (unmittelbar) neben jemandem wohnt, innerhalb einer Reihe neben jemandem sitzt, steht’ [DWDS] – сосед,

Edelmann, der - hist. ‘Adliger’ [DWDS] – дворянин,

kaimiņš – ‘cilvēks, kas dzīvo blakus vai netālu (mājā, dzīvoklī, istabā u tml.)’ [LLVV 1972 IV: 83] – сосед,

muižnieks – ‘zemes īpašnieks, kam pieder muiža; persona, kas pieder pie muižniecības’ [LLVV 1972 V: 284] – помещик.

3. Функция ИС.

ИС *Лидин* является упоминаемым именем и выполняет в тексте поэмы функцию намека. Единственное упоминание этого ИС в конце поэмы разрушает создавшуюся иллюзию гармонии брачного союза *Натальи Павловны* и ее мужа. Эта функция реализуется в переводах, создающих контексты, аналогичные оригинальному. ИС *Лидин* выполняет также функцию условного имени (как ИС *Дорида*, *Дельфира* в «*Руслане и Людмиле*»), т.к. в значении ‘сосед’, ‘молодой помещик’ могла быть использована и какая-либо другая фамилия. Важно, однако, что это обычная в русском языке фамилия, образованная от личного имени при помощи форманта *-ин* (см. о фамилиях в русском языке в главе 1). Поэтому ИС *Лидин*, вместе с именами помещицы *Натальи Павловны* и ее

слуг, участвует в создании колорита русского поместья, т.е. в локальной характеристике. Функция условного имени и функция локальной характеристики не реализуются в переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854], т.к. он использует описательный перевод, опуская ИС.

4.2.3. ИС, связанные с темой французской моды

1. Особенности формы.

Большинство ИС этой группы переданы в переводах при помощи ономастических соответствий:

А.С. Пушкин	Р. Липперт [Puschkin 1840]	Р. Липперт + А. Лютер [Pusch- kin 1950 II]	Ф. Боденштедт [Puschkin 1854]	В. Грегер [Puschkin 1999]	В. Кайякса [Puškins 1968 III]
Гизот	<i>Guizot</i>	<i>Guizot</i>	<i>Guizot</i>	<i>Guizot</i>	<i>Gizots</i>
Вальтер- Скотт	<i>Walter Scott</i>	<i>Walter Scott</i>	<i>Walter Scott</i>	<i>Walter Scott</i>	<i>Skots</i>
Беранжер	<i>Beranger</i>	<i>Beranger</i>	<i>Beranger</i>	<i>Béranger</i>	<i>Beranzērs</i>
Россини	<i>Rossini</i>	<i>Rossini</i>	<i>Rossini</i>	<i>Rossini</i>	<i>Rosīni</i>
Пер	<i>Auber</i>	<i>Paer</i>	<i>Paer</i>	<i>Paër</i>	<i>Pers</i>
Тальма	<i>Talma</i>	<i>Talma</i>	<i>Talma</i>	<i>Talma</i>	<i>Talma</i>
Марс	<i>die Mars</i>	<i>die Mars</i>	<i>die Mars</i>	<i>Mars</i>	<i>Marsa</i>
Потье / Potier	<i>Potier</i>	<i>Pothier</i>	<i>Potier</i>	<i>Potier</i>	<i>Potier</i>
<i>d'Arlincourt</i>	<i>Arlincourt</i>	<i>d'Arlincourt</i>	<i>d'Arlincourt</i>	<i>d'Arlincourt</i>	<i>d'Arlincourt</i>
Ламартин	<i>Lamartine</i>	<i>Lamartine</i>	<i>Lamartine</i>	<i>Lamartine</i>	<i>Lamartin</i>
Фальбала	- см. далее	<i>Margueritte</i>	<i>Falbala</i>	<i>Falballat</i>	<i>Falbalā</i>
Элиза	<i>Herrmann</i>	<i>Herrmann</i>	<i>Elisa</i>	<i>Elly</i>	<i>Elīza</i>
Арман	<i>Amande</i>	<i>Amande</i>	<i>Armand</i>	<i>Meran</i>	<i>Armāns</i>

Обращает на себя внимание, что отдельные ИС написаны в тексте оригинала по-французски (*d'Arlincourt*, *Potier*). ИС демонстрируют «смешение языков» [Щерба 1974: 69], когда индивид, говоря на одном языке, черпает из словаря другого нужные ему слова, что характерно для речи графа Нулина. Такое написание данных ИС сохраняется и в переводах, за счет чего передается и особенность речи главного героя. В переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] ИС *Arlincourt* передается без частицы *d'*, а в переводе Р. Липперта в обработке А. Лютера [Puschkin 1950 II] ИС *Pothier* пишется через *h*. Последнее можно объяснить тем, что написание *th* характерно для целого ряда личных имен в немецком языке (*Thomas*, *Matthias*, *Günther* и др.), но в современном языке оно

постепенно уступает место написанию без *h* [Kunze 2003: 173]. В немецких переводах и другие иностранные фамилии записываются по орфографии языка-источника, что соответствует нормам правописания в немецком языке [Duden. Rechtschreibung 1996: 51]: *Guizot, Walter Scott, Beranger / Béranger, Rossini, Lamartine, Talma, Mars, Paer*. Написание *Paër* В. Грегера [Puschkin 1999] использует, по всей видимости, для того чтобы читатель перевода не расценивал *ae* в ИС как обозначение для *ä* в немецком языке. *Béranger* – точное написание фамилии французского поэта (подробнее о значении – см. далее).

Р. Липперт [Puschkin 1840] использует для передачи некоторых ИС преобразующий перевод: вместо ИС *Пер* употребляет имя другого композитора – *Auber*, вместо ИС *Элиза, Арман* – *Herrmann, Amande*. Последние два ИС сохраняются и в более поздней обработке перевода Р. Липперта, сделанной А. Лютером [Puschkin 1950 II]. В. Грегера [Puschkin 1999] тоже использует преобразующий перевод для передачи ИС *Элиза, Арман* – *Elly, Meran*.

Для передачи ИС *Фальбала* Р. Липперт [Puschkin 1840] использует описательный перевод – «пансион для девушек» (см. контекст с данным ИС в разборе семантики) и опускает ИС. Такое решение не устроило А. Лютера [Puschkin 1950 II], перерабатывавшего этот перевод. Его решение – преобразующий перевод: *Фальбала* становится *Margueritte*. Ф. Боденштедт [Puschkin 1854] и В. Грегера [Puschkin 1999] используют ономастические соответствия, причем в издании Г. Рааба, где помещен перевод В. Грегера, указывается, что *Falballat* – вымышленное имя [Raab 1999: 384]. Но В. Грегера стилизует это ИС под французское (согласный на конце фамилии во французском языке не произносится: ср. рус. *Дидро* – фр. *Diderot*), хотя в данном случае французское слово *falbala*, от которого образовано ИС (см. семантику), не имеет на конце согласного. В переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] ИС *Фальбала* становится мужским именем, благодаря согласованию по мужскому роду *Falbala's, eines Emigranten*, что является переводческой ошибкой.

В трех немецких переводах ИС комической актрисы *Марс* (см. семантику) используется с артиклем - *die Mars*. Исследователи немецкой антропонимии отмечают, что антропонимы, употребленные с определенным артиклем, служат целям эмоциональной оценки [Комарова 1979: 30].

В переводе В. Кайякса [Puškins 1968 III] ономастические соответствия создаются к ИС, употребленных в пушкинском тексте, а не к их аналогам в языке-источнике. Поэтому ономастические соответствия таких ИС, как *Гизот, Беранжер* строятся в латышском переводе по принципу транслитерации – *Gizots, Beranzērs*, приобретая при этом окончание существительного. ИС *Гизот, Беранжер* в пушкинском тексте созданы по принципу транслитерации от французских *Guizot, Béranger*, последний согласный в которых не

читается. В данном случае использование транслитерации в пушкинском тексте – отражение традиции своего времени. Д. И. Ермолович [2001: 18] отмечает, что в русской переводческой практике XVIII-XIX веков транслитерация применялась довольно часто, тогда как сегодня в переводах на русский язык транслитерация в чистом виде не применяется. При передаче ИС *Вальтер-Скотт* в латышском переводе создается ономастическое соответствие только для фамилии, а личное имя для сохранения стихотворного размера опускается (см. контекст далее). В соответствии с нормой правописания заимствованных имен и фамилий в латышском языке ИС *Skots, Pers, Beranzērs, Gizots, Armāns, Marsa* получают окончания существительных. В этом же ряду должно было оказаться ИС *Ламартин*, но оно передано в переводе без окончания – *Lamartin*. Возможно, переводчик хотел использовать для этого ИС французское написание, что соответствует общей стилистике текста, но по-французски это ИС пишется несколько иначе – *Lamartine*.

2. Семантика ИС.

Гизот, Вальтер-Скотт, Беранжер, Россини, Пер, Тальма, Марс, Потье / Potier, d'Arlincourt, Ламартин.

«Перечисление имен», которое является демонстрацией парижских мод, как их представляет граф Нулин, характеризует главного героя и его (современную автору) эпоху:

1) *В Петрополь едет он теперь...
С ужасной книжкой Гизота,
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скотта,
С bons-mots парижского двора,
С последней песней Беранжера,
С мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera [IV: 173]*

*Ein ernstes Werk von Herrn Guizot,
Einen Roman von Walter Scott;
Karrikaturen voller Spott;
Dazu die neuesten bons mots
Vom Hofe zu Paris; Motive
Rossini's, Paer's und anderer Meister,
Von Beranger ein neues Lied... [Puschkin 1854: 215]*

...Guizot's unendlich dicken Büchern,
 Zwei Hefen voll Karikaturen,
 - Dem Tummelplatze gift'gen Spotts –
 Dem neusten Werke Walter Scott's,
 Mit Impromptü's vom Königshofe,
 Und mit Motiven von Auber,
 Rossini, wie der letzten Strophe
 Von Beranger – und Anderm mehr... [Puschkin 1840: 147]

...Guizot's unendlich dicken Büchern,
 Zwei Hefen voll Karikaturen,
 - Dem Tummelplatze giftigen Spotts –
 Dem neusten Werke Walter Scotts,
 Mit Impromptü's vom Königshofe,
 Und mit Motiven von Paer,
 Rossini, wie der letzten Strophe
 Von Beranger – und anderm mehr... [Puschkin 1950 II: 45]

...mit Guizots
 Sehr schlimmem Buche, einem letzten
 Romane Walter Scotts, Bonmots,
 Die am Pariser Hof ergötzen,
 Mit Weisen von Rossini, Paër,
 Dem neusten Lied aus Frankreichs Fluren –
 Von Béranger, Karikaturen
 Und andrem mehr und andrem mehr. [Puschkin 1999: 200]

Gizota sējums nejēdzīgs
 Un Skota romāns līdzīviņam,
 Bons-mots, kas franču galmam tīk,
 Un šaržu krājums burtnīciņā.
 Vēl saglabājis atmiņā
 Grāfs Beranzēra vārsmas bija,
 Rosīni, Pera melodijas,
 Et cetera, et cetera. [Puškins 1968 III: 247]

2) *Тальма совсем оглох, слабеет,
И мамзель Марс, увы! стареет.
Замо Потье, le grand Potier!... [IV: 174]*

*Talma ist taub, spielt unerträglich,
Und auch die Mars wird älter täglich.
Aber Potier, le grand Potier!.. [Puschkin 1854: 216]*

*Talma ist gänzlich taub und schwach...
Die Mars wird täglich älter... Ach!
Doch Pothier ... ah le grand Pothier!.. [Puschkin 1840: 148]*

*Talma ist gänzlich taub und schwach...
Die Mars wird täglich älter... Ach!
Jedoch Potier ... le grand Potier! [Puschkin 1950 II: 46]*

*Talma ist taub, wird immer kälter,
Und Mamsell Mars, o weh! Wird älter.
Jedoch Potier ... le grand Potier! [Puschkin 1999: 201]*

*Kurls Talma –lomas nav pa plecām,
Un Marsa jaunkundze kļūst veca...
Bet toties viņš – le grand Potier! [Puškins 1968 III: 248]*

3) *-Какой писатель нынче в моде?
-Все d'Arlincourt и Ламартин [IV: 174]*

*Wer wird am meisten jetzt gelesen?
Graf d'Arlincourt und Lamartine [Puschkin 1854: 217]*

*Wer von auteurs ist jetzt in Mode?
Nur d'Arlincourt und Lamartine [Puschkin 1950 II: 46]*

*Wer von auteurs ist in der Mode?
Stets Arlincourt und Lamartine [Puschkin 1840: 148]*

„Und wer ist der modernste Dichter?“

„Oh, Lamartine und d'Arlincourt.“ [Puschkin 1999: 201]

„Kāds rakstnieks ārzemēs ir modē?“ -

„Nu - d'Arlincourt un Lamartin.“ [Puškins 1968 III: 248].

ИС этой группы являются единичными антропонимами, они называют известных писателей, композиторов, актеров и используются в тексте в своем прямом значении. В переводных текстах, в случае использования ономастического соответствия, их семантика сохраняется.

Историк *Гизо* (1787 -1874) – у А. С. Пушкина *Гизот* – выступал в качестве публициста, доказывая историческую оправданность революции и обреченность абсолютистского режима [Томашевский 1977: 421]. *Беранже* (1780 -1857) – у А. С. Пушкина *Беранжер* – автор популярнейших песен, выступавший с оппозиционными куплетами, направленными против правительства Бурбонов [там же]. *Россини* (1792-1868), *Пер* (1771-1838) – итальянские композиторы, жившие какое-то время во Франции, где пользовались огромным успехом [там же]. Р. Липперт [Puschkin 1840] использует преобразующий перевод для ИС *Пер*, употребляя имя другого композитора – *Даниеля Франсуа Обера* (1782 – 1871) - *Auber*, сыгравшего значительную роль в развитии французской комической оперы [Кругосвет 2005], что обусловлено, как нам представляется, исключительно стихотворной заданностью (в ИС *Auber* два слога).

ИС *Тальма* и *Потье* – имена знаменитых французских актеров [Томашевский 1977: 421]. ИС *Потье* используется в поэме А. С. Пушкина также во французском написании и в окружении французской лексики - *le grand Potier*, что важно для характеристики главного героя, только что вернувшегося из Франции. Аналогичное словосочетание, участвующее в характеристике графа *Нулина*, сохраняют все переводчики поэмы.

ИС *Марс* – имя комической актрисы, продолжавшей выступать в ролях молодых героинь, несмотря на 46-летний возраст [там же]. В пушкинском тексте это ИС употреблено в словосочетании *мамзель Марс*. В современном русском языке слово *мамзель* обладает экспрессией, ср.:

мамзель - Прост., устар. 1. ‘То же, что мадемуазель’; 2. Пренебр. ‘Женщина, принадлежащая к театральной богеме или женщина легкого поведения’ [МАС 1999 II: 224]. Поэтому ИС с определенным артиклем *die Mars* в трех немецких переводах появляется в результате желания переводчиков отразить экспрессию. Однако в языке А. С. Пушкина слово *мамзель* не является экспрессивным: *мамзель* – ‘девица, барышня (при фамилии незамужней женщины-иностранки)’ [СЯП 2000 II: 566].

В переводе В. Грегера [Puschkin 1999] ИС *Mars* используется в словосочетании *Mamsell Mars*, где:

Mamsell – franz., veralt. ‘Anrede für eine unverheiratete weibliche Person’ – мадемуазель, что наиболее точно соответствует слову *мамзель* в языке А. С. Пушкина.

В переводе В. Кайякса [Puškins 1968 III] ИС *Marsa* употребляется в словосочетании *Marsa jaunkundze*, где:

jaunkundze – ‘neprecējusies (parasti jauna) sieviete’ [LLVV 1972 IV: 36] – барышня.

Такое употребление также является нейтральным.

Дарленкур (*d’Arlincourt*) и *Ламартин* – имена французских писателей. *Дарленкур* (1789-1856) – автор приключенческих романов в духе романов Радклиф, бывших в большой моде [Томашевский 1977: 422]. *Ламартин* (1790-1869) – известный поэт-романтик [там же].

Вальтер Скотт (1771-1832) – английский писатель, родом шотландец, автор знаменитых исторических романов «Айвенго», «Квентин Дорвард» и др. [ЛЭ 1929-1939 X: 841].

Несмотря на то, что все названные ИС являются единичными антропонимами, восприятие их семантики будет различным как для читателя оригинала, так и для читателя перевода.

Если ИС *Россини*, *Вальтер Скотт* – имена, известные достаточно широко, то такие ИС, как *Потье* или *Марс*, были известны в пушкинскую эпоху. Современному читателю поэмы, как в оригинале, так и в переводе, необходим комментарий к данным ИС. В изданиях Г. Рааба [Puschkin 1999] и Ю. Ванарса [Puškins 1968 III], где помещены соответственно переводы В. Грегера и В. Кайякса, содержится комментарий ко всем ИС этой группы, за исключением ИС *Вальтер-Скотт*, что можно расценивать положительно, т.к. без комментария многие из этих ИС современному читателю неясны.

Фальбала.

Имя хозяйки пансиона, в котором была воспитана героиня, *Фальбала*, как отмечает Б. М. Гаспаров, – «говорящее» имя, ИС с живой внутренней формой, от франц. *falbala* – ‘отделка, банты’ [Гаспаров 1999: 264]. Сравним контексты с этим ИС в переводах:

...в благородном пансионе

У эмигрантки *Фальбала* [IV: 171]

...In der hochadligen Pension

Falbala's, eines Emigranten [Puschkin 1854: 211]

Nach ächt französisch gutem Ton

In einer Fräuleinpension [Puschkin 1840: 144]

Vielmehr im Töchterpensionate

Der Emigrantin Margueritte [Puschkin 1950 II: 41]

Im Adelsinstitut erzogen

Der Emigrantin Falballat [Puschkin 1999: 198]

Kur dižciltīgo bērni mācās,-

Pie emigrantes Falbalā [Puškina 1968 III: 244].

Описательный перевод Р. Липперта [Puschkin 1840], не использующего ИС, не нарушает, на наш взгляд, замысла оригинала, т.к. *Фальбала* – упоминаемое ИС, называющее эмигрантку-француженку, имевшую пансион для девушек. Значение ‘француженка’, заложенное имплицитно в ИС *Фальбала*, эксплицируется в переводе Р. Липперта [Puschkin 1840], благодаря слову *französisch* – ‘французский’ [НПС 1993: 331].

ИС *Margueritte*, которое использовал в качестве эквивалента ИС *Фальбала* А. Лютер [Puschkin 1950 II], перерабатывавший перевод Р. Липперта, включено с пометой французское в словарь немецких личных имен [Александрова и др. 2000: 136]. Поэтому такое ИС тоже передает значение ‘француженка’.

В. Кайякс [Puškina 1968 III], Ф. Боденштедт [Puschkin 1854] и В. Греггер [Puschkin 1999] используют ономастические соответствия, поэтому значение ‘француженка’ передается в их переводах, как и в оригинале, имплицитно. Но в переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] ИС *Фальбала* становится мужским именем (см. выше), что является переводческой ошибкой.

Элиза, Арман.

ИС *Элиза* и *Арман* – это имена из заголовка романа, который читала *Наталья Павловна*:

Любовь Элизы и Армана,

Иль Переписка двух семей [IV: 171]

Hielt sie ein Buch, den vierten Band

Der alten, rührenden Geschichte

Elisa's und Armand's... [Puschkin 1854: 211]

*Und blättert in dem vierten Bande
Des Buches – «Herrmann und Amande,
In Briefen zweier Häuser»... [Puschkin 1840: 144]*

*Und blättert in dem vierten Bande
Des Buches – «Herrmann und Amande,
In Briefen zweier Häuser»... [Puschkin 1950 II: 41]*

*...Des überschwänglichen Romans
„Die Liebe Ellys und Merans“
Unheimlich dickes viertes Bändchen,
„In Briefen“. [Puschkin 1999: 198]*

*Armāna un Elīzas mīla
Jeb divu dzimtu vēstules. [Puškins 1968 III: 245].*

«Любовь Элизы и Армана, или переписка двух семей» - это заголовок, стилизованный под заголовки сентиментальных романов XVIII века, на что указывает и Г. Рааб в комментарии к поэме [Raab 1999: 384], в том же комментарии он приводит и буквальный перевод заголовка. Ономастические соответствия для ИС *Элиза* и *Арман* используют только В. Кайякс [Puškins 1968 III] и Ф. Боденштедт [Puschkin 1854]. Переводчики осознают, что этот заголовок – лишь стилизация, а потому выбор имен может быть достаточно произволен, и используют преобразующий перевод. Выбор ИС *Herrmann*, *Amande* в переводах обусловлен и тем, что данные ИС входят в немецкий именник: *Amanda* [Александрова 2000: 28], *Herrmann* [Александрова 2000: 98], причем *Armand* является французским вариантом ИС *Herrmann* [там же]. Замена французских имен немецкими нарушает, на наш взгляд, стилистику текста, заданную оригиналом, т.к. данные ИС являются отражением вкуса героини, которая читает французский роман и интересуется французской модой.

ИС *Elly*, как и ИС *Elisa*, является краткой формой ИС *Elisabeth* [Александрова 2000: 64-65], что тоже может служить объяснением выбора такого эквивалента.

3. Функция ИС.

ИС данной группы являются упоминаемыми ИС. Перечисление ИС французских или модных во Франции актеров, писателей и композиторов служит характеристикой главного героя графа *Нулина*, только что приехавшего из Франции и бранящего Россию и все русское. Эти ИС служат также характеристикой вкусов читающей и театральной публики

пушкинских времен. Сохранение аналогичного перечисления ИС в переводах позволяет передать и характеристику графа Нулина. Три других ИС данной группы – *Фальбала*, *Элиза*, *Арман* – важны для характеристики героини поэмы *Натальи Павловны*, которая тоже стремится следовать французской моде. То, что данные три ИС претерпевают большие изменения в переводах, можно объяснить тем, что пристрастие ко всему французскому – это основная черта героя, а не героини. Возможно, поэтому переводчики не старались сохранить значение ‘французский’ по отношению к *Наталье Павловне*.

Некоторые ИС данной группы написаны в пушкинском тексте по-французски, что создает коннотацию иноязычности и является дополнительным компонентом характеристики главного персонажа. Французское написание ИС используют и переводчики, в том числе и для некоторых ИС, написанных у А. С. Пушкина по-русски. Это, вместе с появляющимся в немецком переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] и его позднейшей обработке А. Лютера [Puschkin 1950 II] французским словом *auteurs*, вместо *писатели*, еще усиливает коннотацию иноязычности, выраженную в оригинале.

Антропонимикон поэмы «Граф Нулин» образуют 25 антропонимических единиц, которые могут быть распределены по трем группам: ИС главных героев; имена второстепенных персонажей, которые в данном тексте являются именами соседей и слуг; ИС, связанные с темой французской моды.

Наиболее распространенный способ передачи ИС поэмы «Граф Нулин» в переводах – это использование ономастических соответствий, как при передаче ИС главных и второстепенных персонажей, так и при передаче ИС, связанных с французской модой. Для передачи последних в немецких переводах используется написание имен на языке-источнике. ИС *Тарквиний* и *Лукреция* как имена древнеримской легенды имеют в языках перевода традиционные соответствия, которые и были использованы переводчиками. Описательный перевод, который применяют Р. Липперт [Puschkin 1840] и А. Лютер [Puschkin 1950 II] для передачи ИС слуг (*Филька*, *Васька* – *Burschen*), Р. Липперт для ИС *Фальбала*, является, на наш взгляд удачным, т.к. не нарушает замысла оригинала. Преобразующий перевод, использованный Ф. Боденштедтом [Puschkin 1854] для передачи ИС главной героини (*Наталья Павловна* – *Katharina*), Р. Липперт [Puschkin 1840] для передачи ИС второстепенного персонажа (*Параши* – *Rosette*), Р. Липперт [Puschkin 1840] и А. Лютер [Puschkin 1950 II] для передачи ИС *Элиза* и *Арман* (*Herrmann*, *Amande*) представляется менее удачным, т.к. не реализует функцию создания русского национального колорита (для ИС *Rosette*, *Katharina*) или утрачивает значение ‘французский’ (*Herrmann*, *Amande*), важное для стилистики оригинала.

При переводе «Графа Нулина» переводчики сталкиваются с проблемой передачи обычных русских имен, их различных форм и дериватов (*Наталья Павловна* – *Наташа*; *Филька*, *Васька*), которую возможно разрешить, найдя разные эквиваленты для передачи различных форм (*Natascha* – *Natalja Pawlowna* – *Natalja*; *Nataša* – *Natalja Pavlovna*). Использование вежливой формы имя + отчество, экспрессивных форм личных имен вызывает сложности при восприятии текста читателем перевода. Поэтому необходимым, на наш взгляд, является переводческий комментарий, содержащий информацию о значении различных форм ИС.

При передаче семантики ИС важно, что ИС главных и второстепенных персонажей – это обычные для русского именника ИС, которые репрезентируют в поэме русский помещичий быт, показанный в сатирическом ключе. В самом начале поэмы появляются слова «презренная проза»:

В последних числах сентября

(Презренной прозой говоря)

В деревне скучно: грязь, ненастье... [IV: 170].

Можно сказать, что именно эстетика «презренной прозы» и определяет поэтику «Графа Нулина» и находит свое непосредственное выражение в антропонимах главных и второстепенных персонажей поэмы, что частично утрачивается в тех переводах, в которых типичная для русского языка форма обращения имя + отчество используется непоследовательно, где русское ИС заменяется французским (*Параши* – *Rosette*), где в обращении к слугам использована не экспрессивная, а полная форма ИС (*Филька*, *Васька* – *Philipp*, *Wassily*).

В связи с установкой на «презренную прозу» даже имена из римской легенды – *Тарквиний* и *Лукреция* – переосмысляются в поэме в «низком» ключе, что без особых трудностей передается в переводах, т.к. античные ИС в языках перевода осмысляются так же, как и в оригинале.

ИС, связанные с темой французской моды, передают в тексте оригинала значение 'французский', что передается в переводах, благодаря французскому написанию ИС.

Антропонимы «Графа Нулина» выполняют в тексте поэмы различные функции:

1. Характеристика персонажа:

- ИС характеризует носителя имени (*Нулин*),

- ИС характеризует другого персонажа (ИС французских актеров и писателей служат характеристикой графа *Нулина*),

2. Локально-временная характеристика:

- характеристика места действия и создание русского национального колорита

(*Наталья Павловна, Филька, Васька, Параша*)

- создание колорита пушкинской эпохи (*Вальтер-Скотт, Беранжер, Россини* и др.),

3. Создание литературных и культурных ассоциаций (*Лукреция, Тарквиний, Наталья Павловна*),

4. Функция условного имени (*Лидин, Элиза, Арман*),

5. Функция намека (*Лидин*),

6. Создание коннотаций иноязычности (*Potier, d'Arlincourt*),

7. Функция стилистической градации (*Наталья Павловна – Наташа, Параша, Филька, Васька*),

8. Создание иронии (*Тарквиний, Лукреция*).

Наибольшие трудности в переводах вызвала передача функции создания русского национального колорита и функции стилистической градации, которые выполняют одни и те же ИС.

5. Антропони́мы в поэме «Полтава» и в текстах переводов

5.1. Общая характеристика антропонимикона

Количество и разнородность антропонимов поэмы – следствие многообразия самого материала «Полтавы», написанию которой предшествовало изучение многочисленных исторических работ на русском и французском языках [Томашевский 1977: 422].

Антропони́мы поэмы мы можем распределить по следующим группам:

- 1) Имена главных персонажей (*Кочубей, Мария, Мазепа*).
- 2) Имена исторических лиц.

Большинство антропонимов поэмы – это имена исторических лиц, в большей (*Петр, Карл, Богдан*) или меньшей (*Станислав, Дульская, Войнаровский, Булавин*) степени известных. Кроме выше названных имен, к данной группе относятся имена героев Малороссии (*Дорошенко, Самойлович, Палей, Гордеенко, Орлик, Забела, Гамалея, Чечель*), имя товарища *Кочубея (Искра)*, имена соратников *Петра (Шереметьев, Брюс, Боур, Репнин)*, имена шведских военачальников (*Розен, Шлиппенбах*).

- 3) Библейские имена (*Христос, Иуда*).
- 4) ИС эпиграфа и примечаний.

Необходимостью воспроизвести с достаточной полнотой известный исторический момент объясняется наличие довольно обширных пушкинских примечаний к поэтическому тексту поэмы. В этих примечаниях, наряду с объяснением специфических реалий, даются краткие комментарии по поводу имен исторических лиц, связанных с ними событий или преданий. Кроме того, в примечаниях А. С. Пушкина целый ряд имен появляется в связи с разъяснением каких-либо фактов, событий, описываемых в поэме. К данной группе относятся ИС из эпиграфа - *Byron*, ИС примечаний *Василий Леонтьевич Кочубей, Обидовский, Мазепа, Матрена, Байрон, Дорошенко, Григорий Самойлович, Петр I (Петр, Петр Великий), Симеон Палей, Костя Гордеенко, Карл (Карл XII, Charles XII), Искра, Заленский, Дульская, Филипп Орлик, Булавин, Шафиров, Головкин, Бантыш-Каменский, Казы-Гирей, Сусанна, Даниил, Иван Скоропадский, Чечель, Меншиков, Данилыч, Август, Voltaire*).

5.2. Передача антропонимов в переводах

Передача антропонимов поэмы «Полтава» будет рассмотрена нами в следующих переводах:

- немецкие переводы: Р. Липперта [Puschkin 1840], Ф. Боденштедта [Puschkin 1854], А. Ашарина [Puschkin 1877], Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II], Б. Тутенберга [Puschkin 1999];
- латышские переводы: М. Гримма [Puškins 1937], А. Курцийса [Puškins 1968 III].

5.2.1. Имена главных персонажей

1. Особенности формы.

Для передачи ИС данной группы в переводах используются ономастические соответствия:

А.С. Пушкин	<i>Мария</i>	<i>Кочубей</i>	<i>Мазена</i>
Р. Липперт [Puschkin 1840]	<i>Maria / Marie</i> (<i>Marien, Mariens</i>)	<i>Kotschubei</i>	<i>Maseppa</i>
Ф. Боденштедт [Puschkin 1854]	<i>Maria / Marie</i>	<i>Kotschubéi</i>	<i>Maseppa</i>
А. Ашарин [Puschkin 1877]	<i>Maria / Marie</i> (<i>Marien</i>)	<i>Kotschubei</i>	<i>Maseppa</i>
Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]	<i>Maria</i>	<i>Kotschubee</i>	<i>Maseppa</i>
Б. Тугенберг [Puschkin 1999]	<i>Maria</i>	<i>Kotschubej</i>	<i>Masepa</i>
М. Гримма [Puškins 1937]	<i>Marija</i>	<i>Kočubejs</i>	<i>Mazēpa</i>
А. Курцийс [Puškins 1968 III]	<i>Marija</i>	<i>Kočubejs</i>	<i>Mazepa</i>

ИС *Мария* передается в немецких переводах при помощи ономастических соответствий *Maria / Marie (Marien, Mariens)*. В §1 данной главы уже было сказано о том, что многие немецкие женские имена имеют параллельные формы (на *-a* и на *-e*), а формы на *-en / -ens* использовались в немецком языке начала XIX века в косвенных падежах. В данном случае формы *Marien, Mariens*, появляющиеся в некоторых немецких переводах, - это тоже формы косвенных падежей, например:

Что стыд Марии? Что молва? [IV: 193]

Was ist der Ruf – die Schmach Marien [Puschkin 1840: 102].

Обращает на себя внимание форма *Marie* в переводе А. Ашарина [Puschkin 1877]. *Marie* несколько раз оказывается в рифму с местоимением *sie* 'она' и произносится [ma:ri:], т.е. на «французский манер»:

... *Wo ist Marie ?*

...*Bestürzt im ganzen Hause sie* [Puschkin 1877: 303].

Как мы увидим при разборе семантики, это нарушает стилистику текста оригинала.

При передаче ИС *Кочубей* в переводах Р. Липперта [Puschkin 1840] и А. Ашарина [Puschkin 1877] графика имени предоставляет немецкому читателю возможность прочесть его «по-немецки»: *Kotschub[ái]*. Такое прочтение подкрепляется и рифмой:

И ныне злобный недруг смел

Und ist's dafür, daß man ihn frei

Его седины опозорить!

Jetzt seines Alters Ehre trübte!

И кто же? Искра, Кочубей! [IV: 192] - *Wer aber? - Iskra – Kotschubei?* [Puschkin 1841: 101]

И вскоре слуха Кочубея

Und balde drang zu Kotschubei

Коснулась роковая весть:

Ein dumpf Gerücht: für immer sei

Она забыла стыд и честь... [IV: 183] *Sein einzig Kind für ihn verloren* [Puschkin 1877: 261].

Прямо в тексте поэмы Ф. Боденштедт [Puschkin 1854] указывает на произношение имени: *Kotschubéi*. Имя *Kotschubéi* у Ф. Боденштедта нигде не дается в рифму, за исключением одного случая:

.... Он голубит

Denkt nur an Rache Kotschubéi

Едину мысль и день, и ночь:

Für seines Hauses Schimpf und Weh [246]

Иль сам погибнет, иль погубит —

Отмстит поруганную дочь [IV: 188].

Но эта рифма важна для закрепления правильного произношения имени с конечным [éi].

В переводе Б. Тутенберга [Puschkin 1999] *-ej* на конце имени *Kotschubej* позволяет избежать неправильного прочтения. Наиболее поздний по времени создания немецкий перевод Б. Тутенберга отражает при передаче ИС правила, зафиксированные словарем: русское *й* передается по правилам транслитерации как *j* [Duden. Rechtschreibung 1996: 86]. Вариант *Kotschubee* возник в переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949], по всей видимости, из желания избежать неправильного произношения имени, но он не соответствует современным правилам передачи ИС в немецком языке.

Написание ИС *Maseppa* через *pp* характерно для большинства немецких переводов. Удвоенные согласные – характерный признак немецкого языка, представленный и в антропонимах (ср. далее фамилия шведского военачальника у А. С. Пушкина в „Полтаве“ – *Шлиппенбах*, в переводах – *Schlippenbach*). Удвоенный согласный сигнализирует и о краткости гласного в предшествующем слоге (см. §1.2. в первой главе).

В переводе М. Гримма [Puškins 1937] ИС *Mazēpa* записывается со знаком долготы на *e*. Такое ономастическое соответствие позволяет отчасти компенсировать потерю оригинального ударения: в переводе М. Гримма ИС *Mazēpa* фонетически адаптируется и получает в большинстве контекстов ударение на первый слог. В переводе А. Курцийса [Puškins 1968 III] такой проблемы не возникает: ИС так встраивается в ритмическую структуру стиха, что всегда может прочитываться с ударением на второй слог, поэтому нет необходимости в знаке долготы:

1) *Так! Было время: с Кочубеем*

Был друг Мазепа... [IV: 187]

Nav sens tas laiks – ar Kočubeju

Mazepa labprāt draudzējās... [Puškins 1968 III: 269]

Reiz bija laiks: ar Kočubeju

Bij draugs Mazēpa... [Puškins 1937: 178]

2) *Он зла Мазепе не желает...* [IV: 188]

Mazepam ļauna nevēlēdams... [Puškins 1968 III: 269]

Nē, Mazēpat viņš nevēl ļaunu... [Puškins 1937: 180].

2. Семантика ИС.

Мария.

В выборе имени героини А. С. Пушкин колебался. Историческое имя дочери Кочубея – *Матрена*, но оно, как указывает Б. В. Томашевский, вызывало неподходящие ассоциации для героини эпической поэмы, и в черновиках, наряду с *Матреной*, появлялись еще имена *Наталья* и *Анна* [1977: 422]. В издании Ю. Ванагса, где помещен перевод А. Курцийса [Puškins 1968 III], данная информация содержится в комментарии.

Мария в пушкинском тексте связывается с украинской народно-песенной стихией [Слонимский 1963: 276 - 278]. *Мария* является в окружении песенной речи – в стилистических контекстах, ориентированных на язык фольклора. Основное значение, которое распространяют на данное ИС ближайшие контексты, - это значение красоты. Красота *Марии* описывается при помощи народнопоэтических сравнений: движения, как у лебеди, глаза-звезды, уста, как роза, стройна, как тополь [Слонимский 1963: 278].

Приведем контексты, описывающие *Марию* в оригинале и переводах:

1) *Как тополь киевских высот,*

Она стройна. Ее движенья

То лебеди пустынных вод

Напоминают плавный ход,

То лани быстрые стремленья [IV: 181]

Und schlanker noch als Kiev's Eichen.

Harmonisch gleitet die Gestalt –

Wie wenn der Schwan durch stille Wogen

*In stolzer Ruhe fortgewalt,
Der Hirsch die Fläche rasch durchflogen. [Puschkin 1840: 87]*

*Dem Wuchs von Kiew's Pappeln gleicht
Sie an Gestalt; ihr gang ist leicht
Wie eines Schwanes Schwimmen bald,
Bald wie des Rehes Flucht im Wald. [Puschkin 1854: 234]*

*Ihr schlanker Wuchs, der Pappel gleich
Auf Kiew's Höhn; ihr leichter Gang,
Jetzt wie der Schwan, der Fluth zertheilet,
Jetzt wie beim nahen Jagdhornklang
Das flücht'ge Reh' den Wald durcheilet. [Puschkin 1877: 258]*

*Sie wuchs so schön und schlank heran
Wie Kiews Pappeln. Ja, ihr Schreiten
War zu vergleichen nur dem Schwan,
Hinziehend auf der feuchten Bahn,
Und manchmal einer Hinde Gleiten. [Puschkin 1949 II: 372]*

*Gleich Pappeln in dem Kiew-Wald
Ist ihre Schlankheit. Die Bewegung
Des Körpers wechselt und ist bald
Gleich einem Schwan – bedächtig, kalt -,
Bald gleich des scheuen Rehs Erregung. [Puschkin 1999: 211]*

*Kā apse kalnu augstumos
Tā slaida. Viņas soli, gaita,
Te gulbis klusos ūdeņos,
Kas cēli iznirst līmeņos,
Te stirnas lēcienis, traksmē raitā. [Puškina 1937: 172]*

*Kā kalnu apse Kijevā
Tā slaida. Kustības un gaita
Kā gulbim klusos ūdeņos,*

Kas aizpeld. ieviņojis tos,

Un tad kā stirnai strauji raita. [Puškins 1968 III: 260]

2) *Звездой блестят ее глаза;*

Ее уста, как роза рдеют [IV: 181]

Hell, wie die nächt'gen Sterne glüh'n,

Des Auges dunkle Flamme leuchtet –

Der Rose gleich, vom Thau befeuchtet,

Die weichen Purpurlippen blüh'n... [Puschkin 1840: 87]

Wie Sterne ihre Augen funkeln,

Die Lippen haben ros'gen Schein [Puschkin 1854: 234]

Und siegend strahlt der Augen Pracht.

Der Wangen rosig-zarte Töne,

Der Lippen Purpur... [Puschkin 1877: 258]

Ihr Auge war gleich Sternenspur;

Gleich Rosen ihrer Lippen Locken. [Puschkin 1949 II: 372-373]

Die Lippen - wie ein Rosenschein,

Die Augen -- wie zwei Sterne funkeln [Puschkin 1999: 212]

Ka spožas zvaigznes acis zib,

Tai lūpas – rozes, sārtas ogas [Puškins 1937: 172]

Ka zvaigznes viņai acis spīd

Un mute tā kā roze sārtā [Puškins 1968 III: 261].

Переводчики сохраняют использованные в оригинале сравнения, благодаря соответствующей лексике:

1) движения, как у лебеди:

gulbis – ‘zosveidīgo kartas liels ūdensputns ar garu kaklu, lieliem, spēcīgiem spārniem’ [LLVV 1972 III: 168] – лебедь,

Schwan, der – ‘gänseartiger, großer weißer Entenvogel mit sehr langem, oft S-förmig getragenen Hals und geradem, breitem Schnabel sowie verhältnismäßig kurzen Beinen’ [DWDS] – лебедь,

2) глаза-звезды:

zvaigznes – от *zvaigzne* – ‘debess ķermenis, kas sastāv no karstas gāzes (plazmas) un izstaro gaismu’ [LLVV 1972 VIII: 670] - звезда,

Sterne, die от *Stern, der* ‘Himmelskörper am Nachthimmel mit Ausnahme des Mondes’ [DWDS] – звезда,

3) уста, как роза:

rozes – от *roze* – ‘rožu dzimtas krūmveida auga zieds vai zars ar ziedu’ - роза,

Rosen, die от *Rose, die* ‘Blüte von einem stacheligen Zierstrauch mit gefiederten Blättern’ [DWDS] – роза,

4) стройна, как тополь:

apse – ‘vitolu dzimtas lapu koks ar garkātainām lapām’ [LLVV 1972 I: 261] – тополь,

Pappel, die - ‘zweihäusiger, zu den Weidengewächsen gehörender Laubbaum mit weichem Holz, der einen hohen, schlanken Stamm hat, Kätzchen trägt und dessen Blätter herzbis eiförmig sind’ [DWDS] – тополь.

Данное сравнение изменено в переводе Р. Липперта [Puschkin 1840: 87], у которого *Мария* «стройна, как дуб», ср.:

Eiche, die - ‘hoher und breiter Laubbaum mit buchtig gelappten Blättern und hartem, schwerem, dauerhaftem Holz, dessen Frucht in einem Becher sitzt und der infolge seines kraftvollen Wuchses und seines oft erreichten hohen Alters als Sinnbild der Stärke und Kraft gilt’ [DWDS] – дуб.

Такое сравнение вряд ли можно признать удачным, т.к. дуб ассоциируется не со стройностью, а с силой, мощью и долголетием, что демонстрирует и приведенное словарное значение лексемы *Eiche*.

Кочубей.

Энциклопедическую информацию о *В. Л. Кочубее* А. С. Пушкин приводит в примечаниях к поэме: *В. Л. Кочубей* – генеральный судия, один из предков графов *Кочубеев* [IV: 222]. Данная информация сохраняется в тех переводах, которые передают пушкинские примечания (см. § 5.2.4.).

ИС *Кочубей* происходит от тюркского *küçük bej* [Унбегаун 1989: 293], а фамилии тюркского происхождения связываются в русском культурном сознании со знатностью и древностью рода [там же: 292]. Это же значение подчеркивают и ближайшие контексты:

1) *Богат и славен Кочубей* [IV: 181]

Der Ruhm ist Kotschubei's Genosse [Puschkin 1840: 87]

In Gütern reich und vielgepriesen / Ist Kotschubéi ... [Puschkin 1854: 233]

Berühmt und reich ist Kotschubei [Puschkin 1877: 257]

Berühmt und reich ist Kotschubee [Puschkin 1949 II: 372]

Der Ruhm und Reichtum und die Pracht

Pan Kotschubejs wird weit gepriesen [Puschkin 1999: 211]

Ir bagāts, slavens Kočubejs [Puškins 1937: 172]

Liels Kočubejs un daudzīnāts [Puškins 1968 III: 260].

2) *Богат и знатен Кочубей* [IV: 184]

Doch Kotschubei hat Gold und Gut [Puschkin 1840: 91]

Doch Kotschubei hat Macht und Gut [Puschkin 1854: 238]

Reich und voll Macht ist Kotschubei [Puschkin 1877: 262]

Berühmt und reich ist Kotschubee [Puschkin 1949 II: 376]

Pan Kotschubej ist stolz und reich [Puschkin 1999: 214]

Ir bagāts slavens Kočubejs [Puškins 1937: 175]

Gan Kočubejs ir dižciltīgs [Puškins 1968 III: 264].

Значения знатности, славы и богатства передаются в переводах при помощи лексем:

Ruhm, der – ‘слава’ [НПС 1993: 712], *Berühmt* – ‘знаменитый’ [НПС 1993: 153],

reich – ‘богатый’ [НПС 1993: 694], *Reichtum* – ‘богатство’ [НПС 1993: 695],

Gold, das – ‘золото’ [НПС 1993: 392], *Gut* – ‘имущество’ [НПС 1993: 405],

Macht, die – ‘власть’ [НПС 1993: 573], *stolz* – ‘гордый’ [НПС 1993: 813],

bagāts – ‘tāds, kam pieder lielas materiālas vērtības, tāds, kam ir daudz naudas’ [LLVV 1972

II: 21] – богатый,

slavens – ‘tāds, kas ir ieguvis slavu’ [LLVV 1972 VII 1: 568] – славный,

daudzināts от *daudzināt* – ‘cildināt, slavīnāt’ [LLVV 1972 II: 273] – восхвалять,

dižciltīgs – ‘tāds cilvēks, kas pieder pie aristokrātijas’ [LLVV 1972 II: 367] – знатный.

В переводе Б. Тутенберга [Puschkin 1999] обращает на себя внимание использование слова *Pan* в словосочетании *Pan Kotschubej*. Ни толковый словарь немецкого языка [DWDS], ни немецко-русский словарь [НПС 1993] не фиксируют слова *Pan*. Понятно, однако, что в данном контексте оно является заимствованным украинским словом *пан*, и

его использование вполне оправдано стилистикой текста (часть действия поэмы разворачивается на Украине).

Мазепа.

Иван Степанович Мазепа – гетман украинских козаков с 1687 года [Субтельний 1993: 204]. *Мазепа* является героем одноименной поэмы лорда Байрона, к тексту которой А. С. Пушкин обращался во время работы над «Полтавой» [Томашевский 1977: 423].

Основное значение, распространяющееся на ИС *Мазепа* в тексте поэмы, – ‘гетман’. Оба слова (*Мазепа* и *гетман*) в разных контекстах используются в качестве номинации одного героя. То же значение сохраняют и переводы. Приведем контексты со словом *гетман* в оригинале и переводах:

1) *Что ж гетман? – юноши твердили...* [IV: 185]

Wo – rie die Jugend – liegt geborgen / Des alten Hetman's Löwenmuth? [Puschkin 1840: 92]

Was ist dem Hetman? – hört man fragen... [Puschkin 1854: 241]

„*Was ist es mit dem Hetman? “ klagen / Die Jungen...* [Puschkin 1877: 264]

Was hat der Hetman? “ hört man fragen... [Puschkin 1949 II: 377]

Kas hetmans? Jaunie ļaudis karsa... [Puškins 1937: 176]

„*Ko hetmans? “ jaunie atkārtaja...* [Puškins 1968 III: 266]

2) *Зачем так тихо за столом / Она лишь гетману внимала ...* [IV: 184]

Warum beim Tafeln sie so still / Nur auf des Hetmans Worte lauschte ... [Puschkin 1999: 214].

Поскольку слово *Hetman* не фиксируется толковым словарем немецкого языка и переводным немецко-русским словарем, то его значение необходимо, на наш взгляд, прокомментировать в переводе, т.к. это важно для восприятия образа *Мазепы*.

Словарем латышского языка фиксируется слово *hetmanis* – ‘vēlēts kazaku karaspēka vadonis (no 16. līdz 17. gadsimtam Ukrainā)’; ‘Ukrainas pavadonis (no 17. līdz 18. gadsimtam)’ [LLVV 1972 III: 196]. Использование в переводах слова *hetmans* (с окончанием -s) объясняется, судя по контекстам, стремлением сохранить стихотворный ритм.

3. Функция ИС.

ИС *Мария*, *Кочубей*, *Мазепа* называют главных героев поэмы. ИС *Мария*, благодаря ближайшим контекстам, наделяется дополнительным значением ‘красавица’ и участвует в создании фольклорного колорита. Однако фольклорные образы, переданные в переводах буквально, не обязательно будут восприняты читателям перевода как таковые. Для того чтобы обеспечить такое восприятие, необходим, на наш взгляд, комментарий переводчика. Препятствует выполнению данной функции эквивалент ИС,

использованный А. Ашариным [Puschkin 1877] – *Marie* с ударением на втором слоге, т.к. такой вариант ИС создает французский колорит, а не фольклорный.

ИС *Кочубей*, благодаря ближайшим контекстам, связывается со значением знатности и богатства, что подкрепляется и восприятием тюркских фамилий в русском языке как фамилий древних родов. Таким образом, ИС выполняет функцию характеристики персонажа. При помощи ближайших контекстов данная функция реализуется и в переводах.

ИС *Мазепа* выполняет функцию создания литературных ассоциаций с поэмой Дж. Байрона «Мазепа», а также функцию создания исторического колорита, т.к. называет знаменитое историческое лицо. Обе функции реализуются и в оригинале, и в переводах одинаково, т.к. и для читателя оригинала, и для читателя перевода информация о *Мазепе* как историческом лице и о творчестве лорда Байрона является фоновой.

5.2.2. Имена исторических лиц

1. Особенности формы.

При передаче ИС исторических лиц переводчики используют в основном ономастические соответствия. В тех переводах, где переданы также комментарии А. С. Пушкина к тексту или создан собственный переводческий или издательский комментарий (см. §3.3. в главе 1, §5.2.4.), читатель может получить недостающую фоновую информацию из этого комментария. Перевод Р. Липперта [Puschkin 1841] существенно отличается от всех остальных по принципам передачи ИС исторических лиц: для 14 из 22 антропонимов этой группы он не использует в качестве эквивалента ономастические соответствия.

Сравним сначала эквиваленты имен исторических лиц в немецких переводах (таб.1, 2):

Таб.1

Пушкин А. С.	Б. Тугенберг [Puschkin 1999]	А. Ашарин [Puschkin 1877]	Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]
<i>Петр</i>	<i>Peter</i>	<i>Peter</i>	<i>Peter</i>
<i>Карл</i>	<i>Karl</i>	<i>Karl</i>	<i>Karl</i>
<i>Дорошенко</i>	<i>Doroschenko</i>	<i>Doroshenko</i>	<i>Doroschéno</i>
<i>Самойлович</i>	<i>Samoilowitsch</i>	<i>Ssamoilowitsch</i>	<i>Samoilówitsch</i>
<i>Гордеенко</i>	<i>Gordejenko</i>	<i>Gordejenko</i>	<i>Gordejénko</i>
<i>Палей</i>	<i>Palej</i>	<i>Palei</i>	<i>Palej</i>
<i>Богдан</i>	<i>Bogdan</i>	<i>Bogdan</i>	<i>Bogdan</i>
<i>Искра</i>	<i>Iskra</i>	<i>Iskra</i>	<i>Iskra</i>
<i>Орлик</i>	<i>Orlik</i>	<i>Orlik</i>	<i>Orlik</i>

Булавин	<i>Bulawin</i>	<i>Bulavin</i>	<i>Bulawin</i>
Станислав	<i>Stanislaw</i>	<i>Stanislaus</i>	<i>Stanislaus</i>
Дульская	<i>Dulska / Dulskaja</i>	<i>Dulsky</i>	<i>Dulskaja</i>
Забела	<i>Sabela</i>	<i>Sabjelo</i>	<i>Sabela</i>
Гамалея	<i>Gamalej</i>	<i>Gamalei</i>	<i>Gamalee</i>
Чечель	<i>Tschetschel</i>	<i>Tschetschel</i>	<i>Tschetschel</i>
Шереметев	<i>Scheremetew</i>	<i>Scheremetjew</i>	<i>Scheremetjew</i>
Брюс	<i>Bruce</i>	<i>Bruce</i>	<i>Bruce</i>
Боур	<i>Bauer</i>	<i>Bauer</i>	<i>Bauer</i>
Репнин	<i>Repnin</i>	<i>Repnin</i>	<i>Repnin</i>
Войнаровский	<i>Woinarowski</i>	<i>Woinarowsky</i>	<i>Woinarowski</i>
Розен	<i>Rosen</i>	<i>Rosen</i>	<i>Rosen</i>
Шлиппенбах	<i>Schlippenbach</i>	<i>Schlippenbach</i>	<i>Schlippenbach</i>

Таб.2

А. С. Пушкин	Р. Липперт [Puschkin 1840]	Ф. Боденштедт [Puschkin 1854]
Петр	<i>Peter</i>	<i>Peter</i>
Карл	<i>Karl</i>	<i>Karl</i>
Дорошенко	- см. далее	<i>Doroshénko</i>
Самойлович	- см. далее	<i>Samoílowitsch</i>
Гордеев	- см. далее	<i>Gordejénko</i>
Палей	<i>Palëi</i>	<i>Paléi</i>
Богдан	- см. далее	<i>Bogdan Chmielnitzky</i>
Искра	<i>Iskra</i>	<i>Iskra</i>
Орлик	<i>Orlik</i>	<i>Orlik</i>
Булавин	- см. далее	<i>Bulawin</i>
Станислав	<i>Polenkönig</i>	<i>Stanislaus</i>
Дульская	<i>Dulsky</i>	<i>Dulsky</i>
Забела	- см. далее	<i>Sabéla</i>
Гамалея	- см. далее	<i>Gamaléja</i>
Чечель	<i>Mancher Hochverräther</i>	<i>Tschetschell</i>
Шереметев	- см. далее	<i>Scherémétiew</i>
Брюс	- см. далее	<i>Bruce</i>
Боур	- см. далее	<i>Bauer</i>
Репнин	- см. далее	<i>Repnin</i>
Войнаровский	<i>Schütze</i>	<i>Woinarowski</i>
Розен	<i>Rosen</i>	<i>Rosen</i>
Шлиппенбах	<i>Schlippenbach</i>	<i>Schlippenbach</i>

Для широко известных имен исторических лиц – *Карл* и *Петр* – все переводчики используют имеющиеся в языке перевода традиционные ономастические соответствия: *Peter* [Александрова 2000: 158], *Karl* [там же: 116]. Для передачи ИС польского короля в трех переводах использовано ИС *Stanislaus* – это латинизированная форма от *Stanislaw* [Александрова 2000: 182]. В переводе Б. Тутенберга [Puschkin 1999] используется эквивалент *Stanislaw*. Обе формы имени: и *Stanislaus*, и *Stanislaw* встречаются в исторической литературе на немецком языке, посвященной этому периоду, где упоминается *Stanislaus I / Stanislaw I* [Brockhaus 1986 XXI: 86], форма *Stanislaw* ближе оригинальной польской *Stanisław*. В переводе Р. Липперта [Puschkin 1841] применен описательный перевод – *Polenkönig* (король Польши):

König, der – ‘Inhaber der höchsten monarchischen Würde in bestimmten Monarchien oder der zweithöchsten in Monarchien mit einem Kaiser’ [DWDS]– король.

Не вызывают проблем у немецких переводчиков ИС *Искра* и *Орлик*, которые во всех переводах переданы ономастическими соответствиями *Iskra*, *Orlik*, а также имена шведских военачальников (*Розен*, *Шлиппенбах* – *Rosen*, *Schlippenbach*) и имена соратников Петра – *Брюс*, *Боур*, *Репнин*, которые во всех немецких переводах, кроме перевода Р. Липперта [Puschkin 1841], переданы как *Bruce*, *Bauer*, *Repnin*. Обратим внимание, что иноязычные фамилии записываются по нормам оригинальной орфографии, как это принято по правилам немецкого правописания [Duden: Rechtschreibung 1996: 51]: *Schlippenbach* – через *pp*, *Bruce*, *Bauer*.

Проблемной оказывается передача тех же графем, что и в анализировавшихся ранее переводах «*Руслана и Людмилы*» и «*Кавказского пленника*». В ранних переводах Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] и А. Ашарина [Puschkin 1877] графема *ш* (*Дорошенко*) передана как *sh* (*Doroshenko*), а не *sch* (*Doroschenko*). Для сохранения произношения в фамилии *Самойлович* начального [s] А. Ашарин [Puschkin 1877] передает русское *с* как – *ss-* (*Ssamoilowitsch*). При передаче ИС *Палей* возникает та же проблема, что с ИС *Кочубей*: необходимо предотвратить произношение конечного –*ей* как [ai]. Более удачным, на наш взгляд, является вариант *Palej*, где однозначно закрепляется прочтение с [ei] на конце, а также вариант *Palëi*, где диакритический знак над *e* указывает, что это отдельный звук, а не часть дифтонга. В переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] ИС *Paléi* и другие ИС сопровождаются знаком ударения. Аналогичная проблема возникает в трех переводах в связи с передачей ИС *Гамалея*. Контекст с этим ИС в оригинале выглядит так:

Когда с Забелой, с Гамалеем

И – с ним... и с этим Кочубеем... [IV: 203].

Форма творительного падежа, используемая А. С. Пушкиным, позволяет переводчикам возвести ее к начальной *Гамалей* (ко второму склонению – как *Кочубей*, а не к первому – как *Забела* и *Гамалея*), хотя на самом деле фамилия украинского полковника – *Гамалея* [Томашевский 1977: 423]. Это типичная украинская фамилия, образованная от нарицательного существительного *гамалея* ('толстая шея') без суффикса [Унбегаун 1989: 225]. Поэтому неточны такие эквиваленты, как *Gamalej*, *Gamalei*, *Gamalee*. А. Ашарин [Puschkin 1877], кроме неверной начальной формы *Gamalei*, использует также неточную форму при передаче ИС *Забела* – *Sabjelo* с *o* на конце и с графемой *j* в корне, которая, возможно, должна была указывать на мягкость предшествующего согласного.

В более ранних по времени создания переводах можно отметить, что переводчики не всегда последовательны в передаче отдельных графем. А. Ашарин [Puschkin 1877] передает русское *в* и как *v* (*Bulavin*), и как *w* (*Woinarowsky*).

При передаче ИС *Дульская* разные эквиваленты в переводах объясняются тем, что *Dulska* – форма, перенесенная из польского языка; *Dulsky* – форма этой фамилии в мужском роде, а в немецком языке женские фамилии не имеют особых формантов, отличающих их от мужских; *Dulskaia* – транслитерация русской формы.

Фамилия сподвижника *Петра* графа *Шереметева* [БРБС] пишется без *ь*. На это обратил внимание Б. Тутенберг [Puschkin 1999] и точно передал по-немецки: *Scheremetew*. В остальных переводах, где использованы ономастические соответствия, – это соответствия для формы *Шереметьев*.

При передаче фамилии *Войнаровский* проблемным оказывается конечное –*ий*. Похожие примеры мы видели при передаче ИС на –*ский* в «Кавказском пленнике» – там тоже встречалось в ранних переводах написание через –*у* на конце, хотя современная норма требует –*и* [Duden. Rechtschreibung 1996: 86]. Р. Липперт [Puschkin 1841] использует для передачи этого ИС описательный перевод *Schütze*:

Schütze, der – 'jemand, der mit einer Schusswaffe schießt' [DWDS] – стрелок.

В данном контексте по смыслу это возможно, т.к. у А. С. Пушкина сказано:

Вдруг выстрел. Старец обратился.

У Войнаровского в руках

Мушкетный ствол еще дымился. [IV: 216]

Для ИС *Чечель* Р. Липперт [Puschkin 1840] использует описательный перевод – *mancher Hochverräther* (некий крупный предатель), ср.:

Verräter, der – 'jemand, der einen Verrat begangen hat' – предатель.

Его можно считать полноценным эквивалентом, принимая во внимание более широкий контекст – контекст всей поэмы, где *Чечель* предстает как соратник *Мазены*, вместе с ним

совершивший предательство *Петра*. В остальных переводах для этого ИС использовано ономастическое соответствие.

При передаче ИС *Богдан* ономастическим соответствием не ограничивается не только Р. Липперт [Puschkin 1841], но и Ф. Боденштедт [Puschkin 1854]:

*Забыв отчизны давний плен,
Богдана счастливые споры...* [IV: 186]

*Sie hat der Heimath Sklaverei,
Den Glaubenstreit und die Verträge
Und ihrer Ahnen Ruhm vergessen* [Puschkin 1840: 93]

*Der alten Sklaverei vergessend,
Gleichwie des Ruhms der alten Zeit
Und Bogdan Chmielnitzky's Siege...* [Puschkin 1854: 242].

В переводе Р. Липперта [Puschkin 1841] *Богдана счастливые споры* – это «споры о вере и договоры», ср.:

Glaube, der – ‘das auf einer inneren Überzeugung beruhende Fürwahrhalten von Dingen, Erscheinungen, die objektiv nicht bewiesen sind’ [DWDS] – вера,

Streit, der – ‘mit Worten ausgetragene, heftige Auseinandersetzung zwischen zwei oder mehreren persönlichen Gegnern, Zank’ [DWDS] – спор,

Verträge, der от *Vertrag, der* – ‘rechtsgültige Vereinbarung, Abmachung zwischen zwei oder mehreren Partnern’ [DWDS] – договор.

Таким образом, снова применен описательный перевод.

Ф. Боденштедт [Puschkin 1854] использует уточняющий перевод: он включает в текст, кроме имени, еще и фамилию, что дает возможность читателю получить дополнительную фоновую информацию.

В переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] пропущены и некоторые другие ИС этой группы. Как это влияет на передачу замысла оригинала, будет показано далее при разборе семантики ИС.

Перейдем к сравнению эквивалентов антропонимов в латышских переводах (таб.3).

Таб. 3

А. С. Пушкин	М. Гримма [Puškins 1937]	А. Курцийс [Puškins 1968 III]
<i>Петр</i>	<i>Pēteris</i>	<i>Pēteris</i>
<i>Карл</i>	<i>Kārlis</i>	<i>Kārlis</i>

Дорошенко	<i>Dorošenko</i>	<i>Dorošenko</i>
Самойлович	<i>Samoilovičs</i>	<i>Samoilovičs</i>
Гордееenko	<i>Dordiejenko</i>	<i>Gordejenko</i>
Палей	<i>Paļejs</i>	<i>Paļejs</i>
Богдан	<i>Bogdānlaiki</i>	<i>Bogdāns</i>
Искра	<i>Iskra</i>	<i>Iskra</i>
Орлик	<i>Orļiks</i>	<i>Orļiks</i>
Булавин	<i>Bulāvins</i>	<i>Bulavins</i>
Станислав	<i>Stanislavs</i>	<i>Stanislavs</i>
Дульская	<i>Duļskaja / Duļska</i>	<i>Duļska</i>
Забела	<i>Zabiela</i>	<i>Zabela</i>
Гамалея	<i>Gamaleja</i>	<i>Gamaleja</i>
Чечель	<i>Čečels</i>	<i>Čečels</i>
Шереметев	<i>Šeremetjevs</i>	<i>Šeremetjevs</i>
Брюс	<i>Brūss</i>	<i>Briss</i>
Боур	<i>Bours</i>	<i>Bours</i>
Репнин	<i>Riepņins</i>	<i>Repņins</i>
Войнаровский	<i>Voinarovskis</i>	<i>Vainarovskis</i>
Розен	<i>Rozenpulki</i>	<i>Rozens</i>
Шлипенбах	<i>Šlipenbachs</i>	<i>Šlipenbahs</i>

Как и в немецких переводах, для ИС *Петр* и *Карл* выбраны традиционные ономастические соответствия – *Pēteris* [Siliņš 1990: 261], *Kārlis* [Siliņš 1990: 191]. Для большинства ИС переводчики без проблем создают ономастические соответствия: *Dorošenko*, *Samoilovičs*, *Iskra*, *Orļiks*, *Gamaleja*, *Čečels*, *Paļejs*, *Šeremetjevs*, они одинаковы в обоих переводах. Однако ИС *Šeremetjevs* не учитывает своеобразие написания этого имени (*Шереметев*).

Ономастические эквиваленты для ИС *Боур*, *Шлипенбах* – *Bours*, *Šlipenbahs* являются транслитерацией русских форм этих имен, а не написаны в оригинальной орфографии, как это сделано в немецких переводах. В написании ИС *Šlipenbachs* в переводе М. Гримма [Puškins 1937] обнаруживается влияние немецкой графики, т.к. через *ch* эта фамилия пишется по-немецки.

Для передачи ИС *Богдан*, *Розен* А. Курцийс [Puškins 1968 III] использует ономастические соответствия *Bogdāns*, *Rozens*, а в переводе М. Гримма [Puškins 1937] появляются составные существительные, одним из компонентов которых является ИС: *Bogdānlaiki*, *Rozenpulki*. Такого типа существительные в данном переводе они используются, вероятно, из необходимости следовать заданному стихотворному ритму:

1) *Забыв отчизны давний плен,*

Богдана счастливые споры [IV: 186]

Tie aizmirst senās vaņģības

Un Bogdānlaikus laimīgos... [Puškins 1937: 177]

2) *Уходит Розен сквозь теснины;*

Сдается пылкий Шлипенбах... [IV: 213]

Bēg Rozenpulki lenktie, dzītie,

Un Šlipenbachs pats vaņģos krīt ... [Puškins 1937: 205].

Различаются в переводах эквиваленты для ИС Булавин – *Bulāvins / Bulavins* (форма со знаком долготы в корне является в данном случае своеобразным маркером ударения) и Станислав – *Stanislavs / Staņislavs* (последний вариант передает русскую форму Станислав, а не оригинальную польскую). ИС Дульская передано в переводе А. Курцийса как *Duļska*, что соответствует общему правилу передачи славянских фамилий на –ская в латышском языке [Par vārdu un uzvārdu lietošanu... 1999: 64]. М. Гримма [Puškins 1937] использует разные формы для передачи одного и того же ИС – *Duļska, Duļskaja*. Последняя является транслитерацией русской формы этого ИС. При передаче ИС Брюс А. Курцийс [Puškins 1968 III] создает ономастическое соответствие *Briss*, следуя правилам написания заимствованных ИС в латышском языке [Norādījumi 1960-1993 IX: 35], а М. Гримма записывает имя в немецкой графике – *Brüss*, хотя в оригинальной графике оно пишется как *Bruce* [Унбегаун 1989: 270].

В ономастическом эквиваленте ИС Войнаровский в переводе А. Курцийса [Puškins 1968 III] обращает на себя внимание написание через *a* – *Vainarovskis*, хотя и у А. С. Пушкина фамилия пишется через *o*.

В передаче ИС Гордеенко в переводе М. Гримма [Puškins 1937] обнаруживается техническая ошибка. ИС Гордеенко передается как *Dordiejenko*. ИС Забела, Репнин передаются в том же переводе как *Zabiela, Riepiņins*. Все эти три имени в переводе объединяет и одна общая черта – в них присутствует *i* после согласного, который в русском слове является мягким. Возможно, переводчик хотел обозначить таким образом мягкость согласного и в латышском эквиваленте, но согласно современным правилам передачи заимствованных ИС в латышском языке следует передавать просто соответствующий согласный без каких-либо указаний на мягкость, если это не согласные [l'], [n'] которые могут быть переданы специальными графемами *l, ņ* [Par vārdu un uzvārdu lietošanu... 1999: 60-61].

2. Семантика ИС.

ИС исторических лиц являются органичной частью художественного текста, законам которого они подчиняются. Это так называемые олицетворяющие имена (*verkörperte Namen*), которые получают свое значение через указание на носителя имени, существующего вне данного литературного произведения [Debus 2002: 57-73], но в тексте они подчинены авторскому замыслу.

Энциклопедическая информация о том, что *Петр* – это имя русского царя, а *Карл* – имя шведского короля *Карла XII* знакома среднему русскому читателю. Остальные ИС будут известны ему в гораздо меньшей степени. То же можно сказать и о читателе перевода. Однако большая часть данных ИС группируется вокруг ИС *Мазепа* и *Петр*, т.к. используется в одном контексте с этими значимыми для текста ИС. Поэтому многие ИС являются репрезентантами так называемой «украинской» темы или «петровской» темы.

«Украинская» тема представлена именами героев Малороссии (*Дорошенко*, *Самойлович*, *Палей*, *Гордеенко*, *Орлик*, *Забела*, *Гамалей*, *Чечель*), именем товарища *Кочубея* (*Искра*), ИС *Богдан*, *Станислав*, *Дульская*, *Войнаровский*, *Булавин*. «Петровская» тема представлена именами соратников *Петра* (*Шереметев*, *Брюс*, *Боур*, *Репнин*), именами побежденных шведских военачальников (*Розен*, *Шлиппенбах*).

Энциклопедическая информация, более или менее распространенная, о многих носителях данных ИС предложена в пушкинских примечаниях [IV: 222-224]:

Дорошенко – один из героев Малороссии,

Самойлович – сын гетмана, сосланного в Сибирь,

Палей – хвостовский полковник, был в опале во время правления Мазепы, а затем возвращен из ссылки; он принимал участие в Полтавском сражении,

Гордеенко – кошевой атаман запорожских казаков,

Искра – полтавский полковник, товарищ *Кочубея*,

Дульская – была одним из агентов измены Мазепы,

Орлик – генеральный писарь, наперсник Мазепы,

Булавин – донской казак,

Чечель – отчаянно защищал Батурин против войск князя Меншикова.

Данной энциклопедической информацией может воспользоваться читатель оригинала, а также читатель тех переводов, которые передают пушкинские примечания (см. §5.2.4.).

Остальные ИС нуждаются в комментариях переводчика или издателя. Такой комментарий находим в издании Ю. Ванагса [Puškina 1968] к ИС *Забела*, *Гамалей*, *Богдан*, *Розен*, *Шлиппенбах*, *Шереметев*, *Брюс*, *Боур*, *Репнин*, *Войнаровский*; в издании Г. Рааба [Puschkin 1999] к ИС *Богдан*, *Станислав*, *Войнаровский*, *Розен*, *Шлиппенбах*,

Шереметев, Брюс, Боур, Репнин; в переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] к ИС *Богдан, Станислав, Войнаровский*. В комментарии нуждается сегодня и русский читатель поэмы «Полтава», поэтому научное издание произведений А. С. Пушкина [1977] на русском языке тоже снабжено комментарием к данным ИС [Томашевский 1977: 423-424]:

Забела и Гамалея – сторонники *Мазепы*, украинские полковники,

Богдан – *Богдан Хмельницкий*, ведший борьбу против Польши и ее притязаний на овладение Украиной,

Розен и Шлипенбах – шведские генералы, участвовавшие в Полтавском сражении и вынужденные сдаться,

Шереметев – фельдмаршал, командовал центром русской армии,

Брюс – командовал артиллерией – командовал правым флангом, руководил операцией, окончившейся взятием в плен *Шлипенбаха* и *Розена*,

Репнин – князь *Репнин* находился при *Петре*,

Войнаровский – племянник *Мазепы*, полковник шведской службы; герой одноименной поэмы К. Ф. Рылеева.

Благодаря обилию ИС исторических лиц историческая тема поэмы обрастает конкретикой, материалом. Поэтому важно не утратить в переводе эту стилистическую особенность. Выше мы отмечали, что в переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] для многих имен исторических лиц не использованы ономастические соответствия. Сравним, как одни и те же контексты выглядят в переводе Р. Липперта и еще в одном немецком переводе, для примера возьмем созданный немного позднее перевод Ф. Боденштедта [Puschkin 1854]:

1) *Когда бы старый Дорошенко,*

Иль Самойлович молодой,

Иль наш Палей, иль Гордеенко

Владели силой войсковой... [IV: 185]

O würde nur ein junger Held

Dem muthigen Kosakenvolke,

Wir stürzten, eine Wetterwolke,

Uns in das sieggewohnte Feld... [Puschkin 1840: 92]

Ja, wenn der alte Doroshénko

Samoïlowitsch, der junge Held,

Paléi oder Gordejénko

An unsre Spitze sich gestellt... [Puschkin 1854: 241]

2) *Там на Дону казачьи круги*
Они с Булавиным мутят... [IV: 190]

Hier schüren sie des Aufruhrs Flamme
Beim Donischen Kosakenstamme... [Puschkin 1840: 99]

Am Donstrom brachte Bulawin
Rings die Kosaken zur Empörung. [Puschkin 1854: 251]

3) *...За ним во след неслись толпой*
Сии птенцы гнезда Петрова –
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметьев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин... [IV: 214]

Mit ihm das Häuflein treuer Brüder,
Die festen Stützen seiner Macht,
Geprüft in jeglichem Geschicke. [Puschkin 1840: 131]

Die treu im Wechsel des Geschicks
Gefährten ihm und Söhne waren,
All seine Sorgen und Gefahren
Getheilt im Rathe wie im Feld:
Bruce, Scherémétiew und Repnin,
Und Bauer auch der alte Held. [Puschkin 1854: 296]

4) *Когда с Забелой, с Гамалеем*
И – с ним... и с эти Кочубеем
Он в бранном пламени скакал. [IV: 203]

Wie er im Schlachtgefild ergellt',

*Wenn es der Held bei heißem Kampfe,
Ihm – jenem Kotschubei – gesellt,
Durchbraust' im schwarzen Pulverdampfe.* [Puschkin 1840: 117]

*Und Gamaléja ihm zur Seite,
Sabéla auch und Kotschubéi,
Ja dieser selbe Kotschubéi...* [Puschkin 1854: 275].

Стилистические контексты, связанные с *Мазеной* (1, 2, 4), включают также имена героев Малороссии, которые могли бы грянуть „...войною на ненавистную Москву...“. В переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] вполне конкретные исторические лица превращаются в «молодого героя мужественных казаков» и в «грозное облако» (контекст 1):

Held, der – ‘jemand, der Hervorragendes leistet auf Grund seines Mutes, besonders im Kampf’ [DWDS] – герой,

mutig - ‘tapfer, kühn, unerschrocken’ [DWDS] – мужественный,

Kosakenvolke, das от *Volk, das* - 6. ungebräuchl., veralt., ‘bewaffnete Schar, Truppe’ [DWDS] – вооруженный отряд,

Wetterwolke, die - ‘Gewitterwolke’ [DWDS] – грозовое облако.

Понятно желание переводчика не перегружать текст трудными для восприятия иностранными фамилиями, особенно если они не комментируются, но вряд ли такой подход оправдывает себя с точки зрения следования подлиннику, т.к. исторический колорит частично утрачивается. Все эти имена у Ф. Боденштедта [Puschkin 1854], как мы видим, имеют ономастические соответствия.

Так же, как *Мазена* предстает в окружении героев Малороссии, *Петр* является в поэме среди своих соратников (контекст 3). С. Я. Маршак, анализируя сцену объезда *Петром* войск в «Полтаве», указывает, что строки с перечислением имен «придают стихам какую-то суровую... энергию сжатой исторической хроники», а стремительность эпизода «не допускает лишних деталей, и только ритм стихов напоминает, что спутники *Петра*... скачут верхом» [Маршак 1961: 11 – 12]. В переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] стилистический эффект исторической хроники не сохраняется, т.к. не передаются необходимые для этого ИС.

Как уже отмечалось, ИС исторических лиц являются органичной частью художественного текста, в тексте они подчинены авторскому замыслу. В этой связи можно отметить одно каламбурное обыгрывание имени *Карл* в поэме А. С. Пушкина, на которое указал М. С. Альтман [1964: 381 – 385]. Обращаясь к *Орлику*, *Мазена* говорит:

Что делать? Дал я промах важный:

Ошибся в этом Карле я,

Он мальчик бойкий и отважный... [IV: 211].

«В этом Карле» здесь звучит как «в этом карлике». У Пушкина *карла* в значении ‘карлик’ встречается многократно не только в «Руслане и Людмиле» (20 раз), но и в «Евгении Онегине», и в одной из журнальных заметок [СЯП 2000 II: 318]. Указательное местоимение *этот* (в *этом Карле*) придает имени собственному нарицательное значение, которое еще усиливается пояснением *он - мальчик*, т.е. маленький. Образ *Карла* противопоставляется в поэме образу *Петра*, который называется *самодержавным великаном* [IV: 211]. Проанализируем, как это передано в переводах:

Ошибся в этом Карле я,

Он мальчик бойкий и отважный... [IV: 211]

Und bin enttäuscht von diesem Jungen.

Karl ist zwar kühn und kampfgestählt... [Puschkin 1999: 244]

Der Schwede warf mein Urtheil um.

Er ist ein Knabe, kühn vermessen... [Puschkin 1877: 309]

In diesem Karle täuscht ich mich.

Er ist nichts als ein kühner Knabe ... [Puschkin 1949 II: 409]

Daß ich mir diesen Karl erkoren –

Zu spät nur wurde mir es klar:

Ei Knab' ist 's, tapfer und vermessen ... [Puschkin 1840: 127]

Geirrt in Karl, mein Ziel verfehlt,

Ein dummes, schlechtes Theil erwählt.

Er mag ein guter Raufbold sein ... [Puschkin 1854: 290]

Par Kārli labāk domājīs.

Viņš, nabags, veikls, tomēr – ievilts. [Puškins 1937: 203]

Es šajā Kārli maldījos.

Viņš zēns, kam sirds ir varonīga. [Puškins 1968 III: 301].

Конечно, лтш. *Kārlis*, нем. *Karl* не связаны в звуковом отношении со словом *карлик* в этих языках, тем не менее, можно говорить о том, что в одних переводах этот контекст более экспрессивен, чем в других. Экспрессивность данного контекста у А. С. Пушкина базируется на образности, на сближении нарицательного *карла* и ИС *Карл*. В переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II: 409], благодаря созвучию, сближаются ИС *Karle* и словосочетание *kühner Knabe* (мужественный мальчик):

kühn – ‘Mut zeigend, verwegen’ [DWDS],

Knabe, der – veraltend, süddt., österr., schweiz., geh. ‘Junge’ [DWDS].

В некоторых других немецких переводах мы тоже видим использование слова *Knab(e)* – ‘мальчик’, но именно в переводе Й. Гюнтера, благодаря аллитерации на [k] и форме ИС *Karle* (с *e* на конце, как и *Knabe*), значение нарицательного имени легче всего распространяется на ИС. Контексты с нем. *Junge* (мальчик) или лтш. *zēns* (мальчик) нейтральны, они не передают экспрессивности оригинала:

Junge, der – ‘junge Person männlichen Geschlechts bis zum Jünglingsalter’ [DWDS],

zēns – ‘vīriešu dzimuma bērns, arī pusaudzis’, ‘jaunietis, jauneklis’ [LLVV 1972 VIII: 614].

Вариант, предложенный Р. Липпертом [Puschkin 1840], входит в противоречие с оригиналом с точки зрения стилистики: *ich mir diesen Karl erkoren* (я избрал этого Карла) со словом *erkoren(erkiesen)* – высок., устар. ‘избирать’; ‘предназначать’ [НПС 1993: 283] не соответствует снижению образа *Карла* в пушкинском тексте. Удачнее в стилистическом отношении вариант Ф. Боденштедта [Puschkin 1854], который использует для характеристики *Карла* слово *Raufbold, der* – разг. ‘забияка, драчун’ [НПС 1993: 687].

3. Функция ИС.

ИС данной группы выполняют функцию создания исторического колорита в поэме. Благодаря многочисленным именам исторических лиц, их перечислению создается эффект исторической хроники. Энциклопедическая информация о носителях имен исторических лиц является фоновой, поэтому для понимания текста читатель может обращаться к примечаниям, созданным А. С. Пушкиным. Передача функции исторического колорита в наилучшей степени осуществляется в тех переводах, где приводятся пушкинские примечания. Кроме того, пропуск большого количества имен исторических лиц (в переводе Р. Липперта [Puschkin 1840]) приводит к частичной утрате исторического колорита. ИС исторических лиц могут приобретать в художественном тексте коннотации. ИС *Карл*, благодаря игре слов *Карл* – *карла*, приобретает дополнительное значение ‘маленький, незначительный’, что способствует тому, что ИС *Петр* и *Карл* выполняют функцию констелляции, т.к. маленький *Карл*

противопоставляется великану *Петру*. Игра слов *Карл –карла* наилучшим образом передана в переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II].

5.2.3. Библейские имена

1. Особенности формы.

ИС данной группы - *Христос*, *Иуда* - имеют свои традиционные соответствия в языках перевода: нем. *Christus*, *Judas* [Bibel 1912], лтш. *Kristus*, *Jūdass* [Vanaga 1999].

Большинство переводчиков использует традиционные ономастические эквиваленты. Описательный перевод для передачи ИС *Иуда* использует только А. Ашарин [Puschkin 1877], а для ИС *Христос* - А. Курцийс [Puškins 1968 III]. Для ИС *Христос* - Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II] использует преобразующий перевод – *Heiland* (Спаситель). Контексты, включающие описательный и преобразующий перевод ИС, будут приведены при разборе семантики. В немецких переводах, использующих ономастические соответствия, встречается форма *Christi* – это латинская форма родительного падежа от *Christus*, которая используется и в современном немецком языке [Seibicke 1982: 69].

2. Семантика ИС.

Два ИС этой группы – *Христос* и *Иуда* – единичные антропонимы, хорошо известные представителям христианской культуры. ИС *Иуда* имеет устойчивое переносное значение – *предатель* (в этом значении оно и используется в «Полтаве»: *Иудой* называется *Мазена*). Описательный перевод для передачи ИС *Иуда* использует только А. Ашарин:

*Сам царь Иуду утешал
И злобу шумом наказанья
Смирить надолго обещал!* [IV: 191]

*Dies sei sein zarisches Versprechen –
Werd' er ihn schnell und furchtbar rächen!* [Puschkin 1877: 275].

В переводе А. Ашарина [Puschkin 1877] вместо ИС *Иуда*, наполняющего экспрессией данный контекст за счет образности, идущей от переносного значения, используется местоимение *ihn* (его, т.е. *Мазену*), что приводит к утрате экспрессивности.

В пушкинском тексте ИС *Иудой Мазена* называется дважды, и во втором случае А. Ашарин использует составное слово, одним из компонентов которого является ИС *Judas* – *judasgleiche* (подобный *Иуде*):

gleich – ‘bezeichnet die Identität: der-, die-, dasselbe’ [DWDS].

Это важно для адекватной передачи образа предателя.

ИС *Христос* используется в пушкинском тексте в перифразе «*служитель...Христа*», в данном случае имеется в виду священник. Сравним передачу ИС *Христос* в немецких и латышских переводах:

*Духовной скорби врач, служитель
За нас распятого Христа,
Его святую кровь и тело
Принесший мне, да укреплюсь. [IV: 199]*

*Mir, Herz und Seele stärkend, geben
Zum Sterben einen frohen Mut,
Bereiten zu dem ew'gen Leben
Durch Christi heilig Leib und Blut!.. [Puschkin 1999: 232]*

*Arzt meiner Seele, der von Sünden
Mich frei und ledig macht, den Pfad
Zu Gottes Gnadenthron zu finden!
Mit Christi Leib und Blut er naht... [Puschkin 1877: 289]*

*Der letzte mit dem Kreuze, naht,
Der große Löser aller Sünder,
Der Seele Arzt, des Heilands Kündler,
Zu leiten mich den letzten Pfad... [Puschkin 1949 II: 395]*

*Der heilt von allen Seelenschmerzen,
Dem Heiland dient mit treuem Herzen,
Der mich belebt mit neuem Muth
Durch Christi Leib und heilig Blut... [Puschkin 1840: 111]*

*...mich zu geleiten,
Mir durch des Heilands Kreuz und Gnade
Trost und Vergebung zu bereiten;
Er bringt mir Christi Fleisch und Blut,
Daß ich erstarke... [Puschkin 1854: 268]*

Kā ārsts, lai dvēšlei palīdzētu,

Ir Kristus, - mūsu zēlotājs.

Tā svēto asinī un miesu

Man nesis viņš, lai stiprinos... [Puškins 1937: 191-192]

Mans dvēseles skumju dziedinātājs,

Kas krustā sistā pēdās iet;

Tā asinis un miesu svētu

Viņš atnes man, lai stiprinos... [Puškins 1968 III: 285].

Перифраза *служитель Христа* ни в одном из переводов не сохраняется, но большинство переводчиков тем не менее вводят ономастическое соответствие для ИС *Христос* в названный контекст.

В переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] используется слово *Heiland, der* – ‘Christus als Erlöser’ [DWDS] – Спаситель, т.е. другая частотная библейская номинация *Христа*.

А. Курцийс [Puškins 1968 III] передает перифразу описательно: *Kas krustā sistā pēdās iet*, ср.:

sist krustā – ‘pienaglot sodīto pie krusta’ [LLVV 1972 IV: 454] – распять.

При этом и в переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II], и в переводе А. Курцийса [Puškins 1968 III] используется лексика, характерная для Библии, что позволяет передать не только значение, но и ассоциации с библейским текстом, заложенные в оригинале.

3. Функция ИС.

ИС *Иуда* и *Христос* выполняют функцию создания культурных ассоциаций – ассоциаций с текстом Библии, что легко передается в переводах, т.к. христианская культура хорошо знакома носителям как русского, так и латышского и немецкого языка. ИС *Иуда* используется в значении – ‘предатель’, что также хорошо знакомо всем представителям христианской культуры. Поскольку ИС *Иуда* в этом значении употребляется по отношению к *Мазене*, то оно выполняет функцию характеристики этого персонажа.

5.2.4. ИС эниграфа и примечаний

1. Особенности формы.

Пушкинские примечания (и соответственно входящие в них антропонимы) представлены не во всех переводах. Максимально близко к оригиналу пушкинские примечания переданы в переводах Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] и А. Курцийса [Puškins 1968 III]. Следует подчеркнуть, что в издании Ю. Ванагса [Puškins 1968], публикующего перевод А. Курцийса, примечания А. С. Пушкина располагаются

непосредственно за текстом поэмы, а уже в конце тома помещены комментарии издателя, таким образом, авторский текст и комментарии издателя четко разграничены. Этого не происходит в остальных рассматриваемых переводах. В издании Г. Рааба [Puschkin 1999], где помещен перевод Б. Тутенберга, пушкинские примечания переведены почти полностью, но они располагаются в конце тома и чередуются с примечаниями издателя. То же происходит и в переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854]. Р. Липперт [Puschkin 1840] и М. Гримма [Puškins 1937] пушкинские примечания не переводят и своего комментария к тексту тоже не создают. Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II] помещает почти все пушкинские примечания в сносках и, видимо, поэтому отказывается от тех примечаний, которые являются более объемными. В переводе А. Ашарина [Puschkin 1877] примечания тоже даны в сносках, и они еще менее полные, чем в переводе Й. Гюнтера.

Ниже мы приводим эквиваленты ИС примечаний в переводах:

Таб. 1

А. С. Пушкин	[Puschkin 1854]	[Puškins 1968 III]
<i>Василий Леонтьевич Кочубей</i>	<i>Wassily Leóntjewitsch Kotschubéi</i>	<i>Vasilijs Leontjevičs Kočubejs</i>
<i>Обидовский</i>	<i>Obidowski</i>	<i>Obidovskis</i>
<i>Мазепа</i>	<i>Maseppa</i>	<i>Mazepa</i>
<i>Матрена</i>	<i>Matréna</i>	<i>Matrjona</i>
<i>Байрон</i>	<i>Byron</i>	<i>Bairons</i>
<i>Дорошенко</i>	<i>Doroshénko</i>	<i>Dorošenko</i>
<i>Григорий Самойлович</i>	<i>Gregor Samoilowitsch</i>	<i>Grigorijis Samoilovičs</i>
<i>Петр, Петр I, Петр Великий</i>	<i>Peter, Peter der Große</i>	<i>Pēteris Pirmais, Pēteris, Pēteris Lielais</i>
<i>Симеон Палей</i>	<i>Simeon Paléi</i>	<i>Simeons Paļejs</i>
<i>Костя Гордеенко</i>	<i>Kostja Gordejénko</i>	<i>Kostja Gordejenko</i>
<i>Карл, Карл XII, Charles XII</i>	<i>Karl, Karl XII, Charles XII</i>	<i>Kārlis Divpadsmitais, Kārlis, Charles</i>
<i>Искра</i>	<i>Iskra</i>	<i>Iskra</i>
<i>Заленский</i>	<i>Salensky</i>	<i>Zaļenskis</i>
<i>Дульская</i>	<i>Dulsky</i>	<i>Duļska</i>
<i>Филипп Орлик</i>	<i>Philipp Orlik</i>	<i>Filips Orļiks</i>
<i>Булавин</i>	<i>Bulawin</i>	<i>Bulavins</i>
<i>Шафиров</i>	<i>Schafiroff</i>	<i>Šafirovs</i>
<i>Головкин</i>	<i>Golowkin</i>	<i>Golovkins</i>
<i>Бантыш-Каменский</i>	<i>Б. Каменский</i>	<i>Bantišs-Kamenskis</i>
<i>Казы-Гирей</i>	<i>Kazi-Giréi</i>	<i>Kazi-Girejs</i>
<i>Сусанна</i>	<i>Susanna</i>	<i>Suzanna</i>
<i>Даниил</i>	<i>Daniel</i>	<i>Daniels</i>

<i>Иван Скоропадский</i>	<i>Iwan Skoropadski</i>	<i>Ivans Skoropadskis</i>
<i>Чечель</i>	<i>Tschetschel</i>	<i>Čečels</i>
<i>Меншиков</i>	<i>Mentschikoff</i>	<i>Meņšikovs</i>
<i>Даншлыч</i>	-	<i>Danīličs</i>
<i>Август</i>	<i>August</i>	<i>Augusts</i>
<i>Voltaire</i>	<i>Voltaire</i>	<i>Voltaire</i>

Таб. 2

Пушкин	[Puschkin 1877]	[Puschkin 1949 II]	[Puschkin 1999]
<i>Василий Леонтьевич Кочубей</i>	<i>Wassily Leontjewitsch Kotschubei</i>	<i>Wassilij Leontjewitsch Kotschubee</i>	<i>Wassili Leontjewitsch Kotschubej</i>
<i>Обидовский</i>	-	<i>Obidowskij</i>	<i>Obidowski</i>
<i>Мазепа</i>	<i>Maseppa</i>	<i>Maseppa</i>	<i>Masepa</i>
<i>Матрена</i>	-	<i>Matrjona</i>	<i>Matrjona</i>
<i>Байрон</i>	-	<i>Byron</i>	-
<i>Дорошенко</i>	<i>Doroshenko</i>	<i>Doroschéńko</i>	<i>Doroschenko</i>
<i>Григорий Самойлович</i>	-	<i>Grigorij Samoilówitsch</i>	<i>Grigori Samoilowitsch</i>
<i>Петр, Петр I, Петр Великий</i>	<i>Peter</i>	<i>Peter I</i>	<i>Peter I, Peter der Große</i>
<i>Симеон Палей</i>	-	<i>Simon Palej</i>	<i>Simeon Palej</i>
<i>Костя Гордеенко</i>	-	<i>Kostja Gordéjenko</i>	<i>Kostja Gordejenko</i>
<i>Карл, Карл XII, Charles XII</i>	<i>Karl XII, Karl</i>	<i>Karl XII</i>	<i>Karl XII, Karl, Charles XII</i>
<i>Искра</i>	<i>Iskra</i>	-	<i>Iskra</i>
<i>Заленский</i>	-	<i>Salenski</i>	<i>Salenski</i>
<i>Дульская</i>	-	<i>Dulskaja</i>	<i>Dulskaja</i>
<i>Филипп Орлик</i>	<i>Philipp Orlik</i>	<i>Philipp Orlik</i>	<i>Filipp Orlik</i>
<i>Булавин</i>	-	<i>Bulawin</i>	<i>Bulawin</i>
<i>Шафиров</i>	-	<i>Schafrow</i>	<i>Schafrow</i>
<i>Головкин</i>	-	<i>Golowkin</i>	<i>Golowkin</i>
<i>Бантыш-Каменский</i>	-	<i>B. Kamenskij</i>	-
<i>Казы-Гирей</i>	-	<i>Kasy-Girej</i>	<i>Kasy-Girej</i>
<i>Иван Скоропадский</i>	-	-	<i>Iwan Skoropadski</i>
<i>Чечель</i>	-	<i>Tschetschel</i>	<i>Tschetschel</i>
<i>Меншиков</i>	-	<i>Menschikow</i>	<i>Menschikow</i>
<i>Voltaire</i>	-	-	<i>Voltaire</i>

В таблице 1 представлены эквиваленты ИС примечаний в переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] и в издании Ю. Ванагса [Puškins 1968 III], где наиболее полно и точно переданы примечания А. С. Пушкина. В таблице 2 указаны имеющиеся эквиваленты ИС примечаний в переводе А. Апарина [Puschkin 1877], в изданиях Й. Гюнтера [Puschkin

1949 II] и Г. Рааба [Puschkin 1999]. Многие ИС примечаний встречаются также в поэтическом тексте поэмы, и их эквиваленты в переводах были нами рассмотрены выше. Однако можно отметить, что в примечаниях многие ИС приведены в другой, более полной по сравнению с поэтической частью текста форме (например, в поэтическом тексте *Кочубей*, в примечаниях - *Василий Леонтьевич Кочубей*). Это связано с тем, что у ИС в примечаниях другая задача – точная идентификация упоминаемого лица.

В эквивалентах, которые еще не были рассмотрены в группе имен исторических лиц, можно отметить следующее. При передаче антропонимов этой группы наблюдаются те же проблемы, что и при передаче имен исторических лиц (передача русской графемы *ш*, непоследовательность при передаче конечного *-ий* в ранних немецких переводах). Это связано с тем, что имена примечаний тоже являются именами исторических лиц. Не соответствует современным требованиям передачи ИС *Матрена* в переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] - *Matréna*, где проблемной оказывается передача русского *ё* (ср. в более поздних немецких переводах - *Matrjona*), а также адаптированная к языку перевода передача фамилий на *-ов*: *Schafiroff*, *Mentschikoff*, потому что в немецком языке есть собственные фамилии на *-off* [Унбегаун 1989: 269]. В фамилии *Mentschikoff* допущена ошибка: при передаче в переводе в корне фамилии появилась лишняя буква. Адаптированы к принимающему языку и некоторые личные имена: *Симеон* (*Simon*) в издании Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] и *Григорий* (*Gregor*) в переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854]. ИС *Simon* и *Gregor* входят в немецкий именник [Александрова 2000: 86; 181]. С точки зрения сохранения национального колорита более удачными будут точные ономастические соответствия – *Simeon*, *Grigorij*. Двойная фамилия *Бантыш-Каменский* передана в переводе Ф. Боденштедта [Puschkin 1854] и в издании Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] так, как будто это инициал личного имени и фамилия - *B. Kamenskij*, *Б. Каменский*. ИС *Байрон* в эпитафье дается по-английски (*Byron*), как и сам эпитаф. Переводчики «Полтавы» переносят это ИС в исходной форме в свои тексты.

2. Семантика ИС.

В «Полтаве», как и в южных поэмах, мы имеем дело с диалогом стихотворного текста и прозаических примечаний. Однако здесь, как отмечает Ю. М. Лотман, «оппозиция «поэзия – проза» трансформируется в противопоставление «поэзия – история». В то время как поэма дает поэтическую версию сюжета, примечания реконструируют историческую» [Лотман 2000: 234].

ИС примечаний и эпитафя являются именами реальных лиц. Многие из этих ИС упоминаются и в поэтической части текста. Это ИС *Кочубей*, *Мазепа*, *Дорошенко*, *Самойлович*, *Петр*, *Палей*, *Гордеенко*, *Карл*, *Искра*, *Дульская*, *Орлик*, *Булавин*, *Чечель*.

Остальные ИС можно разделить на следующие группы:

1) ИС из эпиграфа - *Byron*.

Это ИС приводится также и в примечаниях – уже в русской графике (*Байрон*). Кроме исторических источников, для А. С. Пушкина при создании «Полтавы» важны и определенные художественные произведения. Нам необходимо указать на два из них. Это поэма К. Ф. Рылеева «Войнаровский» (ИС *Войнаровский* упоминается и в пушкинском тексте) и поэма Дж. Байрона «Мазепа». Своей поэме А. С. Пушкин предпосылает эпиграф из поэмы Дж. Байрона, появившейся за девять лет до «Полтавы» [Благой 1967: 278].

2) ИС, имеющие отношение к семье *Кочубя*: *Обидовский*, *Матрена*.

В примечаниях А. С. Пушкин указывает, что «у Кочубя было несколько дочерей; одна из них была замужем за *Обидовским*, племянником *Мазепы*. Та, о которой здесь упоминается, называлась *Матреной*» [IV: 222].

3) ИС, имеющие отношение в поэме к заговору Мазепы: *Заленский*, *Шафиров*, *Головкин*, *Казы-Гирей*, *Сусанна*, *Даниил*.

Как сообщается в примечаниях А. С. Пушкина [IV: 222-223], иезуит *Заленский* был одним из агентов измены *Мазепы*. Тайный секретарь *Шафиров* и граф *Головкин* были друзьями и покровителями *Мазепы*. Хан *Казы-Гирей* предлагал *Мазепе* совместно напасть на русское войско.

ИС *Сусанна*, *Даниил* тоже называются в примечаниях в связи с *Мазепой*: *Мазепа* в письмах требовал казни доносителей, «сравнивая себя с *Сусанною*, неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа *Головкина* с пророком *Даниилом*» [Пушкин IV: 223].

4) Другие ИС, связанные с историей Малороссии: *Бантыш-Каменский*, *Иван Скоропадский*.

Б. В. Томашевский называет «Историю Малой России» Д. Н. *Бантыша-Каменского* одним из основных источников для А. С. Пушкина при написании «Полтавы» [Томашевский 1977: 422]. *Иван Скоропадский* – новый гетман, выбранный казаками в 1708 году [Пушкин IV: 223].

5) *Меншиков*, *Данилыч*.

В немецких переводах не передано ИС *Данилыч*. Такое именование лица – только по отчеству (имеется в виду князь *Меньшиков*) – имеет свое значение в русском языке (см. §1.2. главы 1) и в пушкинском контексте (*Петр впоследствии времени многое прощал Данилычу за услуги, оказанные в сей день генералом князем Меншиковым*). Оно указывает на особые дружеские отношения между *Петром* и князем *Меншиковым*. Данная

информация является фоновой, и переводчики могли поэтому сознательно отказаться от использования ИС *Данилыч*.

6) *Август, Voltaire*.

А. С. Пушкин [IV: 223] указывает в качестве источника книгу *Вольтера* «История Карла XII», где описывается, в частности, как *Карл* ездил в Дрезден к королю *Августу* – своему врагу – на ужин. Исторические труды *Вольтера* входили в число источников, которые А. С. Пушкин изучал в связи с работой над поэмой «Полтава» [Томашевский 1977: 422].

Данная информация об ИС, если она отражена в пушкинских примечаниях, становится доступной и читателю перевода, в том случае, если примечания тоже переведены. Переводы, не включающие пушкинские примечания, лишают текст его важного структурообразующего компонента.

3. Функция ИС.

ИС эпиграфа и примечаний – это имена реальных лиц. Большинство из них имеет отношение к описываемым в поэме историческим событиям, следовательно, эти ИС выполняют функцию создания исторического колорита. ИС *Байрон* / *Byron* и *Voltaire* выполняют функцию создания литературных ассоциаций. Кроме того, ИС этой группы участвуют в создании диалогичности между поэтической частью поэмы и историческим комментарием. Все перечисленные функции реализуют лишь те переводы, в которых переданы пушкинские примечания. Наиболее точно это сделано в издании Ю. Ванагса [Puškins 1968], публикующего перевод А. Курцийса.

Отличительной чертой антропонимикона поэмы «Полтава» является широкое использование имен исторических лиц. Это объясняется жанровой спецификой текста.

Наиболее частотный способ передачи ИС «Полтавы», к которому прибегают переводчики, – это использование ономастических соответствий. Это объясняется составом антропонимикона, в котором преобладают имена исторических лиц. Для единичных антропонимов (*Карл, Петр, Христос, Иуда*) в языках перевода существуют свои традиционные соответствия, которые и используют переводчики. Если переводчики создают ономастические соответствия, то можно отметить, что авторы более ранних по времени создания переводов не всегда последовательны в передаче некоторых графем, т.к. переводческие нормы (в том числе и в вопросе передачи ИС) еще не были разработаны.

В отдельных случаях переводчики используют описательный перевод. Злоупотребление этим способом (в переводе Р. Липперта) приводит к тому, что

антропонимический состав уменьшается в три раза, а вместе с этим утрачивается исторический колорит, возникающий за счет перечисления имен исторических лиц.

Особенности семантики ИС поэмы «Полтава» связаны с составом антропонимикона. За каждым именем исторического лица стоит фоновая информация, в большей или меньшей степени известная как читателю оригинала, так и читателю перевода. Поэтому важной оказывается роль комментария. Мы видели, что в некоторых изданиях переводов «Полтавы» переводчики или издатели помещали, наряду с пушкинским, и свой комментарий. Такое решение мы считаем рациональным, поскольку всю фоновую информацию такой насыщенной поэмы, как «Полтава», невозможно вместить непосредственно в художественный текст, а жанровая специфика текста вполне допускает обширное комментирование.

Имена исторических лиц, включенные в художественный текст, подчиняются законам художественного текста, т.е. могут обрести всевозможными дополнительными смыслами, благодаря актуализации этимологии (*Кочубей* – тюрк. *küçük bej*), включению в фольклорный строй речи (*Мария*), столкновению значений ИС и нарицательного (*Карл* – *карла*). Для создания исторического колорита важным оказывается количество имен исторических лиц в тексте, а перечисление имен создает стилистический эффект исторической хроники.

В поэме «Полтава» существенную роль играют авторские примечания, включающие в том числе и антропонимы. Примечания не были восприняты всеми переводчиками и издателями рассматривавшихся переводов в качестве части единого художественного целого, поэтому передавались не полностью или не передавались совсем. Это нарушает принцип диалогичности, являющийся конструктивным принципом построения пушкинского текста.

ИС «Полтавы» выполняют следующие функции:

1. Создание исторического колорита. Это самая частотная функция ИС поэмы. Ее реализуют имена исторических лиц и ИС примечаний.
2. Создание фольклорного колорита (*Мария*).
3. Функция характеристики персонажа (*Кочубей, Иуда*).
4. Функция создания литературных и культурных ассоциаций (*Байрон, Христос, Иуда, Voltaire*).
5. Констелляция (*Карл – Петр*).
6. Функция создания диалогичности (ИС примечаний).

Создание исторического колорита наилучшим образом передается в переводах, включающих пушкинские примечания, а также свой комментарий (переводчика или

издателя). Для передачи фольклорного колорита (*Мария*) и функции характеристики (*Кочубей*) также желателен, на наш взгляд, переводческий комментарий, в то время как литературные и культурные ассоциации, связанные с ИС *Байрон*, *Христос*, *Иуда*, *Voltaire*, если и нуждаются в комментарии, то не только для читателя перевода, но и оригинала. Функция констелляции (*Карл – Петр*) передается в переводах при опоре на ближайшие контексты. Для передачи функции диалогичности самым главным условием является передача самих пушкинских примечаний в переводе.

6. Антропонимы в поэме «Домик в Коломне» и в текстах переводов

6.1. Общая характеристика антропонимикона

Антропонимикон поэмы «Домик в Коломне» образуют 15 антропонимических единиц. Имя главной героини поэмы – *Параша (Пашенька)*, имя домашней кухарки – *Мавра (Мавруша, Маврушка)*, а также упоминаемые имена других близких и домочадцев (*Вера Ивановна, Фекла / Феклуша*). Остальные упоминаемые ИС распределяются по трем небольшим группам:

- 1) ИС, связанные с темой античности (*Феб, Диана*),
- 2) Имена писателей и художников (*Эмин, Шихматов, Рембрандт*),
- 3) Имена полководцев (*Тамерлан, Наполеон*).

6.2. Передача антропонимов в переводах

Проанализируем передачу антропонимов в следующих переводах:

- немецкий перевод: М. Ремане [Puschkin 1999];
- латышские переводы: А. Пленснерса [Puškins 1949a] и М. Бендрупе [Puškins 1968 III].

6.2.1. Имя главной героини

1. Особенности формы.

Параша – краткая форма имени *Прасковья* [Петровский 1995: 244]. В пушкинском тексте один раз встречается и экспрессивная форма этого ИС – *Пашенька* (в обращении матери героини к своей дочери). Для формы *Параша* все переводчики используют ономастические соответствия: нем. *Parascha* / лтш. *Paraša*, в переводе А. Пленснерса [Puškins 1949a], правда, эта форма непоследовательно появляется то со знаком долготы, то без него (*Paraša / Parāša*). Но следует отметить, что только в его переводе дан комментарий к ИС *Параша*: «*Parāša* (ударение на втором слоге) – у русских обычное сокращение, вероятно от *Praskovja*» (пер. наш) [Plensners 1949: 67]. Для экспрессивной формы *Пашенька* особые эквиваленты создают латышские переводчики: *Rašeņka* [Puškins 1968 III], *Rašiņ* [Puškins 1949a]. Последняя форма создана по правилам латышского языка, ср. *Анна* – *Anniņa (Anniņ! - форма звательного падежа)* при помощи деминутивного суффикса *-iņ(š) / -iņ(a)* [MLLVG 1959: 112], что является, на наш взгляд, излишней адаптацией к языку перевода. Немецкий переводчик решает особого эквивалента для единственного употребления экспрессивной формы не создавать, что позволяет избежать проблем с сохранением тождества имени в языке перевода.

2. Семантика ИС.

ИС главной героини – *Параша* - уже встречалось в поэме «Граф Нулин». Это краткая форма ИС *Прасковья* – имени, маркированного стилистически и социально как простонародное [Верецагин, Костомаров 1990: 57]. Сравним контексты с ИС *Параша* / *Пашенька* в переводах:

1) *Параша (так звалась красotka наша)...* [IV: 238]

Parascha war der Name unsrer Schönen... [Puschkin 1999: 263]

Paraša (skaistuli tā sauca)... [Puškins 1968 III: 328]

Paraša (daiļajai bij vārds tāds dots)... [Puškins 1949a: 38]

2) *Обедня кончилась; пришла Параша.*

«Что, маменька?» - «Ах, Пашенька моя!

Маврушка...» - «Что, что с ней?» - «Кухарка наша...

Опомниться досель не в силах я...» [IV: 243]

Die Messe war zu Ende. Heimgekommen,

Betrat Parascha schnell das Schlafgemach.

Die arme Alte schien noch ganz benommen,

Als sie, vor Schrecken zitternd, schließlich sprach:

„Mawruscha...“ – „Ja, was ist?“ – „Statt einer frommen,

Ehrlichen Köchin... Täubchen... Tochter... ach... [Puschkin 1999: 269]

Pēc dievkalpojuma nāk meita mājās.

„Nu, māmiņ?” – „Pašeņka, jel paklausies!

Mavruška...” – „Ko?” – „Ai, tas nav iedomājams...

Ne atžirgt, kā es nobijos, paties... [Puškins 1968 III: 335]

Pēc dievvārdiem Parāša mājā nāk.

„Nu māmiņ, kas?” – Ai Pašiņ, meitiņ manu!

Tā Marva... - „Kas ar to?” – Ak, kā lai sāk?

Vēl nevaru es atgūt apjēgšanu... [Puškins 1949a: 59].

Экспрессивная форма ИС *Пашенька* подчеркивает, что это обращение матери к дочери, а также экспрессию, обусловленную самой ситуацией: мать героини волнуется, ее речь сбивчива. Данная ситуация передается и в переводах, благодаря ближайшим контекстам. В переводе М. Ремане [Puschkin 1999] отсутствие экспрессивной формы ИС не приводит к

утрате экспрессии. В обращении к дочери мать использует слово *Täubchen* - umg., vertraul. 'als zärtliche Anrede einer weiblichen Person' [DWDS] – доверительное разговорное обращение к женщине. Это способствует передаче экспрессии.

3. Функция ИС.

ИС *Параша* называет главную героиню поэмы. Это краткая форма ИС *Прасковья*, выполняющая функцию обращения к близкому человеку. В двух переводах эта функция утрачивается, т.к. читатели переводов не обладают фоновой информацией о соотношении форм *Прасковья* – *Параша*, и эту информацию следовало бы поместить в комментарии, как это осуществлено в переводе А. Пленснера [Puškins 1949a]. Не реализуется в переводах по тем же причинам и функция стилистической и социальной характеристики.

6.2.2. Имена близких и домочадцев

1. Особенности формы.

При передаче ИС данной группы используются следующие соответствия:

А. С. Пушкин	<i>Мавра, Мавруша, Маврушка</i>	<i>Фекла, Феклуша</i>	<i>Вера Ивановна</i>
М. Ремане [Puschkin 1999]	<i>Mawra, Mawruscha</i>	<i>Köchin, Magd</i>	<i>Base</i>
А. Пленснерс [Puškins 1949a]	<i>Marva, Marviņ</i>	<i>Tekla, nelaiķe</i>	<i>Vera</i>
М. Бендрупе [Puškins 1968 III]	<i>Mavra, Mavruša, Mavruška</i>	<i>Fjokla</i>	<i>Vera</i>

Проблема передачи имени кухарки *Мавры* в переводах связана также с тем, что в пушкинском тексте используются три формы имени: полная (*Мавра*) и экспрессивные (*Мавруша, Маврушка*). М. Бендрупе [Puškins 1968 III] использует ономастические эквиваленты для всех трех форм ИС: *Mavra, Mavruša, Mavruška*. В переводе А. Пленснера [Puškins 1949a] намеренно или случайно происходит преобразование имени: *Мавра* - *Marva*, и уже от него образуется экспрессивная форма *Marviņ* по правилам латышского языка (по аналогии с *Пашенька* - *Pašiņ*). Возможно, переводчик имел в виду ИС *Марфа*, от которого могут быть образованы аналогичные экспрессивные формы *Марфуша* и *Марфушка*, и тогда в переводе это ИС должно читаться как [marfa]. М. Ремане [Puschkin 1999] тоже использует только две формы ИС – *Mawra, Mawruscha*, за счет чего перевод частично утрачивает экспрессивность, ведь форма *Маврушка* обусловлена контекстом – она появляется во взволнованной, эмоциональной речи матери героини (см. выше контекст 2 для ИС *Параша*).

Для передачи ИС *Фекла* / *Феклуша* ономастическое соответствие использует М. Бендрупе [Puškina 1968 III], но ограничивается лишь передачей полной формы ИС *Fjokla*. М. Ремане [Puschkin 1999] использует описательный перевод – *Köschin* (кухарка), *Magd* (служанка). А. Пленснерс [Puškina 1949a] использует в качестве эквивалента ИС *Tekla*, которое является западноевропейским вариантом ИС *Фекла* (см. семантику), и описательный перевод – *nelaiķe* (покойница).

Для передачи ИС *Вера Ивановна* М. Ремане [Puschkin 1999] использует описательный перевод – *Base* (кузина), а латышские переводчики – ономастическое соответствие имени *Вера*, без отчества. О семантике эквивалентов будет сказано далее.

2. Семантика ИС.

Имя главной героини и ее родственников и домочадцев – это имена «стихотворной повести» о «малых людях, о петербургском захолустье», имена повести, объектом которой является мещанский быт [Томашевский 1990а: 230 – 231]. ИС *Мавра*, *Фекла*, *Вера* входят в русский именник [Петровский 1995: 90, 193, 289]. ИС *Мавра* и *Фекла* имеют греческое происхождение [там же]. В русском обиходе в силу определенных исторических обстоятельств (см. главу 1, §1.2.3.) они воспринимаются как простонародные.

Проблема передачи имени кухарки *Мавры* в переводах связана также с тем, что в пушкинском тексте используются три формы имени: полная (*Мавра*) и экспрессивные (*Мавруша*, *Маврушка*). Сравним эквиваленты этих форм в переводах:

1) «А как зовут?» – «А Маврой». – Ну, Мавруша,
Живи у нас; ты молода, мой свет... [IV: 241]

*Als sie des Mädchens Namen dann vernommen,
Sprach sie: „Bist jung, Mawruscha... [Puschkin 1999: 268]*

„Kā tevi sauc?” – „Par Mavru.” – „Labi, strādā
Pie mums.” [Puškina 1968 III: 333]

„Kā sauc?” – A, Marva. – „Marviņ, tad
Nu dzīvo te.” [Puškina 1949a: 53]

2)... Ее увидя,
Та, второпях, с намыленной щекой... [IV: 243]

...Bet Mavruša –

Vaigs ziepju putās – žigli, ko vien prot... [Puškins 1968 III: 335]

3)... *В кухарке толку*

Довольно мало... [IV: 242]

...Daß Mawra kaum geschickt als Köchin war [Puschkin 1999: 268]

4) *Маврушка...* - «*Что, что с ней?*» [IV: 243]

Mavruška... - „*Ko?*” - „*Ai, tas nav iedomājams...*” [Puškins 1968 III: 335].

За исключением перевода М. Бендрупе [Puškins 1968 III], эквивалент формы ИС *Маврушка* нигде не сохраняется, поэтому переводы частично утрачивают экспрессивность, ведь форма *Маврушка* обусловлена контекстом – она появляется во взволнованной, эмоциональной речи матери героини (см. выше контекст 2 для ИС *Параша*). Но и в переводе М. Бендрупе, и в двух других переводах, читатель не обладает необходимой фоновой информацией для того, чтобы соотнести между собой две или три формы ИС и понять, какая из них связывается с каким значением. Такая информация могла бы быть помещена в комментарии.

ИС *Фекла* имеет греческое происхождение, и в западноевропейских языках оно существует в варианте *Tekla* [Суперанская 2004: 442], который и был использован А. Пленснерсом [Puškins 1949a]. Нам все же представляется, что при этом происходит отступление от стилистики оригинала. Герои поэмы «Домик в Коломне» носят обычные русские имена, что и следовало отразить в переводе. Кроме того, использование традиционного ономастического соответствия в переводах последовательно применяется лишь для передачи имен исторических лиц или других широко известных лиц. К ИС *Фекла* в «Домике в Коломне» это не относится. ИС бывшей кухарки также в оригинале представлено двумя формами – *Фекла* и *Феклуша*:

1) *Стряпуха Фекла, добрая старуха...* [IV: 238]

Der Köchin, welche taub auf beiden Ohren... [Puschkin 1999: 263]

Pie pavarā tai mēdza līdzās stāt

Vēl ķēkša Fjokla... [Puškins 1968 III: 328]

Gan arī Tekla – vecenīte labā [Puškins 1949a: 38]

2) *...Покойница Феклуша*

Служила мне в кухарках десять лет... [IV: 241]

*... Zehn Jahr vertrauten dieser frommen,
Getreuen Magd wir ganz...* [Puschkin 1999: 268]

*Kā Fjokla, kura desmit gadus šeit,
Man kalpodama...* [Puškins 1968 III: 333]

*...Tā nelaiķe nekad
Par goda lietām nebija te rāta,
Kaut gadu desmits pagāja nupat...* [Puškins 1949a: 53].

М. Бендрупе [Puškins 1968 III] ограничивается лишь передачей полной формы ИС *Fjokla*, что для такого эпизодического лица, на наш взгляд, вполне допустимо. М. Ремане [Puschkin 1999] использует описательный перевод – *Köchin* (кухарка), *Magd* (служанка):

Köchin, die от *Koch, der* – ‘Fachmann, der in der Zubereitung von Speisen ausgebildet ist’ [DWDS],

Magd, die - veraltend ‘weibliche Person, die in einer privaten bäuerlichen Wirtschaft in einem Arbeitsverhältnis steht und die niederen, schweren Arbeiten verrichtet’ [DWDS].

Наименее удачным является вариант ИС, предложенный А. Пленсерсом [Puškins 1949a] – *Tekla*, т.е. использование ИС, входящего в латышский именник [Silpiņš 1990: 304] и не входящего в русский, что ведет к утрате национального колорита. Описательный перевод *nelaiķe* (покойница), использованный тем же переводчиком во втором контексте, представляется нам более удачным, т.к. соответствует словосочетанию оригинала *покойница Феклуша*, ср.:

nelaiķe - ‘miris cilvēks, mirušais’ [LLVV 1972 V: 404]- покойница.

Имя двоюродной сестры *Параши* – *Вера Ивановна* – вызывает затруднение у переводчиков своей формой имя + отчество, характерной для русского языка:

*...хоть при дворе жила
Ее сестра двоюродная, Вера
Ивановна, супруга гоффурьера* [IV: 240]

*Obwohl durch eine Base, deren Gatte
Hoffurier war, sie dort Beziehung hatte* [Puschkin 1999: 266]

...lai gan galma aprindās

Bij viņai kāda radiniece Vera,

Kas apprecējusies ar hoffurjeru [Puškins 1968 III: 331]

Kaut galmā zināja tā radi Veru,

Kas bija precēta ar hoffurjēru [Puškins 1949a: 48].

М. Ремане [Puschkin 1999] использует описательный перевод – *Base* (кузина): *Base* - ‘Cousine’ [DWDS]. Поскольку это упоминаемое ИС, то такое решение является вполне оправданным. Латышские переводчики используют ономастическое соответствие имени *Вера*, без отчества, что в приведенном контексте, как нам кажется, вполне допустимо, т.к. здесь речь не идет о подчеркнуто вежливом обращении (ср. ИС *Наталья Павловна* в «Графе Нулине»).

3. Функция ИС.

ИС данной группы выполняют функцию локальной характеристики. Вместе с другими лексическими и стилистическими средствами они создают картину петербургского захолустья, помещичьего быта. Реализации этой функции препятствует ИС *Tekla*, которое не входит в русский именник. Русский национальный колорит передают также различные формы ИС, которые используются в тексте поэмы (*Мавра – Мавруша – Маврушка, Вера Ивановна* и т.п.). Для читателя перевода необходим комментарий, содержащий фоновую информацию о значении таких форм. Различные формы ИС (*Мавра – Мавруша – Маврушка, Вера Ивановна, Фекла – Феклуша*) выполняют функцию стилистической градации.

6.2.3. ИС, связанные с темой античности

1. Особенности формы.

При передаче двух антропонимов этой группы переводчики используют следующие эквиваленты:

А. С. Пушкин	<i>Феб</i>	<i>Диана</i>
М. Ремане [Puschkin 1999]	<i>Apoll</i>	<i>Diana</i>
А. Пленснерс [Puškins 1949a]	<i>Zibeņmetējs</i>	<i>Diana</i>
М. Бендрупе [Puškins 1968 III]	<i>Fēbs</i>	<i>Mēness</i>

Для ИС *Феб* ономастический эквивалент использует только М. Бендрупе [Puškins 1968 III] – *Fēbs*, М. Ремане [Puschkin 1999] предлагает преобразующий перевод *Apoll*, вариант А. Пленснерса [Puškins 1949a] – преобразующий перевод *Zibeņmetējs* (мечущий молнии), ср.:

zibens – ‘redzamā elektriskā izlāde, kas veidojas mākoņos vai starp mākoņiem un zemi, ja ir liela potenciālu starpība’ [LLVV 1972 VIII: 615] – молния,

mest – ‘ar atvērtiem virzīt, panākt, ka virzas pa gaisu’ [LLVV 1972 V: 170] – кидать, метать.

Такое именование является аналогом русского *Громовержец*, т.е. перифрастическим наименованием *Зевса* [ИМС 2001: 133], а не *Феба* / *Аполлона* и не может быть признано удачным решением. Для ИС *Диана* ономастические эквиваленты используют М. Ремане [Puschkin 1999] и А. Пленснерс [Puškins 1949a] – *Diana*. В издании Г. Рааба, где помещен перевод М. Ремане, содержится, кроме того, отсылка к комментарию этого ИС, данному для поэмы «Руслан и Людмила» [Raab 1999: 393]. М. Бендрупе [Puškins 1968 III] использует описательный перевод – *Mēness* (луна), ср.:

Mēness – ‘Zemes dabiskais pavadonis’ [LLVV 1972 V: 156].

2. Семантика ИС.

Тематическая группа ИС, связанных с античностью, выделялась нами и для ИС поэмы «Руслан и Людмила», где она была широко представлена (см. § 1.2.3. главы 2). В «Домике в Коломне» всего два антропонима отнесены нами к этой группе – *Феб* и *Диана*, причем оба эти ИС встречались и в «Руслане и Людмиле». Но если в раннем творчестве А. С. Пушкина античные имена использовались в традиционных поэтических схемах, то в «Домике в Коломне», созданном в 1830 году, они заключаются в иные стилистические контексты:

1)...Порос кривою Парнас;

В отставке Феб живет... [IV: 236].

ИС бога солнца и поэзии *Феба*, маркированное изначально как стилистически высокое, заключается в прозаический контекст (*Феб* живет в отставке, как генерал).

2) Зимой ставни закрывались рано,

Но летом до ночи растворено

Все было в доме. Бледная Диана

Глядела долго девушке в окно.

(Без этого ни одного романа

Не обойдется; так заведено!)

Бывало, мать давным-давно храпела,

А дочка – на луну еще смотрела

И слушала мяуканье котов... [IV: 238].

Воспроизведение явлений природы в мифологических образах, в том числе и именование луны *Дианой*, широко практиковалось в поэзии XVIII – начала XIX века и

было традиционным поэтизмом, маркируя контекст как стилистически высокий [Григорьева 1969: 61]. Но здесь авторская ирония по поводу поэтического клише видна и в прямой оценке (*Без этого ни одного романа / Не обойдется; так заведено!*), и в столкновении поэтизма с явными прозаизмами (*храпеть, мяуканье котов*).

Сравним контексты с эквивалентами ИС *Феб* и *Диана* в переводах:

1) *В отставке Феб живет...* [IV: 236]

Apoll ist pensioniert... [Puschkin 1999: 261]

Fēbs atvaļināts. [Puškins 1968 III: 325]

...Zibeņmetējs / Jau pensijā. [Puškins 1949a: 22]

2) *...Бледная Диана*

Глядела долго девушке в окно. [IV: 238]

Im Sommer konnt Diana lange sehen

Tief in des Mädchens Stube oft zur Nacht. [Puschkin 1999: 264]

...Mēness ilgi vērās

Parašas logā... [Puškins 1968 III: 329]

Un Dianai tad tikās gaismu liet,

Līdz sudrabstaros mirga būdas kakti. [Puškins 1949a: 40].

Эквиваленты ИС *Феб* заключаются в аналогичные по иронии контексты слов:

pensionieren – ‘jemanden, der auf eine Pension Anspruch hat, in den Ruhestand versetzen’ [DWDS] – отправить на пенсию,

atvaļināt – ‘demobilizēt’, ‘atļaut uz kādu laiku aiziet no darba’ [LLVV 1972 I: 474] – демобилизовать, дать отпуск,

iet pensija – ‘aiziet no regulāra algota darba un saņemt pensiju’ [LLVV 1972 VI 1: 603] – уйти на пенсию.

М. Ремане [Puschkin 1999] предлагает преобразующий перевод *Apoll*, но, как мы указывали в § 1.2.3. главы 2, *Аполлон* и *Феб* – используются А. С. Пушкиным как взаимозаменяемые имена, так что замена ИС не препятствует передаче смысла оригинала. Вариант А. Пленснерса [Puškins 1949a] *Zibeņmetējs* (мечущий молнии), который является аналогом русского *Громовержец*, т.е. перифрастическим наименованием *Зевса*, а не *Феба* / *Аполлона* и не может быть признан удачным решением, т.к. такая замена ИС меняет и смысл подлинника.

Описательный перевод М. Бендрупе [Puškina 1968 III] для ИС *Диана – Mēness* (луна), приводит к утрате экспрессивности, заложенной в оригинале, благодаря столкновению стилистически высокого и низкого в одном контексте.

3. Функция ИС.

ИС данной группы выполняют функцию создания культурных ассоциаций (ассоциаций с темой античности). Однако «Домик в Коломне» создан в 1830 году, и его стилистика существенно отличается от стилистики «Руслана и Людмилы» (1817-1820), поэмы, изобилующей ИС, связанными с темой античности. Как отмечает С. М. Бонди [1975], в «Домике в Коломне» все полемично. В эту полемичность включаются и ИС: А. С. Пушкин заключает такие стилистически маркированные как высокие ИС *Феб* и *Диана* в стилистически низкие контексты, так что и клишированное именование луны *Дианой* тоже является частью общей полемичности. Таким образом, ИС *Феб* и *Диана* выполняют функцию создания иронии. Обе функции могут быть в полной мере реализованы в переводах. Ошибка А. Пленснерса [Puškina 1949a], передавшего ИС *Феб* как *Zibērmetējs* (мечущий молнии), связана с переводческой ошибкой еще на этапе понимания текста.

6.2.4. Имена писателей и художников

1. Особенности формы.

Для передачи ИС данной группы переводчики используют ономастические соответствия:

А. С. Пушкин	<i>Шихматов</i>	<i>Эмин</i>	<i>Рембрандт</i>
М. Ремане [Puschkin 1999]	<i>Schichmatow</i>	<i>Emin</i>	<i>Rembrandt</i>
А. Пленснерс [Puškina 1949a]	- <i>Šachmatovs</i>	<i>Emins</i>	<i>Rembrants</i>
М. Бендрупе [Puškina 1968 III]	<i>Šihmatovs</i>	<i>Emins</i>	<i>Rembrants</i>

А. Пленснерс пропустил контекст с ИС *Шихматов* в основном тексте перевода, но привел его в комментарии, сославшись на то, что для латышского читателя он мало понятен, но допустил при этом ошибку в написании ИС - *Šachmatovs* [Plensners 1949: 65].

Передача ИС *Рембрандт* как *Rembrants* в латышских переводах соответствует норме при передаче групп согласных в фамилиях иноязычного происхождения: *dt* передается как *t* [Par vārdu un uzvārdu... 1999: 55].

О передаче фамилий на *-ов* и русской графемы *ш* в немецких переводах было сказано в §3 и §5 данной работы.

2. Семантика ИС.

ИС *Шихматов* – имя поэта *С. А. Ширинского-Шихматова* (1785-1837), который писал поэмы религиозного содержания и считал невозможным применение глагольных рифм [Томашевский 1977: 426] – появляется в связи с авторскими рассуждениями о поэзии. В первоначальной редакции поэма «Домик в Коломне» содержала целый ряд строф, посвященных литературной полемике [Пушкин IV: 391 - 396], затем они были исключены из основного текста.

Сравним контексты с ИС *Шихматов*:

Вы знаете, что рифмой наглагольной

Гнушаемся мы. Почему? спрошу.

Так писал Шихматов богомольный;

По большей части так и я пишу. [IV: 234]

Hab ich, Schichmatow gleich, wie man gesehen,

Bisher auch diese Bräuche respektiert,

Warum, beim Himmel, sollte ich mich schämen,

Von nun an Verben für den Reim zu nehmen! [Puschkin 1999: 259]

Kaut atskaņas, no verbiem darinātās,

Pie tums nav cieņā nezin kālabad.

Šihmatovs svētais nopēlis ir tādas

Un pats es bieži. Kāpēc gan?... [Puškins 1968 III: 323].

Из контекстов (как оригинального, так и переводных) понятно, что речь идет о манере письма. Но в целом сегодняшнему русскому читателю необходим комментарий к ИС *Шихматов*, как и читателю перевода. Поэтому использование наряду с ономастическим эквивалентом *Schichmatow* [Puschkin 1999] / *Šihmatovs* [Puškins 1968 III] комментария, как это сделано в изданиях Г. Рааба и Ю. Ванагса, где помещены данные переводы, представляется нам оптимальным решением. Своеобразный комментарий сделан А. Пленснерсом [Puškins 1949a]. Он вообще пропустил контекст с ИС *Шихматов* в основном тексте перевода поэмы (поэтому он и не был приведен выше), но привел его в комментарии, сославшись на то, что для латышского читателя он мало понятен [Plensners 1949a: 65].

ИС *Эмин* – имя популярного в мещанских кругах писателя XVIII века *В. А. Эмина* [Томашевский 1977: 426]. Оно используется в характеристике главной героини:

В ней вкус был образованный. Она

Читала сочиненья Эмина. [IV: 237]

Zudem war sie gescheit, las Bücher gar

Von Emin (was die Mutter kaum beglückte... [Puschkin 1999: 262]

Un gaume izglītota bija, zinu:

Tā lasīja it cīfīgi Eminu. [Puškins 1949a: 35]

...Gaume izkopta turklāt,

Jo Eminu tā lasīja labprāt... [Puškins 1968 III: 327].

ИС *Эмин* не является широко известным в том числе и современному русскому читателю, поэтому использование комментария к этому имени в изданиях Г. Рааба [Puschkin 1999] и Ю. Ванагса [Puškins 1968] является закономерным.

ИС *Рембрандт* – имя великого голландского живописца и гравера (1606-1669) [Кругосвет 2005] – является единичным антропонимом и не требует комментария для среднего русского или иностранного читателя. Это ИС используется для характеристики внешности матери героини:

Старушка (я стократ видал точь-в-точь

В картинах Рембрандта такие лица)

Носила чепчик и очки. [IV: 237]

Die Witwe war, bebrillt, bigott und alt,

Mit zügen, wie sie Rembrandt oft gemalt. [Puschkin 1999: 262]

Tā vecīte (pie Rembranta uz mata

Var seju tādu redzēt bieži vien)... [Puškins 1949a: 35]

Bij aube galvā vecītei aizvien,

Uz acīm brilles (tieši tādas vaigus

Ir Rembrants gleznojīs reiz bieži vien). [Puškins 1968 III: 327].

3. Функция ИС.

ИС *Эмин* и *Рембрандт* участвуют в создании характеристики персонажей поэмы (*Параша* и ее матери). В отношении ИС *Эмин* эта функция может реализоваться в переводе только при наличии комментария. ИС *Шихматов* участвует в создании колорита пушкинской эпохи, является отражением литературной полемики того времени. Эта

функция также не может быть реализована в переводах без создания комментария. Кроме того, все три ИС этой группы выполняют функцию создания культурных ассоциаций.

6.2.5. Имена полководцев

1. Особенности формы.

Почти все эквиваленты ИС данной группы – *Наполеон* и *Тамерлан* - являются ономастическими соответствиями: нем. *Napoleon, Tamerlan*, лтш. *Napoleons, Tamerlans / Tamerlāns*, за исключением одного преобразующего перевода - ИС *Bonapārts*, которое использует А. Пленснерс [Puškins 1949a: 19].

2. Семантика ИС.

ИС *Тамерлан* – имя среднеазиатского правителя, полководца и завоевателя (1336–1405) *Тимура (Тамерлана)* [Кругосвет 2005]. *Наполеон Бонапарт (Napoléon Bonaparte)* (1769–1821) - выдающийся французский полководец и государственный деятель [Кругосвет 2005]. Оба ИС являются единичными антропонимами, именами, широко известными как русскому, так и немецкому и латышскому читателю. В поэме «Домик в Коломне» с *Тамерланом* и *Наполеоном* сравнивается поэт:

*Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!
Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем.
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон. [IV: 235].*

Единичные антропонимы - *Тамерлан* и *Наполеон* – выступают в переносном значении: поэт сравнивается с *Тамерланом* и *Наполеоном* как с великими полководцами, поэт является полководцем для своих стихов, что подкрепляется и соответствующей лексикой в этой строфе (*вести строй за строем, войско, бой, глядит героем*).

Сравним передачу этих ИС в переводах:

*А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон. [IV: 235]*

So daß man von dem Dichter sagen kann:

Er gleicht Napoleon oder Tamerlan. [Puschkin 1999: 260]

Bet dzejdari kam pielīdzināt gan?

Pats Napoleons viņš vai Tamerlans. [Puškins 1968 III: 324]

Bet dzejniekam kāds epitets lai kārts?

Tas – Tamerlāns vai pat jau – Bonapārts... [Puškins 1949a: 19].

В переводах также очевидно сравнение стихотворца (нем. *Dichter*, лтш. *dzejdaris*, *dzejnieks*) с Наполеоном и Тамерланом, ср.:

Dichter, der – ‘mit starker Empfindungs-, Erlebnis- und Ausdrucksfähigkeit begabter Schöpfer eines sprachlichen Kunstwerkes’ [DWDS],

dzejdaris, dzejnieks – ‘rakstnieks, kas sacer dzejoļus’ [LLVV 1972 II: 434].

Преобразующий перевод *Bonapārts* никакого противоречия с оригиналом не имеет, т.к. по-русски *Наполеона* тоже называют *Бонапарт* (см. выше).

3. Функция ИС.

ИС данной группы используются в авторском отступлении в связи с рассуждением о манере письма. Литературная полемика занимала важное место в первоначальной редакции поэмы, в итоговом варианте текста данные ИС отсылают к истории создания поэмы. Информация об этом может быть помещена в комментарии. Однако ИС *Наполеон* и *Тамерлан* – единичные антропонимы, выступающие в переносном (метафорическом) значении. Эта их функция всецело реализуется в переводах.

Антропонимикон поэмы «Домик в Коломне» образуют 15 антропонимических единиц.

Имя главной героини поэмы, имена близких и домочадцев – это имена «стихотворной повести» о «малых людях» [Томашевский 1990a]. Остальные упоминаемые ИС распределяются по трем небольшим группам: ИС, связанные с темой античности, имена писателей и художников, имена полководцев.

Для переводчиков поэмы «Домик в Коломне» особую сложность составляет передача экспрессивных форм личных имен (*Пашенька, Феклуша, Мавруша, Маврушка*) при наличии в тексте полных (*Мавра, Фекла*) или кратких (*Параша*) форм тех же ИС, а также передача формы имя + отчество (*Вера Ивановна*), характерной для русского, но не латышского и немецкого языков. Передавая все формы личного имени, которые названы в оригинале, переводчик рискует нарушить в читательском восприятии тождество имени. Передавать все формы личных имен оригинала при помощи ономастических соответствий, на наш взгляд, можно, особенно, если это имена главных персонажей, но тогда необходим переводческий комментарий, в котором можно разъяснить, что это формы одного ИС. Наименее удачной, по нашему мнению, передачей имен главных

(*Пашенька, Мавруша*) и упоминаемого (*Фекла*) персонажей, являются варианты, предложенные А. Пленснерсом [Puškins 1949a]: *Rašīn, Marvīn, Tekla*, которые слишком адаптированы к языку перевода и разрушают национальный колорит. Передача ИС, связанных с темой античности, не представляет особых трудностей, и ошибка А. Пленснера [Puškins 1949a], передавшего ИС *Феб* как *Zibeņmetējs* (мечущий молнии), связана с переводческой ошибкой еще на этапе понимания текста. В связи с именами писателей *Эмин, Шихматов* вновь актуальным становится вопрос о переводческом (или издательском) комментарии, наличие которого в изданиях Г. Рааба [Puschkin 1999] и Ю. Ванагса [Puškins 1968] облегчает понимание текста читателю перевода. При передаче семантики ИС сложности вызывает и передача стилистической и социальной маркированности ИС (*Параша, Мавра, Фекла*).

Среди функций ИС поэмы «Домик в Коломне» были выделены:

1. Характеристика персонажа (*Параша, Эмин, Рембрандт*).
2. Локальная характеристика:
 - характеристика места действия (*Параша, Фекла, Мавра, Вера Ивановна*),
 - создание колорита пушкинской эпохи (*Шихматов*).
3. Функция стилистической градации:
 - обращение к близкому человеку (*Параша*),
 - экспрессивное обращение (*Маврушка, Пашенька*).
4. Создание культурных и исторических ассоциаций (*Феб, Диана, Эмин, Рембрандт, Тамерлан, Наполеон*).
5. Создание иронии (*Феб, Диана*).

Наибольшие трудности для передачи в переводе представляют локальная характеристика, функция обращения к близкому человеку, функция экспрессивного обращения, создание колорита пушкинской эпохи. Функция обращения к близкому человеку, функция экспрессивного обращения представляют для переводчиков трудность, т.к. краткие (*Параша*) экспрессивные формы личных имен (*Пашенька, Феклуша, Мавруша, Маврушка*) характерны для русского языка и регулярны в нем, а в латышском и немецком литературном языке такой регулярности форм не наблюдается (см. главу 1, §1.2.2.).

7. Антропони́мы в поэме «Медный всадник» и в текстах переводов

7.1. Общая характеристика антропонимикона

Для поэмы «Медный всадник», так же как и для «Полтавы», важна историческая проблематика. Здесь А. С. Пушкин «раскрывает проблему исторической роли Петра, значение той ломки, которой подверглась старая Россия в результате реформ начала XVIII века» [Томашевский 1990а: 248]. Но в «Медном всаднике» излагаемые события – «лишь образы, в которых воплощается историческая мысль А. С. Пушкина, его размышления о судьбах России» [там же: 247]. Иная по сравнению с «Полтавой» творческая установка автора сказывается и на антропонимическом составе поэмы, в котором уже нет такого явного преобладания имен исторических лиц. Но так же, как и в «Полтаве», А. С. Пушкин создает собственные примечания к тексту, в которые включаются и некоторые ИС.

Антропони́мы «Медного всадника» мы разделим на три группы:

- 1) Имена вымышленных персонажей: *Евгений, Параша, Всадник Медный*;
- 2) Имена реальных лиц: *Петр, Карамзин, Хвостов*;
- 3) Имена предисловия и примечаний: *В. Н. Борх, Альгаротти, Вяземский, Мицкевич, Милорадович, Бенкендорф, Рубан, Oleszkiewicz*.

7.2. Передача антропонимов в переводах

Передача антропонимов поэмы «Медный всадник» будет рассмотрена нами в следующих переводах:

- немецкие переводы: В. Грегера [Puschkin 1999], Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II], А. Лупуса [Puschkin 1898];
- латышский перевод: Я. Плаудиса [Puškins 1968 III].

7.2.1. Имена вымышленных персонажей

1. Особенности формы.

При передаче ИС данной группы используются следующие соответствия:

А. С. Пушкин	<i>Евгений</i>	<i>Параша</i>	<i>Всадник Медный</i>
В. Грегер [Puschkin 1999]	<i>Eugen</i>	<i>Parascha</i>	<i>der Eherne Reiter</i>
Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]	<i>Eugen</i>	<i>Parascha</i>	<i>der Eherne Reiter</i>
А. Лупус [Puschkin 1898]	<i>Eugen</i>	<i>Parascha</i>	<i>der eh'rne Reiter</i>

Я. Плаудис [Puškins 1968 III]	<i>Jevgeņijs</i>	<i>Paraša</i>	<i>Vara Jātnieks</i>
----------------------------------	------------------	---------------	----------------------

Все немецкие переводчики для передачи ИС *Евгений* используют в качестве эквивалента ИС *Eugen*, которое не является традиционным соответствием, а просто параллельным именем, входящим в немецкий именник [Duden. Das grosse Vornamenlexikon 1998: 106]. Имена *Евгений* / *Eugen* находятся в таких же отношениях, как *Екатерина* и *Katharina*. Нам представляется, что для именования пушкинского героя предпочтительнее было бы использовать ономастическое соответствие, чтобы это ИС не вызывало у читателя «своих, немецких» ассоциаций. Но, с другой стороны, в некоторых известных переводах «Евгения Онегина» на немецкий язык главный герой тоже назван *Eugen* (например, в переводах Й. Гюнтера – [Puschkin 1966], Т. Коммихау [Puschkin 1950 II] и др.), так что ассоциация, заданная пушкинским текстом, не нарушается. В латышском переводе подобной проблемы не возникает – для именования персонажа используется ономастическое соответствие *Jevgeņijs*.

Для передачи ИС *Параша* переводчики используют ономастические соответствия: нем. *Parascha*, лтш. *Paraša*.

ИС *Всадник Медный* – это имя, созданное А. С. Пушкиным. Все переводчики используют преобразующий перевод (в данном случае – прямой перевод) при передаче этого ИС (подробнее см. семантику). Обратим внимание, что во всех переводах, кроме перевода А. Лупуса [Puschkin 1898], эквивалент маркирован как ИС – дан с прописной буквы.

2. Семантика ИС.

ИС *Евгений* происходит от греческого *eugenos* – 'благородный' и входит в русский именник [Петровский 1995: 128]. Ономастические соответствия *Jevgeņijs* и *Eugen*, использованные в переводах, входят в латышский [Silipš 1990: 180] и немецкий [Александрова 2000: 69] именник.

ИС *Евгений* вызывает интерес уже в связи с повышенным вниманием А. С. Пушкина к нему, что отражается и в тексте поэмы:

Мы будем нашего героя

Звать этим именем. Оно

Звучит приятно; с ним давно

Мое перо к тому же дружно [IV: 277].

ИС *Евгений* и для А. С. Пушкина к моменту создания «Медного всадника», и для читателя А. С. Пушкина – это имя, связанное в первую очередь с его романом в стихах «Евгений Онегин», на что указывают процитированные строки. На этот факт обращает

внимание и А. Лупус, который создал подробный комментарий к своему переводу «Медного всадника» [Lupus 1898: 58]. А. Л. Слонимский отмечает, что в «Медном всаднике» нет ни одной нейтральной в звуковом и ритмическом отношении строчки, так велика роль звукописи [1963: 300]. В этой связи важно отметить и рифмы к имени *Евгений* у А. С. Пушкина, оно три раза дается в рифму:

... *Евгений*

... *заснуть не мог*

В волненье разных размышлений [IV: 277]

... *Евгений*

Стремглав, не помня ничего,

Изнемогая от мучений,

Бежит... [IV: 283]

Но бедный, бедный мой Евгений...

Увы! его смятенный ум

Против ужасных потрясений

Не устоял [IV: 284].

Рифмующиеся слова *размышлений-мучений-потрясений* представляют в сжатой форме судьбу *Евгения*, а, рифмуясь с именем, распространяют на это имя и заложенные в них значения.

В переводе Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] имя *Eugen* дважды рифмуется со словом *gehen* 'идти':

gehen – 'sich zu Fuß fortbewegen' [DWDS].

В переводе Я. Пладиса [Puškins 1968 III] нет никаких рифм с ИС *Jevgeņijs*, у В. Грегера [Puschkin 1999] нет рифм имени *Eugen* со знаменательными словами, а в переводе А. Лупуса [Puschkin 1898] находим лишь одну рифму *Eugen* – *vergeh(e)n* ('проходить, прекращаться', 'умирать'):

vergehen - 1. 'dahinschwinden' 2. geh. 'sterben, dahinscheiden' [DWDS].

Данная рифма в смысловом отношении хорошо соотносится с рифмами оригинала, но одной рифмы все же недостаточно, чтобы создать стилистический эффект, подобный оригинальному. Поэтому можно сказать, что указанный ассоциативный пласт в переводах в целом утрачивается.

ИС *Парашиа* встречается у А. С. Пушкина уже в «Домике в Коломне». В §6, посвященному «Домику в Коломне», мы уже писали, что *Парашиа* – краткая форма имени

Прасковья, которое обладает социальной характеристикой – оно воспринимается как имя народное. Выбор имени в данном случае подчеркивает, что *Параша* и ее жених – маленькие обитатели петербургских окраин. Он подчинен авторскому замыслу, центральной проблеме произведения, которая заключается в столкновении сознания «малого» человека с непреодолимым и жестоким ходом вещей [Томашевский 1990а: 247].

А. Лупус дает комментарий к этому ИС, в котором указывает на полную форму имени *Parasskevia / Parasskovia* [Lupus 1898: 59]. Нам представляется, что читателя перевода необходимо также информировать о социальной характеристике имени, т.к. эта информация является фоновой, но важной для понимания текста.

ИС *Всадник Медный* именуется статуей Петра I в Петербурге, статуей оживающую и действующую. ИС *Всадник Медный* – это имя, созданное А. С. Пушкиным. *Всадник Медный* замещает *Петра*, символизирует его величие, но это и другая сторона его величия. Русский читатель воспринимает неоднозначность фигуры *Петра*, показанную в поэме в двух разных образах (*Петр – Всадник Медный*), это часть фоновых знаний, что можно наблюдать, например, в фольклоре. В русском эпосе *Петр I* – „первый император на земле, белый царь, православный царь, полковничек с Преображенского, капитан бомбардирский“ [Кондратьева 1967: 30]. Эпосом отмечается умение *Петра* слушать простых людей, народную мудрость. Но народ не обольщается *Петром*: тяжело строить Петербург, тяжело рыть Ладожский канал, горька доля солдатская, высказанная в рекрутских плачах. *Петр* жесток на расправу, народ симпатизирует его жертвам [там же].

Сравним контексты с ИС *Всадник Медный* и его эквивалентами в переводах:

За ним несется Всадник Медный

На звонко-скачущем коне [IV: 286]

Erhoben Arms der Eherne Reiter

Auf dröhnend galoppierendem Roß ... [Puschkin 1999: 286]

Sprengt hinter ihm der Eherne Reiter

Auf dem laut galoppierenden Roß. [Puschkin 1949 II: 439]

Auf eh'rnem Ross der ehr'ne Reiter,

Der Mond-beschiene Gigant [Puschkin 1898: 25]

Bez mitas auļojošā zirgā

Aiz viņa Vara Jāmiēks trauc. [Puškins 1968 III: 388].

По-немецки *der Eherne Reiter* – стало устойчивым соответствием, оно зафиксировано и в словаре [НПС 1993: 242].

Латышский эквивалент *Vara Jātnieks* создан из лексем *varš, jātnieks*:

varš – ‘ķīmiskais elements – sarkanīgs, viegli kaļams un stiepjams, kas labi vada elektrību un siltumu’ [LLVV 1972 VIII: 321] – медь,

jātnieks – ‘cilvēks, kas jāī’ [LLVV 1972 IV: 27] – всадник.

Читателю перевода необходим комментарий к образу и ИС *Всадник Медный*. Во всех рассматриваемых изданиях поэмы, кроме издания Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II], необходимый комментарий приведен в примечаниях издателей.

3. Функция ИС.

ИС *Евгений* и *Параша* называют главных героев поэмы. Оба ИС уже встречались в творчестве А. С. Пушкина и поэтому выполняют функцию характеристики и создания литературных ассоциаций, которая может быть выполнена в переводах при наличии соответствующего комментария. ИС *Параша* выполняет, как и в поэме «Домик в Коломне» (см. § 6), функцию стилистической градации. ИС *Евгений*, благодаря участию в рифмах, выполняет функцию акцентуации. Обе последние функции не реализуются в анализируемых переводах в полной мере. ИС *Всадник Медный* выполняет функцию символа (деяний *Петра*). ИС *Всадник Медный* и *Петр* выполняют функцию констелляции, что осознается и читателем переводов, в том числе и благодаря издательскому комментарию к поэме, содержащему информацию о памятнике *Петру* в Петербурге.

7.2.2. Имена реальных лиц поэтического текста

1. Особенности формы.

При передаче ИС реальных лиц использованы ономастические соответствия:

А. С. Пушкин	<i>Петр</i>	<i>Карамзин</i>	<i>Хвостов</i>
В. Грегер [Puschkin 1999]	<i>Peter</i>	<i>Karamsin</i>	<i>Chwostow</i>
Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II]	<i>Peter</i>	<i>Karamsin</i>	<i>Chwostow</i>
А. Лунус [Puschkin 1898]	<i>Peter</i>	<i>Karamsin</i>	<i>Chwostof, Chwostoff</i>
Я. Плаудис [Puškins 1968 III]	<i>Pēteris</i>	<i>Karamzins</i>	<i>Hvostovs</i>

В качестве эквивалентов ИС *Петр* переводчики используют традиционные ономастические соответствия: нем. *Peter* [Александрова 2000: 158], лтш. *Pēteris* [Siliņš

1990: 261]. ИС *Карамзин* передается по-немецки как *Karamsin* – через *s*, что позволяет произносить эту фамилию так, как она произносится в оригинале – [karamzin].

Написание *Chwostof / Chwostoff* (в поэтическом тексте с одним *f*, а в комментарии с двумя *ff*) не соответствует современным правилам передачи ИС в переводе, наличие такого написания объясняется временем создания перевода А. Лупуса [Puschkin 1898], а также тем фактом, что существуют собственно немецкие фамилии на *-off* [Унбегаун 1989: 269], так что в данном случае это еще и адаптация фамилии *Хвостов* в немецком языке.

2. Семантика ИС.

ИС *Петр* происходит от греческого *petra* – ‘скала, утес, каменная глыба’ [Петровский 1995: 237]. В поэме ИС *Петр* – имя русского царя *Петра I*. Б. В. Томашевский отмечает, что поэма явилась результатом размышлений А. С. Пушкина об историческом значении реформ *Петра* и развитии новой, постпетровской России [1977: 429]. *Петр* появляется в пушкинском тексте во вступлении к поэме, которое как бы противостоит основной части, поскольку здесь главной темой является историческая значимость дел *Петра*. Вступление выдержано в приподнятом одическом стиле, с примесью славянизмов (*град, топи блат* и т.д.). *Петр* предстает как создатель своего города. Б. М. Гаспаров [1999: 293] указывает, что в картину созданного города вплетается мотив камня («гранита»):

В гранит оделася Нева;

Мосты повисли над водами... [IV: 275]

Люблю тебя, Петра творенье,

Люблю твой строгий, стройный вид,

Невы державное течение,

Береговой ее гранит. [IV: 275].

«Соположение имени *Петра* и мотива камня отсылает к имени первоапостола и к его миссии основания церкви. ... Связь символики имени *Петра* и образа камня – в данном случае камня набережной, ограждающей водную стихию, - как символа «города Святого *Петра*» являлась общим местом одической традиции, идущей из XVIII века и посвященной основанию Петербурга» [Гаспаров 1999: 293]. В переводах ближайшие контексты сохраняют соположение ИС *Петр* и образа камня:

Ich lieb dich, Schöpfung Peters, deine

Gestrenge, einheitliche Pracht,

In dem granitenen Gesteine

Der Newa königliche Macht... [Puschkin 1999: 274]

*Ich lieb dich, Peters Werk, vor allen,
 Ich lieb dein Bild so streng und schlank,
 Der Newa majestätisch Wallen
 Durch den granitnen Uferhang...* [Puschkin 1949 II: 426]

*Dich, Peters Werk, lieb' ich vor allen,
 Lieb' deiner Züge ernsten Schnitt,
 Der Newa majestätisch Wallen
 Und ihre Ufer von Granit ...* [Puschkin 1898: 4]

*Es mīlu Pēterpili stalto
 Un stingro skaudrā veidolā
 Un Ņevas krastus granītkaltos,
 Un straumi cēlā plūdumā.* [Puškins 1968 III: 373].

Это соположение достигается при помощи лексических средств:

Granit, der – ‘weitverbreitetes, körniges, sehr hartes Gestein aus Feldspat, Quarz und Glimmer, das in der Natur flache Kuppen, Bänke und Rücken bildet’ [DWDS] – гранит,
graniten – ‘aus Granit’ [DWDS] – гранитный,

Gestein, das – ‘die Erdkruste aufbauendes, durch geologischen Prozeß gebildetes Gemenge aus Mineralien’ [DWDS] – камни,

granīts – ‘magmatiskais dziļuma iezis, kura galvenās sastāvdaļas ir kvarcs, laukšpati un tumšie minerāli’ [LLVV 1972 III: 126] – гранит,

kalt – ‘ar triecieniem apstrādāt (plastisku materiālu, parasti metālu)’ [LLVV 1972 IV: 110] – ковать.

Однако культурные ассоциации *Петр* – Святой *Петр*, ставшие частью петербургского мифа в русской культуре, заслуживают, на наш взгляд комментария для читателя перевода этой поэмы.

ИС *Карамзин* – имя *Николая Михайловича Карамзина* (1766-1826), выдающегося писателя и литературного деятеля, главы русского сентиментализма, автора «Писем русского путешественника», сразу поставивших его во главе нового литературного направления, повести «Бедная Лиза». С 1804 года, получив звание историографа, *Н. М. Карамзин* прекращает всякую литературную работу, «постригаясь в историки». В 1816 выпускает первые восемь томов «Истории государства российского», разошедшиеся в течение трех с половиной недель. В последующие годы выходят еще три тома «Истории», и появляется ряд переводов ее на главнейшие европейские языки.

Незаконченный XII том был издан после смерти *Н. М. Карамзина* [ЛЭ 1929-1939 V: 107-116].

ИС *Карамзин* появляется в поэме А. С. Пушкина в связи с тем, что А. С. Пушкин не называет фамилии своего героя *Евгения*. Сравним контексты в оригинале и переводах:

*Прозванья нам его не нужно.
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало* [IV: 277]

*Den Zunamen will ich nicht sagen,
Obgleich er in vergangner Zeit
Umleuchtet war von Ruhmesstrahlen
Und unter Karamsins Geleit
Erklang in unseren Annalen...* [Puschkin 1999: 276]

*Sein weitrer Name ist nicht nötig, -
Wenn er auch vormals immerhin
Vielleicht in unsrem Lande glänzte
Und in dem Werk von Karamsin
Die Taten unsrer Vorwelt kränzte...* [Puschkin 1949 II: 429]

*Der Zunam bleibt hier ausser Spiele;
Hat auch vor Zeiten das Geschlecht
Im Felde oft sich ausgezeichnet,
Und ist's bei Karamsin mit Recht
Auf manchem Ehrenblatt verzeichnet...* [Puschkin 1898: 7]

*Un tãpēc uzvārdu teikt lieki.
Kaut agrāk – senie laiki zin –
To slavas košums apmirdzēja,
Kad spalvu tvēra Karamzins,
Tas tautas teiksmās ieskanēja ...* [Puškins 1968 III: 376].

ИС *Карамзин* в данном контексте – это имя автора «Истории государства российского», автора «родных преданий». Этот факт прокомментирован у А. Лупуса [Lupus 1898: 58] и в

издании Г. Рааба, где помещен перевод В. Грегера [Raab 1999: 395], а в двух других переводах комментария нет. Однако для понимания текста эта энциклопедическая информация является необходимой.

ИС *Хвостов* – имя графа *Дмитрия Ивановича Хвостова* (1756-1835), стихотворца, члена «Беседы любителей русского слова» и Российской Академии, с 1807 сенатора. В литературных кругах имя *Хвостова* было нарицательным для обозначения плодовитого графомана. Известны многочисленные (в особенности «арзамасские») пародии и эпиграммы на *Хвостова*, осмеивавшие беспомощность и стилистическую какофонию его стихов [Черейский 1989: 473-474]. В поэме А. С. Пушкин иронично пишет о нем:

*Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов* [IV: 284].

В переводах этот контекст передан так:

*... Der Graf Chwostow,
Ein Dichter, den die Musen lieben,
Hatte in Versen schon beschrieben
Der Newa-Ufer Schreckenstag.* [Puschkin 1999: 283]

*... Der Dichter nahm
Zur Hand den Griffel überschwänglich,
Und Graf Chwostow schrieb unvergänglich
Bereits der Newa-Ufer Gram.* [Puschkin 1949 II: 436]

*Der Götterliebbling Graf Chwostof
Hat in elegischen Accorden,
Durch die ersterblich er geworden,
Besungen schon denselben Stoff ...* [Puschkin 1898: 20]

*Grāfs Hvostovs nemirstīgos pantos,
Ko tālas ļaužu audzes mantos,
Jau postu apdzejoja šo.* [Puškins 1968 III: 385].

Чтобы понять, что за этими строками скрывается ирония, необходимо обладать фоновой информацией. А. Лупус [Lupus 1898: 85-86] и Г. Рааб [Raab 1999: 396]

предоставляют читателю перевода такую информацию. В остальных переводах ирония не будет воспринята читателем, не обладающим сведениями о графе *Хвостове*.

3. Функция ИС.

ИС *Петр* и *Карамзин* связаны с культурными ассоциациями, передать которые в переводе можно при помощи комментария. ИС *Петр* вместе с ИС *Всадник Медный* выполняет также функцию констелляции (см. выше). ИС *Хвостов* как имя пушкинского современника участвует в создании колорита эпохи, а также выполняет функцию создания иронии. Для передачи этих функций в переводе также необходим комментарий.

7.2.3. Имена предисловия и примечаний

1. Особенности формы.

Авторы всех рассматриваемых нами переводов перевели и предисловие к поэме, в котором упоминается ИС *В.Н. Берх*. Пушкинские примечания к «Медному всаднику» переданы в переводах лишь частично. В издании Ю. Ванагса [Puškins 1968], содержащего пушкинские примечания к остальным текстам, авторские примечания к «Медному всаднику» не переданы. Это, по всей видимости, техническая ошибка, т.к. в конце тома помещены комментарии издателя, куда входит и комментарий к некоторым пушкинским примечаниям этой поэмы.

В издании Г. Рааба [Puschkin 1999], где помещен перевод В. Грегера, пушкинские примечания переведены почти полностью, но они располагаются в конце тома и чередуются с примечаниями издателя. Й. Гюнтер [Puschkin 1949 II] помещает почти все пушкинские примечания в сносках. А. Лупус создает обширный и информативный переводческий комментарий [Lupus 1898: 29-90], помещает пушкинские примечания в сносках, но не переводит все авторские примечания. Таблица соответствий ИС предисловия и примечаний выглядит следующим образом:

А. С. Пушкин	[Puschkin 1999]	[Puschkin 1949 II]	[Puschkin 1898]	[Puškins 1968 III]
<i>Альгаротти</i>	<i>Algarotti</i>	<i>Algarotti</i>	<i>Algarotti</i>	<i>Algarotti</i>
<i>Вяземский</i>	-	-	-	?
<i>Мицкевич</i>	<i>Mickiewicz</i>	<i>Mickiewicz</i>	<i>Mickiewicz</i>	?
<i>Oleszkiewicz</i>	<i>Oleszkiewicz</i>	<i>Oleszkiewicz</i>	<i>Oleszkiewicz</i>	<i>Oleszkiewicz</i>
<i>Милорадович</i>	-	-	-	?
<i>Бенкендорф</i>	-	-	-	?
<i>Рубан</i>	<i>Ruban</i>	<i>Ruban</i>	<i>Ruban</i>	?
<i>В.Н. Берх</i>	<i>W. N. Berch</i>	<i>W. I. Berch</i>	<i>W. N. Berg / Berch ?</i>	<i>V. I. Berhs</i>

Как видим, отсутствуют в переведенных примечаниях одни и те же ИС. Это объясняется тем, что переводчики видят в пушкинском комментарии не органичную часть художественного целого, а дополнительную информацию, которая может помочь при восприятии текста. Таким образом, если они считают, что эта информация не является необходимой (а иногда может и усложнить понимание текста), то они ее и не передают. Например, к строкам:

Одна заря сменить другую

Спешит, дав ночи полчаса. [IV: 275], -

А. С. Пушкин делает комментарий: «Смотри стихи кн. Вяземского к графине З***» [IV: 288]. Переведя это пушкинское примечание, переводчику необходимо делать свой комментарий, потому что это примечание содержит новую фоновую информацию. То же и с именами *Милорадович* и *Бенкендорф*. К строкам:

Царь молвил – из конца в конец,

По ближним улицам и дальным,

В опасный путь средь бурных вод

Его пустились генералы... [IV: 280], –

А. С. Пушкин дает примечание: «Граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф» [IV: 288], которое переводчики предпочитают проигнорировать.

Из ономастических соответствий, используемых переводчиками, обращает на себя внимание ИС *Mickiewicz* в немецких переводах – оно дано по-польски, ср. [Po]u ĩrařvārdū... 1998: 72]. Таким образом, имя польского поэта и героя его стихотворения *Oleszkiewicz* проще связываются воедино в восприятии читателя, т.к. оба имени написаны по-польски. Для передачи ИС *Oleszkiewicz* переводчики переносят имя в исходной форме в текст перевода.

При передаче ИС *В.Н. Берх* переводах Й. Гюнтера [Puschkin 1949 II] и Я. Плаудиса [Puřkins 1968 III] происходит ошибка (видимо, техническая) – один из инициалов передан неверно. А. Лупус [Puschkin 1898] адаптирует фамилию к немецкому языку (*Berg*), но в комментарии все-таки помещает ономастическое соответствие со знаком вопроса (*Berch*?).

2. Семантика ИС.

Как и в «Полтаве», А. С. Пушкин создает собственные примечания к тексту, в которые включаются и некоторые ИС. Кроме того, поэма начинается с краткого предисловия, в котором сообщается, что описанное в поэме происшествие основано на истине, а «любопытные могут справиться с известием, составленным *В.Н. Берхом*» [IV: 273].

Б. В. Томашевский указывает, что для описания наводнения 7 ноября 1824 года А. С. Пушкин обратился к журнальным сообщениям, в частности к статье Булгарина, напечатанной в книге *Берха* [Томашевский 1977: 430]. Упоминание этой фамилии А. С. Пушкиным нуждается сегодня в комментарии и для русского, и для иностранного читателя. Комментарий, содержащий фоновую информацию, предоставляют читателю перевода издателя Г. Рааб [Raab 1999: 395], Ю. Ванагс [Vanags 1968 III: 634] и переводчик А. Лупус [Lupus 1898: 29].

Как указывает Ю. М. Лотман [2000: 236], предисловие и примечания в «Медном всаднике» построены как научный текст. Чужие тексты даны в виде ссылок. Читателю предлагается ознакомиться с материалами *Берха*, стихами *Вяземского*, *Мицкевича*. Сама форма чисто научная: «Смотри описание памятника в *Мицкевиче*» [Пушкин IV: 288]. Современному русскому читателю необходим комментарий к данным ИС. Большинство ИС примечаний прокомментированы Б. В. Томашевским [Томашевский 1977] в научном издании сочинений А. С. Пушкина [Пушкин 1977]:

Альгаротти (1712-1764) – итальянский литератор, посетивший Россию в 1739 году и издавший письма о России, где и находится цитируемая А. С. Пушкиным в примечаниях фраза;

Рубан В. Г. – мелкий поэт XVIII века, написавший стихи о памятнике *Петру*, пользовавшиеся большой известностью;

Oleszkiewicz – имя польского художника, жившего в Петербурге. А. Мицкевич написал о нем поэму «*Oleszkiewicz*» [Томашевский 1977: 430].

Остальные ИС пушкинских примечаниях в комментарии Б. В. Томашевского не приводятся, видимо, потому, что они лучше знакомы русскому читателю. Приведем энциклопедическую информацию о носителях этих ИС:

Бенкендорф А. Х. (1781–1844) – шеф корпуса жандармов и начальник III отделения Ее Императорского Величества канцелярии, генерал-адъютант. После вызова А. С. Пушкина из ссылки в Москву и аудиенции у Николая I (8 сентября 1826) *Бенкендорф* стал посредником в отношениях царя с поэтом [Черейский 1989: 35-36];

Милорадович М. А. (1771–1825) – участник Отечественной войны, генерал от инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор (1818-1825). Убит 14 декабря 1825 года на Сенатской площади П. Г. Каховским. [Черейский 1989: 264-265];

Адам Мицкевич (1798–1855) – польский поэт. В произведениях А. С. Пушкина и А. Мицкевича, в переписке, дневниках и воспоминаниях современников сохранились многочисленные свидетельства о встречах русского и польского поэтов. Личное знакомство их состоялось в середине октября 1826 года [Черейский 1989: 266-267];

Петр Андреевич Вяземский, князь (1792-1878) – поэт, журналист и литературный критик, один из главных участников литературного общества «Арзамас», знавший А. С. Пушкина еще ребенком [Черейский 1989: 88-89].

Читатель перевода нуждается в комментарии к данным ИС для того, чтобы воспринять пушкинский текст. В издании Г. Рааба [Puschkin 1999], где помещен перевод В. Грегера, предлагается комментарий к ИС *Рубан*, в переводе А. Лупуса [Puschkin 1898] дан подробный переводческий комментарий к ИС *Рубан*, *Oleszkiewicz*, *Mickiewicz*, *Ruban*, в издании Ю. Ванагса [Puškins 1968], где помещен перевод Я. Плаудиса, дан комментарий к ИС *Альгаротти*, *Рубан*, *Oleszkiewicz* (хотя, как было указано, сами пушкинские примечания, содержащие эти ИС, в данном переводе не приводятся). Й. Гюнтер [Puschkin 1949] переводческого комментария не создает.

3. Функция ИС.

ИС предисловия и примечаний выполняют функцию создания диалогичности, аналогично тому, как это происходит и в некоторых других поэмах А. С. Пушкина. Для того чтобы эта функция реализовалась в переводах, необходимо, как минимум, передать в переводах пушкинские примечания, что лишь частично осуществляется в анализируемых переводах. Кроме того, ИС этой группы выполняют функцию создания литературных и культурных ассоциаций (*Мицкевич*, *Oleszkiewicz*, *Вяземский*, *Альгаротти*, *Рубан*), а также функцию создания колорита пушкинской эпохи (*Милорадович*, *Бенкендорф*, *Вяземский*, *Берх*), что может быть передано в переводах при наличии комментария.

В антропонимиконе «Медного всадника», для которого важна историческая проблематика, как и для «Полтавы», нет такого явного преобладания имен исторических лиц. Среди имен вымышленных персонажей одно создано самим А. С. Пушкиным (*Всадник Медный*), а два других (*Евгений*, *Параша*) являются ИС, входящими в русский именник, и отмечены тем, что использовались А. С. Пушкиным и ранее. Две другие группы антропонимов поэмы составляют имена реальных лиц и имена предисловия и примечаний.

При передаче ИС переводчики использовали следующие виды эквивалентов: ономастические соответствия (для передачи олицетворяющих имен и имен примечаний), прямой перенос имени в исходной форме, если это имя написано латиницей (*Oleszkiewicz*), преобразующий перевод – для имени, созданного А. С. Пушкиным и имеющего живую внутреннюю форму (*Всадник Медный*). ИС *Eugen*, использованное в качестве эквивалента к *Евгений* в немецких переводах, является, видимо, уже традиционным соответствием для именованья пушкинских персонажей, что связано с широкой известностью другого

пушкинского *Евгения – Евгения Онегина*, который в некоторых немецких переводах назван *Eugen Onegin*. В ономастических соответствиях, созданных переводчиками, проблемными оказываются те же позиции, что и в переводах, проанализированных нами в предыдущих главах (например, неточная с современной точки зрения передача фамилий на –ов: *Chwostof / Chwostoff* в раннем по времени создания немецком переводе А. Лупуса).

При передаче семантики ИС в переводах имена реальных лиц поэтической части текста и имена предисловия и примечаний нуждаются в комментарии, содержащем энциклопедическую информацию о носителях этих ИС. Для большого количества ИС этих групп комментариев необходим и сегодняшнему читателю оригинала. Другие проблемы передачи семантики ИС связаны с ИС *Параша*, где необходимо передать социальную характеристику, заложенную в данном имени, и с ИС *Евгений*. Данное ИС в пушкинском тексте за счет рифмующихся слов наделяется дополнительными смыслами, которые в переводах сохранить не удалось.

ИС поэмы «Медный всадник» выполняют следующие функции:

1. Характеристика персонажа (*Параша, Евгений*),
2. Создание литературных и культурных ассоциаций (*Параша, Евгений, Мицкевич, Карамзин, Вяземский* и др.),
3. Стилистическая градация (*Параша*),
4. Акцентуация (*Евгений*),
5. Конstellляции (*Всадник Медный – Петр*),
6. Символ (*Всадник Медный*),
7. Создание колорита пушкинской эпохи (*Хвостов, Бенкендорф, Милорадович*),
8. Создание диалогичности (ИС предисловия и примечаний),
9. Создание иронии (*Хвостов*).

Литературные и культурные ассоциации, связанные с русской культурой, колорит пушкинской эпохи наилучшим образом переданы в переводах, содержащих комментарий, т.к. передача этих функций опирается на фоновую информацию. При передаче функции диалогичности основной проблемой является изначальное отношение переводчиков к пушкинским примечаниям, что мы видели и в переводах других поэм А. С. Пушкина, содержащих авторский комментарий (см. § 3, § 5).

Заключение

Проведенное в данной диссертации исследование функционирования литературной антропонимии в сказках и поэмах А. С. Пушкина и в переводах этих произведений на немецкий и латышский языки позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Антропонимические системы русского, латышского и немецкого языков имеют много общего, как в своем составе, так и в функционировании (наличие личного имени и фамилии как компонентов антропонимической формулы, двухосновных дохристианских, общих христианских и общих заимствованных личных имен, существование формантов, маркирующих женские и мужские личные имена, общих моделей образования фамилий и др.). В ситуациях межкультурной коммуникации, например, при переводе, это дает возможности для поиска подходящего эквивалента. Но при этом необходимо учитывать и особенности каждой из систем (например, наличие отчества в русском языке и нескольких личных имен в латышском и немецком языках, разный статус полных, кратких и экспрессивных форм личных имен, разную структуру вежливой формы). Особенно значимой в процессе перевода станет прагматическая сторона антропонимов, вертикальные контексты, в которые включены антропонимы переводимого текста и которые должны быть учтены переводчиком.

2. В художественном тексте, где все стремится быть мотивированным, та же установка характеризует и антропонимы. Литературные антропонимы вместе с другими языковыми средствами участвуют в создании картины мира писателя. Включаясь в различные контексты, ИС становится важным звеном структурно-содержательной, тематической, композиционной стороны произведения. ИС становится структурообразующим элементом художественного текста, актуализируя свои экспрессивные возможности на любом языковом уровне. ИС художественного текста – это ИС в речи, соответственно их семантика богаче, чем семантика ИС в языке. Кроме того, семантика ИС художественного текста обогащается художественно-изобразительными «приращениями» смысла [Виноградов 1981]. Описывая ИС художественного текста, необходимо учитывать тот факт, что логика объективного отношения ИС к художественной структуре целого – логика подчас потенциальная для читателя.

3. В языке А. С. Пушкина образовали органичное единство церковнославянизмы, европеизмы, элементы живой русской национально-бытовой речи, а стили мировой литературы составили арсенал художественных форм, при посредстве которых поэт воплощал различные темы и сюжеты. Синтезирующий характер пушкинского творчества как основная черта его индивидуального стиля проявляется и в выборе и

функционировании ИС, которые встречаются в его произведениях. Антропонимический состав пушкинских сказок и поэм объемён и многообразен. Это ИС, связанные с темой Востока, античной культурой, ИС исторических лиц, писателей и художников, ИС, связанные с русским фольклором, с русской и мировой литературой, а также обычные для русского антропонимикона имена и фамилии.

4. Передача ИС в переводе связана с проблемами межъязыкового и межкультурного заимствования и часто приводит к возникновению лакун. Основными способами передачи ИС в переводе являются: прямой перенос имени в исходной форме в текст перевода, ономастическое соответствие, комментирующий перевод, уточняющий перевод, описательный перевод, преобразующий перевод. В проанализированных переводах сказок и поэм А. С. Пушкина на немецкий и латышский язык представлены все указанные способы передачи ИС.

5. Самый частотный способ передачи антропонимов в переводах – это использование **ономастического соответствия**. Этот способ применяется для передачи ИС главных и второстепенных персонажей, а также для упоминаемых ИС.

6. При использовании ономастических соответствий переводчики сталкиваются с проблемой передачи отдельных графем или буквосочетаний, фонетических особенностей русского языка и проблемой адаптации ИС в принимающем языке. Для немецких переводов нами были отмечены в связи с этим следующие проблемные позиции передачи формы ИС:

- передача буквосочетания *ai* (*Наина*). Для того чтобы показать, что буквосочетание *ai* не обозначает дифтонг, переводчик использует диакритический знак: *Naïna*;
- передача *c* в позиции перед гласным (*Елисей* передано как *Jelissej*, где *-ss-* необходимо для правильного прочтения имени);
- передача буквосочетания *-ей* (*Кочубей, Гирей, Елисей*). Переводчики, использующие буквосочетание *-ei*, провоцируют на неправильное прочтение имени с [ai] на конце;
- передача графемы *я*, которая непоследовательно осуществляется в ранних переводах (ИС *Котляревский* передано то как *Kotlerevsky*, то как *Kotlärevsky*);
- передача фамилий на *-ов* (*Ермолов*). В системе транскрипции эти фамилии должны передаваться по-немецки с *-ow* на конце, а в системе транслитерации - с *-ov*. В более ранних по времени создания переводах в тексте могут встречаться обе формы, что ведет к нарушению тождества имени. Кроме того, в некоторых переводах мы видели адаптацию этих фамилий к немецкому языку, когда переводчики передавали *Хвостов* как *Chwostoff*, *Шафиров* как *Schafiroff*;

- передача фамилий на *-ский* (*Котляревский*). В некоторых (более ранних) переводах такие фамилии передавались с *-sky* на конце, хотя по правилам транскрипции должны иметь на конце *-ij*, а по правилам транслитерации - *-i*;
- передача графемы *ш* в ранних переводах (*Дорошенко* передано как *Doroshenko*);
- передача русского *ё*. Из-за того что *ё* в русских текстах почти всегда обозначается как *е*, возникла проблема при передаче ИС *Матрена*, которое передано как *Matrena*;
- передача грамматических особенностей. Антропонимы в русском языке, так же как и другие имена существительные, при склонении получают окончания. Форма ИС *Батыя* – это форма родительного падежа от именительного *Батый*. Поэтому форма *Batija* в немецком переводе – результат переводческой ошибки.
- написание иноязычных фамилий. Согласно орфографическим правилам немецкого языка, иноязычные фамилии записываются в оригинальной графике, поэтому ИС *Брюс* передано как *Bruce*, *Ламартин* – как *Lamartine*;
- адаптируясь к принимающему языку, некоторые ИС приобретают в переводе двойные согласные: *Шлиппенбах* - *Schlippenbach*, *Мазена* – *Maseppa*.
- адаптируясь к немецкому языку, женские ИС могут иметь окончания *-a / -e* (*Maria / Marie*).

Для латышских переводов мы отмечали следующие позиции:

- мужские имена и фамилии, адаптируясь к грамматическому строю латышского языка, получают окончания (*Руслан* - *Ruslans*, *Фарлаф* – *Farlafs*, *Цицианов* - *Cicianovs*);
- фонетически адаптируясь к принимающему языку, ИС часто меняют ударение (*Fárlafs*, *Rátmirs*). Обращая внимание на произношение ИС в оригинале, переводчики могут сделать ударный в оригинале гласный долгим в тексте перевода, используя знак долготы (*Girējs*, *Zarēma*, *Zemfira*);
- передача фамилий на *-ский / -ская*. Согласно современным требованиям, такие фамилии передаются в латышском языке с *-skis / -ska* на конце. Но в более раннем по времени создания переводе мы наблюдали непоследовательность в передаче ИС *Дульская* (*Duļska / Duļskaja*);
- современные правила передачи ИС в латышском языке не предусматривают особых обозначений для мягких *б* и *р* русского языка, они должны передаваться твердыми *b* и *r*. Желанием передать мягкость согласных можно объяснить наличие эквивалентов *Забела* - *Zabiela*, *Реннин* – *Riepņins* в раннем по времени создании переводе.

В целом можно отметить, что проблемы графической передачи ИС связаны в основном со временем создания перевода, когда еще не были разработаны правила соответствий и переводчики руководствовались собственной интуицией.

7. Для передачи ИС, входящих в некоторые тематические группы, используется такой вид ономастического соответствия, как **традиционное соответствие**. Это ИС из античной мифологии (*Феб, Диана, Орфей*), имена известных писателей (*Парни*), библейские имена (*Христос, Иуда*), имена знаменитых исторических лиц (*Петр, Карл*).

8. Передача обычных ИС, входящих в русский именник, и их дериватов при помощи ономастических соответствий тоже сопряжена с рядом трудностей. Мы это могли видеть на примере переводов «Графа Нулина» и «Домика в Коломне». Формы имя + отчество (*Наталья Павловна*), краткие (*Наташа*), экспрессивные (*Пашенька, Филька*) формы имени имеют свое значение в языке оригинала. Передавая при помощи ономастических соответствий характерные для русского языка формы имен и сохраняя при этом национальный колорит, переводчик рискует нарушить в читательском восприятии тождество имени. Передавать все формы личных имен оригинала при помощи ономастических соответствий, на наш взгляд, можно, особенно, если это имена главных персонажей, но тогда необходим переводческий комментарий, в котором можно разъяснить, что это формы одного ИС.

9. **Комментирующий перевод** является необходимым в том случае, когда ИС обладает в языке оригинала фоновой информацией. Мы видели, что переводчики прибегают к комментарию ИС, связанных с фольклором (*Лель, Баба-Яга*), русской литературой (*Баян*) и историей (*Ермолов*). Важную роль играет комментарий также применительно к ИС, употребленным в переносном значении (*северный Орфей = Жуковский*). Создание обширного комментария к переводам, как это осуществлено в изданиях Г. Рааба [Puschkin 1999] и Ю. Ванагса [Puškins 1968], мы считаем рациональным решением, поскольку всю фоновую информацию такой насыщенной поэмы, как, например, «Полтава», невозможно вместить непосредственно в художественный текст.

10. **Уточняющий перевод**, так же как и комментирующий, призван предоставить читателю перевода дополнительную информацию, но уже непосредственно в тексте. Мы могли видеть, что при помощи уточняющего перевода переводчики удачно решают данную задачу (нем. *Gott Lel – Лель, Batu-Chan – Батый*). Но иногда решение использовать уточняющий перевод продиктовано необходимостью следовать заданному стихотворному размеру (лтш. *Gvidonkņazs, Saltancars*).

11. Используя **описательный перевод** – т.е. заменяя ИС именем нарицательным или словосочетанием – переводчик должен иметь в виду, что он, адаптируя текст для читательского восприятия, удаляется от оригинала, т.к. ИС художественного текста имеют свою эстетическую задачу. Поэтому активное использование данного способа, как мы это видели в переводе «Полтавы» Р. Липперта [Puschkin 1840], отказавшегося от

использования многих имен исторических лиц, может привести к искажению авторского замысла – в данном случае: к утрате исторического колорита.

12. Преобразующий перевод использовался, в основном, для передачи антропонимов пушкинских сказок, отличительной чертой которых является связь ИС с характером, внешностью, поведением героя. Половина имен сказок является «говорящими», что во многом предопределяет переводческое решение – использование преобразующего перевода (*Балда* – нем. *Trottel, Lummel, Flegel*, лтш. *Muļķa Antulis*, *Черномор* – лтш. *Melnjūrs, Jūras-vecis*, *Бес* – лтш. *Jods*, *Чернавка* – лтш. *Melnūksne*, *Лебедь* – нем. *Schwan*, лтш. *Gulbe*).

Однако использование преобразующего перевода может привести и к искажению авторского замысла. В переводе Р. Липперта [Puschkin 1840] *Салтан* называется *Silvan*, *Гвидон* – *Harald*, а *Бабариха* – *Sibylle*, что уводит читателя в сторону от оригинала, лишает сказку ее национального колорита и даже включает ее в круг западноевропейских сказок и легенд.

13. Прямой перенос имени в исходной форме в текст перевода применяется по отношению к антропонимам, которые в пушкинском тексте написаны по-французски (*Potier, d'Arlincourt*), по-английски (*Byron*), по-польски (*Oleszkiewicz*). Коннотации иноязычности, связанные с этими именами в оригинале, переносятся таким образом и в текст перевода.

14. Передача семантики ИС в переводах затруднена в тех случаях, когда ИС обладают фоновой информацией, известной только носителю языка (например, имена, обладающие живой внутренней формой – *Людмила, Ратмир*, имена, связанные с фольклором, русской литературой и русской историей). Особого внимания к передаче своей семантики требуют от переводчиков упоминаемые ИС. Они называются в тексте всего один-два раза, привнося в текст огромный пласт информации, стоящий за ними. Наиболее удачно передать семантику таких ИС можно при помощи комментария. Создание переводческого (или издательского) комментария является удачным решением особенно в том случае, когда жанровая специфика текста (например, исторической поэмы) вполне допускает обширное комментирование.

15. При передаче семантики антропонимов сказок переводчики должны были принять решение о том, переводить (в прямом смысле) или нет «говорящее» имя, и часто выбор делался в пользу прямого перевода как варианта преобразующего перевода.

16. Семантика ИС художественного текста расширяется, благодаря участию ИС в узком и широком контексте. Обогащение значения ИС за счет их участия в рифмах

(*Дадон – сон – пробужден; Евгений – мучений – размышлений*), за счет столкновения значений ИС и нарицательного (*Карл – карла; баба Бабариха*), актуализации этимологии (*Кочубей*), участия в постоянных контекстах (*царь Салтан, князь Гвидон*) – все это распространяет на ИС дополнительные значения, которые должны быть учтены в переводе. Передать возникающие в художественном тексте «приращения смысла» переводчики стараются, опираясь на ближайший контекст, рифмы или создавая комментарий.

17. Антропонимы сказок и поэм А. С. Пушкина выполняют в тексте различные функции:

1. Характеристика персонажа:

- ИС характеризует носителя имени (*Нулин, Черномор, Руслан, Черномор, Балда, Бес, Гирей, Алеко, Зарема, Кочубей, Параша*),
- ИС характеризует другого персонажа (ИС французских актеров и писателей служат характеристикой графа *Нулина*; *Иуда* как характеристика *Мазепы*; *Эмин, Рембрандт*),

2. Локально-временная характеристика:

- характеристика места действия в узком смысле (*сад Черномора ... прекраснее садов Армиды...*; *Наталья Павловна, Филька, Васька, Параша*),
- создание «экзотического» локального колорита (*Алеко, Земфира, Мариула, Гирей, Зарема*),
- создание русского национального колорита (*Людмила, Ратмир, царь Дадон, князь Гвидон, Мстислав, Ермолов, Наталья Павловна, Филька, Васька, Параша*),
- создание фольклорного колорита (*Баба-Яга, Лель, Елисей, Салтан, Лебедь, Бес, Бабариха, Мария*),
- создание восточного колорита (*Шехеразада, Салтан, Шамаханская царица, Гирей*),
- создание колорита пушкинской эпохи (*Орловский, Вальтер-Скотт, Беранжер, Россини, Хвостов, Бенкендорф, Милорадович*),

3. Конstellляция (*Ратмир, Рогдай, Фарлаф; Карл – Петр, Всадник Медный – Петр*),

4. Акцентуация (*Наина, Дадон, Бабариха, Гирей, Мариула, Зарема, Евгений*),

5. Создание литературных и культурных ассоциаций (*Парни, Мельпомена, Шамаханская царица, Мария, Лукреция, Тарквиний, Наталья Павловна, Байрон*),

6. Функция обобщенно-символического или условного имени (*Лидида, Дорида, Лидин, Элиза, Арман*),

7. Исторический колорит (*Мстислав, Батый, Ермолов, Цицианов* и др. имена исторических лиц),
8. Диалогизм (ИС примечаний и предисловия).
9. Создание коннотаций иноязычности (*Potier, d'Arlincourt*),
10. Функция стилистической градации (*Наталья Павловна – Наташа, Параша, Филька, Васька, Маврушка, Пашенька*),
11. Создание иронии (*Тарквиний, Лукреция, Феб, Диана, Хвостов*).
12. Символ (*Всадник Медный*).

Данный список функций ИС в сказках и поэмах А. С. Пушкина не претендует на роль конечного списка функций ИС художественного текста, т.к. подобная классификация является, по нашему мнению, принципиально открытой.

18. Наибольшие трудности в переводах вызвала передача функций создания русского национального, фольклорного и исторического колорита, а также колорита пушкинской эпохи и создания тех литературных ассоциаций, которые связаны с русской литературой (ИС *Баян; Орфей* – о В. А. Жуковском), т.к. реализация этих функций в тексте оригинала опирается на фоновую информацию, известную носителю языка. К проблемным аспектам относится и передача функции стилистической градации, т.к. реализующие ее краткие (*Параша*) экспрессивные формы личных имен (*Пашенька, Феклуша, Мавруша, Маврушка*) характерны для русского языка и регулярны в нем, а в латышском и немецком литературном языке такой регулярности форм не наблюдается.

Функция диалогизма, которую выполняют ИС примечаний, в некоторых переводах не реализуется, т.к. в них не переданы сами примечания.

19. В передаче антропонимов и литературных антропонимов в переводе можно обнаружить много общего, т.к. большую часть литературных антропонимов составляют включенные в художественный текст антропонимы языка. Ряд особенностей передачи антропонимов сказок и поэм А. С. Пушкина в немецких и латышских переводах связан со спецификой поэтического текста. Мы отмечали, что некоторые переводческие решения были обусловлены необходимостью считаться с метром и ритмом оригинала.

20. Анализируя передачу антропонимов в переводах сказок и поэм А. С. Пушкина, мы могли видеть, что способ передачи связан с типом антропонима: для «говорящих» имен используется в основном преобразующий перевод, а для классифицирующих, олицетворяющих имен и имен, обладающих звуко-символизмом – в основном ономастическое соответствие. Для олицетворяющих имен частотным способом является также комментирующий перевод, что связано, однако, не напрямую с типом

олицетворяющих имен, а с тем, что в рассматриваемых нами текстах олицетворяющие имена – это имена, имеющие отношение к русской истории и обладающие фоновой информацией.

21. Время создания перевода также накладывает отпечаток на передачу антропонимов. В более ранних по времени создания как немецких, так и латышских переводах мы могли наблюдать иногда непоследовательность переводчиков в выборе графем, более «вольное» отношение к авторскому тексту, которое выражалось в замене имен главных персонажей (перевод «Сказки о царе Салтане...», сделанный Р. Липпертом), в пропуске отдельных пушкинских примечаний или в полном отсутствии перевода пушкинских примечаний.

В заключение нужно отметить, что ИС долгое время находились вне сферы внимания переводчиков, что было связано с устоявшимся стереотипом в отношении ИС, которые, будто бы, переводятся «сами собой», автоматически. В нашем анализе мы стремились показать, что это далеко не так. ИС, а также ИС художественного текста заслуживают, несомненно, внимания и сами по себе, вне связи с переводом. ИС художественного текста участвуют в создании картины мира писателя. В связи с этим целостный анализ ИС всех пушкинских произведений еще ждет своего исследователя. Кроме того, изучение языка А. С. Пушкина как прецедента культуры вообще и как прецедента русской национальной культуры может быть очень плодотворным именно в аспекте сопоставления с переводами на другие языки, т.к. такая точка зрения на язык раскрывает и его функциональную сторону, и его национальную специфику.

Список анализируемых антропонимов

«Руслан и Людмила».

<i>Амур</i>	<i>Кашей</i>	<i>Парни</i>
<i>Армида</i>	<i>Киприда</i>	<i>Ратмир</i>
<i>Баба-Яга</i>	<i>Климена</i>	<i>Рогдай</i>
<i>Баян</i>	<i>Лель</i>	<i>Руслан</i>
<i>Вадим</i>	<i>Лида</i>	<i>Соломон</i>
<i>Владимир</i>	<i>Людмила</i>	<i>Фарлаф</i>
<i>Гимен</i>	<i>Мельпомена</i>	<i>Феб</i>
<i>Дельфира</i>	<i>Наина</i>	<i>Фидий</i>
<i>Диана</i>	<i>Омер</i>	<i>Финн</i>
<i>Дорида</i>	<i>Орловский</i>	<i>Цитерея</i>
<i>Досада</i>	<i>Орфей</i>	<i>Черномор</i>
<i>Зоил</i>	<i>Паллада</i>	<i>Шахеразада</i>

Сказки.

<i>Бабариха</i>	<i>Дадон</i>	<i>Чернавка</i>
<i>Балда</i>	<i>Елисей</i>	<i>Черномор</i>
<i>Бес</i>	<i>Лебедь</i>	<i>Шамаханская царица</i>
<i>Гвидон</i>	<i>Салтан</i>	

Романтические поэмы.

<i>Алеко</i>	<i>Ермолов</i>	<i>Митридат</i>
<i>Анакреон</i>	<i>Жуковский</i>	<i>Мстислав</i>
<i>Бакунин</i>	<i>Заира</i>	<i>Н. Н. Раевский</i>
<i>Батый</i>	<i>Зарема</i>	<i>Потоцкая</i>
<i>Владимир (Удалый)</i>	<i>Земфира</i>	<i>Потоцкие</i>
<i>Воейков</i>	<i>Зубов</i>	<i>Редедя</i>
<i>Гаджи Селим-Гирей</i>	<i>И. М. Муравьев-Апостол</i>	<i>Сади</i>
<i>Гирей</i>	<i>Керим</i>	<i>Селамид-Гирей</i>
<i>Гирей</i>	<i>Керим-Гирей</i>	<i>Семирамида</i>
<i>Державин</i>	<i>Котляревский</i>	<i>Цицианов</i>
<i>Диана</i>	<i>Мариула</i>	<i>К**</i>
<i>Екатерина II</i>	<i>Мария</i>	<i>М.</i>
	<i>Менгли</i>	<i>N. N.</i>

«Граф Нулин».

<i>Арман</i>	<i>Марс</i>	<i>Россини</i>
<i>Беранжер</i>	<i>Наташа, Наталья Павловна</i>	<i>Тальма</i>
<i>Вальтер-Скотт</i>	<i>Нулин</i>	<i>Тарквиний</i>
<i>Васька</i>	<i>Параша</i>	<i>Фальбала</i>
<i>Гизот</i>	<i>Пер</i>	<i>Филька</i>
<i>Ламартин</i>	<i>Пикар, Picard</i>	<i>Элиза</i>
<i>Лидин</i>	<i>Потье, Potier</i>	<i>d'Arlincourt</i>
<i>Лукреция</i>		

«Полтава».

<i>Август</i>	<i>Кочубей, Василий Леонтьевич Кочубей</i>
<i>Байрон, Вугон</i>	<i>Мазепа</i>
<i>Бантыш-Каменский</i>	<i>Мария</i>
<i>Богдан</i>	<i>Матрена</i>
<i>Боур</i>	<i>Меншиков, Данилыч</i>
<i>Брюс</i>	<i>Обидовский</i>
<i>Булавин</i>	<i>Орлик, Филипп Орлик</i>
<i>Войнаровский</i>	<i>Палей, Симеон Палей</i>
<i>Гамалей</i>	<i>Петр, Петр I, Петр Великий</i>
<i>Головкин</i>	<i>Ретнин</i>
<i>Гордеенко, Костя Гордеенко</i>	<i>Розен</i>
<i>Даниил</i>	<i>Самойлович, Григорий Самойлович</i>
<i>Дорошенко</i>	<i>Станислав</i>
<i>Дульская</i>	<i>Сусанна</i>
<i>Забела</i>	<i>Христос</i>
<i>Заленский</i>	<i>Чечель</i>
<i>Иван Скоропадский</i>	<i>Шафиров</i>
<i>Искра</i>	<i>Шереметев</i>
<i>Иуда</i>	<i>Шлиппенбах</i>
<i>Казы-Гирей</i>	<i>Voltaire</i>
<i>Карл, Карл XII, Charles XII</i>	

«Домик в Коломне».

Вера Ивановна

Диана

Мавра, Мавруша, Маврушка

Наполеон

Параша, Пашенька

Рембрандт

Тамерлан

Феб

Фекла, Феклуша

Шихматов

Эмин

«Медный Всадник».

Альгаротти

Бенкендорф

В. Н. Борх

Всадник Медный

Вяземский

Евгений

Карамзин

Милорадович

Мицкевич

Параша

Петр

Рубан

Хвостов

Oleszkiewicz

Источники

Произведения А. С. Пушкина и их переводы на немецкий и латышский языки

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 тт. Л.: Наука, 1977-1979.

Puschkin A. 1823 – Fragment aus dem ersten Gesange des Gedichts: Rußlan und Ludmilla. *Poetische Erzeugnisse der Russen*. In 2 Bänden. Bd.2. Riga, Dorpat. 364-374.

Puschkin A. 1823a – Der Berggefangene. Von Alexander Puschkin aus dem Russischen übersetzt. St. Petersburg.

Puschkin A. 1840 - Alexander Puschkin's Dichtungen in 2 Bänden. (Aus dem Russischen übersetzt von Dr. Robert Lippert). Bd.1. Leipzig.

Puschkin A. 1854 - Alexander Puschkin's poetische Werke, aus dem Russischen übersetzt von Friedrich Bodenstedt. In 2 Bänden. Bd.1. Berlin.

Puschkin A. 1877 – Dichtungen von Puschkin und Lermontow in deutscher Uebertragung von Andreas Ascharin. Dorpat.

Puschkin A. 1898 – Der Eherne Reiter: Eine Petersburger Erzählung von A. S. Puschkin. Deutsch von Dr. Alexis Lupus. Leipzig u. St. Petersburg.

Puschkin A. 1899 – Eugen Onegin. Roman in Versen. Deutsch von Dr. Alexis Lupus. Leipzig u. St. Petersburg.

Puschkin A. 1949 – Ausgewählte Werke. In 4 Bänden. Hrsg. und aus dem Russischen übertragen von Johannes von Guenther. Berlin.

Puschkin A. 1950 - Ausgewählte Werke in vier Bänden. Hrsg. von W. Neustadt. Moskau.

Puschkin A. 1962 – Das goldene Fischlein. Der König Soltan. Das goldene Hähnchen. Deutsche Übersetzung Dr. Erwin Walter. Berlin.

Puschkin 1966 – Gesammelte Werke. Hrsg. von Johannes von Guenther. München.

Puschkin A. 1999 – Poeme und Märchen. *Ausgewählte Werke. In 3 Bänden. Hrsg. von Harald Raab*. Bd.1. Berlin.

Puschkin A. 2001 – Das Märchen vom Zaren Saltan. Übersetzt und herausgegeben von Kay Borowsky. Stuttgart.

Puškins A. 1937 – A. S. Puškina raksti. Rediģējis H. Dorbe. Rīga.

Puškins A. 1949 – Izlase. Rīga.

Puškins A. 1949a – Namiņš priekšpilsētā. Atdzejojis A. Plensners. Libeka.

Puškins A. 1950 – Kaukaza gūsteknis. Atdzejojis K. Aizpurs. Rīga.

Puškins A. 1968 – Kopoti raksti piecos sējumos. Jūlija Vanaga redakcijā. Rīga.

Другие источники

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. В 3 т. М.: Наука, 1984-1985.

Былины. - М.: Сов. Россия, 1988. 576 с.

ДРС - Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Изд. 2, доп. М.: Наука, 1977. 488 с.

Жуковский В. А. Избранное. Л.: Художественная литература, 1973. 456 с.

Тысяча и одна ночь. Избранные сказки в 3 тт. М.: Художественная литература, 1987.

Bibel 1912 – Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testamentes nach der deutschen Übersetzung D. Martin Luthers neu durchgesehen nach dem vom Deutschen Evangelischen Kirchenausschuß genehmigten Text, 1912. См. интернет (2.04.2006.)

<http://gutenberg.spiegel.de/luther/bibel/bibel.htm>

Grimm. Sagen – Sagen der Brüder Grimm. Bern: edition amalia. См. интернет (2.04.2006.)

<http://www.maerchenlexikon.de/sagen/inhalt.htm>

KHM – Grimm J. und W. Kinder- und Hausmärchen. Bern: edition amalia. См. интернет (2.04.2006.) <http://www.maerchenlexikon.de/khm/inhalt.htm>

Šmits P. Latviešu tautas pasakas un teikas. XV sējumi, 1925-1937. См. Интернет (2.04.2006.) <http://www.ailab.lv/pasakas/>

Tausend und eine Nacht. Arabische Erzählungen. Erste werkgetreu und vollständig aus dem Urtext übersetzte Ausgabe von Dr. Gustav Weil (1865). Erlangen: Karl Müller Verlags, 1994. См. интернет (2.04.2006.) <http://gutenberg.spiegel.de/weil/1001/inhalt.htm>

Грамматики

Русская грамматика. В 2 тт. М.: Наука, 1980. 783, 709 с.

Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 6., neu bearb. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1998. 912 S.

MLLVG – Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. Sēj. 1. Rīga: LZA, 1959. 830 lpp.

Литература

Аветисян В. А. К вопросу о рецепции Пушкина в Германии. *Пушкин. Исследования и материалы: Сб-к научн. трудов.* Том 15. СПб.: Наука, 1995. С. 155-160.

Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л.: Наука, 1987. 613 с.

Альтман М. С. О собственных именах в произведениях Пушкина. *Уч. зап. Горьковского гос. ун-та.* Сер. ист.-филолог. Вып. 72, т.1, 1964. С. 377-396.

Ахматова А. А. Последняя сказка Пушкина. *Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки.* Изд. 3, испр. и доп. М.: Книга, 1989. С. 10-40.

- Бабенко Л. Г.** Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. Изд. 2. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.
- Бахтин М. М.** Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
- Белкин Д. И.** К истолкованию образа Шамаханской царицы. *Временник Пушкинской комиссии*. Л.: Наука, 1979. С. 120-124.
- Березович Е. Л.** Русская ономастика на современном этапе: критические заметки. *Известия АН. Серия литературы и языка*. Том 60, № 6. М., 2001. С. 34-46.
- Березович Е. Л.** Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999. 39 с.
- Берков В. П.** Вопросы двуязычной лексикографии: (Словник). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 191 с.
- Берков П. Н.** Пушкин в переводах на западноевропейские языки. *Вестник АН СССР*. 1937. № 2-3. С. 220-226.
- Благой Д. Д.** Творческий путь Пушкина (1826—1830). М.: Советский писатель, 1967. 723 с.
- Болотов В. И.** К вопросу о значении имен собственных. *Восточнославянская ономастика*. М.: Наука, 1972. С. 333-345.
- Бондалетов В. Д.** Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
- Бондалетов В. Д., Данилина Е. Ф.** Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах. *Антропонимика*. М.: Наука, 1970. С. 194-200.
- Бонди С. М.** Поэмы Пушкина. *А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10 тт. Том 3*. М.: Худ. лит., 1975. С. 433-467.
- Бонди С. М.** Рождение реализма в творчестве Пушкина. *Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исследования*. М.: Худ. лит., 1978. С. 5-168.
- Булаховский Л. А.** Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика; Морфология; Ударение; Синтаксис. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1954. 468 с.
- Булгаков С. Н.** Философия имени. М.: КаИр, 1997. 330 с.
- Валгина Н. С.** Теория текста: Учебное пособие. М.: МГУП «Мир книги», 1998. 210 с.
- Валеев Т. К.** Новые книги по ономастике. *Русский язык в школе*. 1991. № 4. С. 78 - 84.
- Васченко В.** Библиография по русской антропонимике (работы, изданные за рубежом с 1860 по 1969 г.). *Восточнославянская ономастика*. М.: Наука, 1972. С. 357-363.
- Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 411 с.

- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 4, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
- Веселова Н. А.** Имя в жизни и в литературе. *Литературный текст: проблемы и методы исследования IV: Сборник научных трудов*. Тверь, 1998. С. 21-25.
- Виноградов В. В.** Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М., Л.: Academia. 1935. 457 с.
- Виноградов В. В.** Стиль «Пиковой дамы». *Пушкин. Временник пушкинской комиссии*. Т.1. М.; Л., 1936. С. 74-147.
- Виноградов В. В.** Стиль Пушкина. М.: ГИХЛ, 1941. 619 с.
- Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.
- Виноградов В. В.** Проблема образа автора в художественной литературе. *Виноградов В. В. О теории художественной речи*. М.: Высшая школа, 1971. С. 105-211.
- Виноградов В. В.** Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
- Виноградова Н. В.** Имя литературного персонажа: Материалы к библиографии. *Литературный текст: проблемы и методы исследования*. Вып. 4. Тверь, 1998. С. 157-197.
- Винокур Г. О.** Филологический исследования. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 452 с.
- Винокур Г. О.** О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. 448 с.
- Винокур Г. О.** Пушкин и русский язык. *О языке художественной литературы*. М.: Высшая школа, 1991a. С. 158-179.
- Винокур Г. О.** Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина. *О языке художественной литературы*. М.: Высшая школа, 1991b. С. 228-297.
- Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 229 с.
- Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
- Гаспаров Б. М.** Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999. 400 с.
- Гаспаров М. Л.** Очерк истории русского стиха. Изд. 2, дополн. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 352 с.
- Гончарова Е. А.** Лингвистические средства создания образа персонажа в художественном тексте. *Лингвистические исследования художественного текста: Межвуз. сб-к науч. трудов*. Л.: ЛГПИ, 1983. С. 85-98.

Григорьев А. Изучение русской литературы в ГДР (1945-1958). *Русская литература*. 1959. № 3. С. 204-214.

Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии. Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М.: Наука, 1965. 223 с.

Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина. *Поэтическая фразеология Пушкина*. М.: Наука, 1969. С. 5-292.

Григорьева А. Д. Язык лирики Пушкина 1830-х годов. *А. Д. Григорьева, Н. Н. Иванова. Язык лирики XIX века. Пушкин. Некрасов*. М.: Наука, 1981. С. 3-219.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.

Дамбе В. Варианты латышских имен. *Антропонимика*. М.: Наука, 1970. С. 218-219.

Данилевский Р. Ю. О переводах поэзии и драматургии А. С. Пушкина на немецкий язык. *А. С. Пушкин. Избранная поэзия в переводах на немецкий язык*. Москва: Рудомино, Радуга, 1999. С. 5-14.

Дорогая В. Б. Имя собственное и нарицательное в системе именовании персонажа (роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина»). Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1985. 22 с.

Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.

Ершофф Г. О двух первых переводах на немецкий язык поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник». *Проблемы пушкиноведения: Сб-к науч. трудов*. Рига: ЛГУ, 1983. С.126-132.

Ершофф Г. О первых переводах на немецкий язык поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». *Пушкин и русская литература: Сб-к науч. трудов*. Рига: ЛГУ, 1986. С. 136-146.

Ершофф Г. Прижизненная известность Пушкина в Германии. *Временник пушкинской комиссии. Сб-к науч. трудов*. Вып. 21. Л.: Наука, 1987. С. 68-78.

Жирмунский В. М. Теория стиха. Л.: Советский писатель, 1975. 664 с.

Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 423 с.

Залевская А. А. Индивидуальная «база знаний» и проблема перевода. *Перевод как процесс и как результат: Язык, культура, психология*. Калинин: КГУ, 1989. С. 29-36.

Зинин С. И., Степанова А. Г. Имена персонажей в художественной литературе и фольклоре. Библиография. *Антропонимика*. М.: Наука, 1970. С. 330-354.

Иванова Н. Н. Поэтическая «глагольная» перифраза у Пушкина. *Поэтическая фразеология Пушкина*. М.: Наука, 1969. С. 293-372.

Ильинская И. С. Лексика стихотворной речи Пушкина. «Высокие» и поэтические славянизмы. М.: Наука, 1970. 260 с.

- Ильинская И. С.** Пушкин и традиция стихотворной речи XVIII века. *Поэтика и стилистика русской литературы*. Л.: Наука, 1971. С. 111-117.
- Калакуцкая Л. П.** Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке. М.: Наука, 1984. 221 с.
- Калакуцкая Л. П.** Фамилии. Имена. Отчества. Написание и склонение. М.: Толк, 1994. 100 с.
- Калинкин В. М.** Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
- Калинкин В. М.** Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина). Донецк: Юго-Восток, 1999а. 247 с.
- Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
- Карпенко М. В.** Русская антропонимика. Одесса: Одес. гос. ун-т, 1970. 42 с.
- Карпенко Ю. А.** Пушкинский ономастикон. «Повести Белкина». *Русское языкознание*. Киев: Вища школа, 1981. Вып.2. С. 80-86.
- Кашковская М. В.** Художественное назначение французской лексики в романе А. С.Пушкина "Евгений Онегин" и вопросы ее перевода на английский язык: Автореф. дис. ... канд. филологич. наук. М.: МГУ, 1995. 27 с.
- Кнабе Г. С.** Пушкин и античность. *Русский журнал*. См. интернет (2.04.2006.) <http://old.russ.ru/edu/99-04-06/knabe.htm>
- Кожина М. Н.** Стилистика в соотношении с лингвистикой текста. *Функциональный стиль научной прозы: Проблемы лингвистики и методики преподавания*. М.: Наука, 1980. С. 3-17.
- Колесов В. В.** Русский язык А. Пушкина. *Вестник Санкт-Петербургского ун-та*. Сер. 2. Вып.1(№2). СПб., 1999. С. 34-39.
- Колшанский Г. В.** Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 150 с.
- Комарова Р.** Немецкая антропонимика. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1979. 37 с.
- Комиссаров В. Н.** Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- Комлев Н. Г.** Компоненты содержательной структуры слова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. 192 с.
- Кондратьева Т. Н.** Метаморфозы собственного имени: Опыт словаря. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1983. 110 с.
- Кондратьева Т. Н.** Собственные имена в русском эпосе. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1967. 247 с.
- Кудрявцев Ю. С.** О персонимах вообще и о словаре персонимов. *Studia Litteraria Polono-Slavica*, 5. Warszawa, 2000. С. 393-406.

- Кулакова Н. В.** Наименования одежды в языке А.С.Пушкина: Лексикографический и функционально-стилистический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 292 с.
- Кухаренко В. А.** Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
- Ларин Б. А.** Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. Л.: Худ. лит., 1974. 286 с.
- Латышев Л. К.** Технология перевода. М.: НВИ - Тезаурус, 2000. 280 с.
- Левин В. Д.** Очерк стилистики русского литературного языка XVIII - начала XIX вв. (Лексика). М.: Наука, 1964. 406 с.
- Левый И.** Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 397 с.
- Лопатин В. В. Григорян Э. А.** Три Черномора. *Русская речь*. 1985. №1. С. 124-131.
- Лосев А. Ф.** Философия имени. М.: Изд-во МГУ, 1990. 270 с.
- Лотман Ю. М.** Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 847 с.
- Лотман Ю. М.** К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (Проблема авторских примечаний к тексту). *Лотман Ю. М. Пушкин*. СПб.: Искусство-СПб, 2000а. С. 228-236.
- Лотман Ю. М.** Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». *Лотман Ю. М. Пушкин*. СПб.: Искусство-СПб, 2000b. С. 391-820.
- Магазаник Э. Б.** Ономапозтика, или "говорящие имена" в литературе. Ташкент: ФАН, 1978. 146 с.
- Мавн Ю. В.** Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 384 с.
- Марков А.** Германская литература о Пушкине. *Пушкинский сборник*. СПб., 1899. С. 636 - 650.
- Марсакова М. С.** Вариантные формы именительного падежа множественного числа у существительных мужского и среднего рода в пушкинских текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: Самарск. гос. ун-т, 2001. 24 с.
- Маршак С. Я.** Воспитание словом: Статьи. Заметки. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1961. 542 с.
- Маслова В. А.** Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
- Медведева Т. В.** Ключевые концепты лирики А. С. Пушкина: Лингвостилистический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: Самарск. гос. ун-т, 2002. 22 с.
- Митрофанова О. А.** Структурный анализ сигнификативного значения (на материале глаголов процесса мышления английского и русского языков). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 1997. 40 с.
- Михайлов В. Н.** Специфика собственных имен в художественном тексте. *НДВШ. Филологические науки*. 1987. № 6. С. 78-82.

- Моррис Ч. У.** Основания теории знаков. *Семиотика: Антология*. Изд. 2, испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45-97.
- Мукаржовский Я.** Литературный язык и поэтический язык. *Пражский лингвистический кружок*. М.: Прогресс, 1967. С. 406-431.
- Мурадян И. В.** Антропонимия прозы А. С. Пушкина. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Одесса, 1988. 16 с.
- Никитин М. В.** Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
- Никольский Н. М.** Язык сказок Пушкина. *Пушкинский юбилейный сборник*. Ульяновск: Ульяновский гос. пед. инст., 1949. С. 153-209.
- Никонов В. А.** Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.
- Никонов В. А.** Имена персонажей. *Поэтика и стилистика русской литературы*. Л.: Наука, 1971. С. 407-419.
- Никонов В. А.** Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
- Новиков А. И.** Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 214 с.
- Переволочанская С. Н.** Мифологические имена как лингво-эстетическая категория в языке А. С. Пушкина: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1997. 270 с.
- Пешковский А. М.** Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. *Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики*. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 133-161.
- Пирс Ч.** Логическое основание теории знаков. В 2 тт. СПб. : Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ, Алетея, 2000.
- Пищальникова В. А.** Проблема идиостиля: Психолингвистический аспект: Учебное пособие. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1992. 74 с.
- Плотникова В. А.** Предисловие ко 2-му изданию. *Словарь языка Пушкина в 4 тт.* 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. Т. 1. С. V-IX.
- Попов С. А.** Ономастика России: Имена собственные в нашей жизни, 2006. См. интернет (10.01.2006.) <http://www.onoma.newmail.ru/index.htm>
- Попович А.** Проблемы художественного перевода. М.: Высш. школа, 1980. 199 с.
- Поцепня Д. М.** Образ мира в слове писателя. СПб.: Изд-во С.-Пб-ого ун-та, 1997. 264 с.
- Роговер Е.** Пушкин в Германии. *Нева*. 1999. № 6. С. 199-206.
- Савина Е. В.** Взаимодействие русской и французской речевых стихий в произведениях А. С. Пушкина: Дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2001. 159 с.

- Садчикова Л. В.** Компонентный состав семантики образа лирического героя в трех циклах стихотворений А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: Воронеж: Воронеж. ун-т, 1993. 21 с.
- Салимова Л. М.** Языковая картина мира А.С. Пушкина как русской языковой личности в романе "Евгений Онегин": Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000. 198 с.
- Салупере М. Г.** Об одном раннем переводе «Бориса Годунова» на немецкий язык. *Пушкинские чтения: Сборник статей.* Таллинн: Ээсти Раамат, 1990. С. 144-154.
- Сальмон Л.** Личное имя в русском языке: Семиотика, прагматика перевода. М.: Индрик, 2002. 160 с.
- Сидоренко К. П.** Пушкинское слово в интертекстовой динамике: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 40 с.
- Сидорова О. Г.** Антропоним в тексте перевода. *Известия Уральского государственного университета*, 2001. №20. См. интернет (2.04.2006.) <http://proceedings.usu.ru/proceedings/>
- СЛИ - Системы личных имен у народов мира.** М.: Наука, 1986. 382 с.
- Слонимский А. Л.** Мастерство Пушкина. Изд. 2-ое, испр. М.: ГИХЛ, 1963. 527 с.
- Соколов А. Н.** Прагматические аспекты перевода метонимии в поэтических текстах: На материале произведений А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2004. 28 с.
- Соловьева В. С.** Система перифраз в романе А. С. Пушкина "Евгений Онегин": Структурно-функциональный аспект: Автореф. дис. докт. филол. наук. М.: Моск. гос. пед. ун-т, 1995. 36 с.
- Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю.** Текст и его национально-культурная специфика. *Текст и перевод.* М.: Наука, 1988. С. 76-84.
- Сорокин Ю. С.** О поэтическом идиолекте. Из стилистических комментариев к пушкинским поэтическим текстам («Анчар»). *Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания.* Калинин: Калининский гос. ун-т, 1977. С. 38-61.
- Сталтмане В.** Латышская антропонимия. Фамилии. М.: Наука, 1981. 228 с.
- Сталтмане В., Каганова Т.** О некоторых параллелях в латышской, литовской и эстонской антропонимии. *Baltu valodas senāk un tagad.* Rīga: Zinātne, 1985. С. 127-133.
- Степанов Ю. С.** Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. 360 с.
- Субтельний О.** Україна. Історія. Изд. 3, перераб. и доп. Киев: Либідь. 1993. 720 с.
- Суперанская А. В.** Структура имени собственного: фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 207 с.

- Суперанская А. В. Личные имена в официальном и неофициальном употреблении. *Антропонимика*. М.: Наука, 1970а. С. 180-188.
- Суперанская А. В. Эволюция взглядов на имя собственное в науке о языке. *Развитие методов топонимических исследований: Сб-к статей*. М.: Наука, 1970. С. 39-46.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
- Суперанская А. В. Эволюция теории имени собственного в Европе. *Вопросы филологии*, 2002. № 3 (12). С. 5-17.
- Суперанская А. В. Суслова А. В. Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981. 176 с.
- Суперанская А. В. Суслова А. В. О русских именах. Изд. 3-е. Л.: Лениздат, 1991. 220 с.
- Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
- Табакхьян П. В. Сопоставительная стилистика русского и немецкого фольклора. Киев: Вища школа, 1980. 152 с.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 142 с.
- Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. 254 с.
- Томашевский Б. В. Примечания. *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10тт.* Изд. 4. Т. 4. Л.: Наука, 1977. С. 409-440.
- Томашевский Б. В. Пушкин. Т. 1, 2. Изд. 2. М.: Худ. лит., 1990. 367 с., 383 с.
- Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. М.: Книга, 1990а. 672 с.
- Топоров В. Н. Заметки о латышских мифологических именах. *Onomastica Lettica: rakstu krājums*. Rīga: Zinātne. 1990. С. 200-238.
- Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин. *Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники*. М.: Наука, 1969. С. 23-121.
- Тынянов Ю. Н. Литературный факт. *Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино*. М.: Наука, 1977. С. 255-270.
- Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
- Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
- Уссар Е. Р. К принципам номинации персонажей у Пушкина. *Русская филология* 8. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. С. 277-285.
- Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. 206 с.
- Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 239 с.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для ин-тов и фак. иностр. яз. Изд. 4, перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 303 с.

- Флоренский П. А.** Имена. *Флоренский П. А. Имена*. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 449-662.
- Фомин А. В.** Литературная ономастика в России: итоги и перспективы. *Вопросы ономастики*. 2004. № 1. С. 108-120.
- Фонякова О. И.** Имя собственное в художественной картине мира писателя. *Словоупотребление и стиль писателя*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. С. 47-61.
- Фонякова О. И.** Имя собственное в художественном тексте. Учебное пособие. Ленинград: ЛГУ, 1990. 104 с.
- Цэрэндорж Ц.** Фразеология в текстах А. С. Пушкина: Состав и употребление: Дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2005. 240 с.
- Черейский Л. А.** Пушкин и его окружение. Изд. 2, доп. и перераб. Л.: Наука, 1989. 544 с.
- Чернышев В. И.** Имена действующих лиц в сказках А. С. Пушкина о царе Салтане, о золотом петушке, о мертвой царевне (Салтан, Гвидон, Дадон, Чернавка). *Чернышев В. И. Избранные труды в 2 тт.* Т. 2. М.: Просвещение, 1970. С. 71-73.
- Чернявская Е. А.** Оценка и оценочность в языке и художественной речи: На материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А. С. Пушкина: Дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2001. 270 с.
- Чуковский К. И.** Искусство перевода. М.; Л.: Academia. 1936. 222 с.
- Чхендзе В. В.** Адъективная метонимия в поэзии А. С. Пушкина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПб-ский гос. ун-т, 1992. 16 с.
- Шапир М. И.** Как звали няню Татьяны Лариной? (Из комментариев к «Евгению Онегину»). *Известия АН. Серия литературы и языка*. Том 60, № 6. М., 2001. С. 62-63.
- Шарыпкин Д. М.** Исповедь Финна в поэме "Руслан и Людмила". *Временник Пушкинской комиссии*, 1970. Л.: Наука, 1972. С. 79-91.
- Шелингер Н.** Пушкин в немецкой демократической печати (1945 – 1955). *Пушкин. Исследования и материалы*. Том 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 459- 468.
- Швейцер А. Д.** Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
- Щерба Л. В.** О понятии смещения языков. *Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность*. Л.: Наука, 1974. С. 60-74.
- Шмелева М. Н.** Архаизмы и церковнославянизмы в произведениях А. С. Пушкина и проблема их перевода на английский язык: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 238 с.
- Юркенас Ю.** Основы балтийской и славянской антропонимики. Вильнюс: UAB Ciklonas, 2003. 196 с.

- Языковая номинация** (Общие вопросы). М.: Наука, 1977. 360 с.
- Arion.** Jahrbuch der Deutschen Puschkin-Gesellschaft. Band 3. Bonn: Bouvier Verl., 1996. 329 S.
- Arion.** Jahrbuch der Deutschen Puschkin-Gesellschaft. Band 4. Bonn: Bouvier Verl., 1999. 296 S.
- Back O.** Übersetzbare Eigennamen: Eine synchronische Untersuchung von interlingualer Allonymie und Exonymie. Dritte, revid. und erweit. Aufl. Edition Praesens Verl. für Literatur- und Sprachwiss., 2002. XV, 153 S.
- Balodis P.** Faunas semantikas uzvārdi. *Onomastica Lettica: rakstu krājums*. 2. laidiens. Rīga: LU Latviešu valodas institūts. 2004. 37.-84. lpp.
- Bauer G.** Namenkunde des Deutschen. Bern, Frankfurt /Main, New York: Lang, 1985. 247 S.
- Bergmane A., Blinkena A.** Latviešu rakstības attīstība: Latviešu literārās valodas vēstures pētījumi. Rīga: Zinātne, 1986. 434 lpp.
- Blese E.** Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas. I. Vecākie personu vārdi un uzvārdi (XIII-XVI g.s.). Rīga, 1929. 357 lpp.
- Blinkena A.** (ed.) Onomastikas apcerējumi. Rīga: Zinātne, 1987. 286 lpp.
- Borg K. F.** Anmerkungen. Alexander Sergejewitsch Puschkin. *Poetische Erzeugnisse der Russen*. In 2 Bänden. Bd.2. Riga, Dorpat. 1823. S. 403-404.
- Brokāne A.** Senās Romas kultūra. *Kultūras vēsture*. LU MII Mākslīgā intelekta laboratorija, 1999. Sk. internetā (2.04.2006.) <http://www.liis.lv/kultvest/kultura/roma/teksts.htm>
- Bušs O.** Daži vērojumi par mūsdienu latviešu personvārdu dinamiku. *Latviešu valodas kultūras jautājumi*. 21. laidiens. Rīga: Avots, 1985. 149.-164. lpp.
- Bušs O.** Personvārdu izmantojums latviešu mūsdienu dzejā. *Onomastikas apcerējumi*. Rīga: Zinātne, 1987. 215.-242. lpp.
- Bušs O.** Dažas piezīmes par populārāko latvisko personvārdu dinamiku pēdēja pusgadsimta laikā. *Vārdadienu kalendārs 2000.-2003*. Rīga: Valsts valodas centrs, 1999. 494.-503. lpp.
- Bušs O.** Divcelmu personvārdi 20. gadsimtā. *Personvārdi, vietvārdi un citi vārdi: izpētes pakāpumi*. Rīga: LU Valsts valodas institūts, 2003a. 21.-23. lpp.
- Bušs O.** Jaunais gadu tūkstotis sakas ar revolūciju. *Personvārdi, vietvārdi un citi vārdi: izpētes pakāpumi*. Rīga: LU Valsts valodas institūts, 2003b. 98.-101. lpp.
- Bušs O.** Par īpašvārdu semantikas nacionālo specifiku. *Personvārdi, vietvārdi un citi vārdi: izpētes pakāpumi*. Rīga: LU Valsts valodas institūts, 2003c. 298.-303. lpp.
- Bušs O.** Par īpašvārdu tulkojamību. *Personvārdi, vietvārdi un citi vārdi: izpētes pakāpumi*. Rīga: LU Valsts valodas institūts, 2003d. 306.-307. lpp.

- Debus F.** Namen in literarischen Werken: (Er-)Findung – Form – Funktion. Mainz, Stuttgart: Steiner, 2002. 152 S.
- Die neue Rechtschreibung:** Regeln und Beispiele im Überblick. Rīga: Zvaigzne, 1997. 80 S.
- Egle K.** Puškina darbi latviski. *Puškins A. S. Izlase*. Rīga, 1949. 1050.-1060. lpp.
- Egle K.** Bibliogrāfija. *A. Puškins. Kopoti raksti piecos sējumos. Jūlija Vanaga redakcijā*. Sēj.5. Rīga: Liesma, 1970. 625.-766. lpp.
- Edelmane I.** Augu nosaukumi un personvārdi. *Latviešu valodas kultūras jautājumi*. 10. laidziens. Rīga: Avots, 1974. 62.-65. lpp.
- Fleischer W.** Die deutschen Personennamen. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. 243 S.
- Grassegger H.** Sprachspiel und Übersetzung – eine Studie anhand der Comic-Serie „Asterix“. Tübingen: Stauffenburg, 1985. 108 S.
- Kalverkämper H.** Textlinguistik der Eigennamen. Stuttgart: Klett-Cotta, 1978. 454 S.
- Kalverkämper H.** Namen im Sprachaustausch: Namenübersetzung. *Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik*. In 3 Bd. 2. Teilband. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996. S. 1018-1025.
- Kelletat A. F.** Eigennamen. *M. Snell-Hornby, H. G. Hönig, P. Kussmaul, P. A. Schmitt (Hrsg.) Handbuch Translation*. 2., verbess. Aufl. Tübingen: Stauffenburg, 1999. S. 297-298.
- Kerényi K.** Die Mythologie der Griechen. In 2 Bänden. München: dtv, 1966. 243 S., 341 S.
- Kohlheim R., Kohlheim V.** Zur Rechtschreibung der Vornamen. *Duden. Das große Vornamenlexikon*. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1998. S. 26-31.
- Kokare E.** Latviešu galvenie mitoloģiskie tēli folkloras atveidē. Rīga: Mācību apgāds NT, 1999. 200 lpp.
- Kopffhammer G.** Stilistische Funktion der Namen in Märchen und Sagen. *Namenforschung: Ein internationales Handbuch zur Onomastik*. In 3 Bänden. Band 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995. S. 573-576.
- Koss G.** Namenforschung: Eine Einführung in die Onomastik. 2. Aufl. Tübingen: Max Niemeyer, 1996. IX, 138 S.
- Kunze K.** dtv-Atlas Namenkunde: Vor- und Familiennamen im deutschen Sprachgebiet. 4., überarb. u. erweit. Aufl. München: dtv, 2003. 255 S.
- Kursīte J.** Latviešu folklorā mītu spoguļi. Rīga: Zinātne, 1996. 434 lpp.
- Lamping D.** Der Name in der Erzählung: Zur Poetik des Personennamens. Bonn: Bouvier Verl. Herbert Grundmann, 1983. 135 S.
- Laua A.** Latviešu literārās valodas fonētika. 4., pārstr. un papild. izd. Rīga: Zvaigzne ABC, 1997. 160 lpp.

- Laumane B.** Literatūra onomastikā: Avoti un pētījumi. Mētod. līdzeklis studentiem. Liepāja, 1998. 16 lpp.
- Lenk H. E. H.** Personennamen im Vergleich. Die Gebrauchsformen von Anthroponymen in Deutschland, Österreich, der Schweiz und Finnland. Hildesheim, Zürich, New York: Georg Olms Verlag, 2002. 490 S.
- Levāne K.** Kultūras attīstība Krievijā. *Kultūras vēsture*. LU MII Mākslīgā intelekta laboratorija, 2000. Sk. internetā (2.04.2006.) <http://www.liis.lv/kultvest/krievija.htm>
- Literaturkritik.** Rezensionsforum für Literatur- und Kulturwissenschaften. См. Интернет (2.04.2006.) www.literaturkritik.de
- Lupus A.** Anmerkungen des Übersetzers. *Der Eherne Reiter: Eine Petersburger Erzählung von A. S. Puschkin*. Leipzig; St. Petersburg, 1898. S. 29 - 90.
- Luther A.** Vorwort. *Puschkin A. Der eherne Reiter*. (Übertragen von Wolfgang E. Groeger). Berlin : Newa Verlag, 1922. S. 5-9.
- Mihailova I.** Babilonas gaisa dārzi. *Kultūras vēsture*. LU MII Mākslīgā intelekta laboratorija, 2001. Sk. internetā (2.04.2006.) <http://www.liis.lv/kultvest/Arhpiem/gaisad.htm>
- Namenforschung:** Ein internationales Handbuch zur Onomastik. In 3 Bänden. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995-1996.
- Neustadt W.** Anmerkungen des Herausgebers. Poeme. *Puschkin A. Ausgewählte Werke in vier Bänden*. Band 2. Moskau, 1950. S. 449-463.
- Neustadt W.** Anmerkungen des Herausgebers. Märchen. *Puschkin A. Ausgewählte Werke in vier Bänden*. Band 3. Moskau, 1950a. S. 495-498.
- Onomastica Lettica:** rakstu krājums. Rīga: Zinātne. 1990. 303 lpp.
- Onomastica Lettica:** rakstu krājums. 2. laidziens. Rīga: LU Latviešu valodas institūts. 2004. 360 lpp.
- Onomastika** mūsdienu zinātnes skatījumā : akadēmiķa Jāņa Endzelīna 131. dzimšanas dienas atceres starptaut. zin. konf. materiāli. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2004. 70 lpp.
- Osmanis J.** Nemirstības ģēnijs: Puškina dzīve, daiļrade un tulkojumi latviešu valodā. *A. Puškina. Kopoti raksti piecos sējumos. Jūlija Vanaga redakcijā*. Sēj.5. Rīga: Liesma, 1970. 442.-621. lpp.
- Pieciul E.** Stellung literarischer Personennamen im Übersetzungsprozeß. *Studia antroponymica scandinavica*. Argang 20. Uppsala: Swedish science press, 2002. S. 99-124.
- Pieciul E.** Literarische Personennamen in deutsch-polnischer Translation. Eine kontrastive Studie aufgrund von ausgewählten Prosawerken von Thomas Mann. Frankfurt/Main: Peter Lang Verl., 2003. 252 S.
- Plensners A.** Paskaidrojumi. *A. Puškina. Namiņš priekšpilsētā*. Libeka, 1949. 65.- 67. lpp.

Propyläen Weltgeschichte: Eine Universalgeschichte in 10 Bänden. Berlin; Frankfurt am Main: Propyläen, 1986.

A. S. Puškins. Bibliogrāfija. Rīga, 1974.

Raab H. Die Lyrik Puškins in Deutschland (1820 - 1870). Berlin: Akademie-Verlag, 1964. 209 S.

Raab H. Anmerkungen. *Puschkin A. Ausgewählte Werke. In 3 Bänden. Hrsg. von Harald Raab.* Bd. 1. Berlin, 1999. S. 369-398.

Rūķe-Draviņa, V. Onomastische Modelle im baltischen Sprachraum. *Actes du XIe Congrès international des sciences onomastiques, t. 2, Sofia, 28. VI - 4. VII. 1972.* Sofia: Acad. Bulgare de Sciences, 1975. 223.-227. lpp.

Rūķe-Draviņa V. Personu vārdi un vietu vārdi Kārļa Ieviņa romānā „Putras Dauķis“. *Latviešu valodas kultūras jautājumi.* 26. laidziens. Rīga: Avots, 1991. 72.-92. lpp.

Seibicke W. Die Personennamen im Deutschen. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1982. 227 S.

Siliņš K. Valodu kontaktu atspoguļojums latviešu personvārdos. *Baltu valodas senāk un tagad.* Rīga: Zinātne, 1985. 133.-141. lpp.

Siliņš K. Latviešu personvārdu cilme un attīstība. *Siliņš K. Latviešu personvārdu vārdnīca.* Rīga: Zinātne, 1990a. 10.-23. lpp.

Skulte I. Personu vārdi Bībeles tulkojumos latviešu valodā. Promocijas darba kopsavilkums. Rīga, 1999. 57 lpp.

Stolze R. Grundlagen der Textübersetzung. Heidelberg: Groos, 1982. 425 S.

Svirskā I. Senās Grieķijas kultūra. *Kultūras vēsture.* LU MII Mākslīgā intelekta laboratorija, 1999. Sk. internetā (2.04.2006.) <http://www.liis.lv/kultvest/kultura/griekija/teksts.htm>

Vanaga K. Kristietības sākumi. *Kultūras vēsture.* LU MII Mākslīgā intelekta laboratorija, 1999. Sk. internetā (2.04.2006.) <http://www.liis.lv/kultvest/krist.htm>

Vanags J. Komentāri. Poēmas. *Puškins A. Kopoti raksti piecos sējumos. Jūlija Vanaga redakcijā.* 3.sēj. Rīga, 1968. 617.-634. lpp.

Van Langendonck W. Proper names and proper lemmas. *21st International Congress of Onomastic Sciences. Abstracts. Uppsala August 19-24 2002.* Uppsala, 2002., p. 108.

Zemzare D. Piezīmes par mūsdienu latviešu personu vārdiem. *Latviešu valodas kultūras jautājumi.* 7. laidziens. Rīga: Avots, 1971. 123.-142. lpp.

Словари, энциклопедии, справочники

Александрова Т. С., Добровольский Д. О., Салахов Р. А. Словарь немецких личных имен: Происхождение. Значение. Употребление. М.: Рус. яз., 2000.

- Античная мифология**, 1997-2001. См. интернет (2.04.2006.)
<http://mythology.sgu.ru/mythology/ant/index.htm>
- Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969.
- БРБС – Большой русский биографический словарь.** Павел Калинин 1997-2006, Студия Колибри 1999-2004. См. интернет (2.04.2006.) <http://www.rulex.ru/brbs1.htm>
- Гиляревский Р. С., Старостин Б. А.** Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. Изд. 3, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. 303 с.
- Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л.** Собственное имя в русской поэзии XX века: словарь личных имен. М.: РАН, 2003. См. интернет (2.04.2006.)
<http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003/>
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка в 4 тт. М.: Рипол Классик, 2002.
- ИМС – Иллюстрированный мифологический словарь.** Перераб. и доп. изд. Калининград: Янтарный сказ, 2001.
- Кругосвет.** Энциклопедия, 2005. См. интернет (2.04.2006.) <http://www.krugosvet.ru/>
- Крюкова О. С.** Ономастикон романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин". М.: МИК, 1999.
- ЛЭ - Литературная энциклопедия.** В 11 тт. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. словарно-энцикл. изд. "Сов. Энциклопедия", 1929-1939. См. интернет (2.04.2006.)
<http://www.feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le8/le8-4472.htm>
- ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь.** М.: Сов. энциклопедия, 1990.
- МАС - Словарь русского языка:** В 4 тт. Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 4, стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1-4.
- Никонов В. А.** Словарь русских фамилий. М.: Школа-Пресс, 1993.
- Новые материалы к словарю А. С. Пушкина.** М.: Наука, 1982.
- НРС - Немецко-русский словарь.** Изд. 2. М.: Русский язык, 1993.
- Петровский Н. А.** Словарь русских личных имен. Изд. 4, доп. М.: Русские словари, 1995.
- Подольская Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2, перераб. и доп. М.: Наука, 1988.
- РНС – Русско-немецкий словарь.** Изд. 11. М.: Русский язык, 1991.
- СО – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1993.
- Справочник личных имен народов РСФСР.** Изд. 3, испр. М.: Русский язык, 1987.
- Суперанская А. В.** Словарь русских личных имен. М.: Эксмо, 2004.
- СЯП - Словарь языка Пушкина** в 4 тт. М.: ГИС, 1956 - 1961. Т. 1-4.
- СЯП - Словарь языка Пушкина** в 4 тт. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. Т. 1-4.

- Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжова А. Г.** Словарь русских личных имен. М.: Школа-Пресс, 1995.
- Bahlow H.** Deutsches Namenlexikon. München, 1967.
- Brockhaus** Enzyklopädie. In 24 Bänden. 19., völlig neu bearb. Auflage. Mannheim: F. A. Brockhaus GmbH, 1986-1994.
- Der große Duden.** Wörterbuch und Leitfaden der deutschen Rechtschreibung. 15. Aufl. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1959.
- Deutschbaltisches** biographisches Lexikon 1710-1960. Köln, Wien: Böhlau Verl., 1970.
- Deutsches** Literatur-Lexikon. Dritte, völlig neu bearb. Aufl. Bern, München: Franke Verl. Bd.6, 1978.
- Duden. Rechtschreibung** der deutschen Sprache. 21., völlig neu bearb. und erweiterte Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1996.
- Duden. Das große Vornamenlexikon.** Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1998.
- Duden. Sinn- und sachverwandte Wörter.** Wörterbuch der treffenden Ausdrücke. 2., neu bearb., erweitert und aktualisierte Auflage. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1986.
- DWDS – Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts.** См. интернет (2.04.2006.) <http://www.dwds.de/>
- EWD – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen** in 3 Bänden. Berlin: Akademie-Verlag, 1989.
- LDSR – Krišjāņa Barona „Latvju dainu” substantīvu rādītājs.** Rīga: Latviešu folkloras krātuve, 1994. Sēj. I-IV.
- LKV – Latviešu-krievu vārdnīca.** 2. izd., pārstr., papild. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība, 1963.
- LLVV 1972 – Latviešu literārās valodas vārdnīca.** 8 sējumos. Rīga: Zinātne, 1972-1996.
- LRB – Latviešu rakstniecība biogrāfijās.** 2., pārstr. un papild. izd. Rīga : Zinātne, 2003.
- Mythologie. Wikipedia. Die freie Enzyklopädie.** См. интернет (2.04.2006.) <http://de.wikipedia.org/wiki/Kategorie:Mythologie>
- Norādījumi par citvalodu īpašvārdu pareizrakstību un pareizrunu latviešu literārajā valodā.** Rīga: Zinātne, 1960-1993. Sēj. 1-15.
- Par vārdu un uzvārdu lietošanu un rakstību latviešu literārajā valodā.** Rīga: LR Valsts valodas centrs, 1999. 76 lpp.
- Poļu īpašvārdu pareizrakstība un pareizruna latviešu valodā.** 2., papild. izd. Rīga: Zinātne, 1998. 90 lpp.
- Siliņš K.** Latviešu personvārdu vārdnīca. Rīga: Zinātne, 1990.
- Wikipedia. Die freie Enzyklopädie.** См. интернет (2.04.2006.) <http://de.wikipedia.org/wiki/Hauptseite>

Сокращения

Русские сокращения

англ. - английский	нов. календ. — новое календарное
бран. - бранное	обл. - областное
вологодск. - вологодское	перен. - переносное
высок. - высокое	польск. - польский
греч. - греческий	пренебр. - пренебрежительное
др.-герм. - древнегерманский	прост. - просторечное
др.-евр. - древнееврейский	разг. - разговорное
др.-рус. - древнерусский	рус. - русский
заимств. - заимствованное	слав. - славянский
зоол. - зоологическое	ср.-в.-нем. - средневерхненемецкий
ит. - итальянский	ст.-рус. — старое русское
костр. - костромское	тех. - техническое
лат. - латинский	трад.-поэт. — традиционно-поэтическое
лтш. - латышский	тюрк. - тюркский
н.-в.-нем. — нововерхненемецкий	уничиж. - уничижительное
народно-поэт. - народнопоэтическое	устар. - устаревшее
нем. - немецкий	фр. - французский
нов. - новое	чеш. — чешский

Немецкие сокращения

arab. - arabisch	süddt. - süddeutsch
dicht. - dichterisch	techn. - technisch
franz. - französisch	türk. - türkisch
geh. - gehoben	übertr. - übertragen
hist. - historisch	umg. - umgangssprachlich
österreich. - österreichisch	ungebräuchl. - ungebräuchlich
scherzh. - scherzhaft	veralt. - veraltet
schweiz. - schweizerisch	vertraul.- vertraulich
spött. - spöttisch	

Латышские сокращения

folkl. - folklorā	poēt. — poētisks
mit. - mitoloģija	rel. - reliģija
niev. - nievīgs	sar. - sarunvalodas
novec. - novecojis	vēst. — vēsturisks